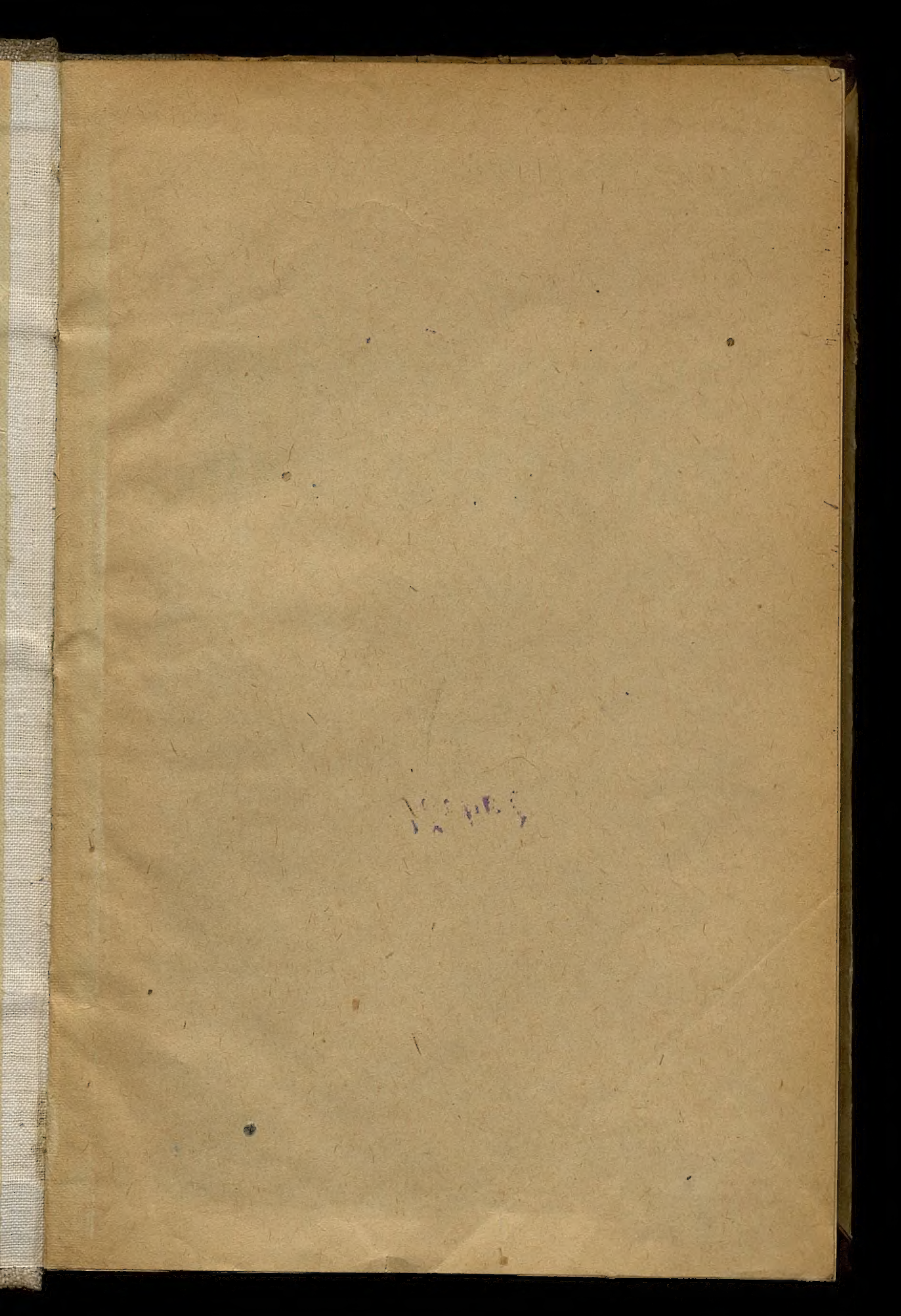
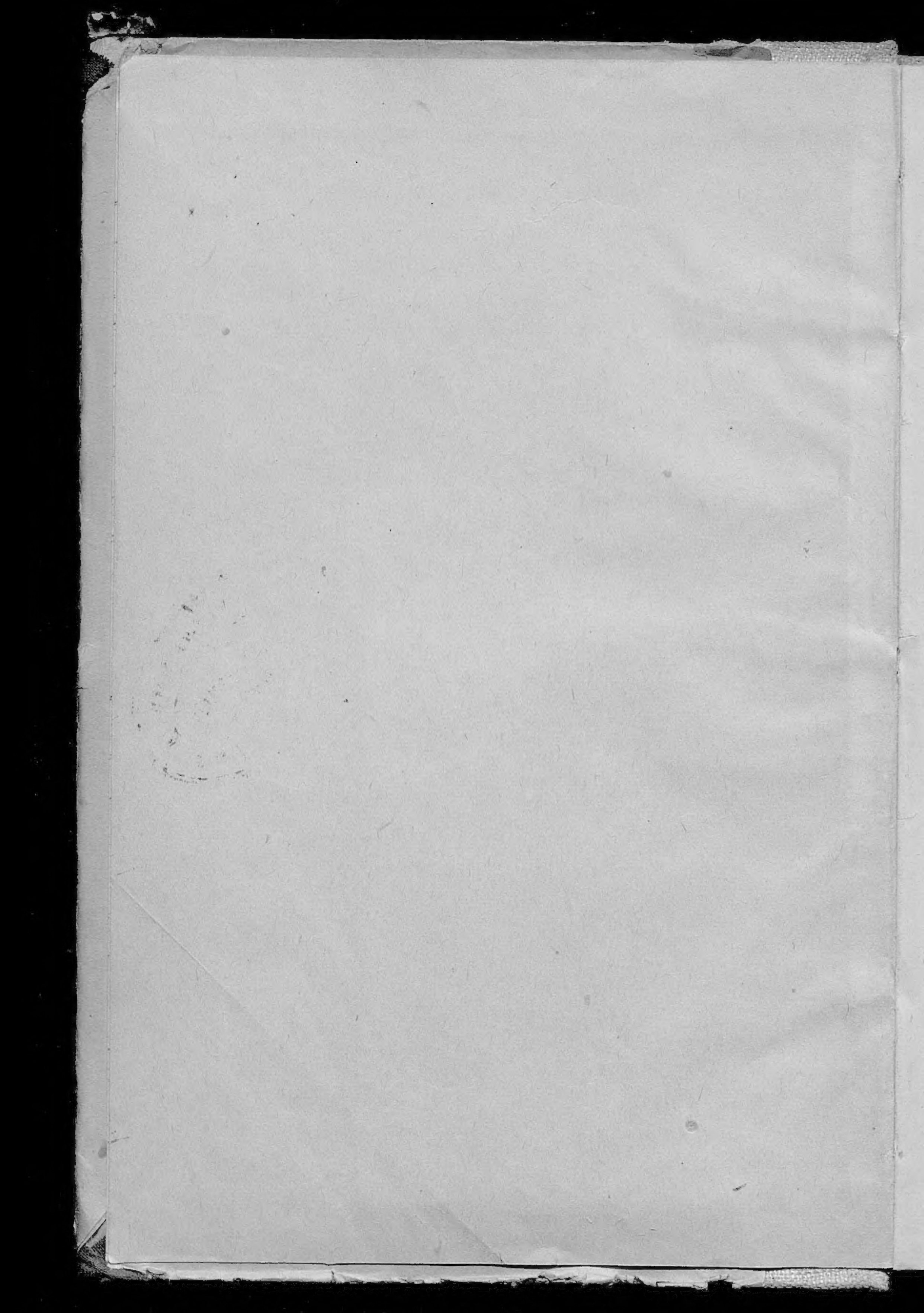
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Том II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО





А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В 2-х томах

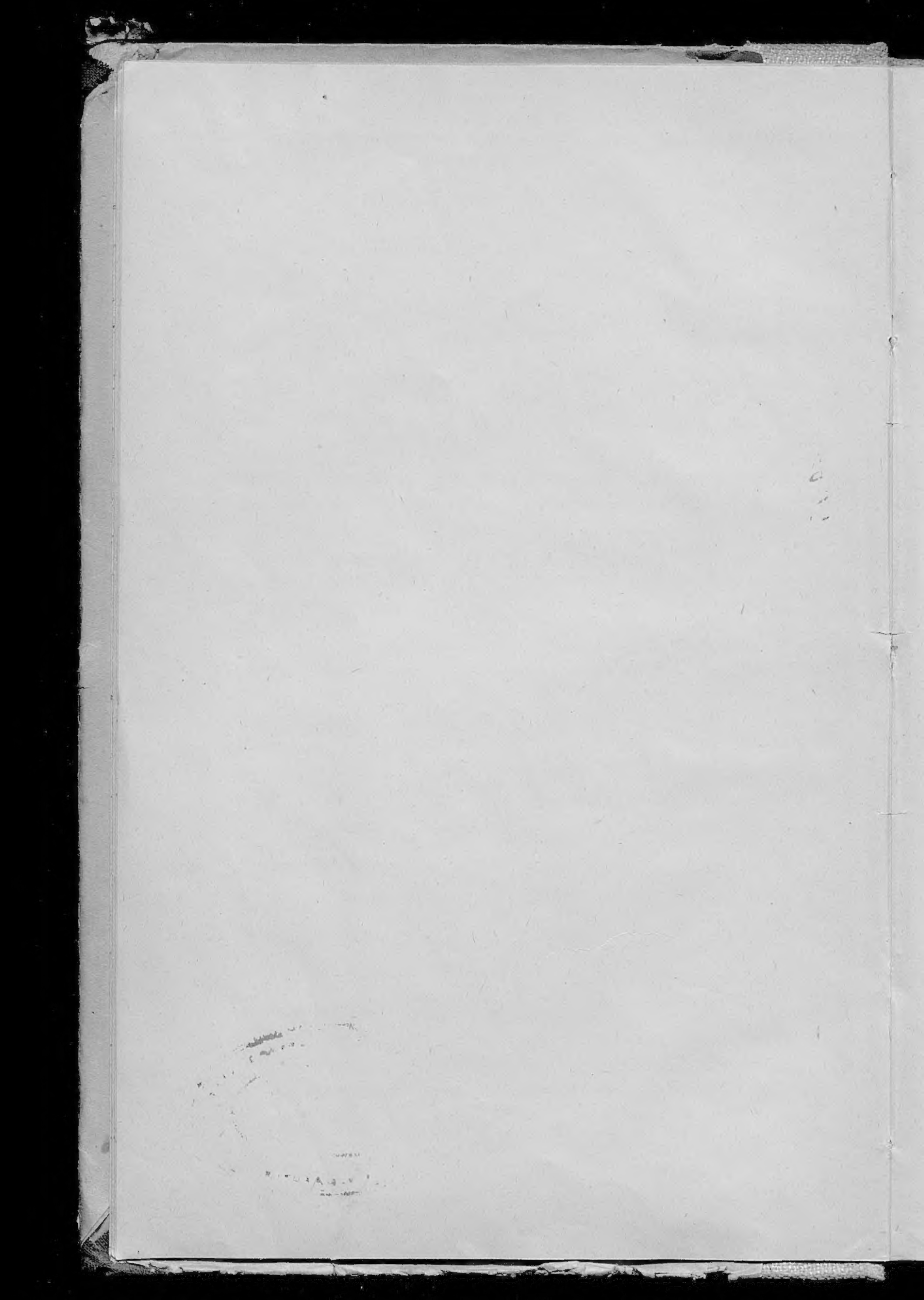
Том II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Гиз. № 4372. Главлит. № 8280. Москва. Напеч. 7.000 экз.

„Мосполиграф“. 1-я Образц. тип., Пятницк., 71.

ИВАН В РАЮ



КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Тенистый парк, как на земле. Под большим деревом стоит величественный ангел в пурпурном плаще, золотые волосы, сияют крылья лебединые, глаза задумчивые, добрые. Руками оперся на жезл. Перед ним лежит Иван на мхе, нагой. Вдруг подымается, как Адам на картине «Сотворение», — Микель Анжело.

Иван. Помер что ли? Или жив?

Ангел. Ты умер и ты жив, ибо смерти нет.

(Пауза.)

Иван *(оглядывается)*. Где я?

Ангел. В преддверии рая.

Иван. Значит, правда? Про рай?

Ангел. Правда.

Иван *(ощупывая себя)*. Голый... а как есть живой... все на месте. Это — тело ведь?

Ангел. Тело духовное.

Иван. Чем духовное?.. тело настоящее: теплое, двигается, плотное.

Ангел. Духовная плоть истинна для духовного чувства, плоть же твоя земная истлевает далеко отсюда.

Иван. Да ну?.. Чудо... *(Задумывается.)* А жена, дети?

Ангел. Живут еще в долине смерти. Ты живешь больше их, свободный от тела земного.

(Пауза.)

Иван. Увижу их?

Ангел. Когда исполнятся сроки. Но отец твой, Егорий, и мать твоя, Фелицата, — здесь, ждут тебя.

Иван. Неужто? Это славно. Я батюшку и матушку крепко люблю.

Ангел. Здесь и твой учитель, столь возлюбивший тебя, диакон Авраамий.

Иван *(смеется)*. Рад всех увидеть. Авраамий — отец честной, смешной человечек... Уж правду, что святой.

Ангел. И дева Татиана, ушедшая из тела полуотроковицей, чьими васильковыми глазами любовался, ждет тебя.

Иван. Таня...

(Пауза.)

А что же я голый?

Ангел. Лишь восхоти, одежда соткется из лучей и покроет тебя.

Иван. Надо одеться.

(Вмиг облекает его синий хитон.)

Уже?.. Диво... *(Пауза.)*
Пойдем, что ли, к ним?

Ангел. Пожди немного. Задумайся... Преклони слух к музыке сфер.

Музыка сфер поет вдалеке.

А-а-а
Эа-а-а́-а
Эла-а-а́-а
Эла-а-а́
Вечное
Преображенное
Всепросветленное
Сверхбытие.
Мнимое
Препобежденное,

Полузабытое
Капет на дно.
Чистое
Превознесенное
В бога влюбленное
Мира вино
А-а-а
Эа-а-а́-а
Эла-а-а́-а
Эла-а-а́

(Иван плачет.)

Ангел *(приближается и гладит его кудри).* Милый!

Иван. Спасибо, товарищ. Чего-то грустно стало и сладко.

Ангел. Петр идет.

(Входит Петр в простой одежде; большой сверкающий ключ у пояса.)

Петр.

Благословенье божье на тебя,
Сын добрый! Отпускаются грехи
Невольные и вольные, что словом,
Иль делом, или помышлением свершил.
Войди в любовь небесного отца
И в кущах райских пей твое блаженство.

Иван.

Я словно сплю.

Петр.

Дарует сон нам бог, и сон счастливый
Ниспослан силою всевышнего тебе.
Гряди. Ты встретишь снова милых сердцу.
Встань, Иоанн, вступи в господен дом.

(Иван встает. Тотчас же декорация меняется.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Колоннада из розового мрамора. Кипарисы. Справа с лестницы спускается Егорий, совсем молодой, величавый, в серебряной кирасе, с мечом у пояса, и Фелицата в фиолетовой мантии, вышитой золотом. За ними Авраамий, маленький старичок в черном подряснике и скуфье. С другой стороны входят: ангел, святой Петр и Иван.

Петр.

Ты, светлый воин, доблестный Егорий
И во святых благая Фелицата,
Безропотно сносили вы разлуку,
Но часто вспоминали об Иване.
Возлюбленном единородном сыне.
Се ожил Иоанн для жизни райской:
Приходит вновь в родимые об'ятья.

Егорий. Иванушка, родной, какой стал статный да красивый.

Иван. Отец? Да полно?.. Ты ли? — Я таким тебя и не знавал. Ты мне разве в сверстники годишься.

Егорий. А я тут молодым избрал быть; тут ведь у господа каждый все свои возрасты имеет и сам, избирая в лучшем, предстоит духовным очам братии по раю. Видишь ли, как мать твоя красою блистает?

Иван. Только по улыбке узнал. *(Целуются.)*

Фелицата. Вот и сомкнулись радужные круги. Теперь уже все счастье исполнилось. Боже владыко, да славится твое всепетое имя. Все сотворил на благо и все разрешил еси. Узнали мы правду свою и мудрость твою и, пав на лица, возглашаем: Свят, свят, свят.

Иван. А ты что же, отче Авраамий, даже на подряснике пятна имеешь и весь, как был, право же неказист. Тебе ведь лет под 60. Неужто ты другого обличья выбрать не мог?

Авраамий. А на што? Меня так больше любят. Ох, Иванушка, как был я дитею, — никто не любил, стал юношем, — все сторонились, особливо девушки. А вот состарился, — тут простили мне мою мешкотность, под ряской доброту оценили, тут я ласку увидел, при том и остался. Вот он, Петр-то апостол, он знает. «Отпускаются», глаголет ко мне: «грехи твои». А я ему: «Симон-Петр, иже вяжешь и разрешаешь, не разрешай меня от грехов моих. Какие мои грешишки? Грешишки мои маленькие. Бражки или медку выпить любил... Иной раз поленишься, на сене поваляешься... Ну там рыбки поешь, али что... насчет женской красоты заглядывался, правда, но не дано же было. Вожделел про себя. Так это больше страдание, нежели даже грех... Что еще?.. Оставь, говорю, ты все это у меня. Прими меня, каков я есмь. Разве уже так загрязню тебе рай Христов?»

Петр.

И обнял я тебя, юродивого в боге,
И на холме поставил над Евфратом,
Небесною рекой средь кущей пышных,
И ангелов о детских ликах хоры
Вокруг тебя кружились хороводом.
И девы, те, на коих взор украдкой
Ты робко поднимал в юдоли скорби,
Спасенные, как ты, пришли и нежно,
Как сестры младшие, тебя ласкали.

Ангел.

Райская любовь красой богата,
Знает сладость, радость поцелуя,
Роскошь нежных ласк, прикосновений,
Только злая страсть у ней от'ята:
Ибо нет здесь смерти и рождений.
Господа восхвалим, аллилуия!

Авраамий. Все правда, все правда. Облагодетельствован зело щедро. Гораздо, гораздо взыскан милостями. Знаешь ли, Ванюшечка, есть здесь, которые много были несчастнее

раба Авраамия и такожде муки свои позабыли, и как им прощено, так и они простили. Знаешь, Ванюшечка, есть такие горькие, которым прощают, и они тоже всех прощают, а богу простить не могут. Только это не надолго. Как приласкает их у себя в дивном вертограде, так восплачут, и со слезами примирятся, и возблагодарят и воспоют хвалу.

Егорий. Я — кровь свою пролил, а допрежь чужой крови сколько! И видите, — не расстаюсь с мечом, ибо служил добру. Встретил я здесь и тех, с коими жарко и в ненависти обоюдной рубился. Встретились мы в господе и взаимно простили и увидели, что сей и оный мечи святы были и единой служили мы, токмо плохо сознанной, Истине. И один гордо допытывался: почто пелена застилала взор в юдоли? Или навожденье дьявола? Почему же не запретил дьяволу господь? И рек ему святой Павел: «В слепоте усердствуя, живую одежду божью ткут все твари. За страданье же приемлете награду».

Фелицата. Сыне, архангелы грустят, взирая на нас. Блаженны, мудры и святы не по заслугам беспорочные сыны духа. Мы же становимся блаженны и мудры и святы заслугами и страстотерпством.

Егорий. Царство божье берется насилием.

Фелицата. Имеющему дается.

Егорий. Жнет, где не сеял.

Фелицата. Ина славу солнцу, ина — луне, звезда же от звезды разнствует.

Егорий. Божий мир — лествица.

(Слышны арфы и пение.)

Расцветайте, цветы, ярче расцветайте
И кадите сильней, щедро воскуряйте!
Райский плод, опьяняй соком сладко винным!
Ветер теплый, приласкай поцелуем длинным!
Глубже пой, тайны полн, наш ручей прозрачный!
Свет и тень, дай узор дивно многозначный!

Кто шепнул, будто рай — только садик тесный?
Кто отверг божий хлеб пищей слишком пресной?
Не дадим горевать в радостных селеньях,
Словно в трауре ходить в черных сожаленьях
Раскрывайтесь, цветы, красками сияйте
И кадите кругом, нежно опьяняйте!
Райский плод, помани золотым румянцем,
Теплый ветер, закружись в быстролетном танце.

(Входит Татиана в черной полупрозрачной легкой одежде с венком из лилий на голове.)

Иван. Танечка, это — я.

Татиана. Ты. Ваня... помнишь?

Иван. Как забыть!

Татиана. Умерла я рано.

Иван. Говорят, здесь по смерти-то лучше.

Татиана. Уж не знаю

Иван. Говорят, и любить можно, целовать можно, кудри шелковые гладить, дорогую свою к сердцу прижать.

Татиана. А я вот, Ванюшечка, невинная, девственница я... Отчего мне правду не сказать? — Я хотела твоею женою быть, хотела тебе сыночка родить. Да умерла рано. Говорят, у бога милости рано заслужила. Знала бы, — так согрешила бы.

Егорий *(испуганно)*. Не гоже так говорить, Таня. Огорчение с тобой: господа печалишь и все сонмы светлые.

Фелицата. Откуда это у тебя? Свято место сие: как может проникнуть сюда искушение?

Авраамий. Огорчительно сие, огорчительно.

Петр. Сколько раз всей любовью небесной исцеляли тебя, душе? Или так и не внидешь в радость господа?

Татиана. Я здесь не одна печальна.

Петр. Здесь все ликуют.

Татиана. Я здесь не одна — я печальна... ты знаешь...

Петр. О ком ты?

Татиана. В глубине рая белая стена о золотых зубцах. Нет ворот, ни калитки туда. Знаем мы, что там рай господень еще несказанней, прекрасней. Свет над садом заревом стоит дивным. И сладостно разносится душу умиляющий тихий звон; там по полянам стопами, лобызаемыми мудрыми цветами, ходят Она и Он.

Петр. Не могла ты их видать.

Татиана. Снятся мне. Ходят вместе, взявшись за руки. Мать и Сын. Ах, я люблю, люблю их за то, что они грустные. И у тебя в глазах, ангел пурпуровый, читаю я, что и ты видел неизбывную их печаль.

(Пауза.)

Разве не молились тебе, святый Петр, девы мудрые: «Изгони Татиану, чтобы не видать нам в раю черных одежд». А ты не сказал разве: «Невозможно, ибо предстательствовала о ней владычица»?

Иван. Непонятно мне все это; на сердце как-будто тревога.

Петр. Видишь ли, Татиана, как мрачишь ты радость вновь прибывшего?

Татиана. Радуйся, Иван, да, радуйтесь всяк, кто может, а если я вам мешаю, — изгоните...

(Раздается странный звук, и все словно вздрогнуло.)

Петр *(тревожно)*. Никто не должен думать здесь о внешнем.

Иван. О внешнем? О кромешном? об аде?

(Тот же звук, только громче: словно за большую струну кто-то сильно дернул, и темнеет райский сад на мгновение.)

Иван. Святые, а об аде, правда?

(Молчание.)

Иван *(шопотом)*. Правда? об аде? — Хочу знать.

Голоса. Увы, он думает о преисподней!

(Страшный свист, мрачный чадный огонь заливает полсцены в видении; Иван подбегает словно к краю бездны, откуда лязг и стон несутся, и заглядывает туда.)

Песнь из ада:

Аддай-дай
У-у-у
Грр, бх, тайдзх.
Авáу, авáу пхоф бх!
Будь проклят, будь проклят,
Родивший свет!
Творцу мирозданья
Прощения нет!
Будь проклят, премудрый,
Святой палач!
О, хаос, о, дьявол,
Над нами плачь!

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Над тихим Евфратом небесным. У берега почти необозримой голубой реки сидят молча, прижавшись друг к другу Ваня и Таня. Авраамий подходит с посошком и торбочкой. Долго стоит, вздыхает. Потом садится, вынимает бублик и грызет, щурится на солнце райское.

Авраамий. Хорошо, милые, прямо ровно земля в светлый день. Говорят все—лучше, оно, конечно, лучше. А вот по мне, чем похожее, тем и лучше, Я уж такой. Роза райская — тоже роза, тем и хороша. Ну без шипов, шипов мне и не надо. Горе мы на дне оставили — сзади.

Иван *(мрачно)*. И в аду? Под ногами-то ад. Ты, добрячок!

Авраамий. Уж к тебе никто и не приступается. Святой Петр говорит: «Не приступайтесь к нему, перемелется, говорит Петр-то, мука будет, утрясется, говорит; вы, говорит, повремените: он уходится. А ты вот все свое.

(Пауза.)

Сказывают, ты к господу просился лицом к лицу?

Иван. Да.

Авраамий *(качая головой)*. А я, как был маленький человек, так и остался. На царя земного воззреть не насмеливался, таковде и царя небесного со страхом и трепетом в отдалении чту.

(Пауза.)

И не сужу. Ад, говоришь. Вот ты об аде думаешь,—у нас в раю потемнело. Где идешь, кругом цветы закрываются, птички примолкают. Черные тучи ровно над головой у тебя.

Ох, Ваня, не заносись. Сие есть мудрость божья, пути его неисповедимы.

Иван. Пусть либо об'яснит, либо меня туда же. Всякая мука слаще; не хочу тут быть в розмариновом огороде, когда там воют: чего проще? Телята вы! Святые. Мудрые. Телята — больше ничего.

Авраамий *(с тоскою)*. Ведь злые же там *(вздыхает)* наказуются, чего же ты?

Иван. Авраамий, ты меня учил?

Авраамий *(слабым голосом)*. Я.

Иван. Ну, слушай, — почему злой зол?

Авраамий *(неособенно решительно)*. Волею свободной ко злу устремился.

Иван. Почему?

Авраамий. За не... неразумие гордое.

Иван. Кто же их сделал неразумнее, гордее, чем праведных?

Авраамий *(чуть не со слезами)*. Знаю все это, Ванюшечка... по человеческому разуму, конечно, иначе не выйдет, — бог во всем и во всех один виноват.

Иван. Ну?

Авраамий. Видно тут-то и есть тайна, премудрость, разум наш превышающая.

Иван. Я и прошу: либо открой мне тайну, либо уничтожь меня, или на каторгу свою посылай.

Авраамий. Ванюшечка, а Христос?

Иван. Ну что же Христос?

Авраамий. Ведь он — тот же бог, Ванюшечка, а страдал неповинно.

Иван. Как же это мудрый бог-то твой так мир сотворил, что для починки его пришлось самому или сыну единородному смерть вкусить, и муку, и унижение, а все-таки свою механику не исправил?

Ты мне про Христа и не говори. Он приходил искупить, а ад-то воет, а на земле немногим лучше, чем в аду. А земель, что песку морского. Ух ты!

Подумаешь: горя, горя, горя... голова кружится.

Дай ты мне покою, господи,
Дай ты мне смерть настоящую,
Дай, дай, дай, ненавистный тиран!

Таня. Ох, мучится Ванюшечка, — ну, положи голову мне на плечо, я с тобою навеки, хоть жизнь, хоть смерть полная, хоть ад огненный.

Иван. Мое ты утешение.

Авраамий. Ванятка, а ежели это окаянный плевелы-то посеял?

Иван. Пусть сознается бог твой, что не силен, что сильнее его сатана, — тогда все поймем, вместе бороться будем, вместе страдать или рыдать. Я этого и прошу. Пусть сознается, что не силен, а коли сильнее всех, — так пусть за жизнь и смерть, за добро и грех, за ад и рай будет, анафема, проклят!

(Широкий стон ужаса и жалости. Величественно подходят Егорий и Фелицата.)

Егорий. Мятешься? Ропщешь?

(Молчание.)

Ждал тебя и, на красу сию любуясь, думал о сыне. Ты же пришел лукавый и надменный, похожий на грешников скрежещущих. Господа моего во храме его святом поносишь. Отцу твоему, божьему воину, 18 ран смертных на груди носящу, райское успение смутил еси. Здесь где никто печали не знает, ты мне глубокую горя чашу испить дал. Трепет и ужас в мое сердце, приникшее было к блаженству, как пчела ко крину, вложил, ибо предвижу, что низвергнешься, зане тяжкое стремится ко дну.

Сын, сын, в раю, тебя ради, плачу...

Фелицата. Святым женам и девам не смею в лицо смотреть, ангелов за тебя стыжуся.

(Входит Петр, за ним многие святые мужи и жены, а далее лики ангелов.)

Петр.

О, Иоанн возлюбленный, скорбишь
И негодуешь? Темное в тебе
И тяжкий грех растет. О, Иоанн,
Возлюбленный, восплачь, раскройся,
Доверься и люби; светильник слабый
Туманной мысли угаси скорей,
Воззри на солнце Правды и Любви,
На небесах небес оно тебе сияет.

(Пауза.)

О, Иоанн, молю тебя. Уж гнется
Под тяжестью твоей эфирной тверди
Устой сияющий. О, Иоанн.
Мы молим все, лукавый дух отвергни.

(Пауза.)

О, Иоанн, по лестнице господней
Высоко, на златых ее ступенях
Стоят мудрейшие тебя. Проникли
В глубь божьей мудрости они. И вот
Творца и бога славят хором.
Верь.

(Пауза.)

Св. мужи.

Страждешь, сомнением дух возмутя, —
Верь со смирением, божье дитя.
Сладко отдайся ты воле святой.
Тихо качайся ты, челн золотой.
Божьим потоком несомые — спим...
Божием оком лишь светлое зрим.
Или не хочешь расплыться в любви?
Божие ночи к душе призови.
Ночи господни спокойно поют:
Думам бесплодным — безбурный приют.

Хор святых жен.

Святой князь апостолов,
Петр, ключарь небесный,
Изгони мятежников,
Сад очисть чудесный.
Словно осень близится...
Мы ль не заслужили,
Чтобы вёсны вечные
Нам в раю светили?
Наш покой заслуженный,
Сладостный покой,
Огради, наш страж святый,
Крепкою рукой.

Спим мы в негах радужных,
Ровен дней напев,
Пусть не пробуждается
В нашем сердце гнев.
Пусть стена высокая
И бездонный ров
От сует отделят нас
Во веки веков.

Петр. Слышишь, Иоанн?

1-й ангел. Опять не ровен звук божественной свирели..

2-й ангел. Смотри, как херувимы присмирели.

3-й ангел. Опять аккорд нестроен лирных струн.

4-й ангел. И вновь кукует птица Гамаюн.

(Тишина. Из глубины рая доносится печальное кукование. Где-то, словно флейта, поют и брящают струны.)

Петр.

Ужель мне отворить закатные ворота?
Ужели видеть мне изгнанников отход?

(Сияющий ангел появляется над рекой.)

Ангел.

Петр, Саваоф меня послал к Ивану,
Он рек: я с человеком спорить стану.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Рая круг внутренний, несказанный. По полям меж цветов высоких и коврами стелющихся идут Иисус и Мария. Она в тоске, он замкнут.

Мария.

Когда взяли меня, сын, на небо,
На седьмое, величайшее, к престолу
Понесли меня по всем планетам

И на каждой мне дары давали,
Становилась я сияющей богиней:
Хоры ангелов в испуге любовались.
И на каждой из планет могучих
Что-нибудь земное забывала.
Так что вся я стала, как пустая,
И внутри одно лишь всеблаженство.
И такою сонной и прекрасной
Посадили на престол великий
Прямо против божьего престола.

Хоры ангелов.

Величайте!
Величайте Матерь!
Матерь есть краса!
Величайте.
Величайте Матерь!
Ибо для нее создался свет.
Ты звено алмазное, о дева,
Ты жена, соединенье бездн.
Чрез тебя вкушает бог от мира,
Мир обожествляется тобой.
Величайте, величайте деву!
Небеса, перекликаяся, поют
Слово, сладостнее вечного блаженства.
Из сердец
Переполненных взлетает к Богу слово
Имя высшего восторга —
Мария!

Мария.

Ангелы лилейными руками
Над главой узорную корону
Вознесли, любовно в очи смотрят.
В золотом написанный акафист
Просят написать меня: Мария.

Хор ангелов.

Мария! Мария...
Да святится имя твое во веки!

Сердце музыки поющих солнц,
Из сердец
Переполненных взлетает к Богу слово
Имя Высшего восторга —
Марія!

Марія.

И спросил меня Господь с престола:
«Что мне дать тебѣ, о, голубица?»;
Тут во мнѣ былое встрепенулось,
Не отняли у меня всего планеты,
Руки я к престолу протянула
И сказала: дайте мнѣ младенца...
И смотрю, лежит он, мой младенец,
На руках, протянутых к престолу,
Я тогда его к себѣ прижала,
Ему ручки, ножки цѣловала.
Вдруг на ручки канула слезинка...
А младенческіе глазки грустны...
Стала плакать я и плакать, тихо плакать.

Хор ангелов *(тихо).*

Слезы...
Ангелы тобой узнали слезы.

Марія.

Вспомнила тебя, мой Іисусе,
Как ты рос, задумчивый и тихій,
Как ласкался ты ко мнѣ украдкой,
Хрупкій мальчик мой, ягненок робкій.
Вспомнила твою святую юность,
Как цвѣты ты мнѣ носил с зарею,
Как бесѣдовал со старцами мудро,
Как ты пѣл псалмы со мной под вечер,
А потом твои скитанья, сыне,
И твое великое ученье,
И горячечные споры, гнѣвы,
И любовь и ненависть в смѣшеньи,
И мою покинутость, тревогу,

И потом твои, о сын, страданья,
И Голгофу, и великий крест твой,
И предсмертную твою заботу,
И твои последние моленья...
Разорвала я парчу одежды
И упала на колени в горе,
Я тебя безумно целовала,
Никого не проклинала, сыне,
Но простить я тоже не умела.

Хор ангелов.

Слезы...
Ангелы тобой узнали слезы.

Мария.

«Не чиста душа», — сказал владыко
И закрылся ярко красной тучей,
В ту минуту услыхала плач я
Всех живых, и мертвых и грядущих,
Ужаснулась я, затосковала
И увидела тебя я рядом:
Не младенец ты, а муж великий,
Сын, страдалец мой и мой учитель.
И прошли уже тысячелетья,
А тоска моя не уменьшилась,
Ты же смотришь все перед собою
И печальных уст не размыкаешь.

Хор ангелов.

Вопрос...
Хоры ангелов почуяли вопрос...
Ждут...
Ждут слова твоего,
Христос.

(Все примолкло. Все застыло. Мария заглядывает в огромные глаза Иисуса,—сомкнуты его уста.)

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Престол божий. На огромном престоле, сияющем карбункулами, гранатами и рубинами, восседает царь небесный Иегова в образе человеческом. Золотые кудри и борода, голубые глаза полны блеска, высокий лоб, царственная осанка, величественные движения. Одет в золотой пурпуровый далматик, увенчан пламенным сиянием.

Архангелы держат меч, весы, жезл и державу. У подножия — великие книжники божии, среди них страстный Павел в ярко оранжевом плаще. Ангелы всех чинов и святые всех разрядов присутствуют.

Архангел Рафаил.

Возрадуйтесь, вострепещите:
Се сам неизреченный восхотел
Явиться взорам светлых человеков.
Преображенных райской теплотою,
Во образе отца их и царя.
Се мудрость наклоняется над вами,
Дабы рассеять в душах тени след.
На райских небесах нависло серо
Раздумья облако, среди святых
Возникли робкие сомненья. С лаской
Отец разгладит складки на челе
Детей своих. Сюда зовите брата,
Мятущегося русского Ивана.

(Входят Иван, Татиана, Егорий, Фелицата, Авраамий.)

Рафаил.

Иван, поднявши очи, погляди
На образ господа. Величье это —
Слабейший образ бога, свет его
Не сокращенный опаляет очи
Архангелов. Воззри и преклонись.

(Вся группа падает ниц. Татиана тоже, но видя, что Иван стоит, она робко подымается и становится рядом с ним.)

Иван. Создатель, пути твои мне неясны. Пока я не постиг их данным мне тобою же разумом, — не услышишь от меня хвалы. Не согрето мое сердце любовью к тебе, полно оно опасенья. что не любить тебя и не благодарить тебя я должен, а проклинать и ненавидеть. Что же до поклонения, то мне странно найти на небе подобие царских палат и таможних обычаев.

Рафаил.

Но здесь мы по примеру государей
Земных живем, а там цари земли
Отчасти по лукавству, силой тёмной
Стараются создать подобье нам.
Не потому господь — Иегова.
Что царь, а потому он царь, что бог.

Иван. Всемогущий? Всеведущий? Всеблагий?

Рафаил. Да.

Иван. Пусть же он откроет нам свою великую тайну, как попустил он зло? Бог всемогущий, всезнающий, как создал ты мир стенающий и дорогу в ад?

Св. Павел *(торжественно).*

Прежде всех век сказал господь единый в сердце своем
Се создам подобие меня.
Рек господь:
Я есмь любовь,
И создал мир господь,
Дабы любить,
И мир был совершен.
И возлюбил господь свой совершенный мир.
Но божия любовь ненасытима,
И хочет бог заслуженно любить.
Создам, сказал господь.
Создам я мрак и тлен
И мощию моей я вызову из бездны
Сонм духов, что. пройдя все искушенья,
Подымутся ко мне
И будут мне друзь

И создал демона-разбойника дороги,
И создал бездну — отрицанье Света,
И создал путь кремнистый и тяжелый,
И искру божию посеял в темноте,
Да в испытаниях произрастает.
И дал свободу путникам миров,
Дабы спасенные спасенье заслужили.
Превыше ангелов подымет их господь,
Сынами истины святые нарекутся.
И в них творец свой лик увидит наче
Нежли в очах невидивших греха
Архангелов и серафимов.
Слава, слава тебе, создавшему свет!
Слава, слава сотворившему тьму!
Слава тебе за грех и за закон!
Слава тебе за свободу и любовь!
Слава!

Ангелы.

Проявленья духа божия
Слуги разума отеческого,
Мы склонились у подножия
Славы сына человеческого.
От греха и испытания
Не вкусили безмятежные,
Реют в вечности сияния
Наши крылья белоснежные.
По слезами поливаем мы
Ноги путников кровавые,
И звездам повелеваем мы
Их венчать своею славою.
Им — престолы, яко судиям.
Нам — служебные старания,
Слава просветленным людиям,
Победителям страдания.

Св. мученики.

Крест наш тяжел,
Страшен наш путь.

Божий глагол,
С нами пребудь.
Наше тело нам дано на муки,
Как ужасна, многолика боль...
О, усталостью трепещущие руки,
Стрелы битв и свист бичей неволь.
Грозна судьба,
Тьма впереди,
Божья борьба,
Бейся в груди.
О, томительные страхи, вздохи духа,
Плач над мертвым другом и женой,
Плач пред небом, что замкнулось глухо,
О, тоска неправоты земной.
Бездна вокруг,
Жуткий обрыв.
Вечный наш друг,
Внемли призыв!
О, пьянящий чад истомных искушений,
О, пленительный и сладострастный грех!
Зверь, глаза твои — обеты наслаждений,
И узорно золотист твой мех.
Ядом сожжет
Сладость когтей.
Небо зовет
Слабых детей.
Страшно оглянуться на былое,
Но мы пьем в раю твоем забвенье,
Будь воспет за испытанье злое,
Даровавшее нам просветленье.

Св. жены.

Бог господь, саваоф, повели —
И пойдем мы опять на страданье.
Мы — рабыни твои!
Мы — рабыни твои!
Для тебя, о тебе все желанье!
Бог господь, саваоф, пожелай —

И даруй нам тягчайшую чашу.
И во тьму посылай,
И пытай и пылай, —
Попирай эту преданность нашу.
Бог господь, саваоф, не жалей:
Мы игрушки любови покорной.
Мучь изысканней, злей,
Душу женскую лей,
Улыбаясь, в зев пропасти черной.
Бог господь, саваоф — восхотел
И дарует нам счастие встречи.
О, царь душ и царь тел!
Несравненен удел
Пред тобою гореть, словно свечи.

Все ангелы и святые:

Осанна, осанна!

Егорий. Слышишь? Пади же ниц, открыта тебе и нам вся трисвятая тайна.
Слышишь, как все святые поют: Осанна?

Фелицата. Растопились льды сердца... Сейчас упадет мой сын на колени перед вечным, такой же покорный, как мы.

Авраамий *(радостно)*. Вот тебе и разум твой, хе, хе, и разные твои сомненья. Слыхал? — Умилительно. Как святой апостол Павел-то все раз'яснил. Дабы заслужить! Вот она премудрость *(вытирает слезы)*. И я заслужил... Неужто заслужил? Господи! — Не заслужил. Дай еще пострадать, господи!

Иван. Бог! Ежели бы даже ты через тобой устроенные страдания очистил людей и возвысил, — я и тогда с тобою спорил бы и тебе противоречил бы. Но как ты их очистил? Разве ты их возвысил? Сделал ты их собаками хозяина! Приласкал, и забыли. Рабски простираются, не мня себя ни во что. Видно, знатно напугал ты их и души их развратил. Жалки они мне и противны. Не хочу их назвать братьями и тебя не хочу назвать отцом. Я игруш-

кой не буду. Как ты смел меня создать на муку? Просил я тебя? Спросил ты меня?

Рафаил *(с ужасом)*. Иван, господь тебя создал на муку? Припомни: с ним ты говоришь в раю...

Иван. Вот тут-то самое худое. За этих мне нечего говорить. Сразу ли бог из рабьего теста их сработал, или страданьями довел до телячьего их счастья, — не знаю. Благодарят — так пусть. Ну а те-то? те-то, что в аду? Я уяжу теперь. В ад послали пошедших своим путем. Они-то и суть свободные, за свободу отсеяли их, за свободу отвергнуты они, казнимы... Жестокий тиран! Ты думаешь увеличить цену рабов твоих, покорив нас, свободных, — ибо я свободен, как они, я с адом против тебя, — а на деле знай: если ты в своем божьем одиночестве искал создать кого-то рядом, — то их ты и создал воистину свободных, да не понял, не оценил.

Павел. Суемудрствуешь, сосуд, спорящий с горшечником. Аду преданы человекоубийцы и деспоты, кровопийцы, владыки, люди гордости.

Рафаил. Вот они!

(Слева от трона облака разделяются, и в видении предстоят среди пламени цари и богачи, мужи и жены, роскошествовавшие на земле. Немолчный стон стоит.)

Петр.

Взоры, праведники, отведите,
Да не увидите вы эту мерзость.

Цари и прочие.

Прощенья, прощенья!
А! а!
Прощенья, хоть отдыха!
А! а!

Иван. Кому вас прощать? Не он ли вас создал такими? Силой своей судьбы посадил на престолы, сердца ожесточил

других вам служить заставил. Это ты виноват, первоцарь! Сидишь во образе человеческом, так покраснеи по-человечески перед своими преступлениями!

Рафаил.

Вы, осужденные, огнем палимые,
Познали ль бога вы? признали ль суд его?

Цари и др.

Праведен твой суд, о господи!
Пощади, помилуй и спаси!

(Закрываются облака.)

Павел.

И сами грешники не могут усомниться,
Что праведен господь!

Иван. Грустное зрелище. Ужели мне одному стыдно за них и за всех вас, и за него, там на троне?

Татиана *(робко)*. Не тебе одному и мне тоже.

Рафаил.

Там в аду клеветники, наушники,
Люди хитрости змеиной и изгнанники.
Хочешь видеть? — Грязь, осадок тинистый
Кубка жизни... Все же благородное
Все святое поднялось ко господу
И вином его благоухает вкруг тебя.
Ад палимый, мрачный ад терзаемый,
Признает господень суд и злобствуя.

Иван. Как? Ты хочешь сказать, что я и там был бы один?.. А дьявол? Пусть я буду хоть с дьяволом.

Татиана. А я? Я с тобой.

Рафаил.

Хочешь ли свидетельства диавола?
Слушай речь его ехидно-хитрую.

Ибо жаждет бог тебе спасения,
Умножает для тебя свидетельства.

(Перед престолом появляется в черном плаще закутанная бесформенная фигура.)

Дьявол. Что хочешь, победитель?

Михаил.

Я, волею божьею тебя сковавший цепью,
Я, Михаил, тебе задам вопрос:
Осмелишься ль сказать без лжи, здесь бесполезной,
Что бог создал не лучший из миров?
Что не свидетельствуют самые страданья
И тьма, и ты о мудрости его?

Дьявол. Бог создал меня из ничего. Чтоб я мешал ему. Если бы он сделал меня чуть-чуть сильней, — я бы воевал с ним всерьез. Если бы он сделал меня чуточку слабее, игра потеряла бы для него интерес. Упражняйся, господи! Ты заранее победил. Я твое посмешище. Творя зло — волю твою творю.

Иван. Бедняга. Мне тебя жаль. Подыми голову. Скажи, что ты смеешься над ним. Бедная тень. О бедные, о жалкие, мы все, созданные им для его забавы. Дьявол, неужели он и в тебя не вложил хоть немного гордости, даже в тебя не вложил отрицания? Откуда же оно во мне?

Дьявол. Ты — человек. Ты — сын любви. Мне не дано этого. Я — пуст. Я нарочно, я фокус, я поддельный, я сущий маскарад. А ты — сын любви, потекшей вспять.

Иван. Один я во вселенной?

Дьявол. Что ты? — Вот рядом с тобой готовая следовать за тобой. Богоборцев же не мало в аду, а может быть есть они и много выше.

(Удар грома. Дьявол исчезает.)

Иван. Вы слышали? — Мы не одни с нею. Там не только цари и предатели, там и богоборцы страждут. К ним! К ним!

(Хватает Таню за руку и хочет бежать.)

Авраамий. Ванюша, Ванюшечка, губишь себя.

Иван *(оглядываясь)*. Отец и мать чужие.

Егорий. Отрекаюсь!

Фелицата. Проклинаю!

Иван. А ты, праведничек убогенький, ты ведь много их прямей и умней, — осмелься же! Разве ты не видишь, что я, уходя в ад, здесь один люблю, что я здесь один праведник? А коли есть другой, так там, в темном пламени, куда иду я. Ну, Авраамий, суди, я твой суд признаю. Если скажешь, что я — изверг и преступник, ладно скажу сам, что я урод и безумец.

Авраамий *(в ужасе)*. Что ты, что ты! Я и дышать-то здесь не смею.

Иегова. Суди!

Архангел. Произнесено. Воззвал тебя.

(Ангелы берут Авраамия под руки и ставят у престола бога лицом к зрительному залу.)

Ангелы.

Авраамий, судья господа,
Преклонитесь небеса,
Чистый сердцем, кроткий, благостный
Судит господа дела.

Святые.

Честь святому Авраамию
Внемлют солнца и глубины бездн,
Спаси душу ты заблудшую,
Стаду ты верни овцу.

Авраамий *(отмахивается руками, трясется)*. Что вы, что это вы? Да у меня язык прильпе, я скуден разумом, главою скорбен, я и не понимаю ничего.

Иван. Требую от тебя, Авраамий, одно сказать: когда я здесь у бога за страдания отчета требовал, преступник я или слуга Правды и Любви?

Павел.

На сем престоле восседает Правда,
На сем престоле царствует Любовь,
Кто против господа под'емлет голос —
Враг Истине и злейший враг Любви.

Рафаил.

Авраамий, или ты не любишь господа?
Что же медлишь осуждением?

Иван. Смотри мне в глаза, старец, и говори правду.

Авраамий. Боже святый, ангельские лики, сонмы праведные, — видите, трясусь я... и на земле муки горшей не принимал. *(Плачет.)* Страшуся...

Михаил.

Ужель колеблешься ты, Авраамий?
Благодеяний божиих не ценишь?

Авраамий. Раб я бога, раб покорный. Только Ванюша... Ванюша... он добрый. Нет, не осужу его. Бога боюсь, а против совести не скажу... Ух! *(Торопливо сходит с трона.)* Ну, теперь гряди, брате Авраамий, во ад. Туда тебе и дорога, старому дураку.

(Тяжелое молчание.)

Павел.

Растет на небе бунт.
Владыко, покарай!

Святые: Карай!

Иегова *(задумчиво).*

Дабы себя в себе не осудил я
За стонущую музыку миров,
Себя в мирах могуче отразил я
И создал сам себе я — лик Христов.
Так испытал я мир, я пил страданье,
Крест искупления господь ваш нес,
Создатель мира и мое созданье —
Я в нем и он во мне — Христос.

Хор ангелов.

Се приближается сын божий,
Тайна божьей глубины.
Брат ваш, люди, сын, что всех дороже
Брат ваш, божии сыны.
Иисус,
Человек,
Сын девы Марии,
Изначальный логос, бог,
Им же вся быша...
Един с отцом
И разнствующий,
Всеблаженный
И распятый,
Всемогущий
И униженный,
Тернием венчанный царь.

(Приближаются Иисус и Мария.)

Иегова *(Иисусу):*

Се — Человек, о сын возлюбленный,
Обвиняет нас с тобой,
Он любви заслуженной сокровище
Не считает платою за зло.

Хор ангелов

Он любви заслуженной сокровище, —
О, злосчастный дух! —

Не считает платою за зло,
О, мятежный ум!

Иегова.

Сын мой, Слово вечное мое,
Ты молчишь во мне, помазанник мой.
Я с тобой моею силою
Совещаюсь пред лицом миров.

Ангелы.

Бог со Словом своей силою —
Ужаснитеся!
Совещается перед лицом миров,
Да молчит вся тварь!

(Глубокое молчание. Вдруг издали доносится песня богоборцев.)

Аддай — дай
У-у-у
Гррр-бх-тайдзах
Авау, авау, пхоф бх.
Будь проклят, будь проклят,
Родивший свет.
Творцу мирозданья
Прощения нет,
Будь проклят, премудрый
Святой палач!
О хаос, о дьявол,
Над нами плачь.

(Мария закрывает лицо руками; болезненно морщатся губы Иисуса. Иегова дрожащими пальцами берет золотые волны своей бороды.)

Иисус. Отче, мы виновны.

(Взрыв стонов, возгласов и опять молчание.)

Іегова *(задумчиво).*

Я был одинок.
Кто, кроме меня знает одиночество?
Ты — возлюбленный и горькій —
Но ты ведь — Я.
И на бытие создал я
Мир!
Бросил я мост от совершенства моего
В бездну!
Я создал многообразие.
Свет и Мрак,
Добро и Зло
В игре своей
Рождают жизнь
Ее
Кипучую.
Могучую,
Прекрасную,
Подругу мою страстную —
Природу!
Она страдает,
Она ликует —
Подруга вечная.
Пусть меня любит
И пусть ненавидит,
Но пусть существует,
Кипит и сверкает
Шехина.
София!
Мудрость моя
Безумная,
Дочь, жена, враг.
Внимаю проклятіям
С усладой божественной,
Горечь в моей чаше
Мне также нужна.

Ангелы. Слава!

Св. жены. Господь наш!

Иван. Проклятье твоему самодовольству, людоед!

Иегова.

Смотрю в твои очи, сын,
Давно уже как бы расстались мы.
Слова твоего слышать не хочу.
Слово твое — это тайное слово мое.
Мир шумный и многоцветный создал я,
Ибо сам я многолик
И Един.
От века во мне хоры голосов,
Мое древнее имя — Элогим!
Мысль моя — бурный Совет!

Ангелы. Слава!

Св. жены. Господь наш!

Иван. Я слушаю, слушаю... Вот, кажется, приоткроется тайна духа твоего. боже.

Иегова.

Сын, радуюсь сему голосу человеческому.
Отважен и любвеобилен этот отрок.
Знает бог исчисленье душ
И сокровища свои, закаляемые в огне.
Гордые, проклинающие меня в аду,
Мне не ненавистны.
Но хочу слышать славословие
Из свободных уст.
Вот люди, братья твои.
Мученики.
Они славят меня
И готовы вновь страдать ради меня.
Пусть и те примирятся.
Пусть поймут пучины мира моего,
Кого не преклоняет любовь моя.
Тот преклонится умноженным страданием.

И чем глубже мука чад моих,
Тем мне слаще примирение,
Тем звучнее славословие.

Ангелы. Слава!

Св. жены. Господь наш!

Иван. Никогда. Неизменно твое величие, пытками ли завоюешь любовь?

Иисус. Виноваты мы, отче. Нет за страдание платы. И кто страдал, тот не прощает. Прощает малодушный. А в ком сильна правда, — не прощает. В ком сильна любовь, — тот не прощает.

Отче, отче, дай страдальцу блаженство, и разделятся. Блаженство и страдание, разделятся они, как вода и масло. Под сияющим блаженством соберется память в страдании.
Страдания в бытии не должно было быть,
Мы отвечаем за него. И собою же не будем прощены.
Если билась птичка в когтях орла, — то уж и это не простится нам, отче.
Я страдал
И вот не прощаю тебя.
И сия, через кого ты мира коснулся, —
Не прощает она тебя.
Или думаешь ты, отче, покрыть раны мира светлою, цветною ризою твоего веселия о жизни?
Царь небесный, не искупит все блаженство твое крика одного покинутого младенца.
Ты—творец великий, дивный зодчий, искуситель Бытия, поистине безумна мудрость твоя.
Много и богато наслаждение твое страшным твоим делом.
Но вот я осуждаю тебя.
Я одно с тобою. Отец и сын — одно. Но ныне отделяется от тебя сын. Если не раскается творец, то сын кается.

(Тихо.)

Почему отпустил ты меня, распятию предал меня?
Искупить хотел ты мир.
И себя ты хотел искупить.
Я и Воля твоя к искуплению мира,
Боже, я — тайное раскаяние твое. Пусть же тайное станет
явным.
Недостаточно было раскаяние наше, недостаточно было
мое Евангелие.
Покаемся горше.

(Мертвое молчание.)

Иегова.

Сын, как мне покаяться?
Или уничтожить мир?
Воцарился бы в бескрайности покой,
Но былое вечно живо для меня.
Все, что было:
То было во мне.
Все, что было во мне —
Согласно могуществу моему
Пребывает
Вечно.
Если страдание есть мое преступление,
То уж нет для меня пути
Назад.

(Мертвое молчание.)

Сын мой, ты отделяешься от меня,
Разрывается сердце божье,
Я есмь сила богатая, жажда жизни.
Ты же еси праведность моя,
Я — любовь горячая, кипящая,
Ты — любовь об'емлющая миром мир.
Жажду разверзания бездн и взрывов тайн,
А тебя терзает всякая боль.
То, что мне восторг,
Жалость для тебя.

И вот ныне я весь скорблю,
Скорблю тобой,
Как ты мною скорбишь.

(Закрывает лицо руками. Мария громко рыдает в глубоком молчании миров. Христос суров и тих.)

И, быть может, было бы лучше,
Если бы не было мира,
И еще лучше,
Если бы не было самого бога.
Сын, ты знаешь:
Собственной силой осужден я
Быть.

Иван *(бурно бросился на середину сцены)*. О, какое счастье, какой восторг!.. Боже, ты отец и ты сын,—я же вижу теперь... я же понял все. Вы вовсе не всемогущи. Вы с нами! Ангелы, люди, радуйтесь,—они не всемогущи! А раз не всемогущи, Таня, раз они не всемогущи, друже Аврааме, батюшка с матушкой, то и не виноваты. Я ведь понял все. Ты, великан на престоле, жизнедавец, необ'ятный расширитель бытия, — я ведь понял тебя и люблю тебя. В детях твоих тоже живет неуемная сила твоя. Только не отделяй себя от нас в одиноком величии. Будь с нами и мы с тобою будем. Сойди с престола, разрушь стены скучного рая, угаси огни адские, призови всех и скажи нам: Дети, давайте жить и строить. Мы понимаем вихри твои, и если в ошибках многоликости воль будем страдать с тобою — пусть, ибо виновного не будет, кроме Всебытия. Так говорит богу человек! Перестань быть, говорит он ему, ибо я узнал тебя: ты—это все, а потому нет бога надо всем.

И тебя я понял, сын божий, ты — милость и любовь. Пусть бальзам твой благий и душистый прольется по всем пространствам и озарит океан духа. Смолкнут бури, мы сольемся в тебе. И будет блаженство без земли и без ада, единое царство любви. И, быть может, вновь загорится в

нас жажда отцовства и творчества и пойдем вновь на муку страстей. Ибо то и другое —

Бытие!

(Раздается марш, который все приближается.)

Раскованы цепи, отверсты ворота,
Из бездны нас, гордых, на небо зовут.
Чьи зовы? Чья воля? Судьбы поворота
Давно уже солнца вселенские ждут.
Мы никому не покоримся,
Мы сами боги, сами свет.
Свободные к своей лишь цели мчимся.
А рабства нам и в безднах ада нет!
А рабства нам и в безднах ада нет!
Низвергнут ли деспот? Свободна ль царица —
Богиня единая свету и тьме?
Вот небо сияет, алмазна граница.
Скажите прощай своей долгой тюрьме.
Мы никому не покоримся,
Мы сами боги, сами свет. —
Свободные к своей лишь цели мчимся,
А рабства нам и в безднах ада нет!
А рабства нам и в безднах ада нет!

(Входят богоборцы, впереди Каин и Прометей. Останавливаются перед престолом бога и смотрят ему прямо в глаза.)

Иегова *(встает; раздирающий звук труб).*

Мое творение! Державу разбиваю,
Ломаю скипетр мой. — Вот вырос человек!
Всех духов мирозданья призываю
В весельях и скорбях построить Новый Век!

Иван. А ты, а сын твой, а ангелы, а святые?

Иегова *(величественный орган наполняет мир).*

Благословляю я эфирные просторы,
Мирьяды солнц и млечные пути,

Благословляю я единства и раздоры:
Создание мое — расти!
И я, и сын, и ангельские хоры —
Мы окунемся в волны бытия:
Да будет все во всем, и вечные узоры
Пусть вышивает Жизнь — наследница моя!

Ангелы *(неуверенно).*

Слава!

Рафаил.

Повелишь ли нам, не знавшим грязи бездны
Чистоты лишиться изначальной?
Мы отныне стали бесполезны...
Боже, ангелы твои печальны.

Св. жены.

Как же нам быть без господа?
Белу свету стоять без хозяина?
Мы рабыни, нам нельзя без господа...
Не покидай ты сирот без хозяина,
Господи, господи, не сходи с престола!
Господи, господи, нас не покидай!
Дай нам веки радостной, сладостной неволи...
Бог нас покидает, белый свет, рыдай!

Св. мужи.

Мы — мужи порядка,
Блюли мы закон:
Сиял нам так сладко
Властительный трон.
Звезды путеводной
Хотят нас лишить.
В пустыне холодной
Рвут светлую нить.

Иегова.

Но ты, о сын возлюбленный,
Ты примирен со мною?

Иисус.

Радуюсь о Человеке,
В нем и ты и я.

Иегова. Посмотри, как плачут те, что были счастливы?

Иисус. Лучше горе, чем довольство рядом с муками.

Иван *(охваченный восторгом).*

Боги, люди, я знаю
Знайте и вы.
Во множестве едины
Все мы — дух.
Дух всемирный
Устами моими
На себя принимает
Свет и Тьму.
Он есть единый виновник,
Мученик своих же страстей.

(Поет в экстазе.)

Устремимся к святости
Наднебесной цели,
В пристань тихой радости
К божьей колыбели.
Цель потоку рвущему,
Что гремит крутя, —
Породить грядущему
Божие дитя.
Бог есть цель борения.
Новый светлый бог.
Божья цель — творение:
Строить вновь чертог.
Вновь запляшет страстная
Пляска новых бурь...
О гроза прекрасная,
Как небес лазурь!
Смена вековечная

День миров и ночь...
Мудрость человечная,
Истину пророчь.

Дьявол (*появляется. Его желтое лицо видно в рамках черного капюшона*).

Итак, все примирилось? Дух! Как гордо...
И все ж не слышу я финального аккорда.

Иван.

Согласья нет. Да здравствует смятенье!
Виновных нет. Есть вечное движенье!

Иегова. Живи! (*Он сходит с престола.*)

Иисус. Люби! (*Подымается к нему, встречаются, лобызаются.*)

Дявол (*на авансцене*).

А все же вижу я — и для меня есть роль,
Оркестр не строен их, мир пляшет странным плясом.
Желает воля быть несчетным войском воль.
Любовь, бери свирель, я буду контрабасом.
(*Пока он говорит, занавес закрывается.*)
Спустился занавес. Зато открылась тайна.
Ох, полно, так ли? Просто пестрый шум...
Мечты и мысли... В мире все случайно.
Вот вам итог моих чертовских дум.
Не верите? — Не спорю, — всяк свою
Пусть ищет мысль. «Иван в Раю»
Есть миф, который мысли будит.
А кто не хочет мыслить, — пусть забудет.

(*Уходит.*)

Эта полушутливая мистерия рисует рост чувства справедливости в человеке, опровергающий его собственные авторитетные мирофантазии и приводящий его, так сказать, к республиканскому взгляду на мир. О положенной в основу нового миросозерцания гипотезе трагического пантеизма см. предисловие к пьесе «Маги».

КАНЦЛЕР И СЛЕСАРЬ

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Кабинет канцлера, графа Карла Дернбах - фон - Турау. Очень строгая комната, деловая обстановка, над столом портрет императора. При поднятии занавеса комната некоторое время пуста. Потом входит курьер, отодвигает немного кресло от стола, передвигает на столе кое-какие вещи и вытягивается. Канцлер входит чопорно и задумчиво. На нем длинный черный сюртук, кладет на стол цилиндр, медленно снимает перчатки и кладет их в шляпу. Делает едва заметный знак курьеру, который почтительно берет шляпу и уходит. Канцлер садится в кресло. Некоторое время сидит неподвижно, глядя прямо перед собой. Затем медленно берет какую-то бумагу, читает ее, подписывает. Курьер входит и останавливается в дверях. Канцлер вопросительно смотрит на него.

Курьер. Коммерции советник, граф Курт Гаммер.

(Канцлер наклоняет голову, курьер уходит. Канцлер погружается в бумагу. Входит Гаммер, очень толстый и очень лысый человек в пенснэ. Любезно кланяется и улыбается. Канцлер сух и величав. Жестом приглашает сесть.)

Гаммер *(садясь)*. Графу, конечно, известно, что первые месяцы войны внесли бо́льшую разруху в хозяйственную жизнь, чем предполагали даже пессимисты.

(Канцлер медленно поворачивает к нему голову и смотрит на него.)

Гаммер. Затяжная война может разрушить все расчеты. Игра может оказаться нестоящей свеч.

Канцлер (*едва заметно улыбаясь*). Le vin est tiré!

Гаммер. Faut le boire!.. Мира не вернуть нам никакой силой...

Канцлер. Мира, который выпустили из рук вы.

Гаммер. Не надо валить на нас. Кто же не знает, что западни были расставлены нашими соседями? Разве у Нордландии был выбор?

Канцлер. Господин советник, вы хорошо знаете, что был. Худой мир мы во всяком случае могли бы предпочесть доброй ссоре.

Гаммер. Граф, если мы не сделали этого выбора, то благодаря вашему высоко авторитетному влиянию.

Канцлер. Будто? Не заметь я, что в кругах магнатов торговли и промышленности настроение так же воинственно, как в генералитете, я никогда не высказался бы за конфликт с Европой.

Гаммер. Ну, так скажем: такова была воля его величества, принявшего в расчет все козни врага.

Канцлер. Скажем так. Что вам, собственно, угодно?

Гаммер. Лучшие головы промышленности, в виду огромных тягостей, выпавших на долю коммерции и индустрии, желали бы установить формально, хотя бы и секретно, соглашение о включении меня, как их доверенного лица, в наиболее интимный совет государства.

Канцлер. В государственный совет? В генеральный штаб? На доклад его величеству?

Гаммер. О, нет, нет. В ту тройку, пятерку, с которой вы совещаетесь, чтобы облегчить бремя всесокрушающей ответственности, легшей на ваши плечи, граф.

Канцлер. У меня нет такой тройки или пятерки.

Гаммер. Но не вы же один...

Канцлер. Кабинет... Совет министров... Государь... Парламент...

Гаммер. Постойте, господин граф. Это все декорация, которую, конечно, приходится сохранять даже во время всеголяющей войны. Подлинные решения, которые там проводятся, принимаются в другом месте.

Канцлер. Конечно, решения, которые я предлагаю перед государственными учреждениями, раньше рассматриваются и взвешиваются.

Гаммер. Где?

Канцлер. В моем черепе.

Гаммер (*улыбаясь*). Нельзя ли между этим высоким местом и официальными органами вдвинуть еще одну интимную инстанцию?.

Канцлер. У меня нет политического секретаря... У меня нет политической любовницы... У меня нет друга...

Гаммер. Небольшой кружок людей государственного опыта и бесспорного веса...

Канцлер. Вы и генерал Беренберг? Этого мне не нужно.

Гаммер. По государству?..

Канцлер. Дело идет о моем мнении. Я провожу свои мнения конституционно, а предварительно устанавливаю их персонально.

Гаммер. Прикажете понимать это, как отказ от предоставления капиталу реального влияния на ход войны?

Канцлер. $3\frac{1}{4}$... Я должен приготовить множество дел к $1\frac{1}{2}$ — час моего доклада его величеству.

Гаммер. Быть-может, вы все-таки переоцениваете ваш авторитет?

(*Канцлер молчит.*)

Гаммер. Капитал не может позволить игнорировать себя.

Канцлер. Ах, вы же знаете, что мы ведем вашу политику. Слишком вашу. Волею неба... Ибо сейчас национальные интересы, худо или хорошо, рисуются нам, государственным людям, совпадающими с интересами капитала. Вы же знаете, что фактически — мы ваши агенты. Хотя я вовсе не желаю служить кому-нибудь, кроме бога, государя и народа, но именно они повелевают моей совести вести политику максимального развития капитала. Чего же вам еще?

Гаммер. Мы сами хотим следить за тем, как делается наше дело.

Канцлер. Простите. Ведя политику торгово-промышленных интересов страны, государство бросает на карту кровь и кости граждан. За это может отвечать лишь бескорыстный человек, смеющий сказать перед богом и совестью, что для него нет на земле ничего дорогого, кроме общего интереса родины...

Гаммер. Но мы...

Канцлер. Вы—промышленники!.. и должны ими быть. Нордландия была бы слаба, если бы ее заводами и торговым флотом правили государственные люди. Но горе ей, если бы ею самой правил купец или фабрикант

Гаммер. Все это мистика...

Канцлер. Государственность. Вы не понимаете и не поймете ее, как глухой — музыку. *(Встает и сухо кланяется.)* Я извиняюсь...

Гаммер. Вы рискуете вызвать...

Канцлер. Нисколько. Промышленники имеют прессу, связи, гражданские права... Пусть проявляют максимум жизни и настойчивости. Ваше требование стать элементом моего разума и моей совести—химера. Это недостойно такого реалиста, как вы. И не ссорьтесь со мной. Мы на краю пропасти, сидите тихо,—или вместо богатой добычи вас ждет падение в бездну.

Гаммер. Имею честь кланяться, господин граф!

(Канцлер чопорно кланяется. Гаммер уходит. Канцлер встает, подходит к окну. Прямой и неподвижный рисуется некоторое время на его фоне.

Входит курьер.)

Курьер. Господин граф, я бы не осмелился, но это молодой граф фон-Турау...

Канцлер *(быстро оборачивается).* Лео? Просите.

(Курьер отворяет дверь, быстро входит Лео фон-Турау, блестящий кавалерийский офицер. В его лице и движениях есть какая-то гармония, превышающая ладность чисто военной выправки. Он очень красив.)

Лео. Здравствуй, друг отец!

Канцлер. Здравствуй, дружище сын! Что за появление в неурочный час?

Лео. Хочу удержать тебя от ошибки.

Канцлер *(поморщившись).* Ба, ты уже перерос мой ум.

Лео. Этого не будет со мной и во сто лет. Но и мой скромный ум уже умнее твоего романтического сердца.

Канцлер. Это еще что такое?

Лео. Петлиц сказал мне, что ты прямо потребовал, чтобы Роберт был принят в армию.

Канцлер. Да, само собой. У отцов отнимают детей ради войны. Надо начинать с меня.

Лео. Но Роберта надо освободить по всей справедливости. Я не говорю о справедливости высшей: жестоко нежного поэта гнать на кровавое дело; но по простой чиновничьей

и военной справедливости он недостаточно здоров для военной службы. Ведь ему нельзя же служить в строю. Все равно он будет корпеть в каком-нибудь штабе.

Канцлер. Он поступит в пехотное юнкерское училище, а потом прапорщиком в строй.

Лео. Романтика начинает становиться свирепой... Не играй в Брута, отец.

Канцлер. Я никогда не играю, Лео.

Лео. То-есть ты и есть настоящий Брут. Так что ты хочешь, повидимому, крови Роберта в доказательство твоей праведности?

Канцлер *(вздрагивает)*. Я надеюсь, что бог пронесет мимо меня такую горькую чашу. Но если бы можно было спасти эту кровь только ценою возбуждения сомнений в принципиальности государственных мероприятий,—я бы не мог ее спасти.

Лео. Это пуританская гордыня.

Канцлер. Канцлер обязан быть пуританином. Война, Лео. Бог должен послать народу в такое время настоящего канцлера. Или ты хочешь, чтобы я оказался какой-то ошибкой божией? Война, Лео. У тебя есть рыцарское легкомыслие. Ты умеешь воспринимать войну, как технику, как упоенный боем муж. Благо тебе. А я вижу войну во всем величавом безобразии. Надо быть достойным ее, иначе это хуже самой подлой подлости и самого зверского преступления.

Лео. Я тебе обещаю пасть.

Канцлер. Что? Что?

Лео. Я обещаю тебе пасть, отец. Или для сохранения всей чистоты твоей репутации не довольно могилы одного сына?

Канцлер. Лео! Лео! Ты—мой красивый, храбрый, честный витязь! Ты—любовь моя и восторг мой! Для таких, как ты, живут красавицы, гремит музыка, земля рождает вино...

Быть-может, для таких, как ты, для тех, кто умеет наслаждаться даже наслаждением, купленным страданиями других, быть-может, для таких существует весь мир... Лео...

Лео. Ну, да, друг отец, твой бог—да он и мой—сказал тебе: Авраам, возьми Исаака и т. д... Но, отец, у Авраама был один Исаак, а у тебя их двое. Обоих ты любишь. Придется пожертвовать одним. Но для чего же, безо всякого зова божьего, а только из какого-то кокетства, самого колоссально-кантианского порядка, бросать на костер и другого? На костер войны я иду с маршем. Мне всегда рисовалось так: война—победа. Теперь чаще: война—смерть—победа. Я хочу жить, но—крепко. Если крепкая жизнь требует смерти, а иначе будет расслаблена,—умрем. Я сумею жить, я сумею умереть. Роберт сумет только мечтать. У меня много женщин. Они прекрасно поплачут на могиле героя. И среди них милая мама. У Роберта только Лара и вся мама... Его смерть—их смерть! Всему есть мера, старый друг. Ты начинаешь чудить.

Канцлер. Это тяжелый разговор, Лео. И ты тяжело повернул его. Я должен итти к государю.

Лео. Воля. Ай, ай, друг отец. Со своим культом воли ты, пожалуй, доведешь себя и других до беды. Бранд с портфелем канцлера. Я это немножко предвидел. «Здесь стою я, иначе я не могу». Немецкая верность. Все это затвердело под влиянием военного пожара. Ах, как я тебя понимаю и как не одобряю. Мне кажется все это твое величие каким-то деревянным, даже просто, правду сказать, мещанским.

Канцлер. Я — граф милостию императора. Душа и тело у меня мещанские. Твоя мать — венгерская княгиня. Может-быть, у нас уже разная кровь.

Лео. Все это мелодрама. Будем драться — будем убивать, умирать, светло, прямо, а потому красиво, но без клерикализма, кантианства, фихтеанства, чорт побери!

Канцлер. Ты начинаешь забываться.

Лео. Я сегодня уезжаю на запад, туда, где готовится большая атака.

Канцлер. Иди туда с моим благословением и сознанием ненарушенного уважения к твоему отцу.

Лео. Не возмущайте меня. Моя совесть кричит против вас. Губите мать, Лару и Роберта, но не с таким видом, я чуть не сказал — Тартюфа, но вспомнил, что Тартюф не был дюпом своего ханжества. Лучше ханжа, лицемер, чем настоящий каменносердый святой.

Канцлер. Таким тоном я не позволю тебе говорить.

Лео. Как горька эта минута... Друг отец, друг отец!

Канцлер. Перед вами канцлер Нордландии, господин капитан.

Лео. Так... Ну, отбросим. Я ничего не говорил, дай поцеловать твою руку, отец.

(Канцлер быстро идет к нему и целует его голову, в то время как Лео целует его руку. У обоих слезы в глазах.)

(Входит седой чиновник, он очень взволнованы.)

Чиновник. Его величество.

Канцлер. Как! Его величество ко мне, сюда?

(Двери широко распахиваются, входит император, молодой, долговязый, с маловыразительным белокурым лицом, с ним толстый шикарный флигель-ад'ютант, гремящий саблей и шпорами.

Канцлер глубоко кланяется.

Военные отдают друг другу честь.)

Канцлер. Чему я обязан счастью?..

Император. Несчастью, граф. Сядем.

Лео. Ваше величество позволит мне удалиться? Сегодня я выезжаю на запад.

Император. Вернитесь с победой, Турау. Ступайте.

(Лео щелкает шпорами и уходит.)

Канцлер. Как я вижу, случилось нечто экстраординарное и притом неизвестное мне.

Император. У меня был Беренберг с экстренным докладом. Дела идут плохо. Беренберг выяснил, что у нас нет настоящего правительства.

Канцлер *(улыбаясь)*. Государь...

Император. Я говорю не о монархе, не о канцлере, а о правящем материально, непосредственно центре. Генеральный штаб — по себе, финансово-экономическое ведомство— отдельно, общая административная и иностранная политика — все это идет слишком сепаратно, все это только координируется вами. Между тем в такое время все это должно руководиться единым центром непосредственно.

Канцлер. Может-быть, вашему величеству угодно предложить мне подать в отставку?

Император. Полноте. Я вас понимаю... все это об'единяем мы, — я и вы. Но этого недостаточно. Нам необходим центральный комитет всех крупных сил, составляющих господствующие группы государства. У Беренберга прекрасный план. Тайный военно-политический совет: председатель — я, члены — вы, он и этот гениальный капитан индустрии, коммерции советник Гаммер. Что вы скажете?

Канцлер. Боюсь лишних споров...

Император. Я очень в вас верю, в ваш политический талант, в ваше государственное чувство, но время трудное, надо застраховаться со всех сторон. Такая четверка вывезет Нордландию.

Канцлер. Позвольте быть откровенным.

Император *(адъютанту)*. Барон, выйдите на минутку. *(Адъютант щелкает шпорами и уходит.)* Я вас слушаю.

Канцлер. Генерал от кавалерии Эбергард-фон-Беренберг понимает, что одно честолюбие не дает шансов стать главнокомандующим, когда у нас есть старый Лютофф. Да и рискованно. Фон-Шведе во главе штаба он тоже не в силах заменить. Военный министр Вульшус слишком очевидно на своем месте. Честолюбец придумывает неответственное место для своего влияния. Но что будет он делать в Совете? 12 планов блестящих интриг в одну неделю? На каждом заседании по устному фейерверку, который сделал бы честь парижскому Фигаро? Да, Фигаро... Ведь в сущности Эбергард-фон-Беренберг — нордландский Фигаро в эполетах. Не увлекайтесь болтунами, ваше величество. Не очаровывайтесь фразами. Когда-то кто-то носил прозвище Бомбы, а Беренберг — генерал-ракета. Эффектные люди гибельны в войне, как красивые мундиры в ярких красках и блестящих побрякушках. А Гаммер? Я отдаю честь ему, как купцу, но мне кажется кощунством поставить его на святое место у руля государства.

Император. Вы ревниво охраняете ваше канцлеродержавие, дорогой друг. Когда я шел сюда, я твердо решил не поддаваться вашим увещаниям. Тут двух голов не хватит.

Канцлер. Больше голов — больше неладов. Государь, я отвечаю за все перед вами, народом, историей и самим богом. Я чувствую в себе силы быть вашим ответственным помощником. Доверьтесь мне. Государи не отвечают перед народом. Государи не отвечают и перед провидением, ибо их личность слишком высока, она парит даже над историей. Вы — символ. Вы непогрешимы, ваше величество. Если моя политика потерпит крах, — погибну я телом, душой, совестью и именем, а вы будете только царственны. Царственность блестит одинаково в счастьи и в несчастьи. Рискуя всем, всем, я — старый строгий человек — не могу же совершить какое-либо легкомыслие. Нет часа в дне и ночи, когда я не совещался бы в сердце своем с богом. По-

верьте, государь, Гаммер и Беренберг мне не нужны. Они не нужны вам, ваше величество.

Император *(громко)*. Барон. *(Канцлеру.)* Будет по-вашему, канцлер. Но никогда ваша ответственность не казалась мне столь грозной.

Адъютант *(входит)*. У канцлера препикантный визит, ваше величество. Проходя мимо через приемную, вы увидите пресловутого некоронованного короля рабочих Франка Фрея.

Император. Франк Фрей у вас? Вождь социал-демократов? Понимаю. Господа социалисты ведь образумились. Нордландская кожа зачесалась и у них на спине при мысли о славонском кнуте. Товарищи оказались патриотами, а Франк Фрей сидит в передней канцлера. Действительно, пикантно. Я видел его только на портретах. Постойте. Мы сделаем это еще пикантнее. Примите его передо мною. Это замечательно. Во-первых, как он будет себя держать? Во-вторых, какой шум в Европе. Это надо будет опубликовать. Я настаиваю, зовите Франка Фрея.

Канцлер. Государь, вы говорили мне о высоких государственных дарованиях Гаммера и Беренберга. Ваше величество, если я встречал в Нордландии политического гения, то это адвокат Франк Фрей — руководитель пролетариата.

Император. Продемонстрируйте его нам. Зажгите мою сигару, барон. Постойте, я хочу сесть на это кресло, оно удобнее. Барон, вы садитесь около меня на стул и, конечно, сохраняйте серьезность и молчание. Итак, мы начинаем.

Канцлер *(звонит. Входит секретарь)*. Попросите г-на Франка Фрея.

Секретарь *(отворяя дверь)*. Господин адвокат, вы удостоиваетесь исключительной чести быть допущенным к его величеству, императору Нордландии.

(Франк Фрей, крепкий человек лет 35-ти, слегка под Лассаля, входит.

почтительно кланяется императору, подходит к канцлеру и жмет ему руку.)

Франк Фрей. Это очень счастливое обстоятельство.

Канцлер. Г-н адвокат, вы можете изложить все то, что̀ собирались, перед самим императором.

Франк Фрей. Каким количеством времени я располагаю?

Канцлер *(вопросительно смотрит на императора, который ничего не выражает, но довольно нагло смотрит на Фрея, нисколько, однако, не смущающегося).* Время его величества весьма ценно.

Франк Фрей. Будем сжаты. В последнюю четверть века рабочее движение заняло первое место на арене социальных явлений. Нордландская социал-демократическая рабочая партия насчитывает ½ миллиона членов и 6 миллионов избирателей; считая женщин, не имеющих у нас избирательного права, количество наших сторонников доходит, думается, почти до 10 миллионов, — четвертая часть граждан. Подобной организации в стране больше нет. Я осмелюсь утверждать, что нет подобной на всем земном шаре. Тот самый дух дисциплины, который сделал первым в мире нордландский штат чиновников и неподражаемой нашу армию, который сказался на рабочем классе страны в деле производства, мощнее всего отразился на партии. Это — настоящая армия, верная своей идее, своему знамени и своим вождям... Идея этой армии — международный социализм, ее знамя — классовая борьба, ее вождь... в настоящий час ее признанным вождем является ваш скромный слуга, Франк Фрей. Наши алчные соседи вынудили нас начать грозную войну. Ее исход зависит от нордландской социал-демократии. Займи она сейчас враждебную позицию к правительству — и оно рухнет через несколько недель. Наоборот, если мы, вожди рабочих, приведем под ваши знамена весь этот огромный и организованный поток человеческой энергии, — никакая сила не устоит против об'единенной Нордландии.

Канцлер. И вы сделали то, что предписали вам благоразумие и патриотизм: в тяжелый час вы отодвинули идеи, которые я считаю химерами, а вы — идеалами, и заняли в рядах сограждан место, которое указывал вам долг.

Франк Фрей. Не думайте, что это легко было сделать. Да, в нордландских рабочих был еще жив патриотизм, непосредственный, нерассуждающий, иные оценили, какие результаты для рабочих будут иметь и победа и поражение. Но многие толковали иначе: правящие подрались, говорили они, угнетенные должны об'единиться и скинуть их в одну яму. Если позиция вождей подготовлялась десятилетием практического строительства, то революционный интернационализм вытекает из основных учений научного социализма и подтверждается всей митинговой и газетной фразеологией партии, наконец, поддерживается озлоблением некоторой части масс, действительно непомерно эксплоатируемых.

Император. Вы еврей, господин Фрей?

Франк Фрей. Религии я не имею, по национальности я нордландец, но мой отец и моя мать исповедывали иудаизм.

Император. Я заметил, что вы выставляете ценность вашей заслуги, и подумал, что вы, вероятно, запросите плату за нее.

Франк Фрей. Моисей и пророки, Маймонид и Спиноза, Маркс и Лассаль мало интересовались платой за свое служение. Разве быть единоплеменником Христа значит навлечь на себя подозрение в корыстолюбии?

Император. Задавая мой вопрос, я думал не о Христе, — скорей, об Иуде.

Франк Фрей. Ваше величество говорит совершенно так, как Эдуард Биссель, коммунист, который считает меня предателем революции. Нет, я не предал ее, я даже не перешел к вам, даже не сделал для этого ни одного шага. Франк Фрей остается революционером и социалистом. Но он ищет

разумного пути. Социализм должен быть подготовлен экономически. Только цветущий капитализм может стать почвой, на которой вырастает этот высший цветок человечества. Поражение Нордландии есть поражение капитализма в его лучшей форме и в стране наивысшего расцвета рабочего движения. Это — поражение социализма. Я хочу бить врага с вами вместе и на этом перекрестке, а дальше мы раз'единимся. Мало того, когда мы поразим Европу, пролетариат ее восстанет против своих правителей и политически Европа сделает огромный шаг вперед. Мои расчеты верны, как часы. Моя мысль доминирует над веком. Все будет так, как я предвижу. Мне смешны слова о какой-то плате. Какую плату можете вы дать человеку, который сильнее всех в Европе потому, что яснее всех видит ее будущее, и потому, что ему повинуются миллионы лучших среди лучших не ради его рождения, не ради его назначения свыше, а в силу его гения? Ваше величество простит мне мою прямоту и не сочтет ее за хвастовство. Вы хотели унизить еврейчика, адвокатика, а я показал вам, кто перед вами.

Император. Передо мною во всяком случае весьма самоуверенный человек. Но что же вы стоите, граф и доктор? Садитесь, пожалуйста.

(Оба кланяются, садятся.)

Канцлер. Продолжайте, господин Фрей.

Франк Фрей. Я сказал, что в рабочей среде есть мятежное начало, и оно крепнет, его необходимо парализовать. Аресты и т. п. только подливают масло в огонь. Несмотря на трудное время, надо что-нибудь сделать для рабочих...

Канцлер. Я того же мнения. Но государство так стеснено в средствах...

Франк Фрей. Кто этого не понимает! Но надо показать, что наступают новые времена, что заслуги рабочих признаны, что пролетариат действительно является элементом государственности.

Канцлер. И как именно предполагаете вы это сделать?

Франк Фрей. Назначьте меня министром труда. *(Пауза.)* Мне хочется думать, что вы поймете, как мало руководят мною честолюбие или властолюбие. Наоборот, я лично страшно рискую. Вы представляете себе все филиппики желчного Бисселя, все отравленные стрелы «Социалистической Правды». Но это нужно.

Канцлер. Я уже думал об этом. Пожалуй, рассмотрев это предложение с разных сторон, оно разумно.

Император. Но г-н адвокат заявил нам, что остается нашим заклятым врагом, что после победы начнет борьбу с нами. Что же мы будем пускать такого крупного козла в наш бедный правительственный огород?

Франк Фрей. После победы... Но, ваше величество, прежде всего надо победить. Вы сильны. Вы должны верить, что победив, сумеете сломить меня, как щепку. Неужели вы уже не верите в это?

Канцлер. Правительство не боится никого, кроме бога.

Франк Фрей. Ну вот...

Император. Но у вас свой расчет.

Франк Фрей. Пока наши цели сходятся, и для победы я нужен. Только слепой не увидит этого, а потом...

Император. Потом либо вы низвергнете нас, победителей, либо мы сломим вас? Тут что-то не выходит. Как? Неужели г-н Фрей не понимает, что победа даст привилегированным классам, и прежде всего короне, неслыханную силу? Вы явно проигрываете, г-н адвокат.

Франк Фрей. Тем лучше для вас, государь. Видите, как выгодно принять мое предложение! Все шансы на вашей стороне.

Император. Но мне хочется знать ваши расчеты.

Франк Фрей. Я уже сказал. Громадный индустриальный расцвет Нордландии. Твердое требование рабочего класса иметь в этом расцвете свой пай, закрепление коалиционного правительства с постепенным преобладанием рабочего элемента, рост профессиональных союзов, медленный, но верный переход к нам промышленных заведений, превращение капиталистов в чиновников и управляющих от профессиональных союзов и т. д., и т. д. Я тоже уверен, мне кажется, что я уверен больше вас.

Император. Вы очень умны, г-н адвокат. А мне все-таки кажется, что вы не победите нас, да и ломать вас нам не придется. Мы вас купим.

Франк Фрей. Опять?

Император. Вы сами не заметите, как станете нашим душой и телом.

Франк Фрей. Вы меня мало знаете, ваше величество.

Император. Я молод, но я император. Это дает кое-какой опыт. Кроме того, я страстный игрок и спортсмен. Вы тоже игрок. Я стараюсь не вносить игорного начала в государственные мои обязанности. Ваша политика — вся азарт. Я знаю моих Папенгеймеров. Вы не проиграете. Но если социалистическая доктрина действительно ваша душа, то душу вы потеряете.

Франк Фрей. Как приятно видеть на троне такого обворожительно умного молодого человека. Вам не хватает только хорошей социологической и экономической подготовки. Тогда вы видели бы, что моя игра, как вы выражаетесь, император, есть только верная линия к неизбежному, при правильной тактике, торжеству социализма.

Император. Что же вы молчите, г-н канцлер?

Канцлер. Сочувствие рабочего класса нам необходимо. Нам необходимо также разбить басню о нашей реакционности. Предложение г-на Фрея должно быть принято.

Франк Фрей. И отлично.

Канцлер. Подробности мы обсудим завтра.

Франк Фрей. Я не отниму у вас больше ни минуты.

(Раскланивается и уходит.)

Император. Не рискованно?

Канцлер. Нет. Если рабочие пойдут за нами — мы освобождаемся от тяжелой болезни — революционного брожения. Если нет — мы лишаем их и приобретаем сами очень умного человека.

Император. Кто хитрей — мы или он?

Канцлер. Всеми нами владеет бог.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Бедная комната в рабочем квартале. Справа кровать, полог которой откинут. На кровати лежит больной старик Макс Штарк. Сильно кашляет. У стола с лампой, окруженного ветхой клеенчатой мебелью, вяжет старая Эмма Штарк. Юлиус Штарк, мальчик 14-ти лет, только что вернулся из школы и выкладывает книги из ранца. На стене висит Древо социализма в рамке и портреты Маркса, Энгельса и Лассаля. Макс очень сильно раскашлялся; старуха медленно откладывает работу, встает, подходит к нему, поправляет подушку. Медленно наклоняется, целует его в лоб и возвращается на свое место.

Макс. Юлиус!

Юлиус. Папа!

Макс. Что нового на белом свете?

Юлиус. Ничего, кроме того, что мы читали в газете.

Макс. Ученики?

Юлиус. Мы все теперь патриоты. Защита отечества. Мы молоды, нам не к лицу заниматься мудрствованиями.

Макс. Учителя?

Юлиус. Все уроки заменены призывами к обороне Нордландии и ее культуры.

Макс *(кашляет)*. Олухи. Но чего ждать от щенков и педантов, когда изменили рабочие? Проклятое время, проклятое время! Дай-ка, старуха, мне сесть повыше: я хочу рассказать что-то Юлиусу.

Юлиус. Тебе вредно, папа.

Макс. Зато тебе полезно.

(Старуха подходит, усаживает старика на постели, целует его в лоб.)

Эмма *(тихо)*. Лучше бы не говорил.

Макс. Надо исполнить долг. Юлиус почти гражданин уже.

Эмма. Говори, говори. Только проповеди твои не действуют как раз на твоих детей.

Макс. Поди сюда, сядь подле меня, Юлий.

Юлиус *(подходит и садится)*. Ну?..

Макс. Скучно меня слушать?

Юлиус. Не весело.

Макс. А слушай. Ах, слушай, Юлиус, слушай меня. Неужели упадет факел? Неужели молодые руки не подхватят светоча? *(Кашляет.)* Слушай. Мне было лет 25... Хозяин отправил меня в Лондон присмотреться кое к чему на большом заводе Лесли и Компания. Там служил хороший техник, нордландец Бехер, собака капитала, но знаток своего дела. Он должен был по соглашению с г. Кроником, моим хозяином, посвятить меня в детали и секреты производства. Завод был в предместьи Лондона. И как раз набралось человек 18 нордландцев. Все больше молодежь. Ты слушаешь?

Юлиус. Да, хотя ты это мне уже рассказывал.

Макс. Слушай, ах, слушай, Юльхен. Это надо рассказывать много раз, часто. Мы сидели в пивной «Gambrinus», ели рыбу плесс и запивали портером, как вдруг входит наш приятель, секретарь союза Томас Вигант, а с ним высокий видный мужчина в шинели. Густая седая борода, большие усы. А когда он снял шляпу — высокий белый лоб и чудные, молодые, молодые глаза. Незнакомец спросил: «Нордландские партийные товарищи?». А у меня уже колотилось сердце. *(Кашляет.)*

(Старуха подходит, наклоняется, старается помочь жестами, прикосновениями, целует лоб. Остается близко.)

Макс. А у меня сердце колотилось. Спрашиваю: «Кто вы?» —«Я Фридрих Энгельс». Я схватил обеими руками руку, писавшую Манифест, и жал ее и все хотел сказать, и не мог... и слезы... А все рабочие закричали: «Да здравствует наш альтмейстер Энгельс!» *(Вытирает глаза.)* Он подсел к нам и просидел с нами три часа. Он поучал нас ласково и мудро. Он пел с нами наши песни, революционные и народные. Я спросил его: «Вы не скучаете по Рейну, товарищ Энгельс?». Он ответил: «Наша родина всюду, где живут и борются пролетарии». Тогда Ганнеман, древообделочник, тоже задал вопрос: «А что будет с нами, если разразится война?». Он сверкнул глазами: «Мы будем единой армией труда против грызущихся буржуазных гадов». Так думал старый вождь. И это стало азбукой для сознательных рабочих.—Откуда у тебя, Юлиус, у моего славного Фрица вдруг взялся самый юнкерский шовинизм? О, тупая природа человека, о, пошлое, отвратительное рабское клеймо, как ты глубоко и сильно!

(Дверь распахивается. На пороге Фриц Штарк, веселый, страшно возбужденный, с красным платком вокруг шеи поверх блузы. Машет кепкой.)

Фриц. Юхге! Гейза! Старые и малые, веселитесь! Все идет хорошо. Атака славонцев в Грейских горах богатырски отбита. И я тоже устроен.

Эмма *(робко)*. Освобожден?

Фриц. Зачислен. Иду в бой, 4 месяца выучки, а потом стрелок его нордландского величества! К чорту его величество! Да здравствует Нордландская республика! Да здравствует социалистическая республика Нордландии! Да здравствуют Социалистические Соединенные Штаты Европы и их Красное знамя! Юль, хорошо жить, хорошо умереть! Капитал не выстоит. Он не справится с грозой, которую вызвал. Наступают грозные дни, отец.

Макс. И ты встретишь их под командой какого-нибудь барончика, проливая свою и чужую кровь ради барышей отечественных крокодилов.

Фриц. Я встречу их, как рабочий солдат. Я понесу в армию истинный социализм.

Макс. И протянешь братскую руку славонцу, галиконцу, альбионцу?

Фриц. Когда мы победим их.

Макс. Кто — мы?

Фриц. Нордландия, чреватая социализмом.

Макс *(выпрямляясь на постели, глаза его сверкают)*. Да будет проклят адвокат Франк Фрей, да будет проклят еще и еще раз.

Фриц *(бросаясь к нему)*. Не волнуйся... Ты ужасен. Лицо бледно и багрово, пот на щеках... Как каплешь... Успокойся, дорогой учитель мой, дважды родитель мой... *(Укладывает его.)* Приляг. Успокойся. Верь мне: твои Фриц и Юлиус не опозорят социализма. Дай нам поступать согласно совести нашей и сознанию. Если я ошибусь, я признаю свою ошибку. Мама, закрой занавес на окнах. Опусти полог. Усни, отец. Выпей ложку. Хочешь, я сыграю тебе, я спою тебе?

Макс. Интернационал?

Фриц. Охотно бы, но я хочу успокоить тебя, усыпить тебя. Я спою тебе: «Колыбельную песню моему отцу». Хочешь?

Макс *(кивая головой)*. Когда ты сочинил ее?

Фриц. Почем я знаю?

(Макс закрывает занавеску, задергивает полог постели. Фриц садится на стул в углу, Юлиус приносит ему гитару. Старуха вяжет у стола. Юлиус уставился в учебник. Фриц перебирает тихо струны и поет вполголоса.)

Ты устал работать, дорогой отец...
Опустились руки, утомлен кузнец.
Много силы выпил золотой кумир.
Скоро ль, скоро ль отдых, тишина и мир?
Спи, седой младенец матери земли.
Твои руки, твое сердце людям помогли.
Улыбнись, старик, и сладко, сладко засыпай.
Ты вспахал и ты засеял для потомков рай...

Юлиус. Фриц.

Фриц. Что тебе, братишка?

Юлиус. Мама плачет.

Фриц *(подходя к ней)*. О, как много приходится плакать бедным мамочкам... Право, не надо. Мамочка, жизнь горька. Надобно всю ее переделать. И, кажется, наступает подходящая пора. Я еще жив. Не надо киснуть. Знаешь, мама, я торжественно дал себе слово быть всегда веселым, во что бы то ни стало. Долго ли, коротко ли, но я работаю для вечности, смертный солдат бессмертного войска, а потому отсвет бессмертной победы лежит на челе моем. Ха-ха-ха. Смейся и ты.

Юлиус. Я охотно пошел бы в армию.

Фриц. Бьюсь об заклад, что тебя так и прельщает мундир!

Юлиус. Дурак...

Фриц. Ах, гадина милитаризм. Туда же, кокетничает, хочет быть красивым и обаятельным.

Юлиус. Теперь каждый должен быть патриотом.

Фриц. Каждый, по-моему, должен желать победы Нордландии, как самой передовой по существу страны. Но, видишь ли, — это ради блага всего мира.

Юлиус. Я бы рад был сражаться рядом с тобой. И сказать только: всего на 4 года родись я раньше и был бы уже готовым солдатом! А так... мне жаль тебя... или себя, я уж не знаю. Будет страшно думать о тебе... читать газеты.. получать письма... будет страшно.

(Входит Анна Клейнбауэр.)

Анна *(отворяет двери)*. Можно?

Фриц и Юлиус. Можно, можно.

Анна *(входя)*. Здравствуйте, фрау Эмма. Товарищ Макс Штарк спит? Я буду говорить тихо. Фриц, как же? Идешь?

Фриц. Конечно, иду... Уж не станешь ли и ты плакать, красная гвоздичка, фабричный цветок?

Анна. Я не стану плакать, потому что я довольно плакала уже да и еще придется. *(Пауза.)* У меня есть кое-что рассказать тебе.

Фриц. Сядем. Послушаем. *(Садятся.)*

Анна. Дело в том, что я, наконец, пошла-таки к Клерхен.

Фриц. Так. Это давно надо было сделать. Худо, когда пролетарка выходит замуж за буржуа, но этот Кеппен молод, хорош собой. Клерхен не продалась, а просто влюбилась.

Анна. Слушай. Прежде всего, у них обстановка самая шикарная, какую себе вообразить можно. Все эти гостиные, картины, ванны, ковры и пальмы, и фарфор. Сколько лишних пустяков и чего все это стоит нам!

Фриц. Так... Ну, а господин Кеппен?

Анна. Вот тут и начинается самое нелепое. Мы сидели на каких-то шелковых диванчиках и пили чай с бисквитами. Вдруг является элегантный и с какой-то пружинной походкой господин Кеппен. Входит, останавливается и хлопает глазами, как какой-нибудь деревенский пентюх. Клерхен смеется, кидается ему на шею, он ее целует и говорит: «Я думал, что нет на свете женщины красивее тебя, но твоя сестра — это что-то волшебное!». Целует мою руку, пользуясь минутой моего смущения. Клерхен говорит: «Так что ты жалеешь, что не познакомился раньше с Анной?.. ты сделал бы другой выбор?». Тогда я крикнула: «Я не давала права г-ну Кеппену выбирать!». Бедная Клерхен! Я уверена, что она была огорчена. Я сейчас же ушла. Кеппен сидел, как вареный. Ноги моей больше не будет в этом доме.

(Фриц и Юлиус смеются.)

Юлиус. Бедная Анна, тебе некуда деваться с твоей красотой.

Анна. Это мое проклятие. Ты знаешь, Фриц, что я говорю совершенно серьезно. Работница, когда она красива, пренесчастнейшее существо. Чувствовать себя лакомым куском для всей мужской погани, не иметь возможности видеть в мужчине человека, а только волокиту и козла.. Фриц, Эмма, у меня были чудные волосы, уверяю вас, золотистая коса до колен! И я любила ее, но я ее отрезала. Я одеваюсь так скупо, что иной раз мне стыдно перед подругами. В конце концов, я выколю себе глаза, или, по крайней мере, вырву себе передние зубы.

(Фриц и Юлиус хохочут. Снаружи раздается песня:)

Пение.

Да здравствует союз рабочей молодежи.
Да здравствует пурпурная заря.
Мы на весеннюю грозу похожи.
На тело отрока-богатыря.

Хор.

Небесный бог — одна химера.
А жизнь без веры — канитель.
Социализм — вот наша вера.
Социализм — вот наша цель.

Фриц *(бежит и раскрывает двери)*. Якоб, Венцель, Альбрехт! Дружищи, здорово.

(Молодая компания вваливается. шум молодых голосов.)

Якоб. Идешь?

Фриц. Иду, а ты?

Якоб. Иду, и Альбрехт идет. Мумм не идет, бедняга.

Мумм. Да, потому что, видишь ли, у меня чахотка.

Якоб. И все мы немножко пьяны и пошли звать тебя в «Красный Колпак».

Макс *(раздвигает полог около своей кровати)*. А, орлята! Здорово!

Все. Здравия желаем, товарищ Штарк.

Макс. По-солдатски. Что же, патриоты?

Якоб. Социалисты! Но прежде всего надо жить и не подпасть под иго Альбиона!

Макс. Отравленный юноша, отравленный юноша.

Фриц. Отец, не спорь! Верь, у нас горячее сердце, мы добрые пролетарии. У нас нет ни капли нордландской гордыни, мы — люди! Сейчас нам кажется, что дело так называемой родины и дело нашего класса — едино.

Макс. Кажется! Но это не так! Ваше дело — борьба со своим правительством и мир с соседними тружениками!

Анна. Как прекрасно, как ясно все, что говорит старик! Вы идете, куда вас гонят! Я знаю, что жестоко говорить это вам в такой час, но это так...

Эмма. Анна, не огорчай их в такую минуту.

(Вбегает Зеннерль.)

Зеннерль. Товарищи, я из лазарета! Там лежит наш милый Лотар Шульц... без обеих ног и без одной руки. Он уже разговаривает после операции... он уже разговаривает. Знаете, что он говорит? — Проклятие войне, проклятие родинам всех цветов!.. и около него плачет его Эмма. *(Пауза.)*

Макс. Проклятие войне. Проклятие родинам всех цветов. Проклятие изменникам, лжеучителям Фреям. Пусть бы калечили вас, пусть бы убивали в святой революционной борьбе, а не так.

(Голос его прерывается рыданиями, он страшно кашляет и падает на подушки.

Мрачная пауза.

Снаружи разносятся «Адлермарш» и шум шагов проходящих отрядов. Марш затихает, а молчание все царит в комнате. Кашляет Макс Штарк и всхлипывает Эмма.)

Фриц. Да... Но я поклялся быть веселым. Товарищи, в «Красный Колпак». Что вы носы повесили? Главное, быть честным рабочим! Главное — не быть трусом и нытиком. Подойдем к делу ближе и разберемся. Дружно!

Да здравствует союз рабочей молодежи

. . . .

(С пением молодежь уходит.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

В доме канцлера. Большая гостиная, рядом со столовой. Богатая, но довольно аляповатая мебель. Не очень светло горит одна электрическая лампа на одном из столов в углу. Дверь в столовую открыта. Там смех, шум, звон посуды, очень светло. Видны дамы в декольте и мужчины во фраках, смокингах и разнообразных военных мундирах. Лакеи прислуживают. В гостиной около стола с лампой сидит и курит Кеппен, против него молодящийся граф Леопольд фон-Гаторп и секретарь канцлера Петлиц.

Кеппен. Это очень просто.

Петлиц. Как же иначе?

Кеппен. В законе божьем сказано: шесть дней трудись, а седьмой—богу, и, правда, я делю свое время приблизительно в этой пропорции. Я работаю титанически, колоссально. Теперь я спрашиваю себя: как можно лучше организовать мое наслаждение, мою субботу?.. Искусство? Но это же чепуха. Все мы притворяемся, что будто оно нас интересует. Конечно, я за хорошую обстановку, но вот и все. Стол? — грубо. Вино? — вредно. Игра, спорт? — утомительно и похоже на работу. Итак — любовь! Как? — Разврат? — вреднее вина и приедается. Ухаживание за светскими красавицами? — Монотонно, пресно. Брак?.. — Да... Брак для наслажденья... Стало быть, жена, которая жила бы для меня, для моего наслажденья... Но тут уже на сцену выступает индивидуальный вкус. Мой вкус: чувственная, но скромная, полная возможностей, но неопытная, похожая на ангела девушка блондинка. Фауст был прав. Я нашел очаровательную Гретхен и женился.

Гаторп. Счастлив?

Кеппен. Очень долго был доволен. Теперь пришел к мысли, что брак хороший, абсолютно моногамный, должен длиться от 8 до 20 месяцев, но не дольше. *(Пауза. Взрыв хохота доносится из столовой.)* Я выбрал прелестную женщину из числа приказчиц моего магазина. Одну из красивейших,

каких я встречал в жизни. Но вообразите мое удивление: я недавно познакомился с ее старшей сестрой, представьте, простой работницей с какой-то перчаточной фабрики. Она во сто раз красивей моей жены. Это нечто ослепительное.

Гаторп. Вот вкус. После приказчицы — работница! И ты собираешься жениться на ней? Переменить сестер?

Кеппен. Эта, кажется, довольно неукротимая лошадка, которую не так легко оседлать. Наверно, к тому же она уже имеет свое сокровище в образе какого-нибудь наборщика или аптекарского ученика.

Гаторп. Кеппен, ты все-таки из народа. Чтобы я унизился до таких браков! Органически не могу. Не из предрассудка, — органически... Я должен чувствовать голубую кровь... Манеры... Как она носит платье... как она говорит по-французски... малейшая вульгарность — очарование исчезло.

Кеппен. Ну, графиня Митси, твоя очаровательная супруга, хотя и аристократка, даже не с голубой, а индиговой кровью, держится как сверхкокотка!

Гаторп. Ах, у тебя нет чутья. Когда женщина умеет, понимаешь, умеет носить платье, парижские туалеты, то она может позволить себе хоть перекинуть шлейф через плечо...

Петлиц. Или даже совсем снять с себя этот туалет!

(Смеются.)

Гаторп. Митси очаровательна. Ее дерзость принята всюду. Это — жанр, который, в единственном экземпляре, столь необходим большому свету столицы.

Петлиц. Граф Лео и графиня Лара. — Пойдемте в курительную.

(Граф Лео и графиня Лара входят из столовой. Он закрывает за собой двери, становится тихо. Три собеседника уходят в боковую дверь.)

Лео. Вовсе не хочу вас пугать. Но я знаю, что буду убит очень скоро. И это мне нравится. О, не подумайте, что я устал жить. Ничего подобного. Жизнь — браво! отлично! браво!.. Это красиво, любопытно, сильно.. Вот я *(смотрит в зеркало)* молодец. Настоящий нордландец... Все на своем месте, ха-ха-ха! от холодной синевы глаз до пуговиц мундира, от усов до темляка. Ха-ха-ха!.. И вот помчаться в один из близких дней в карьер, в атаку, крикнуть всей грудью: бог войны, в руки твои предаю дух мой! И вдруг— бац! Страшным ударом быть разбитым... Кануть в вечность... А красивый труп подберут. И будут править тризну... И в скольких женских сердцах останусь я жить молодым богом в таком сиянии, какого нельзя достигнуть при жизни ни в чьем сердце.

Лара. Конечно смерть... это ужасно интересно... Я никому не советую жить. Мне 19 лет, но я уже не могу ждать неизведанного. Все слишком прозаично. Хочется другой земли и другого неба. Я тоже была бы рада умереть. Я даже говорила Роберту: «Не думает ли он, что хорошо бы умереть вдвоем, вот как отправляются в Каир?».

Лео. А он?

Лара. Он меня сразил. Почем ты знаешь, что мы там будем вместе? Земля почти ад, но тут ты моя. И он так испуганно смотрел на меня. Роберт тоже не любит жизни. Никто не любит жизни. Но он любит меня.

Лео. Больше, чем вы его?

Лара. Нет... Он — самое лучшее на свете. Лучше его и его стихов ничего нет. Но когда вы написали мне сейчас, я почувствовала, что и вас я страшно люблю... *(Читает записку.)* «Через два часа еду, чтобы не вернуться. И ни разу не поцеловал страстно, как хотел бы, эти тонкие губы, эти темные очи». Через 2 часа? Что же... хотите вы поцеловать меня здесь? Сюда каждую минуту могут войти.

Лео. Слышите? Там тихо. Кто-то говорит речь. Ха-ха-ха! Дай мне поцеловать тебя, только поцеловать тебя, чтобы я ска-

зал себе, что и тебя я целовал, и чтобы ты вспомнила мой поцелуй, когда я умру. А делать тебя неверной брату моему миннезингеру я не хочу, если бы и мог.

(Обнимает и целует Лару.)

Лара. О! какой поцелуй... Так целовал севильский обольститель.

Лео. Это вкус смерти делает мой поцелуй таким пряным.

Лара. Пряный, пряный поцелуй, как далекий остров.

Лео. Будто!? Хочешь еще? *(Опять целует е*

(Дверь открывается и входит Роберт.)

Роберт. Лео, барон Рейх говорит о тебе... не совсем удобно, что тебя нет. *(Всматривается в них и быстро зажигает электрическую люстру. Яркий свет.)* Что тут? *(Сейчас же гасит люстру.)* Разве это нужно, Лео? Такое прощание? *(Принужденно смеется.)* У тебя стадо тучных телиц, но ты вожделеешь к овечке бедняка. *(Круто поворачивается и уходит.)*

Лара. Это неприятно.

Лео. Нет ничего неприятного на свете. Вы так думаете потому, что не умираете. Война — чума! Да здравствует пир во время войны! Мы—morituri. Не сметь отказывать нам! Да еще в такой малости. Да еще в такой малости...

Лара. Пойдемте туда.

Лео. Конечно.

Лара. Лео, Роберта не возьмут на войну?

Лео. Нет, Лара, нет... Я надеюсь, что не возьмут.

Лара. Разве есть хотя малейшая возможность?

(Лео ничего не отвечает и уходит в дверь, в столовую. Она хочет спросить его о чем-то, но не успевает и идет за ним.)

Гостиная остается минуту пустой. Потом сбоку входит канцлер, подходит к двери и издали смотрит в нее. Делает еще шаг вперед, потом отходит в угол. Задумывается, взяв в руку бороду. Взглядывает на светящуюся дверь, откуда слышен смех и говор. Медленно уходит, откуда пришел.

Два лакея входят, зажигают люстру, расставляют чай, открывают рояль.

Входят графиня Митси, Гаторп, виртуоз Радефи и флигель-ад'ютант императора.)

Митси. После шампанского хочется чего-то особенно бравурного. В pendant к Лео. Вы знаете, графиня Турау—венгерка, как и вы.

Радефи. Она урожденная княгиня Ванольи. Знаменитый род.

Митси. Если бы Лео умел импровизировать — вы сыграли бы что-нибудь сверх'естественное, страстное, а он бы нашел слова бесстыдные и острые, как жало осы.

Радефи. Я люблю самозабвенную вакхическую музыку Листа, переложенного на Скрябина...

Митси. Но бедный Роберт... он, конечно, — гений, но он же кролик! ха-ха-ха!.. Боже мой, как мне хочется танцовать!.. Не наши надоевшие танцы, не танго даже, а безумие любви перед глазами смерти. Вот! чтобы сидела смерть с пустыми глазами, а мне «обнаженной» об'яснить бы ей без слов, что̀ такое упоение страсти. Вы могли бы сыграть такое?

Радефи. Почему же нет? Я все могу.

Флигель-ад'ютант. Ха-ха!.. Фокусник персидского шаха, который оказался евреем из Волочиска, хотя действительно имел орден Льва и Заходящего Солнца, когда

император спросил его, может ли он, как делают факиры, прекратить дыхание на 24 часа, сказал: я все могу.

Митси. И смог?

Флигель-ад'ютант. Нет.

Радефи. Уверяю вас, все, что выразимо на рояли, — мне покорно.

(Входят все гости.)

Лео. Чай? Бог с ним. Еще шампанского. Мы будем слушать с бокалами в руках.

Гаторп. Но надо же быть уверенным, что это действительно импровизация?

Петлиц. Да ведь мы делаем это так: Радефи играет и уже в ритм его музыки мелодекламирует граф Роберт.

Гаторп. И на заданную тему?

Лара. Вы хотите связать поэта и чужой музыкой, и чужой темой. Я не люблю, когда Роберт так импровизирует.

Митси. Это напоминает еврея из Волочиска, который получил орден Льва за фокусы.

Лео. Тс! Будьте веселы, но серьезны. Мы предоставим поэту известный выбор и известную свободу. Роберт, ты с'импровизируешь на тему: самое замечательное твое переживание сегодняшнего дня.

Роберт. Да... охотно...

Голоса. Браво!!

Радефи. Но мне надо же знать, что̀ это такое? Веселое? грусть? страсть?

Роберт. Всякое... Это скажется под всякую музыку.

Голоса. Браво!!

Лео. Тс! Играйте, Радефи.

(Радефи играет. Роберт стоит возле него. Сдержанный говор, немного смеха.)

Митси. Музыка не банальна. Это с огоньком.

Гатори. И все-таки это не шампанское, а токайское. Это сладко.

Иетлиц. Но вместе с тем немного терпко. Это-то и хорошо.

Лео. Тс...

Роберт.

Сегодня, сегодня.
Пришло и пройдет...
Бокалы с тоскою...
Смерть — хитрая сводня.
С когтистой рукою
Хвостатый Эрот.
Бледна полумаска...
То снег или шелк?
Бледнее окраска
Испуганных щек.
Все лампы рентгенны.
Все кости наружу,
А сердца все нет.
Я тленный, я пленный.
Тесней себя сужу
И буду я — только поэт

Дайте мне другую тему, другой темп, Радефи. Ну, хоть так.

(Пауза.)

Ты уходишь в смерть, я знаю,
Но туда идем мы тоже.
Все живет так близко к краю,
Всем нам бездна строит рожи.
Призрак ты. И я — виденье.
В царство теней видел нить.
Люстра вспыхнула. Мгновенье
Средь мгновений. Оборвалась...
Ариадны нить порвалась...
Надо жить...
Призрак ты. Да, юный воин.
Призрак. Сгинешь. Нет тебя.
Ты спокоен. Я спокоен.
Ты мертвец. Покойник я...

Довольно, Радефи, я не в духе сегодня.

Голоса. Браво!!

Митси. Это туманно, но остро и оригинально. Хотя мы уже пережили полосу этого символизма. Радефи, сыграйте какой-нибудь сверхдемонический вальс.

Гаторп. Роберт Дорнбах, несомненно, талантлив, но... скучноват.

Лео *(тихо Ларе).* Лара... Вы плачете? Это хорошо. Подите к нему с этими слезами в глазах. Они лучше ваших бриллиантовых серег.

Кеппен. Графиня Митси, бьюсь об заклад, тоже хочет с'импровизировать.

Флигель-ад'ютант. Своими ножками... своим восхитительным телом.

Гости. Просим, просим, графиня Гаторп... потанцуйте нам. Митси, Митси! Что-нибудь новое, что-нибудь острое. Она прелестно танцует. Колоссально.

Митси. Я согласна.

Радефи. Итак, дьявольский вальс.

Митси. Лео, Роберт, сядьте сюда. Я буду танцовать для вас.

(Радефи играет. Митси танцует страстный и несколько разнузданный танец.)

Голоса. Браво!!

Митси. А если браво, то, ради бога, пить.

Голоса.
- Шампанского для Митси!
- Ее танец пьянее всякого шампанского.
- Но в отличие от вина он только возбуждает жажду.
- Шампанского! Шампанского!

Лара *(подходит к Петлицу).* Петлиц! скажите, разве Роберт в безопасности?

(Петлиц пристально смотрит на нее.)

Лара. Почему вы так смотрите? Петлиц, вы меня мучаете? Петлиц, Петлиц, вы смотрите так на меня, словно палач на жертву, которую он пытает.

Петлиц *(с искренним наслаждением)*. Вопрос о зачислении графа Роберта фон-Турау по настоянию его батюшки решен. *(Лара хватается за ближний стул.)*

Лео *(хватает в об'ятия Митси)*. Как она великолепна! *(Целует ее.)* Без всякого позволения вашего и Гаторна. И вы должны приехать на позиции и танцовать там.

Митси. Под грохот орудий! Непременно приеду.

Лара *(опирается на кресло Роберта и наклоняется над ним)*. Мне надо говорить с тобою, сейчас, сейчас!

Роберт *(вставая)*. Мне не надо. Даже нельзя. *(Отходит.)* Кеппен, почему вы не приведете жену? Она, говорят, красавица у вас?

Кеппен. Она робка.

Гаторн. Кеппен ревнив, как султан!

Митси. Моя настоящая жизнь, — танец.

Лео. Будто? И никакой другой настоящей жизни?

Митси. Уверяю вас, я никогда не испытывала столько сладострастия в другие моменты, как в моменты удачного танца.

Лео. О, это заметно. Я бы сказал, что в вашем танце вы как-то изумительно приближаете к себе каждого, кто на вас смотрит.

Офицер. До вакхической интимности.

Другой офицер. До своеобразного обладания.

Лео. У вас есть один или два жеста, которые в этом отношении — шедевр.

Митси. Я знаю. Вот это. *(Принимает одну из своих поз. Все окружающие аплодируют.)*

(Входит канцлер. Все раздвигаются. Он идет прямой, чопорный, черный.)

Канцлер. Господа... Сожалею. Понимаю потребность молодости повеселиться перед делом. Но в доме канцлера в этот час не должно быть музыки и огней. Господа, 7 армия, под напором превосходных сил, непрерывно сражаясь 38 часов, отступила, оставив на поле битвы 30 тысяч нордландских юношей. *(Пауза.)* Лео и Роберт, пройдите к вашей матери. Она очень нездорова. Извиняюсь, господа.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Через 6 месяцев. Ставка начальника кавалерийской дивизии графа Лео Дорнбаха фон-Турау. Обстановка военно-походного времени. Довольно близко к позициям. Лео сидит на стуле у стола и пишет. Два других офицера работают за другим столом. Вестовой у дверей.

Лео *(бросая перо)*. Так... Фу, ты, боже, сколько на меня навалили канцелярщины. Прескучная война, Пфеффер. Какая-то математическая бойня, где коробки с консервами играют главную роль и где люди убивают друг друга, не видя врага. *(Потягивается.)* Тандер, сегодня я буду пить. Не очень много, но очень хорошее вино. В этом чортовом гнезде нет никаких развлечений и все мне надоело. К чорту! Скорей бы мир или смерть. Судьба начинает издеваться надо мною.

(Телефонный звонок. Молодой офицер подходит к телефону.)

Молодой офицер. Да... ставка 4-й конной дивизии... да... так... сейчас доложу. *(Кладет трубку.)* Ваше превосходительство, неприятельский летчик перелетел форпост и направляется сюда. Если его не задержит 142-я батарея, то он будет здесь через один час с небольшим.

Лео *(слегка зевая)*. Чепуха, его не пропустят так далеко.

Старший офицер. А в прошлый четверг?

Лео. С тех пор приняты меры.

(Входит полковник фон-Окрейц из штаба.)

Окрейц. Ваше превосходительство!.. Полевой жандармерии удалось накрыть главного виновника братания с галиканами. Согласно распоряжению вашего превосходительства, ввиду несомненной необходимости применения высшей меры наказания, преступник доставлен сюда для личного допроса вашего превосходительства.

Лео. Ну, вот. Слава богу. На это уйдет полчаса. На войне ты вечно занят и вечно скучаешь. Если суб'ект мало-мальски интересный — мы поговорим, по крайней мере. Введите.

(Вводят Фрица Штарка под конвоем.)

Лео *(они смотрят некоторое время друг на друга)*. Имя?

Фриц. Фриц Штарк, унтер-офицер 66 стрелкового

Лео. Коммунист?

Фриц. Да.

Лео. Хочешь домой? Струхнул? Или ум за разум зашел?

Фриц. Прояснился.

Лео. Да. В ваших головах прояснилось с такой быстротой, что нам приходится тратить порядочно патронов для вашего успокоения, господин «товарищ».

(Пауза.)

Болван! Ведь у тебя интеллигентное лицо. Что тобою руководит, когда ты предаешь родину? Болван!

Фриц. Довольно. Вы унижаетесь до ругательств. Улики налицо. Расстреляйте. А слушать глупости не заставляйте.

Лео. Молчать!

Ф р и ц. Кажется, вы граф Турау. У вас есть брат поэт. Ваш отец человек своеобразного высокого настроения, хотя и слепец. А вы ведете себя как бурбон с умным и честным юношей, которого собираетесь хладнокровно и без борьбы убить.

О к р е й ц. Ваше превосх... Ввиду того, что суб'ект сознался, можно отвести его на гауптвахту до утра. А потом, после короткой процедуры...

Л е о. Полковник Окрейц, я дам вам приказания, когда найду это нужным. Обыскали его?

О к р е й ц. Да, ваше превосходительство... Вот его записная книжка и пара писем к нему, повидимому, от любовницы.

Л е о. Дайте сюда. *(Перелистывает книжку.)* Философ. «Даже самому счастливому не стоило бы жить в рамках личности». «Самое большое счастье все-таки мелко. Его достаточно разве на то, чтобы испытать удовольствие, бросая его в горнило, где создается будущее». — Это недурно... Вы студент?

Ф р и ц. Слесарь.

Л е о. Стихи... Окрейц, Тандер, Пфеффер, пожалуйте-ка сюда, послушайте-ка, какие он пишет стихи:

И я поверил вам. И на минуту
Под общим флагом выступил с мечом.
Какой позор! Нет, Цезарю и Бруту
Союза нет. Быть вашим палачом
Моя мечта! О, палачи народов,
Уроды, деспоты своих рабов уродов!

Гм... Окрейц, какая пламенная риторика!

Ф р и ц. Да... Это немного риторично, но ведь это писалось под шрапнелями. Нервы бывают натянуты.

Терпи, солдат, веди в тиши подкоп
И утешайся знанием их краха.
Рабочий мир положен в грязный гроб
Под панихиду боли, злобы, страха.
Но встанет он!.. А он ведь это — ты же.
Умри, но мести день придвинь, солдат, поближе!

Окрейц. Я все же думаю, ваше превосходительство, что пора кончить.

Лео. Да... И вы, конечно, декламируете такие вещи, и разбрасываете их всюду? Хорошая работа. Ба... Тут и лирика. Какая хорошенькая головка. Это рисовали вы? *(Молодой офицер подходит и смотрит.)* Посмотрите, Пфеффер, какая великолепная головка. У него талантливый карандаш. И тут подписаны стихи

Вся эта жизнь мне как-то странна,
Живем в преддверии чудес.
Чего-то ждет под снегом лес
И в снах моих ждет чуда Анна.

М-м... Смотрите, как он выразил ожидание в глазах, в повороте этой головки. И как он набросал эти сосны!.. Да... Так-то, молодой человек. *(Встает и ходит по комнате.)* Да... Вы не достойны носить оружие!.. Полковник, распорядитесь отправить его сейчас же в тыл. В нестроевую роту! Метлу ему вместо ружья!

Окрейц. Но, ваше превосходительство...

Лео. Довольно! *(Звонок по телефону.)* Уведите его. Отослать его в сопровождении бумаги... За недостойное поведение на фронте. Идите.

Молодой офицер *(у телефона)*. Да... я доложу... Ваше превосходительство, неприятельский летчик пролетел над 142-й батареей. Надо распорядиться о тихой тревоге. Надо погасить огонь. Надо приготовить зенитные орудия.

Лео. Ну, конечно. Отправляйтесь, любезный, и берегитесь! *(Уводят его.)* Что за чепуха на самом деле: стану я нордландской пулей убивать такого юношу. Ведь это же прелесть!

Окрейц. Простите, ваше превосходительство. Но я протестую всем сердцем. Театр военных действий не место для сентиментальностей.

Лео *(громко).* Но и не для непослушания, господин полковник. При мне вы не имеете права иметь своего мнения.

(Входит вестовой.)

Вестовой. Прибыл верхом какой-то уланский корнет. Просит срочно передать вам записку. Престранный юноша, если осмелюсь так выразиться, ваше превосходительство.

Лео *(читает).* Это еще что. «Я тот, кто танцовал танец смерти и наслаждения. Примите наедине. Не раскаетесь».—О, какая романтика. Вероятно, сумасшедший. Ну, оставьте меня с ним на минуту. Сегодня романтический вечер.

(Входит изящный корнет в шинели. Отдает честь и щелкает шпорами. Все уходят.)

Корнет *(сбрасывая плащ).* Не узнали?

Лео. Женщина. Да?.. Как!.. Митси. Браво, браво!

Корнет. В женском платье сюда не пускают.

Лео. Да так еще прелестней. Эй, егерь!

(Входит вестовой.)

Лео. Разве я не приказал подать сегодня шампанского? Разве не пора уже ужинать?

Егерь. Сию минуту, ваше превосходительство. *(Уходит.)*

Лео. Ну, Митси, поцелуемся. Ах, какой прелестный мальчик! Плутовка. Мордочка. Но тебе только в шинели удается скрыть, что ты женщина. И даже очень.

Митси. Но, с другой стороны, мне не стыдно показаться в рейтузах. Доктор Эмзе, который видал меня так, сказал, что у меня линия керамического шедевра!

(Денщики быстро накрывают на стол, ставят блюда и бутылки.)

Лео. Прошу вас, г-н корнет. *(Они садятся.)* Пошли вон, друзья мои. У нас секрет с молодым героем.

(Денщики уходят.)

Лео. Ну, чорт побери твой авантюризм! Ты знаешь, что сегодня здесь даже опасно? Приближается неприятельский летчик.

Митси. Сюда?

Лео. Да.

Митси. Зачем вы пугаете меня. *(Кашляет.)* Я даже поперхнулась вином. Вы солгали.

Лео. Солгал, солгал...

Митси. Не надо пугать меня. Петлиц сказал мне, что здесь совершенно безопасно.

Лео. Стреляют только твои глаза и... смертельно ранят. Супруг?

Митси. Кто о нем спрашивает? Не спросите ли вы и о моем поваре?

Лео. За их здоровье! *(Пьет.)*

Митси. Чье?

Лео. Графа Гаторна и твоего повара! Все это ужасно весело. Ты знаешь, — ведь дела у нас опять поправляются.

Митси. О, скорей бы мир! Как я закружу тебя!

Лео. Но я-то буду убит, я с тем и шел на войну.

Митси. Бомбой вот такого летчика?

Лео. Никогда. В этом-то я могу быть уверен. Я умру красиво. Героически. Как умирали герои Илиады. Это я знаю. Это единственная моя мистика: что я умру скоро и умру красиво. Я удивляюсь, что жив до сих пор. Это судьба хра-

пила меня для той ночи, которую мы проведем вместе. Вот бокал, он у губ. Его-то судьба уж не сможет отнять.

(Отдаленный гул взрыва. Быстро входит молодой офицер.)

Молодой офицер. Неприятельский летчик над квартирой. Я должен доложить вам, ваше превосходительство, что, к сожалению, у нас не все благополучно, заметно некоторое смятение.

Лео *(ставя бокал на стол).* Чертовщина! Иду. Митси, 10 минут. Мы с Гарровиусом спустим этого летчика на землю в одну минуту. *(Берет бинокль и выходит.)*

Митси *(одна).* Я боюсь. Никого нет. *(Гул взрыва совсем близко.)* Ах! Господь мой! *(Выстрел из пушки один, потом другой. Затем снова гул взрыва очень сильный.)* Господи, Иисус, Мария... Господи... Только не меня, только не меня... только не меня!.. О, Господи! Ах! Как мне страшно. *(Новый выстрел из пушки.)* Помогите, помогите, страшно!

Окрейц *(быстро входит в комнату).* Большое несчастье, генерал фон-Турау убит.

(Входят еще несколько офицеров с довольно растерянным видом.)

Окрейц. Что же, пусть его несут сюда.

Молодой офицер. Господин полковник, что вы хотите, чтобы они несли? От него ничего не осталось.

(Митси вскрикивает и падает в обморок.)

Окрейц. Офицерик — баба!

Молодой офицер. Это — женщина молодая, полковник!

Окрейц. Бедный Турау... Он любил пожить...

Молодой офицер. Галицийский летчик, вероятно, тоже. Мы ловко спустили его. От аппарата и людей осталась только куча дребезгов.

Старший офицер. Жизнь за жизнь. Надо позаботиться о дамочке. *(Брызжет водой в лицо Митси.)*

Пришедший офицер. Какое лишение! Какая потеря! Вы видели лицо Турау? Какой ужас застыл на нем. А ведь он был храбрец.

Окрейц. Разве лицо сохранилось?

Пришедший офицер. Да. Солдаты нашли голову... Страшную голову. Словно он увидел в последний момент что-то более жуткое, чем бомба и смерть!

(Грохот барабанов. Труба играет сбор.)

Митси *(приходя в себя)*. Где я? Где он? О, домой, домой!

(Офицеры переглядываются, пожимают плечами и уходят.)
(Митси остается одна. Барабан. Сигналы горнистов. Митси горько плачет, как ребенок.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Кабинет канцлера. Большое распятие над столом. Пуританская строгость обстановки. Канцлер и Петлиц. Горят электрические лампы.

Канцлер. Да... Повидимому, надо во что бы то ни стало воспользоваться этим очевидным поворотом успеха в нашу полосу и вырвать у них мир. Надолго нас не хватит. Мы не сумели, не смогли опрокинуть их с первого натиска и уж тогда стало ясно, что они доймут нас голодом. О, этот голод, Петлиц. Кусок застревает в горле. Когда на обеде у Беренберга начали подавать блюдо за блюдом, — я делал героические усилия, чтобы не встать и не уйти.

Петлиц. Но император был так весел. *(Пауза.)* Главный враг — коммунист. Это червь, который гложет...

Канцлер. Петлиц, я ненавижу этих фанатиков. Я знаю, какой у них грязный хвост. Сколько шкурников и проходимцев привязали свои лодки к этому партийному пароходу. Но, Петлиц, когда вчера на обеде... О! Этот обед. Император мог бы пощадить меня, хотя бы вспомнив о моем горе...

Петлиц. Но посланники Атлантиды?

Канцлер. Да... на этом обеде... да... когда я видел эти лица сытые и пьяные!.. слышал эти шутки... шум... О. Боже! Они не думали, они забыли окопы, лазареты, могилы... Забыли матерей, плачущих над голодными малютками...

Петлиц. Граф очень сердоболен. Ах, канцлер, вы — христианин. Много ли таких?

Канцлер. Я сердоболен? Я шел на войну, зная, что придется брести в крови по губы. Именно потому, что верю. О, я произносил почти ту же фразу, что изувер, приказавший убивать правых и виноватых. Господь разбирает своих. Да. Согласно Бхагават Гите! Строится великое! Нельзя жалеть смертных тел, а душам ведет счет отец наш небесный.

Петлиц. Редкий, редкий дух. Сохранить в наше скептическое время рядом с университетами, обсерваториями, лабораториями такую детскую веру.

Канцлер. Петлиц, вы хитрый человек. Вы от дьявола. Вы любите мучить людей и издеваться над ними!

Петлиц *(испуганно)*. Что с вами, граф! О, как вы меня напугали... сказать такую вещь про вашего Петлица? Преверного Петлица, вашего поклонника? Про честного Петлица? Разве виноват бедняга Петлиц, утлый сосуд, что он не сумел сохранить веры в своей слишком плоской душе? Не все глубоки, г-н граф, не все велики. О! как вы испугали меня.

Канцлер. Сохранить детскую веру?.. Да, я пронесу через скорбь и радость, величие и падение, если угодно будет богу низринуть меня, — веру угольщика.

Петлиц. Граф горд. Христианской гордостью, конечно. Если бы тайна тайн разверзлась и всем видно стало, что на дне мира никого и ничего нет, — вы бы и тогда упорно повторяли: вижу господа миров!

Канцлер. Может быть, Петлиц. Может быть... Но когда я шел так прямо на гибель сотен, тысяч, миллионов ради, казалось, так хорошо рассчитанной победы, я делал это торжественно и свято. А эти шуты!

Петлиц. Император умен и сердечен, но легкомыслен.

Канцлер. Государь... Государь император... Монарх... Хотелось бы произносить это слово с благоговением, как слова «боже, господи... Спаситель рода человеческого. Судья грядущего суда»... Самое страшное в мире то, что бог позволяет существовать царям и первосвященникам, пятнающим трон и алтарь.

Петлиц. Император все больше вовлекается в игру и любовные интрижки.

Канцлер. Что делать? Он—дитя.

Петлиц. Да... Конечно... Ведь его величеству всего 30 лет. Графиня Гатори, знаменитая Митси, вернулась почти больной после трагической смерти молодого графа, и император принялся утешать ее.

Канцлер. Петлиц... Тут донесения тайной полиции. Вы отметите все интересное.

Петлиц. Они утешают друг друга, его величество и Митси. Время теперь тяжелое, а императрица больна.

Канцлер. Гм... Не забудьте отдать распоряжение об ускорении выдачи дополнительных пайков вдовам павших.

Петлиц. Говорят старик профессор Ласвиц, учитель императора, осмелился сказать ему, что пошли слухи о слишком шумных ночах в Герцен-фриде...

Канцлер. Оставьте, Петлиц...

Петлиц. Я хотел только рассказать, что государь ответил старику: «Это от горя. Я и графиня Гаторп ведем войну с нашей тоской!» После обеда у Беренберга, так называемые рыцари круглого стола с одной только дамой, графиней Гаторп, уехали в Герцен-фриде и там, говорят, шло что-то ужасное... Трудно поверить... Передают такие подробности...

Канцлер. Петлиц!

Петлиц. Виноват... Да, дополнительные пайки для вдов?.. Слушаюсь...

Канцлер. Никогда не говорите мне мерзостей!

Петлиц. Это донесения полиции... Да, я размечу... Граф, к вам идет графиня фон-Турау. Я удаляюсь.

(Собирает всякие бумаги в портфель и уходит. В ту же минуту входит графиня Турау в глубоком трауре. Садится около канцлера. За окном сильно воет ветер. Кажется, что кто-то большой и больной рыдает.)

Графиня. Карл...

Канцлер. Ну?.. Вы опять возбуждены, моя милая. У вас опять очень нездоровый вид.

Графиня. Карл... Я прошу вас выписать мне Шеделя.

Канцлер. Но это шарлатан.

Графиня. Выпишите мне Шеделя... Мне надо поговорить с Лео. Мне надо поговорить.

Канцлер. Надо верить богу и церкви, а не спиритам.

Графиня. Но он говорит... Слышите, как плачут души? Слышите? Я видела его опять... Это второй раз. Он ужасно смущенный... Все словно припоминает что-то... Как они плачут, души... вы слышите? Я его спросила: «Лео,—сказала я ему,—Лео, ты теперь там, скажи мне, скажи маме, ведь Роберт будет жить? будет жить долго? до моей смерти?» А он... ничего... молчит... и вдруг сделал жест, что ему очень хочется курить... вот так... и жалко улыбнулся... *(Вытирает глаза.)* Вы слышите, как плачут души?

Канцлер. Вы больны... Утешьтесь, я просил Лютоффа отпустить Роберта в редакцію «Солдатской Чести» сюда, в Махтштадт... Успокойтесь... он скоро будет с вами. Успокойтесь и лечитесь.

Графиня. Да? Вы распорядились? Как это мило, как это мило. Наконец-то! Я знаю, что это было вам трудно... Карл, какие мы чужие! Я понимаю вас, но так издали, издали. И мы всегда были такими чужими. У нас есть дети, трое детей... Двое там, один здесь... А мы такие чужие... Карл, ветер воет? Сегодня вьюга... Надо сделать светло... Нет не надо... все равно. Может быть, Лео здесь, может быть, много света ему не нравится... кажется, он теперь не любит, когда много света. *(Пауза.)* Карл, вы сделали меня очень несчастной. Вы мне подменили жизнь. И вы *(вытирает глаза)*... отняли у меня Лео... Но, Карл, Карл, помните,—если вы отнимете у меня Роба, помните—этого я не прощу вам. Я стану тогда вашим проклятием. Нет, вы не смеете отнять Роба!.. *(Отдаленные звуки рояля.)* Слышите? Это Лара. Она играет последній акт Тристана... Слышите?.. У нее всегда одна мысль. О, как мы будем вас ненавидеть, если вы отнимете у нас Роба.

Канцлер. Он вернется... он будет через четыре дня и больше не уедет.

(Игра внезапно прерывается.)

Графиня. Почему она прервала игру? Так сразу? Она заплакала... Она, наверно, заплакала... Надо пойти утешить

ее... Надо сказать ей, что он вернется через 4 дня... Через 4 дня. Вы так сказали.

(Канцлер кивает головой. Она уходит.)

Канцлер *(один)*. Господи боже, ты видишь, я начинаю спасать, что могу, от крушения. Боже крепкий, поддержи. Караешь за зло неведомое... Помоги верить до конца.

(Молодой секретарь входит.)

Канцлер. Что такое?

Молодой секретарь. Срочная бумага от г-на министра труда.

Канцлер. Дайте сюда... *(Просматривает.)* Все для популярности... Но умно... Скажите, что я подпишу... Но завтра. Надо прочитать внимательно.

Молодой секретарь. Чиновник министра труда говорит, что это очень спешно.

Канцлер. Министр г-н Фрей не дает никому подумать. Я подпишу завтра.

(Читает бумагу.

Секретарь колеблется, потом уходит.

Входит Петлиц. Что-то странное в его походке. Лицо имеет острое и хищное выражение.)

Петлиц *(стоит за канцлером и говорит после долгого молчания)*. Граф... Граф... Посмотрите на господа вашего сердца, на распятие и призовите мужество...

Канцлер *(глухо вскрикивая)*. А! Что такое... что еще, Петлиц?

Петлиц. Крушение поездов. Воинский поезд № 84а столкнулся с товарным около Дильтау.

Канцлер. Да... Какое несчастье... Много жертв?

Петлиц. 8 убито, около 30 раненых, иные тяжело.

Канцлер. А, Петлиц, Петлиц, кто поймет вас? Вы меня так напугали своими тяжелыми введениями, что у меня до сих пор бьется сердце. *(Вытирает лоб.)* Виски в поту. Конечно, это большое несчастье: 8 убитых, 30 раненых... Но ведь, к несчастью, мы привыкли считать не такими цифрами наши горькие потери.

Петлиц. Да, но в поезде 84а ехал сюда граф Роберт.

Канцлер. Петлиц! Петлиц! Неужели... Что? . Что? Говорите!

Петлиц. Да... граф.

Канцлер. Ранен? Тяжело?

Петлиц. Скончался.

(Канцлер опускается в кресло и смотрит перед собой.)

Петлиц. Иов... Иов...

(Входит Лара, за нею графиня.)

Лара. Папа, дайте мне поцеловать вас. Так это верно? Он вернется? Боже, какое счастье! Вы очень расстроены, папа? Да? Опять дурные вести?

Графиня. Карл, у вас совсем измученный вид. Отдохните с нами сегодня вечером. Будем говорить о Роберте. Лара прочтет нам его стихи.

Канцлер. Да... Я смертельно... смертельно устал... Подите. Я приду...

(Входит молодой секретарь.)

Молодой секретарь. С вашего позволения, г-н министр труда звонит по телефону и очень просит немедленно подписать бумаги.

Канцлер. Что? Бумаги! После!

Молодой секретарь. Г-н министр труда говорит, что это мероприятие необходимо для прекращения стачки.

Канцлер. Уйдите! У меня большое несчастье!

(Секретарь вздрагивает и уходит.)

Лара. Какое у вас несчастье, папа?

Канцлер *(встает во весь рост).* Карл, Карл, терпи!

Графиня. Карл, да что с вами? Я никогда не видала вас таким. Вас так мучит, что вы вернули нам Роберта? Не может быть? Или опять делает вам неприятность легкомысленный монарх? Нет, сегодня, несмотря на все скорби, мы должны быть немного веселей, сегодня Роберт спасен.

Канцлер. Карл! терпи!

(Входит молодой секретарь.)

Молодой секретарь. С вашего позволения, ваше высокопревосходительство, г-н министр труда спрашивает, может ли он телеграфировать по линиям дорог и сообщить его величеству, что мера, необходимая для пресечения стачки, не может быть принята ввиду личного несчастья в семействе г-на канцлера?

Канцлер *(поворачивается к нему и смотрит на него. Секретарь пугается).* Протелефонируйте г-ну министру труда, что я сейчас подпишу бумаги и пришлю ему. Юлия, Лара, идите к себе. Я приду. Я приду скоро. Оставьте меня... Надо... Надо подписать бумаги для министра Фрея... Иначе он не так скоро сделает свою головокружительную карьеру... Надо... Надо об'ясниться мне с ним. Идите.

Графиня. Как он странен, Лара!

Лара. Он переутомлен.

Графиня. Пойдем. Слышите, как воют... У нас, в Венгрии, говорят, что это плачут души. И это верно... Но мы будем думать только о Робе, о том, что он вернется через четыре дня.

(Обнимает Лару и уходят все. Канцлер остается один. Некото-

рое время он сидит неподвижно. Потом быстро поворачивается к распятию.)

Канцлер. А если я не вынесу? Ведь этого нельзя вынести?.. Но за что?.. Вознаградишь. Чем? Ничем не сможешь... Сказать им? Бог, бог, есть вещи, которые превышают силы своих тварей... Силы даешь ограниченные, а горе посылаешь беспредельное... Бог!.. Или все не так... Я растерялся... Я как слепой... Дай мне опять стать твердым... Я как слепой... Сказать... сказать им. *(Садится к столу.)* Напишу. Что? Только: «Роберт скончался». Только... Я трус... Заснуть вдруг... Умереть... *(Звонит. Входит молодой секретарь.)* Эту записку вы отнесете графине, когда я уеду... Скажите, чтобы подали автомобиль... Я еду... Я еду за город.

Молодой секретарь. Г-н граф, очень дурная погода. *(Пауза.)* Г-н граф, позвольте выразить мое соболезнование, все в доме омрачены глубоко.

Канцлер. Уже знают? Может быть, и они знают? Скорей автомобиль... Я уезжаю... Скорей.

(Молодой секретарь уходит.)

Канцлер. Знают... *(Прислушивается.)* В доме тихо... И ветер воет... Еще радуются, или... или уже? *(Хочет уйти и останавливается.)* Бежать... Бежать тебя. Тебя, который служит причиной этого океана скорби над землей. Не смей! Иди, иди к ним. Пей, пей чашу! Идут. Идут. Залог.

(Входит Лара.)

Лара. Простите, папа... не случилось ли чего-нибудь очень плохого, чего нельзя говорить маме?

Канцлер. Да... Надо скрыть от нее... Ты должна следить, чтобы она не узнала. Ты должна беречь ее, Лара. Все знают, но она не должна знать.

Лара. Что?

Канцлер. Тихонько. Она не должна знать. Понимаешь? Напряги все силы, следи, чтобы она не узнала. Ты должна беречь ее, Лара. Все знают, что она не должна знать.

Лара. Что?

Канцлер. Дело в том, что Роберт погиб во время крушения поезда. Тс!.. чтобы она не узнала... Тс... Хочешь плакать? Запрем дверь... Запрем дверь, Лара... *(Подходит и запирает дверь.)* Хочешь плакать? Плачь, если можешь... Видишь ли, я не могу плакать.

(Лара плачет.)

Вот так. Потому что ты не виновата... Роберт не виноват. Юлия не виновата... Лео не виноват... Норландия не виновата.

(Стучат в дверь.)

Кто там? Если она—надо скрыть. Лара, скрыть. Кто там?

Молодой секретарь. Г-н министр труда напоминает о бумаге.

Канцлер. Я подпишу их.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Через 3 месяца. В доме Кеппена. Весна. Окна открыты и за ними сирень. Много солнца. Изящно сервированный чайный стол. Еще рано. Клерхен в капоте с полураспущенными волосами, перехваченными лентой, хлопочет у стола. Фриц очень грязный и оборванный, улыбаясь, смотрит на нее.

Фриц. Я предпочитаю, чтобы вы спровадили меня до пробуждения «самого», милая Клерхен.

Клерхен. Но это же не важно... Я вовсе не настаиваю на том, чтобы вы остались до тех пор... но это не важно. Неужели же вы думаете, что мой муж способен вас предать?

Фриц. Этого я не думаю... но он способен рассердиться на вас за ваше гостеприимство, а на меня—за мое нахальство.

Клерхен. Нахальство? Наоборот, это так мило с вашей стороны. Фриц, что вы подумали обо мне...

Фриц. За мною следили. Я едва отделался от подозрительных теней. К вам я не привел никаких хвостов. Но итти к ним на квартиру, значит опять зацепить ищейку. Они, наверное, караулят там.

Клерхен *(ставит перед ним чай, наливает сливки, кладет сахар, намазывает бутерброды)*. Ужасаюсь, когда подумаю о вашей жизни.

Фриц. Ничего! Я успел сделать очень много за эти 3 месяца. Революционный под'ем растет. Клерхен, мы уже накануне переворота. Впрочем, я не знаю, рады ли вы этому, ведь ваш муж капиталист.

Клерхен. Я попрежнему—социалистка.

Фриц. Ха-ха-ха. Ну, ладно, все урегулируется. Клерхен, все урегулируется. Восхитительный завтрак. Теперь я еще раз настоятельно повторяю обе мои просьбы: поторопить Анну и дать мне переодеться.

Клерхен. У Анны нет телефона, вы же знаете это. Я послала за ней нашего посыльного мальчика. А переодеться вы можете хоть сейчас.

Фриц. Великолепно. Куда я должен пойти для этого?

Клерхен *(звонит. Входит горничная)*. Мари, милая, проведите этого господина в угловую комнату и принесите туда серую пару г-на Кеппена,—знаете, серую, которую г-н Кеппен носил прошлой весной?

Горничная. Слушаю... Знаю. *(Она очень удивлена и слегка шокирована. Уходит с Фрицем.)*

Клерхен *(пьет чай и качает головой)*. Анна-то как будет счастлива. Ведь мы уже совсем думали, что он расстре-

лян. *(Пауза.)* Все-таки лучше, если бы Адольф подольше не просыпался.

(Входит слуга.)

Слуга. Графиня Лара фон-Турау.

Клерхен. Что вы? Так рано?

Слуга. Прикажете принять? Графиня, собственно, к г-ну Кеппену.

Клерхен. Г-н Кеппен еще спит. Если графине угодно, я, конечно, приму ее.

(Слуга уходит.)

Клерхен. Зачем она так рано? Ведь еще только 9 часов.

(Входит Лара в глубоком трауре.)

Лара. Я прошу извинить меня.

Клерхен. О, графиня, мы всегда к вашим услугам. Садитесь, пожалуйста... Не хотите ли чаю?

Лара. Нет... mersi... Мне надо было бы экстренно видеть г-на Кеппена. Только на несколько минут.

Клерхен. Адольф встает поздно... Но я сейчас распоряжусь, чтобы его разбудили. *(Звонит.)*

Лара. Я ужасно сконфужена... Но мне трудно выйти из дому в другое время. Я всегда занята с несчастной графиней.

Клерхен. Как ее здоровье?

Лара. Очень плохо. Она часто бредит... Очень тяжело с нею. Врач говорит, что она не проживет долго.

Клерхен. Сколько несчастий упало на вашу семью. Г-н канцлер здоров, по крайней мере?

Лара. Кажется.

(Входит слуга.)

Клерхен. Разбудите г-на Кеппена. Скажите ему, что графиня Лара фон-Турау здесь и хочет сейчас видеть его.

(Слуга уходит.)

Лара. Право, мне так неловко.

Клерхен. Ничего. Вчера он уснул довольно рано, часа в 2—3... Он обыкновенно много спит.

(Входит Фриц, переодетый в серую пару.)

Клерхен. Это, господин... *(Смотрит на него.)*

Фриц. Рихард Вайншток, родственник фрау Клерхен... Коммивояжер, с вашего позволения.

(Лара сухо кивает головой.)

Фриц. Помешал разговору? Позволите удалиться? Клерхен, я только подожду Анну.

Клерхен. Милый Фриц... т.-е. Рихард, посидите в угловой комнате и почитайте что-нибудь. Там есть шкап с книгами.

Фриц. Это удобнее всего. *(Уходит.)*

Клерхен. Мой родственник... Коммивояжер... да... очень порядочный человек... Угодно вам чаю?

Лара. Нет, г-жа Кеппен.

Клерхен. Вы так грустны всегда, графиня.

Лара. Мне странно было бы быть веселой. У меня столько горя и, может быть, ни одного друга. Я надеюсь только на вашего мужа. Он был хорош и с Робертом, и с Лео... И мы часто *(вытирает глаза платком)* беседовали с ним о многом высоком и глубоком...

Клерхен. Он сделает все для вас.

(Входит Кеппен. Он сумрачен и недоволен.)

Кеппен. Бог знает что такое. Я извиняюсь, графиня Лара, я очень извиняюсь... Я сию минуту буду к вашим услугам. Клерхен меня будит. Конечно, это правильно, раз уж графиня выбрала такой ранний час для беседы. Я просы-

паюсь, вижу, какая погода, требую весеннюю пару, серую, и мне говорят, что ее «надел уже другой господин».—«Какой другой господин?»—«Господин, который пришел к госпоже Кеппен, очень грязный, в шинели, и которому приказано было дать вашу серую пару». Что за чертовщина? Вы простите, Лара, но ведь это не каждый день бывает! Нет, Клерхен, не говорите ничего. Что? Мы будем устраивать семейную сцену из-за пиджака? Налейте мне чаю. И графине тоже.

Клерхен. Графиня отказалась.

Кеппен. Она сделает мне удовольствие выпить со мной чаю. *(Клерхен наливает чай.)* Графиня, я вас слушаю.

Лара. Мне хотелось бы поговорить с вами абсолютно наедине.

Кеппен. Отлично. Клерхен, можете пойти занять того господина, которому понадобились мои брюки.

(Клерхен сконфуженная уходит.)

Бог знает, что такое. Пожалуйста, не думайте, Лара, что у нас часто бывают такие явления. Клерхен при всей красоте очень неумна, плохо воспитана, но она довольно корректна. Ах, милая Лара, вот вам поздняя молодость, чрезмерно долго сохраняющаяся свежесть чувства. В 35 лет жениться на приказчице за красоту. А теперь вместо жены я имею старшую прислугу. Извините мне этот лирический порыв. Я слушаю вас со всем вниманием. Но прежде всего, как здоровье ваших?

Лара. Адольф. Слушайте меня... Мне невыносима гибель прекрасного Лео, которого я никогда не забуду, и гибель моего бога—Роберта; сумасшествие графини, которая осталась на моих руках... Наш мрачный дом... Я так одинока... Целые дни, целые дни с нею. А она все раскладывает карты в каком-то бессмысленном порядке и говорит все о них, все о них... такие дикие речи. Мой день пуст, моя ночь кошмарна. Пустота и кошмары в самой душе моей. Адольф, зачем мне жить здесь? Что может удержать меня? Все мои

надежды на том берегу.. Адольф, вы ведь наш друг, вы мужественный человек, вам понятны трагические, героические переживания... Мне надо умереть, Адольф.

Кеппен. Лара...

Лара. Мне надо умереть. Вы видите, я не плачу. Мне надо умереть. Мне нужен благородный яд, чтобы заснуть для пробуждения в мире ином. Кто мне даст его? Они не понимают... Они считают смерть за что-то роковое, самоубийство—за преступление. Они считают, что удерживать меня в тюрьме, значит любить меня и делать мне добро. Но вы поймете, Кеппен, вы умный — и большой человек.

Кеппен. Лара, я, конечно, отлично вас понимаю. Но вы молоды. Наступили серые дни, осень,—поверьте,—вернется лето, вы полюбите, будет радость.

Лара. Зачем? Там, там...

Кеппен. Никто не знает, что̀ там. А здесь—вы красавица, очаровательная, поэтичная. Бросьте мысли о смерти.

Лара. Вы не вникаете во всю глубину моей тоски.

Кеппен. Постойте, Лара. Хотите, я сам помогу вам жить, я, лично.

Лара. Чем же вы собираетесь помочь мне?

Кеппен. Хотите... Хотите, Лара, займемся изданием книги о Роберте. А, как вы думаете? Биография, которую напишет кто-нибудь из друзей литераторов. Ваше воспоминание, мое. Его стихи, письма, дневник. Посвященные ему статьи, поэмы, рисунки. Великолепная книга... роскошная тема. А, Лара? Под заглавием: «Граф Роберт Дорнбах-фон-Турау»...

Лара. Конечно, это превосходно... но я так устала жить.

Кеппен. Полноте. Надо только освободиться от большей части ваших забот о графине. Я это устрою.

Лара. Вы добрый, прекрасный человек..: А не думаете ли вы, что книгу лучше назвать «Диоскуры»?

Кеппен. А... Так... Посвятить ее и Роберту и Лео?

(Лара кивает головой, она немного повеселела.)

Лара. Диоскуры. Венок цветов на могилу героев.

Кеппен. И подписать: «Лара и друзья».

Лара. Этому я могла бы, кажется, отдаться.

Кеппен. Моя проклятая торговля оставляет мне слишком мало времени, но все мое свободное время—вам.

Лара. Им, Адольф,—они улыбаются в эту минуту.

Кеппен. Вы тоже. И вы так очаровательно улыбаетесь, что одно это должно делать их счастливыми.

Лара. Кто знает, может быть, эта улыбка кощунственна Вдова не должна.

Кеппен. Вдова должна быть счастлива. Счастье ваше—радость для них.

Лара. Вы думаете?

Кеппен. Чувствую.

Лара. Но мое счастье — в них.

Кеппен. Моя трогательная красавица. Как тускла Клерхен рядом с такими глазами, полными поэтической скорби, рядом с этой патетикой тонких губок.

Лара. Не говорите так.

Кеппен. Я любуюсь вами в чистоте... И чист мой будет поцелуй, если вы допустите его.

Лара. Кеппен... мертвецы ревнивы. Память о них в моем сердце делает невозможной даже тень живой любви.

Кеппен *(целует ее в лоб)*. Нет, нет... Они благословляют вас и тех, кто вас любит... Лара, я помогу вам жить.

Лара. Адольф. Адольф, лучше мне умчаться в страну смерти.

Кеппен. Лара, вы еще поплывете на остров Цитеры.

Лара. Вы думаете, что я должна пережить еще один акт на земле? Вы думаете?

Кеппен. Да... Лара... Да... Мы переживем его вместе.

Лара. Книга...

Кеппен *(целует ее)*. Книга... книга...

Лара. «Диоскуры».

Кеппен *(целует ее)*. Какое очарованье исходит от вас.

Лара *(тихо)*. Кеппен... Я отдам себя вам... Отдам то, что от меня еще остается. Но будьте святы. Помните, что я жрица в храме Диоскуров.

Кеппен. Помню, моя обворожительная, изящная, поэтическая подружка... *(Целует ее.)*

Лара. Я никогда не думала, что это кончится так. Я шла на смерть.

Кеппен. И нашла любовь.

Лара. Как грустно вернуться к бреду старой графини.

Кеппен. О, я вас освобожу от этого ужаса.

Лара. Вы будете моим рыцарем. Они—моими ангелами.

Кеппен. Вот так...

Лара. Прощайте...

Кеппен. Мы скоро увидимся.

Лара. Я условлюсь с вами по телефону.

Кеппен. Я провожу вас.

Лара. Не надо... Останьтесь... *(Подходит к зеркалу и поправляется.)* У меня странно блестят глаза и я раскраснелась. Это нехорошо. Я чувствую, как грех вьется вокруг моих висков...

Кеппен. Целовать...

Лара. Нет... ни за что... Мы скоро увидимся. Ну, вот, я, кажется, спокойна. Я не хотела бы, чтобы люди видели...

Кеппен. А, конечно... Люди грубы...

Лара. Не провожайте... *(Она опускает траурную вуаль на лицо.)* Прощайте, Адольф!

Кеппен. Прощайте, Лара.

(Лара уходит.)

Кеппен. Сентиментальная дурочка. *(Садится к столу и кладет сахар в свой кофе.)* В сущности, легкомысленная головка... Ха-ха-ха!.. Какую чепуху мы тут пороли. Ах, женское горе... Ха-ха-ха!.. Башмаков она еще не износила... Шекспир знал... Ха-ха-ха!.. *(Пауза.)* Леди Анна... но изящна... Но ножки... Но ручки... Да, Кеппен, ты приобрел по случаю прелестную любовницу.

(Входит слуга.)

Слуга. Какая-то Анна Клейнбауэр... Вероятно, родственница г-жи Кеппен.

Кеппен *(быстро оборачивается)*. Анна... Зови ее. *(Слуга уходит.)* Ах, чорт возьми, ведь это та фея с золотыми волосами, Валькирия с сигарной фабрики. Махтштадтская Кармен. Кеппен, на охоту. Десять раз крест над Ларой, если возможна Анна.

(Анна входит.)

Анна. Здравствуйте. Где Клерхен?

Кеппен. Не знаю... Чем мы обязаны?

Анна. Я не к вам, г-н Кеппен.

Кеппен. О, я чувствую, прекрасная пролетарка, вас просят посидеть минуточку, пока придет Клерхен. Смею предложить вам чаю.

Анна *(садясь)*. Тут был мужчина, молодой человек?

Кеппен. Я — мужчина и еще не стар.

Анна. Оставьте шутки... Я очень волнуюсь.

Кеппен. Я тоже.

Анна. У меня... у меня умер близкий человек... я думала, что он умер.... но вот есть надежда, что он здесь.

Кеппен. Гм... я думаю, что он жив. У меня даже есть основание предполагать, что он носит серый пиджак, какой я носил год тому назад.

Анна. Не мелите вздор, — скажите, где он?

Кеппен. Нет его здесь. Он ушел куда-то с Клерхен.

Анна. Тогда уйду и я...

Кеппен. Нет, вы останетесь...

Анна. Почему, зачем?

Кеппен. Потому, что я хочу полюбоваться вами.

Анна. Нахал!

Кеппен. Вы останетесь потому, что он просил вас подождать здесь.

Анна. Г-н Кеппен. Мне очень надо увидаться с этим человеком. Но я все-таки уйду, если вы не согласитесь выйти из этой комнаты, или, по крайней мере, сидеть и молчать.

Кеппен. Почему? Я хотел бы вам сказать немногое. Анна, вы красивы сказочно, непомерно, преступно...

Анна. Очень рада слышать...

Кеппен. Дико забрасывать такую красоту...

Анна. О, конечно, мне нужны кружева, шелк, меха и бриллианты. Но, увы,—где все это взять?

Кеппен. Анна!

Анна. Да, конечно, вы будете очень счастливы предложить мне все это и, кроме того, виллу на море, автомобиль и т. д..

и т. д. Тогда я выйду в большой свет. Никто даже не спросит, откуда я взялась. Ведь я же не Клерхен. Сумею быть царицей в бархатах и горностаях. Я сумею так улыбаться, что за одну улыбку готовы будут признать во мне хоть царскую кровь. Ха-ха-ха! Вокруг меня согбенные спины мужчин, как мириады человеческих тараканов, а вы—мой повелитель, мой обладатель... И почему же мне не полюбить вас? Вы молоды, недурны собой. Я могла бы сделать вас таким счастливым моими ласками, что овладела бы целиком моим повелителем и сделала бы его рабом.

Кеппен. Анна, вы...

Анна. Г-н Кеппен, можете ли вы поверить, что я не мечтала об этом давно, давно?

Кеппен. Зачем мечтать, протяните только руку.

Анна. Что же они не идут? Видите ли, Кеппен... Этот человек — мой милый. Это — человек борьбы за наш идеал. Мой герой... А вы смешной буржуа. Если бы у вас были Голконда и Перу, вы были бы все-таки совершенно несоизмеримы с ним. Никогда... несоизмеримы ни с одним его желанием, ни с одним воздыханием милого... Но ваша Голконда—увы!—она принадлежит не вам. Мы, рабочие, готовимся отобрать у вас «собственность»... Ха-ха-ха! Какой вы имеете злой и жалкий вид. Я знаю, что вы скажете. Бьюсь об заклад, вы хотите сказать: «Я сейчас позову шуцмана»... *(Весело смеется.)*

Кеппен. Шуцмана. Зачем? Ваш тип, вероятно, честный человек. Конечно, я немножко удивлен, что он в ранний час явился к Клерхен и сейчас же потребовал себе мой пиджак и мои брюки... Но, надо думать, тут нет ничего уголовного. Надо полагать, что политика вашего милого не обяжет меня, как патриота, обратиться к помощи полиции.

Анна *(смеясь)*. Ну, видите, как я угадала. Мы вас знаем. Я знаю даже то, что у вас есть известная доля порядочности, — ну, кокетства перед красивой женщиной, что вы,

например, все-таки не позовете полицию, хотя вы понимаете, что в вашем доме переоделся революционер. Я знаю, до каких пор вы гадки. Вы и в гадости не черезмерны. Но из предосторожности я уйду и встречу моего милого на улице у вашего дома. *(Встает.)*

(Входят Клара и Фриц.)

Фриц. Анна?

(Анна бросается к нему, обнимает и целует его долго. Клерхен почти плачет и улыбается.)

Кеппен. Вы нанежничались, сударь?

Фриц. Г-н Кеппен!

Кеппен. Да, хозяин этого дома, желающий знать, кто пользуется его гостеприимством.

Клерхен. Мы решились сказать тебе все, Адольф... Это Фриц Штарк, жених Анны. Граф Лео спас ему жизнь... Но он был убит... и Фриц должен был бежать из этапа...

Кеппен. Коммунист, конечно?

Фриц. Имею высокую честь быть таковым.

Кеппен. Да... Пожалуйста... Вы проникли в мой дом и в мой пиджак без моего спроса. Продолжайте. *(Уходит.)*

Анна. Уйдем.

Клерхен. Полно. Вы здесь в совершенной безопасности. Где сможете вы еще повидаться? На улице? Но, смотрите, пошел дождь.

Анна. Сядем, Фриц. Фрицхен... Как ты изменился. Как похудел, возмужал... Эта борода... Мой Фриц... Ведь я думала, что тебя поймали, что ты убит.

Фриц. Слыхала ты про Гракха Рота.

Анна. Еще бы... Я зачитываюсь его прокламациями. О нем говорят у нас все. Папа называет его молодым богатырем, вдохновенным вождем будущего.

Фриц. Это — я.

Анна. Фриц! Фриц! *(Задыхается от радости.)* О, Фриц! Фриц! *(Падает в его об'ятья.)*

Клерхен. Только береги себя.

Фриц. Ха-ха. Сколько нужно. Трать себе разум. Рискуй без шику. Эти правила записаны у меня крепко. И я сейчас немного беспокоюсь. Ваш Кеппен... Уйдем... Анна, мы увидимся в кафе де-Пари. Там много народу и можно остаться незаметным. Я сумею еще раз преобразиться и найду тебя без труда. А сейчас, Клерхен, проводите меня через черный ход. Ну... без долгих расставаний, мы увидимся. *(Целует Анну и уходит с Клерхен.)*

Анна *(одна).* Люди ужасны... И прекрасны... Такой человек, такой человек, все наше лучшее в нем. Наш рабочий Зигфрид.

(Входит Кеппен и два суб'екта в штатском.)

Кеппен. Анна, милая, эти господа желают видеть г-на Штарка.

Анна *(смеясь).* Вы позвали полицию. Г-н Штарк ушел. У него много дела. Надо поднять весь Махтштадт в одну неделю.

Полицейский комиссар. Я вас арестую. Г-н суб'инспектор, прошу вас приступить к организации розыска.

Кеппен. Суб'ект в серой паре... с бородкой... Головного убора его не видел.

Анна. Это вам не поможет, Кеппен. *(Смеется.)* Вы будете разбиты.

Полицейский комиссар. Следуйте за мной.

Анна. В тюрьму? Ненадолго. Ах, Кеппен, если бы вы знали, как мне весело... ваша досада усилилась бы во сто раз. *(Смеется и уходит за полицейским комиссаром.)*

Кеппен. Словно мне надавали пощечин. Отвратительно. Отвра-ти-ттельно.

(Слуга входит.)

Слуга. Графиня Лара просит вас к телефону.

Кеппен. Графиня Лара... да... Скажи... скажи, что меня нет дома. Постой... скажи, чтобы она позвонила вечером. Отвратительно...

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

Кабинет канцлера. Осень. Император в шинели с бобровым воротником и в каске. Генерал Беренберг толстый, с красным лицом, в походной форме, держится молодцевато. Секретарь Петлиц.

Император. Предосадно! Генерал, ведь надо совещаться в самом бешеном темпе. Положение ультракатастрофическое. Без канцлера я не могу принять решение.

Беренберг. Придется, ваше величество. Оно просто. Передайте все дело в мои руки. Мы заключим в 24 часа мир и разобьем бунтовщиков в другие 24 часа. Надо только прямо смотреть в лицо правде. Вчерашний враг для нас все же гораздо ближе, чем собственная сволочь. Тех надо задобрить, идя в уступках до конца; этих утопить в крови, идя до конца в жестокости.

Император. Я не могу решить вопрос без графа. Я страшно рискую. Заговор повсюду. Можно ли быть уверенным даже в старой гвардии? Позорный мир заставит отшатнуться от меня всех патриотов. В конце-концов те или иные заговорщики могут даже захватить меня лично. Генерал, вообразите, я ловлю себя на том, что, проходя мимо часовых, я боюсь, не пустят ли они мне пулю в спину.

Беренберг. Простите, ваше величество, это паника.

Император. Наоборот. Честное слово офицера, я спокоен. Но провозгласить диктатуру наобум, значило бы удариться

в панику. Да, да, именно теперь время для осмотрительности. Я не стану решать вопрос без графа. Петлиц, неужели граф не знал, что мы едем к нему?

Петлиц. Всенижайше осмелюсь доложить, ваше величество, что канцлер очень хорошо знал это. Но внезапный приступ затмения зрения страшно напугал его. Немедленно был вызван профессор Заяц, который потребовал тотчас перевести канцлера в его кабинет для воздействия электрическим током на глазной нерв. Это крайне опасная болезнь. Временный паралич нерва может превратиться в постоянный, если не будут приняты героические меры. Г-н канцлер волновался все последнее время, он работает нечеловечески. Все произошло на почве нервного истощения. В последнее время, ваше величество, канцлер терял зрение в сумерки. Г-н канцлер, уезжая, сказал: «Доложите его величеству: слепой или зрячий — я буду здесь через час».

Император. Все беды валятся на нас... *(Сбрасывает с себя шинель и снимает каску.)* Будем ждать... *(Садится.)* Где это грохочет пушка?

Беренберг. Это мы осаждаем казарму матросов в Клейнмарине, в предместьи столицы.

Император. Катастрофа... Чем все это кончится? Уж скорее бы кончилось.

(Двери отворяются, входит графиня фон-Турау, страшно бледная, в черном платье. За ней испуганная Лара.)

Графиня *(подходя к императору)*. Я узнала, что ваше величество здесь.

Император. Графиня...

Графиня. Я пришла засвидетельствовать монарху свое почтение.

Император. Тронут.

Графиня. У меня есть просьба к вашему величеству.

Император. Чем могу служить?

Графиня. Я прошу откомандировать от их войсковых частей детей моих, графа Лео и графа Роберта Дорнбах-фон-Турау.

Император. Боже... *(Петлицу.)* Она уже до этого дошла?

Графиня. А, понимаю. Ваше величество намекает на то обстоятельство, что они оба убиты. Ваше величество, это не имеет никакого значения. За множеством государственных дел вашему величеству некогда подумать о других планах жизни, я же имею теперь так много досуга. Могу уверить ваше величество, что смерти никакой нет. Оба живы и относительно здоровы. Я нахожусь с ними в постоянном кон'юнкте.

Император. Как добрый христианин, я верю твердо в бессмертие души.

Графиня. Но вы мало знаете об этом, ваше величество.

Лара. Его величество заняты. Нельзя задерживать его внимание.

Графиня. Ваше величество, эта бедная девушка сильно потрясена потерей в этом плане дорогих ей людей. Не обращайте на нее внимания. Я очень просто изложу вам мое дело. Все павшие в боях этой ужасной войны продолжают схватки и в другом плане. Там они немедленно поступают в соответствующие части своих армий и там эти части все растут, все растут, все растут... Лео служит и там в четвертой кавалерийской дивизии нордландской армии, а Роберт — в 14 стрелковом батальоне имени фельдмаршала Гербарта Готгельфа, который лично командует батальоном, хотя и умер 100 лет тому назад. Так вот я и прошу отчислить их. Они могут быть вторично убиты и я могу потерять кон'юнкт с ними. Я вас умоляю. Вы видите, как я спокойна и благопристойна, но потерять вторично, — о, государь, этого нельзя, этого нельзя! Мой

разум мутится при этой мысли! Я умоляю, император, я грожу! Не заставляйте меня пронзить вашу совсем молодую душу материнским проклятием!..

Император. Уведите бедную больную.

(Петлиц и Лара берут ее под руки.)

Графиня *(вырываясь).* А, так? Так, безжалостный тиран, наместник сатаны на земле? Так? Так вот же тебе! Я тебя проклинаю. Лео, Лео, слышишь? И ты, Роберт? Я его прокляла! Он погиб! Он погиб и не понимает этого!..

(Ее насильно уводят.)

Император. Жизнь стала кошмаром.

Беренберг. Это только введение в настоящий ад.

Император. Вы имеете в виду революцию?

Беренберг. Да... Мировую бойню между пошатнувшейся аристократией и зверями из бездны, каннибалами. Я предвижу серию дьявольских жестокостей с обеих сторон, и степень риска стать их жертвами обратно пропорциональна квадрату готовности самому быть беспощадным.

Петлиц *(возвращается).* Министр труда г-н Фрей.

Беренберг. Я бы думал, что этот половинчатый господин может помешать нам сейчас.

Император. Нет, нет. Он странно умен. Я, конечно, не последую его советам, но знать его мнение или, вернее, выслушать речи, прикрывающие его мысли, следует... Просите.

(Петлиц кланяется и уходит.)

Беренберг. Мы с ним антиподы.

Император. Знаете, у вас есть и сходство. Вы оба красноречивы. Я боюсь, как бы вы не процицеронили мою корону.

Беренберг. Я похож на Цицерона разве только в момент...

Император. По-моему, сейчас момент не для речей, хотя бы решительных.

Беренберг. Дайте мне право поступать, я заговорю голосом пушки.

Император. Молчите. Фрей!

(Фрей входит.)

Фрей *(с глубоким поклоном).* Я рад найти императора, которого я ищу повсеместно вот уже два часа, — в день, когда потеря минуты имеет роковое значение для человечества.

Император. Мы ждем канцлера. С ним приключился припадок. Он сейчас будет здесь. Вы тоже тут. Таким образом, все в сборе.

Фрей. Коммерции советник Гаммер ждет в приемной.

Император. Пригласите и его.

Фрей. Я бы возразил против этого. Сначала надо решить кардинальный вопрос. Я рад, что нет здесь и канцлера. Я имею намерение сделать предложение, которое взвесить и понять может только гений императора. Да, да, я считаю вас гениальным человеком. Надеюсь, что генерал докажет сейчас свое право быть третьим среди нас двоих.

Беренберг. Г-н министр труда заносчив.

Фрей. Я утверждаю, что в эту минуту, в этой комнате право голоса имеют лишь великие люди.

Беренберг. Я удивлен этим фарсом среди трагедии, ваше величество. В один день вы имеете несчастье встретить двух суб'ектов с помутившимся разумом. Графиня и... Таково время!

Император. Слышите, как грохочут пушки? Будет вам болтать, как двум попугаям, и ссориться, как двум обезьянам. Эта пушка грохочет с другой стороны.

Фрей. Это в лагере военнопленных, где начался бунт. Их истребят, если это будет нужно. Позвольте мне сделать мое радикальное предложение.

Император. Делайте. *(Отходит к окну и смотрит туда.)*

Фрей *(говорит, обратившись к спине императора)*. Царство шатается и грозит рухнуть. Я думаю, трон не может быть спасен никакой политикой.

Император *(круто оборачиваясь)*. Наглец!

Беренберг. Прикажите арестовать его?

Фрей. Нужно обновленное правительство. Император, слушайте меня внимательно, иначе вы погибли! *(Император презрительно меряет его глазами с головы до ног и молчит.)* Может быть, вы вернетесь на трон. Это более чем вероятно. Но для того, чтобы вновь подняться на его ступени, надо сначала сойти с них. Коммунисты держат в руках половину флота и треть армии, рабочие волнуются, буржуазия в панике, враг наступает. Необходимо заключить мир во что бы то ни стало.

Беренберг. Я это советовал.

Фрей. Вы советовали глупость, г-н генерал! Вы об'явили войну и вы хотите принять унизительный мир? И надеетесь после этого полчаса просидеть в Кронпаласе. Глупый совет, г-н генерал. Мир должно заключить новое правительство. И это в тысячу раз выгоднее для вас. Постарайтесь же и вы думать. Одиум антипатриотизма падет на это новое правительство. Вы можете представляться позднее сторонниками сопротивления до безумия и этим облегчить свое возвращение в лучшие времена.

Император. Меня все-таки восхищает ум этой шельмы.

Фрей. Я рискую больше всех, беря на себя роль президента, заключение мира и задачу сломить шею коммунистам. И я предупреждаю вас: сегодня я могу еще взяться за это, а завтра, может быть, нет.

Император. А я?

Фрей. Вы должны отречься от престола. Нордландия провозглашается республикой. Я становлюсь во главе правительства из промышленников, профессоров и рабочих. Гаммер ведет переговоры о мире.

Император. Петлиц, введите сюда Гаммера.

(Петлиц, слушавший все с тревогой и насмешливо, быстро уходит.)

Беренберг. Умоляю вас, ваше величество, дать мне приказ арестовать болтуна.

Фрей. Я уже понял, что вы ничего не понимаете, генерал.

(Входят Петлиц и Гаммер.)

Император. Г-н коммерции советник, можете вы говорить здесь от лица нордландского капитала?

Гаммер. Да, ваше величество.

Император. Известен ли вам план г-на министра труда?

Гаммер. Да, ваше величество.

Император. Вы присоединяетесь к нему?

Гаммер. Да, ваше величество. Вне республики и коалиции нет спасения от внешнего и внутреннего врага. Мы подружились с г-ном Фреем, как две половины арки: мы давим в противоположные стороны, но разомкните нас — и мы упадем оба.

Император. А я?

Гаммер. В настоящее время ваше величество совершенно бесполезно здесь. Я советую, ваше величество, позаботиться о себе.

Император. Это превосходит всякое вероятие... Генерал, неужели уступить?

Беренберг. Ваши предки устремили на вас очи в эту минуту.

Император. Ну, это из репертуара умалишенной графини. Будь я немного старше, я бы послушался их. Они умны. Коммерции-лиса и Иуда бен-Ахитофель. Но вот я молод и хочу сверкнуть, как настоящий король, моей молнией. Будь, что будет! Генерал Беренберг, я приказываю вам арестовать этих господ, как государственных изменников.

Беренберг. Слава богу войны и мира!

Фрей. В таком случае это я арестую генерала Беренберга.

Беренберг. Фарс продолжается. *(Подходит к телефону.)* Сейчас я вызову кого-нибудь из комендатуры.

Фрей. Г-н Петлиц, пригласите сюда капитана отряда, взявшего этот дом под охрану. Он ведь тоже прекрасно сможет арестовать генерала Беренберга и покровительствующие ему силы — действующее еще правительство.

Император. Что все это значит?

Петлиц. Я во всяком случае приглашу сюда г-на капитана.

(Торопливо уходит.)

Гаммер. Напрасно, напрасно, ваше величество.. Ваша игра сыграна. Ситуация совершенно ясна всем. Ваше величество во всяком случае должны удалиться вместе со зловещим канцлером Дорнбахом.

(Петлиц возвращается с капитаном.)

Беренберг. Ваша фамилия? Какого полка?

Капитан. Капитан Отто Брейтфельд 48-го пехотного.

Беренберг. Зачем вы здесь?

Капитан. По приказу республиканского комитета столичного гарнизона.

Император. Разве Нордландия уже республика?

Капитан. Мы твердо желаем видеть ее таковой.

Ф р е й. Капитан, именем республиканского комитета предлагаю вам арестовать генерала Беренберга.

К а п и т а н. А генерала Гогенгауфена?

Ф р е й. Арест бывшего монарха не представляется в настоящую минуту необходимым.

К а п и т а н. Генерал, прошу вас отдать вашу шпагу.

Б е р е н б е р г *(театрально выхватывает саблю из ножен и ломает ее о колено).* Вы — изменник, а Беренберг — честен.

Ф р е й. Без мелодрамы. Героем, достойным фарса, оказались вы.

Б е р е н б е р г. Я скажу вам...

Ф р е й. Вы мне ничего не скажете. Капитан, исполняйте ваш республиканский долг.

К а п и т а н. Следуйте за мной немедленно, Беренберг. Возражения не допускаются.

И м п е р а т о р. Ты перехитрил, лукавый жид!

Ф р е й. Вы ругаетесь? Извольте. Можно по-женски злоупотреблять священным правом слабости. Г-н Гаммер, у меня по горло дела. Будьте добры взять на себя высшее руководство за от'ездом бывшего монарха к границам Тифляндии. В хорошем автомобиле через 6 часов можете быть в Польдрехте.

(Низко кланяется и уходит.)

Г а м м е р. Прикажите отдать распоряжения, ваше величество?

И м п е р а т о р. Да... Г-н коммерции советник... да... приказываю. Я хочу уехать подальше от вас и, по возможности, забыть про всех вас.

Г а м м е р *(Петлицу).* Можно отдать распоряжение по телефону из вашего кабинета, г-н секретарь?

П е т л и ц. Конечно, г-н министр.

Г а м м е р. Я еще не министр.

Петлиц. Вы им будете через час, высокоуважаемый г-н коммерции советник.

(Почтительно идет впереди его. Они уходят.)

Император *(один).* Молниеносно... Не красивее ли будет? *(Вынимает револьвер из кармана.)* А?.. Не красивее ли? Нет, чепуха... Я люблю жить. Каждому живому псу лучше, чем мертвому льву...*(Запрятывает револьвер назад.)*

(Открывается дверь; входит канцлер, которого ведет Лара.)

Император. А граф... Без вас тут совершилось много событий. Что с вами?

Канцлер. Я ослеп, государь. *(Идет ощупью к столу и стоит около него согбенный.)*

Император. Этого только не доставало. Я вижу, вы все делаете во-время. Впрочем, ваши глаза были бы сейчас не только бесполезны, — они, повидимому, всегда были таковыми, но и безвредны, чего об их прошлом нельзя утверждать.

Канцлер *(дрогнувшим голосом).* Ваше величество, неужели это тот тон?

Император. Тон... Тон... Я низложен вашим любимцем, жидовским адвокатишкой Фреем, и все сыплется и валится— вся Нордландия, весь мир. И это вы, старый фантаст, виноваты во всем. Утешайтесь, вы не увидите дела рук ваших. Но лучше было бы вам, если бы вы и не слышали о них. Умрите, граф. Умрите. Хотите револьвер? Вот он... *(Сует ему свой револьвер в руку.)* Я не желаю больше смотреть на вашу униженную, но ненавистную фигуру. *(Уходит, гремя саблей и шпорами.)*

(Молчание в комнате.)

Лара. Все это, как бред. Мы раздавлены роком.

(Канцлер молчит.)

Папа, вы ничего не видите?

Канцлер. Пока — ничего.

Лара. Но профессор Заяц обещал вам, что зрение вернется?

Канцлер. Нет... едва ли... Но, может быть, я рассмотрю, что же все это значит? Сейчас я слеп и телом и духом. Не говори мне ничего. Возьми револьвер и положи его в стол. Я вовсе не хочу убивать себя. Да будет воля божия.

(Пауза.

Медленно входит графиня фон-Турау. Подходит к нему.

Пауза.)

Графиня. Правда ли, что вы ослепли, Карл?

Канцлер. Да, Луиза.

Графиня. Постарайтесь раскрыть внутреннее око.

Канцлер. Я постараюсь, Луиза.

Графиня. Но вы не верьте, когда они болтают, будто вы слепец: они ведь сплетничают, будто я сумасшедшая... Я умная, даже мудрая. Не верьте им, что вы ослепли.

Канцлер. Лара, уведите же ее. Оставьте меня одного.

Петлиц *(входя. На лице его счастливая и насмешливая улыбка).* Простите, я должен взять каску и шинель экс-величества. Экс-величество едет в Тифляндию. Его экс-величество изволили телефонировать графине Митси, ха-ха-ха, приглашали разделить изгнание... Но графиня Митси фон-Гаторп ответила, что она надеется на пост министра социального обеспечения при правительстве г-на Фрея. Ха-ха-ха...

(Берет шинель и каску. Низко кланяется.)

Г-ну экс-канцлеру и его экс-почтенному семейству. Я перехожу в секретариат г-на президента. Счастливо оставаться. *(Уходит.)*

Канцлер. Все странно... думал, что отлично знаю людей. Но они еще хуже... Это война развратила их и ожесточила. Лара, позови мне Германа, он проведет меня в спальню.

(Лара звонит.)

Канцлер. Монарх... семья... родина... *(Встает через силу.)*

Графиня. Надо дотащиться до другого плана.

Лара *(звонит еще раз)*. Герман не идет.

(Появляется унтер-офицер.)

Солдат. Что вы звоните?

Лара. Мы звоним слуге.

Солдат. Они все ушли. Секретарь увел их с собой. А мы поставлены здесь потому, что Турау находится под домашним арестом.

Канцлер *(садится в кресло)*. Развалины... кругом... кругом...

Графиня *(садится к письменному столу и раскладывает карты.)* Кони... дорога...дорога... и катафалка с гербами и перьями...

Лара *(внезапно истерически рыдая)*. Я не могу, я хочу жить или умереть. но я не могу... не могу...

Графиня *(совершенно не обращая на нее внимания)*. Какие чудесные бубны там... целая музыка колокольчиков и серебряных труб... Роберт под большим широким деревом на синей траве...

Лара *(бросается к двери, потом останавливается)*. Я не могу уйти. За что я гибну? *(Рыдает.)*

Канцлер. Боже, закрой мой слух... Ты, бог, хочешь мучить меня. Я буду терпеть.

Лара. О, ваша святость... ваш святость... Ах... Я не хочу терпеть.

Канцлер. Уйди, Лара, оставь нас...

Графиня. Под желтым деревом на синей траве...

Лара. Куда? И как жить, зная, что вы здесь... Я хочу умереть.

Графиня *(словно сквозь сон)*. Роберт, ты гораздо красивее, чем Лео. Ты перехорошел Лео.

Канцлер. Лара, думай сама о себе.

Лара. Я не могу застрелиться. Я боюсь оружия.

Канцлер. Молчи... Слышишь, как грохочут пушки. Мне зарево кажется, я слышу крики.

Лара. Зарево...

Графиня *(как сквозь сон)*. Всем дорога, всем дорога... сквозь черное... сквозь красное и голубое...

(На сцене становится темно. Окна горят заревом. Ухает пушка.)

Лара. Страшно мне...

Канцлер. Молчи... Что там поют?

Лара *(прислушиваясь)*. Гимн рабочих — Интернационал.

Канцлер. Ха-ха-ха! Фрей сделал его гимном республики.

Унтер-офицер *(входя)*. На улицах дерутся. Мы можем быть отрезаны от своих. Сюда подходят эти черти-коммунисты, мы вынуждены перевести вас в другое место.

Канцлер. Я готов. Только я слепой. Моя жена — сумасшедшая, а она — больна.

Унтер-офицер. Теперь много несчастных. И вы сами знаете, кто больше всех виноват в этом...

Канцлер. Это так... Собирайтесь. Лара, веди Луизу. Кто-нибудь из конвойных даст мне, вероятно, руку.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Элегантная комната. Рояль. Накрытый стол, пальмы. Гобелены на стенах. Петлиц и Митси. Она очень шикарно одета, декольте в бриллиантах.

Петлиц. О, великий человек, великий человек.

Митси. Да, я знала... и близко... много великих людей, но президент — величайший среди них и несравненный.

Петлиц. О, вы знали многих... но ведь то не были государственные люди. Все эти артисты, литераторы и т. п., — это ведь что же за величие... Это все равно, что великие повара и маникеры. Люди власти — вот действительно настоящие великие люди. Властный человек может вслух аплодировать актеру, может «поклоняться» писателю, но не позволит себе в чем-нибудь серьезном посчитаться с с их мнением... Но целовать ручку, а, может быть, даже ножку своей любовницы он может и все-таки она его любовница, она его раба... И все девять муз—рабы сильного.

Митси. Ах, как вы правы, Петлиц. Я тоже больше всего обожаю силу. Например, императора я любила только за то, что он император. В остальном, боже, он был неглуп, но лучше был бы глуп. Куда деть это неглуп, неумен? Манеры. Смесь казармы с этикетом. Любовь. Какой-то садизм без убеждения, быстрая пресыщаемость. В конце концов что-то ужасное, инертное, постоянно нуждающееся в подогревании и допинге.

Петлиц. Император? Ему было дано все и он все потерял. А президент? Сын молочного торговца. Мальчишкой бегал без башмаков. В 17 лет отправлен был на исправление в колонию для дефективных. А теперь — президент Нордландии.

Митси. Знаете, Петлиц, я считаю вас крайне лукавым и злорадным человеком. Но мне иногда положительно кажется, что вы искренно полюбили Франка.

Петлиц. Знаете, графиня, я считаю вас за... за очень обворожительную... блудницу, но мне иногда начинает казаться, что вы в самом деле влюблены в президента.

Митси. Я его обожаю. Это — орел. И сколько в нем темперамента... и сколько фантазии... Я говорю о любви... Дайте мне папироску. *(Закуривает.)* Я его обожаю. Эти наши интимные вечера, разве это не прелесть? И как он разнообразен: то он шалун, то он усталый рыцарь, то он аналитик сладострастья... экспериментатор, изобретатель в области эротики. А иногда он просто полон допотопной похоти здорового самца.

Петлиц. Действительно, есть за что любить его. Но все-таки ни вы, ни я его не любим.

Митси. Опять парадоксы.

Петлиц. Вы не замечаете, во-первых, что мы — его прислуга.

Митси. Вы любите какие-то грубые и пошлые определения.

Петлиц. Когда они верны... А прислуга с таким уровнем развития не может любить барина. Служить же ему, пока барин он. Свались Фрей, разве мы пошли бы за ним в изгнание, как не пошли бы за императором и канцлером?.. *(Пауза.)* Будьте откровенны.

Митси. Если бы он пал, это значило бы, что он слаб, а я люблю силу.

Петлиц. Успех. Мы с вами — я секретарь-лакей и вы любовница-горничная — представители той части толпы, которая есть добыча преуспевающего.

(Входит Беренберг, красное лицо его сияет, он потирает руки.)

Беренберг. Радуйтесь. Коммунисты добиты. Ах! Чего это стоило. Кавеньяк, Шварценберг, Радецкий, Галлифе — посторонитесь, дайте место рядом с вами Эбергарду фон-Беренбергу.

Митси. Вы выпустили столько коммунистической крови, что если бы каждый день принимали кровавую ванну, вам хватило бы до конца жизни, — проживи вы хоть сто лет.

Беренберг. Конечно, серьезно. Война внешняя почти стушевалась теперь. Я их разил и разил! Они раздавлены. Фридрих Штарк с остатками красных окружен в Граубергене. Его мы раскусим не так скоро, но он почти совершенно отрезан. Все дрожит в стране. Вот что достигнуто честным союзом правых и средних.

Петлиц. А дальше? Дальше, может быть, начнутся некоторые разногласия союзников. Это ведь всегда так бывает, г-н генерал, между победителями.

Беренберг. Пустое. Что будет дальше, о том судить не вам г-н Петлиц. В политике вы должны быть исполнителем.

(Франк Фрей входит.)

Франк Фрей. Тубо. Никаких политических разговоров. Ни грана политики. Устал. *(Потягивается, оглядывается кругом.)* Ну-с. Забавляйте меня, в награду и я буду забавлять вас. Петлиц. Заприте дверь на ключ. Все, что относится к вину и кушаньям — за вами. Ни одной лакейской физиономии. Устал. Поставьте столы. *(Валится на диван.)* Митси! *(Митси подбегает к нему и целует его.)* Не так бурно, дурочка. Какая у тебя интересная прическа. *(Треплет ее по щеке.)* Кошка. Петлиц, передвиньте с генералом стол сюда к дивану. *(Они делают это.)* Так... Митси сделает мне несколько бутербродов. Дайте мне хорошего белого вина для начала. Я устал... *(Они ухаживают за ним. Он пьет.)* Победа, Митси. А красные черти сломлены. Ну, Беренберг, спасибо, спасибо... *(Садится, пьет.)* Пить, есть. Митси будет танцовать нам сегодня.

(Пьет во все дальнейшее продолжение сцены, все участники пьют непомерно, чаще и больше всех Фрей.)

Беренберг. Как вы веселы сегодня, президент.

Фрей. Сегодня триумф. Интимный триумф. Я на высоте и без риска оступиться. Уверяю вас, генерал. *(Пьет.)* Пейте. Пейте.

(Все пьют.)

Петлиц. Тост... Первый мой тост в честь дамы. Простите некоторую вольность выражений и обратите внимание на рифмы.

Фрей. Прощаю... И Митси прощает заранее. *(Пьет.)*

Петлиц.

Приходи ко мне под арки.
Я принес тебе подарки,
Я принес мои графине
Аромат весны в графине.
Ты вздохнешь, и вот вдруг розы!
Позабудь зимы угрозы.
Люций Петлиц страсти полон.
Чтит в тебе красу и полон.
Песни пой под рев. о. Люций.
Усмиренных революций.

Фрей. Ха-ха-ха... Какой превосходный шут вышел бы из Петлица.

Берегись, другие спишут.
Береги стихи, не спи, шут!

(Вся компания хохочет.)

Фрей. Ну-ка, ну-ка, попробуйте и остальные дать экспромтом и с полными рифмами. Ну-ка, Беренберг, импровизируйте.

Беренберг. Отчего ж нет? Никто еще никогда не говорил о Беренберге, что он лезет за словом в караман.

В преизбытке жизни — споры,
Меч решает жизни споры.
Жизнь исправит смерть косьбою.
Жизнь берется только с бою.

Фрей. Отлично! — Митси!

Митси. Отказываюсь. Я считаю все стихи глупостью. Я не фокусница на слова. Нашли занятие — утруждать себя игрою слов. Я буду танцовать, когда совсем опьянею.

Фрей. Шампанского! Пробки в потолок, Петлиц.

(Петлиц кривляется, откупоривает бутылку с шампанским.)

Беренберг. Сожалею об одном, что с нами нет коммерции советника Гаммера.

Петлиц. И... и... что с нами только одна дама. Но г-н президент делает это нарочно для того, чтобы ему завидовали.

Фрей. Верно! Гаммера нет, потому что Гаммер вьючное животное. Он должен всегда работать. Зачем отдыхать Гаммеру? Он рабочий скот собственного капитала. Он ничего не понимает в жизни. Здесь, где я веселюсь, я презираю Гаммера. Там — в моем рабочем кабинете, я чту его... Да... А женщин нет, потому что я ненавижу женщин. Это — куры... Это—дрянь. Фи. Я и тебя-то едва переношу, Митси. Но ведь эта бутылка еще глупее тебя. Ты здесь — обстановка: вина, фрукты, мебель, стены, свечи, люди... Существую только я. Я... Франк Фрей... Ха-ха-ха... Мой единственный недостаток, что я быстро пьянею... Призраки. Друзья мои, верьте мне. Верьте моему честному слову. Вы три призрака... Ха-ха-ха... Мир стал, как тесто, которое я могу месить, и все это только потому, что я очень умен. Я единственный по настоящему умный человек на свете... Поэтому все вы стали тестом. Тени... Мои рабы.. Европа... Америка... *(Встает — пошатывается.)* Провозглашу тост... За самодержавие... *(Смех.)* А сам держаться на ногах не могу... *(Садится.)* Петлиц, каналья! Ты что-то подмешал мне... Я никогда не пьянел так быстро. Песню. Петлиц, пой.

Петлиц *(садится за рояль).*

Я вам спою, друзья, я конкурентом
Здесь выступаю Ме-фисто-фе-ля.
Меня вознаградите комплиментом.

Я начинаю. До ми фа-соль-ля
Как Мефистофель о блохе
Пою я... Эх-хе-хе-хе-хе.
Конечно, короля блоха
Была из рук вон как плоха.
Но ведь и в век демократичный
Для блох есть ход и — преотличный.

Фрей. Ну, так. Кажется, собираешься сатирить на мой счет?

Петлиц. Я вас забавляю.

Фрей. Смотри... Иначе я брошу тебе бутылку в физиономию.

Петлиц.

Жила была одна блоха,
А, ха ха-ха. А. ха-ха-ха.
Проворна, сметлива и зла,
Водилась в бороде козла.

Фрей. Я воспрещаю эту песню. Цензура.

Беренберг. Президент в пьяном виде выдает, что у него на уме.

Фрей. А ты, генерал, дружище! Ха-ха-ха. *(Тянется к нему.)* Поцелуемся. Ты... помалкиваешь, Цицерон в эполетах, не умеешь помолчать. Генерал-ракета. Я тебя знаю. Ты воображаешь, что ты ужасно хитер... Я все знаю про вас. Ха-ха-ха... Устраиваете заговорчик справа? По низвержении коммунистов начнете мечтать о прошлом. *(Машет пальцем под самым его носом.)* Ни-ни-ни. Франк Фрей великий человек. Все видит. Все знает. Вы мне не опасны.

Беренберг. И все-таки такие нелепые подозрения мог породить только страх, друг президент. *(Треплет по его плечу.)*

Фрей. Когда вы сделаетесь опасным, я свое знаю. *(Свистит.)* И где ты, Беренберг, — вас слишком ненавидят. Ты вымок в рабочей крови.

Беренберг. Вместе с вами, президент.

Фрей. Нет... я держался в стороне. Отвечают исполнители. Беренберг, борзой пес — пиль. И ты терзал. А у меня белые, чистые руки... *(Поднимает руки.)* Видел, Беренберг? Довольно о политике. Митси будет танцовать. Она... Тс... Это мистерия начинается. Она будет танцовать нагая... Да... Я позволю ей сохранить только подвязки. Нетлиц у рояля. Я пью с какой-то жадностью сегодня. И все пьянею... Свечи мне мигают, мигают... Но я и без них все знаю. И про вас все... И все-таки и — отдыхаю. Я могу это потому, что я победил. Я могу спать. Я могу пить... Вокруг меня нет опасности. Триумф! Раздевайся, Митси. Я сам буду танцовать с тобою... И Беренберг... Танец женщины, медведя и обезьяны. Я еще мальчишкой необыкновенно хорошо представлял обезьяну. *(Кривляется и представляет обезьяну. Вся компания хохочет.)*

(Все пьяны и пьянеют еще сильнее.)

Нетлиц. У меня уже все пошло кругом... *(Садится за рояль и играет фальшиво гротескный марш.)* Хором. Я запеваю.

Когда свободным можно быть
И все приличия забыть,
И все заботы вдруг избыть,
И пить, и пить, и пить, и пить:
То торжествует наше Я,
Че-человеко-ко-свинья.

Хор. Да... да...

Тут торжествует наше Я,
Че-человеко-ко-свинья.

Нетлиц.

Тут выскочка и царь на час,
Об'единил, как свиту, нас,
Квартет, медведь, генерал-бас,
Шут — секретарь и свистоплляс,
И женщина — молчу о ней,
Квартет свободных сви-свиней.

Хор. Да... да...

И женщина — молчу о ней,
Квартет свободных сви-свиней.

Петлиц.

Мы ненавидим, но пустяк,
Сегодня каждый будь дурак,
Спрячь камень, разожми кулак.
О, братья, в свинстве пойте так:
Мы победили смысл земной,
На час нам рай дан сви-свиной.

Хор. Да... да..

Мы победили смысл земной,
На час нам рай дан сви-свиной.

(Танец.)

Митси. Ведь это чрезвычайно глубокая песня. Понимаете ли вы, какая глубокая песня? Ведь его песня раскрывает сущность мира. Она выражает смысл бытия. Все дозволено. Я все согласна сделать сейчас. Да здравствует разнузданность!

Фрей *(поднимается с бокалом)*. Я очень пьян и мне трудно сказать речь... Язык мой плохо повинуется мне. Клянусь, я был искренним демаго... демократом... Ха-ха-ха... демократом, социал... Нет, не демагогом... Я рассчитывал и рассчитал лучше старика Турау, и тебя, и всех. И этих коммунистов... фанатиков... И я так рассчитал... так победил, что попал в президенты. Говорю: я свинья, и вы свиньи. И вы можете ими быть, потому что я вам это позволяю. А я смею быть свиньей, потому что я победил. Отсюда следует, что Петлиц—мудрец.

Тут торжествует наше Я,
Че-человеко-ко-свинья.

(Митси вдруг пронзительно вскрикивает.)

Беренберг. Что с вами?

Митси. Вы не слышите, какой стон раздался... Страшно. Как будто миллионы проклятий... Из прошлого... Из настоящего... Из будущего...

Ф р е й. Ха-ха-ха... Она допилась... Она допилась до романтики. До романти... романти...ских галлюцинаций. Мене-Текел-Фарес. Ха-ха-ха... Раздевайся и танцуй, Митси! Хором!

(Все четверо обнимаются и выходят на авансцену, пошатываясь.)

Да... да...

Мы победили смысл земной,
На час нам рай дан сви-свиной...

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Грауберген. Город занят коммунистами. Большая зала в бывшем губернаторском доме. Один длинный стол приспособлен для обедов, другой — для канцелярской работы. Обстановка бивуачная, неуютная. Утро. Ф р и ц Ш т а р к сидит в старом кресле. Он очень утомлен и бледен. Даже как будто дремлет по-временам. А н н а сидит на сундучке, перевязанном веревкой, перед ней стоит З е п п е р л ь. Он и Ф р и ц в военной форме. В комнате много винтовок по углам. Пулемет около двери.

З е п п е р л ь. И надежды терять нечего. Я сразу догадался, когда увидел стариков и тебя, что вам пришла в голову романтическая мысль погибнуть вместе с нами. И вот на зло вашему пессимизму вы будете свидетелями нашей победы.

А н н а. Я никогда не отчаиваюсь. У старого товарища Штарка действительно, так сказать, героически-похоронное настроение.

З е п п е р л ь. Все пустяки. Галликания накануне революции. Я буквально каждый час жду радио из Лютеции об образовании социалистической галликанской республики. Затем и здесь у нас повсюду связи. Вплоть до войск генерала Грехта.

Ф р и ц Ш т а р к. Анна, это все правда. Зепперль говорит правду. И в победе нашей в конце концов никакого сомнения

быть не может. Но нам нечего обманывать друг друга и готовить себе разочарование. Если какое-нибудь чудо выручит нас, будет время радоваться. Но лучше быть готовым к худшему, т.-е. к временному разгрому дела и к окончательному уничтожению лиц. И сейчас моя забота, чтобы мы умерли агитационно, плодотворно... *(Пауза.)* Зепперль, нечего тешить Анну вероятностями. Она—храбрая девушка. Я страшно устал, это мучит меня больше всего. Надо откуда-то почерпнуть сил... Но я рад Анне и старикам. Надо, чтобы все знали, что наши старики, наша подруга не бегут отсюда, а собираются сюда страдать и умереть. Теперь наш реализм и наша трезвость в романтике. Пришел час быть героями. *(Пауза.)* Хочется спать. Но если я засну, то—крепко, а кто знает, что может случится. Что, Зепперль, дружище, не думаешь ли ты, что я могу заснуть хотя на минуту, хотя в кресле?

Зепперль. Все тихо. Спи. Я разбужу тебя, как только будет в том малейшая надобность. Пойдем, Анна.

Анна. Я посижу здесь. Спит старик. Пусть поспит и Фриц. А я побуду около него. Я так долго его не видала. И так скоро, быть может, не буду в состоянии его видеть.

Фриц *(улыбаясь, почти сквозь сон)*. Хорошо сказано, Анна, моя любовь! Моя красавица. Меня фатально клонит ко сну. Приснись мне... *(Опрокидывает голову в кресло.)*

Анна. Зепперль, неужели нельзя устроить его поудобнее?

Зепперль. Чепуха. Нам не до комфорта. Пусть поспит хоть так, последние 4 суток он ведь ни минуты не спал. Я пойду наружу. Чуть что, я его разбужу... *(Уходит.)*

(Анна встает, подходит к окну. Смотрит. Возвращается. Берет винтовку, взвешивает ее на руке, осматривает замок. Прицеливается. Ставит ее опять в угол. Подходит к карте и рассматривает ее.)

Фриц. Анна. Я не сплю. Давай говорить. Я думаю, Анна, что мы погибли. Ты думаешь — это усталость? Нет, усталость может только попытаться помешать мне показать, как надо умереть смертному солдату бессмертной армии. Но ей не удастся это. Я знаю, что в какой-то тайной пороховнице у меня сбережен еще последний запас пороха.

Анна *(подходит к нему и крепко его целует)*. Мой... наш Зигфрид.

Фриц. Ну, так ты наша Валькирия. Как ты красива! Ты не должна достаться им. Непременно убей себя, когда увидишь, что нет спасения. Все-таки плохо, что вы пробрались в нашу мышеловку. Ты могла бы жить и работать для партии. Ну, в сторону, кто здесь — должен думать о борьбе до смерти, о смерти, как акте борьбы. Анна, пуще огня боюсь, чтобы кто-нибудь не струсил. Надо, чтобы защита Граубергена стала по меньшей мере рядом с защитой Парижа в 1871-ом.

Анна. Спи, милый.

Фриц. Хочется говорить с тобой.

Анна. О каком чуде ты говорил?

Фриц. О чуде?

Анна. Что чудо могло бы выручить нас.

Фриц. А! Не то, чтобы чудо, а одна чудовищная глупость, которая, впрочем, возможно могла бы нас спасти.

Анна. О каком чуде ты говорил?

Фриц. Если бы Беренберг и его генералы, не дожидаясь нашей гибели и проникшись верой в ее неизбежность, устроили бы переворот в Махтштадте.

Анна. Я слыхала немало о такой возможности от товарищей.

Фриц. Да... мы имеем маловато сведений, но вероятность есть. Говорят, будто Фрей начинает бояться офицерства и даже принимает меры. Обезьяна. Меры, которые он может при-

нять теперь, могут только ускорить взрыв. Всю силу он отдал им... Этот вьюн обречен на то, чтобы попасть в генеральскую уху.

Анна. А Европа?

Фриц. Ну, она подремлет еще годика два, если мы не победим. Восток кипит тоже. Но все это длительный процесс. Восток и Запад подадут друг другу руки над нашими головами.

Анна. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь сможет дрогнуть? Я чувствую в себе такую неизмеримую гордую готовность умереть, что мне почти сладко.

Фриц. Нет, пусть будет грустно и горько. Жизнь хороша. Ты... одна ты чего стоишь, моя невеста, пояс которой я не развязал. Пусть будет велика жертва перед сердцем каждого— но пусть твердо и серьезно принесет он эту жертву, не я, не ты, а мы.

Я буду я, но лишь отчасти
И не хочу я в «я» тюрьмы.
Пусть в «я», как в центр, сплотятся страсти,
Но я, как в центр, — вольется в «Мы».

Анна *(целуя его)*. Твои призывы и песни не умрут. Только все ли ты записываешь?

Фриц. Некогда, Анна. Некогда и думать об этом.

Анна. Не правда ли, ты и о любви думаешь мало? О нашей.

Фриц. Думаю мало. Что тут думать, но она, как солнце летом, все собою пронизывает в моей жизни. Анна, половину силы я черпаю из моего счастия. Моего собственного, только моего. Я этого от тебя не скрываю. Когда товарищи говорят: «Фриц Штарк у нас молодец», я посмеиваюсь. Менее всего это заслуга Фрица Штарка. Разве его заслуга, что его любит самая лучшая девушка Нордландии? Ну, целуй меня!.. *(Целуются.)* Вот так. Анна, золотая, крепкая, опьяняющая, желанная, вот так. Подумай, какое блаженство дала бы мне победа. Как мне не бороться за нее с бе-

шенством? Вот тебе еще пара строк из песен моего сердца которые сами у меня растут за делом:

В даль смотрю — она туманна.
Но плыву наверняка,
Ведь в руке твоя рука,
И на жизнь и на смерть, Анна.

Стой! Слышишь сигнал? Что-то случилось...

Зепперль *(вбегая)*. Несомненное наступление со стороны Альтклостера.

Фриц Штарк. Лошади готовы? Собери-ка поскорей 3 — 4 человека из центрального военного совета, мы поедем туда сами. Сеть блокгаузов и заграждений там недурна, но парни оставляют желать лучшего. Ну, все преобразуется, Анна... *(Целует ее в лоб.)* Прощай, на всякий случай. Покорми стариков. Скажи каптенармусу, чтобы он не пожалел картошки и даже соли. Старикам не говори, что я в бою, особенно маме. Если появится Юлий, — скажи, что сегодня он в отпуску на 24 часа... *(Уходит с Зепперлем.)*

Анна *(стоит, слегка ошеломленная)*. Нельзя примириться... Он изумителен... Он должен жить... Тысячу раз умру за него... Но разве это его спасет?..

(Входит старик Бибер.)

Анна. Кого я вижу. Товарищ Бибер! Старость не помешала вам быть в рядах бойцов? Поздравляю.

Бибер. Видете, тут был мой сын... мой Петер... он ведь у меня был один... всю войну я дрожал за него. Уберегся. Тут пошел за Штарком. Был ранен... я получил весточку. И так, как вы-теперь, отправился в путь-дорогу и пробрался сюда. Трудненько было. Прихожу. Где Петер? Во втором госпитале. Иду. Петер Бибер умер 2 дня тому назад. Похоронен в общей могиле. Над общей могилой я постоял. Вот и все. Сейчас служу при кухне. Помогаю. Жду смерти. Жить не хочу и не могу. Сломался. Узнал. что старик Штарк приехал сюда, — пришел проведать.

Анна. Да, товарищ Макс Штарк придет сейчас сюда.

Каптенармус. Ну, товарищи, подавать, что ли?

Анна. Давайте, товарищ.

(Каптенармус уходит.)

Бибер *(садясь)*. Да... я с ними поговорю насчет сына. А с вами, если позволите, поговорю о деле живых.

Анна. Я вас слушаю, товарищ Бибер.

Бибер. Вам не жаль всех наших молодцов и, в частности, Фрица?

Анна. Ну, еще бы, товарищ Бибер!

Бибер. Ах, товарищ Анна, посоветовали бы вы им бросить это дело. Не пришли сроки, зачем им погибать?

Анна. Если они погибнут, товарищ Бибер, то именно потому, что не пришли сроки.

Бибер. Уговорите их, Анна. Ведь я знаю, что многие из них держатся ложным стыдом: стыдятся друг перед другом и перед своим новым молодым вождем.

Анна. Неужели?

Бибер. Несомненно. В память сына, я хотел бы спасти их. Стоит сказать слово, чтобы мы сдались на хороших условиях, — и дело в шляпе. Солдаты Гехта — ведь это наши же товарищи, им жаль и себя и нас, и хочется мира. А Фрей? Ведь это же социал-демократ. Ну, есть у него, так сказать, рен направо... а что бы вы сказали о министерстве, в котором Биссель и Фриц Штарк и, может быть, и старый Макс, получили бы портфели рядом с Фреем? Вот тогда бы взошло солнце над Нордландией. *(Пауза.)* И так думают многие. Потому что это мудро... Это жизнь. Остальное—упрямство и смерть. *(Пауза.)* Вы такая красавица и умница, Анна. Вы должны иметь неизмеримое влияние на товарища Фрица. Пустите это влияние ваше в ход. Иначе,

право, вы будете тоже косвенной убийцей и его, и всех молодцов... Поверьте, о себе я не думаю. Мне хочется смерти... Но они... они, как мой Петер, для жизни... *(Плачет.)* Все ослепли, что ли? Мир так близок... Помогите, Анна!

Анна. Нет, товарищ Бибер.

Бибер. Нет?.. Вы не хотите тихонько отвести их от могилы?

Анна. Нет.

Бибер. И вы в плену у того же демона гордости?

Анна. Товарищ Бибер... другого я бы презирала за такой совет. Но вы даете его от доброго сердца. Только, поверьте мне, вопрос стал так: победить или умереть! Товарищ Бибер, умереть — значит помочь грядущей победе, а сговориться — значит убить победу во имя своего личного спасения.

(Входят Макс и Эмма.)

Макс. Где же Фриц?

Анна. Занят. Скоро придет. Ба! Бибер, старый друг! Присаживайся. За стол, друзья мои! Вот товарищ каптенармус несет миску.

(Каптенармус ставит на стол большую суповую чашку.)

Каптенармус. Картошка, вода и соль, больше ничего. Да и того не вдоволь.

Макс. Мы не пировать приехали... *(Садится за стол.)* Как живешь?

(Во время дальнейшего разговора все едят.)

Бибер. Плохо. Потерял сына.

Макс. Где?

Бибер. Здесь. Умер от ран, полученных при защите Грауберген.

Макс. Старина, ты не потерял сына, ты его обрел. У меня два: Фриц и Юлиус. Если они падут, как твой — буду горд. Нам всем не житье. Настоящая жизнь придет ценой наших страданий. Кто промаялся и подох на кровати — пожалеть надо, кто боролся и пал в поле битвы за будущее — порадоваться! Сейчас до победы счастливым может быть только негодяй.

Бибер. Я давно знаю, что ты хорошо разговариваешь, Штарк, я не желаю тебе моего горя, но желаю, чтобы красивые слова помогли тебе пренести его легче, чем я несу свое. *(Входит Юлий.)*

Юлий. Мама, папа!

(Об'ятья, поцелуи.)

Макс. Возмужал. Молодец.

Юлий. Анна... Поцелуемся?

Анна. Конечно... *(Целует его.)* Между прочим, Фриц сказал, что тебе дан отпуск на 24 часа.

Юлий. Какой отпуск? Я хочу сейчас же итти к Альтклостеру. Фриц лично командует там, а это значит, что дело рискованное.

Эмма. Как, Фриц сражается сейчас, сию минуту?

Макс. Всегда, старуха. Юлий, беги к брату, беги, не теряй ни минуты!

Юлий. Конечно. Я много раз бывал ему полезен в таких переделках. Я несу службу связи. Но мое главное дело — распространять литературу в рядах белой армии. *(Целует мать и быстро уходит.)*

(Эмма вдруг плачет.)

Макс. Видишь, Бибер? Это старая женщина, хорошая работница и моя подруга жизни. Она плачет, горюет, как ты. Я не фарисей. Я не осужу тех, кто кричит от боли, причиняемой им их ближними. Но сам я хочу и буду стоять

выше этого. Мы творим историю. Мы всю жизнь готовились к таким дням. Мы — старые ученики Маркса и Энгельса.

(За окном раздается музыка. Все бросаются к окнам. Музыка.)

Голоса *(за сценой)*. Урра!

Анна. Фриц возвращается и Юлиус с ним. Какая радость!

(Входит Фриц, Юлиус и несколько вооруженных коммунистов.)

Фриц. Ха-ха-ха! Этот раз мы их отбили. Юлий опоздал к хорошей стычке. Руку, отец! Ничего, полк Энгельса дрался на этот раз недурно.

Макс. У нас есть полк Энгельса?

Фриц. Есть. Это были плоховатые ребята. Туда набрались случайно довольно дряблые товарищи. Один раз они побежали с железнодорожного моста и чуть не отдали его. Надо было их подтянуть. Сначала я думал было расформировать полк, а потом вдруг догадался рискнуть, выставил их и говорю: «Отныне ваш 4-й красный пехотный полк будет называться полком имени Энгельса. Неужели кто-нибудь из вас осмелится посрамить такое имя?» Действительно, они сильно подтянулись.

Макс. Браво, браво, Фриц!

Фриц. А заметили вы, товарищи, что сегодня непосредственная атака была очень слаба! А ведь это 141-й шел против нас, чисто кулацкий полк.

1-й коммунист. Несомненно, они слабеют.

Фриц. Но мы тоже. Якоб рассказывал мне, что вчера было даже какое-то тайное собрание насчет мира с Фреем. И там было несколько сот человек. Вот это худо. Митинговать нам теперь, конечно, некогда. Но я считал бы необходимым сейчас же собрать сюда представителей от всех частей. Да не комиссаров, а по два от каждой части по особому выбору. Поговорим хотя с ними.

Макс. И я скажу парням пару слов.

Фриц. Непременно, отец.

Юлий. В сущности, мы ведь все кормим товарищей надеждами. В это перестали верить.

Макс. Перестали верить? Вот как?

Фриц. Не кипи, отец. Они правы. И я повернул руль. Я последнее время не говорю о надеждах. Я говорю прямо, что нас ждет гибель. Это действует гораздо лучше.

Макс. Но самая гибель должна быть чувствуема, как радостный подвиг.

Юлиус. И я уверяю тебя — большинство из нас именно так живет теперь.

Эмма. Фриц, какой у тебя усталый вид.

Фриц. Я уже не устал. Бой встряхнул меня.

Анна. Тут все имеют усталый вид.

1-й коммунист. Отдыхать некогда.

2-й коммунист. Скоро успокоимся все.

Юлиус. Дни и ночи идут, жуткие, громовые и величественные.

1-й коммунист. Кто действительно свыкся со смертью и не потерял рабочей совести — тот начинает расти. Я утверждаю, если кто переживет эти дни — выйдет крепким и будет вспоминать осаду Граубергена с благоговением.

3-й коммунист. Я уже привык смотреть на себя, на нас, как на историю. Я иной раз чувствую себя, словно на сцене. На ней убивают вправду, но держаться надо красиво: века смотрят.

Фриц. Если бы все думали так.

(Во время этого разговора комната наполняется солдатами. Входя, они отдают честь, рассаживаются по лавкам, группируются в кружки.

Слышен сдержанный говор. Настроение сумрачное, серьезное.)

Ю л и у с. Почти все собрались. Скажи им, Фриц.

Ф р и ц. Товарищи, мне говорят, что несколько слабых из наших рядов толковали сперва на частном собрании о каких-то условиях сдачи.

(Пауза.)

Г о л о с а *(неохотно)*. Слыхали.

Ф р и ц. Сходные условия. Уж не согласен ли Франк Фрей на провозглашение власти Советов? Может быть, в самом деле, не победив в бою, мы победим всю банду наших врагов переговорами? Не воображаете ли вы, что настоящий господин в лагере врагов — капитал — вдруг добродушно согласится, что ему пора умирать и завещает нам, своим наследникам, весь мир? Нет, борьба между нами и ими непримирима! Сдаться — значит не только перенести величайшее унижение, но и совершить предательство всех темных, которые еще колеблются, и, быть может, целого ряда грядущих поколений. Быть может сходными условиями те парни, что толковали в «Золотом Кольце», считают спасение жизни ценою предательства? Но если презирают труса, не умеющего отстоять грудью свою жену и детей, то во сколько тысяч раз презреннее трус, изменяющий такому идеалу, как наш: мировому, горящему, дающему смысл всему бытию? Какую жизнь дадут вам эти «сходные» условия? — жизнь, омраченную сознанием своей подлости! Неужели есть кто-нибудь, считающий ее лучше смерти. Если есть такой, то он хуже скота, он не человек для меня и, надеюсь, для вас!.. Я смотрю на ваши суровые лица, я вспоминаю все, что мы пережили и спрашиваю себя: ужели есть среди вас хоть один, кто, получив на грошик такой надорванной и унылой жизни, продаст за нее все, чем мы любовались и гордились, все, для чего умерло столько дорогих нам людей?

(Все слушают молча и напряженно. В этом месте кто-то неожи-

данно срывается криком: «Никто этого не сделает». И сейчас же со всех сторон поднимаются крики: «Никто, никто, никто», «Умрем все», «Долой изменников».)

Фриц. Их нет! Товарищи, я вас не обманываю. Все говорит за то, что мы погибнем, но все, что можно сказать об этой гибели, старался я вложить в те слова Интернационала, который вы называете Интернационалом смерти. Споем их, товарищи, и пусть сегодня их будут повторять во всех частях нашей армии. Итак...

Хор

Вперед, герой войны священной.
Черна, как ад, над нами твердь.
Вперед с душою неизменной...
Герой, ты обречен на смерть!
Надежды для детей сияют,
Ты грудью им проложишь путь!
Для нас могилы лишь зияют,
Герой, надежды позабудь...
Ждет нас скоро смертельный
И решительный бой.
Уйди же из жизни,
О, брат мой, как герой!..
И если ночь сомкнет над нами
Свою тяжелую волну
И меж отцами и сынами
Проложит не одну весну —
Пускай цветет до новой сечи
Рабочей славы красный мак
И будет чист, и свят, и вечен
Омытый нашей кровью флаг.
Ждет нас скоро смертельный...

Молодой коммунист *(вбегая)*. Товарищ Штарк, товарищ Штарк! Радио! Радио! Огромной важности.

(Подает ему лист бумаги. Все дрожат от волнения.)

Фриц. Слушайте: «В ночь на 12 августа по моему приказу Махтштадт об'явлен на военном положении. Бывший президент Фрей и его министры арестованы».

Голоса. Поделом Фрею!

Фриц. «Во главе временного правительства становлюсь я — генерал Беренберг».

Голоса. Долой Беренберга!

Фриц. «Пришло время восстановить честь Нордландии и порядок. Все добрые граждане будут приветствовать правительство честных патриотов».

Голоса. Бей честных патриотов!

Фриц. «Генерал-от-кавалерии Эвергард фон-Беренберг».

(Сразу множество криков. Одни полны бешенства, другие громко смеются.

Чувствуется смятение.)

Голоса.
- Долой Беренберга!
- Так я и ждал.
- Разве мы не предсказывали торжества реакции?
- Не надолго.
- Поделом Фрею.
- Волки пожирают лисиц.
- Бей честных патриотов!

(Смех.)

Фриц. Это не все. Вот другое радио от представителя американских журналистов в Махтштадте. «Президент Франк Фрей бежал за границу. В Махтштадте распространяются его прокламации с призывом бороться против реакции. Положение правительства генералов — шатко. Электричество, газ, водопровод, трамваи остановились. Рабочие баррикадируют предместья».

Голоса. Ага!

Фриц. «Войска разбились на партии. Дисциплина военных частей стремительно падает. Очень возможно, что распря умеренных социалистов с представителями господствующих классов окажется крайне выигрышной для крайне левых».

Голоса *(громко).* Ура! Ура!

Фриц. Знают ли они там об этом? В армии Гехта многие поймут теперь, куда их вели.

Юлиус. Товарищи, сейчас же надо напечатать это радио и наши воззвания. Я сам разбросаю их с аэроплана.

(Убегает.)

Фриц. К частям! Осведомить их! На работу!

Макс. Это не так неожиданно.

Фриц. Старик, кажется, мы победили...

Зепперль. Стойте, товарищи. Теперь, прежде, чем вы разойдетесь, надо пропеть Интернационал победы.

Хор.

Вперед, рабочий. Те, кто седы
Увидят красную зарю,
И юный сметет в день победы
Сказать: и я тебя творю.
Уж солнца всходит щит пурпурный
Над обновленною землей
И после рева битвы бурной
Под'емлет радость голос свой.
Ждет нас скоро победа.
Старый мир, догорай!
В пожарах родится
Земной, цветущий рай.

(С ликующими криками расходятся. Остаются Макс, Эмма, Анна и Фриц.)

Фриц. Ну, старина! Ну, Анна! «Чудо произошло». Они наглупили. Никаких сомнений, все, что колебалось, все, что верило в середину — качнется к нам!.. Напрасны надежды Беренберга на штыки. Много ли их у него? Развал начинается преждевременно. Шансы колоссально выросли.

(Входит Зепперль.)

Зепперль. Фриц Штарк, повидимому, в лагере Гехта узнали о перевороте. Наблюдается смятение. Со стороны Катценгаузена приближаются парламентеры, как передают оттуда по телефону.

Фриц. Парламентеров, конечно, принять.

Зепперль. Должен сказать вам, что Юлиус устроил сумасбродство: так как свободного аэроплана не оказалось, то он поскакал на лошади прямо к ним. Он словно с ума сошел. Рвался рассказать им о перевороте. У него там связи. Он знает кое-кого, кто шатался.

Фриц. Экий мальчишка. Ведь может пропасть зря.

Макс. А мне нравится эта горячность.

(Входит летчик.)

Летчик. Товарищ Штарк, я только что прибыл сюда, и только что узнал, в чем дело, а я недоумевал до крайности. На позициях белых явный разлад. Огромные митинги. Только что кое-где началась перестрелка. Я совсем снизился: никто не обратил на меня внимания.

Фриц. Все это великолепно.

Зеппель. Не двинуть ли нам генеральную вылазку?

Фриц. Боже сохрани! Это будет в руку генералу Гехту. Не надо нервничать... Мы не будем мямлить, но надо, чтобы положение выяснилось...

(Входит первый коммунист.)

Первый коммунист. Товарищ Штарк. Комендант Катценгаузена сообщает, что прибыли парламентеры от саперов и артиллеристов восточных позиций неприятеля. Они предлагают перемирие и переговоры об об'единении сил против коалиции.

Фриц. Во имя Фрея?

1-й коммунист. Нет, ничуть. Они согласны на создание чисто рабочего правительства. Мы тут сидели без известий,

а там, повидимому, уже давно видно было, как растет заносчивость Беренберга и каким шутом оказался Фрей. Ребята все яснее видели и куда их толкают, и для кого они таскают каштаны из огня...

(Под самым окном поют «Интернационал».)

Фриц. Пускай идут сюда. Собери центральный совет, дружище.

1-й коммунист. Сию минуту.

Макс. Этого я не ожидал... Мы идем к победе... Сейчас. Вот тут, при моей жизни.

Анна. Предсказания Зепперля сбылись. Торжественно-похоронное настроение было не к месту: хотели умереть, а приехали!..

Фриц. На свадьбу, Анна. Правда? Уже теперь то мы урвем часочек для личных дел.

Анна. Вы как будто чем-то обеспокоены, мама?

Эмма *(улыбаясь)*. Ничего, ничего, я только немножко беспокоюсь за Юлиуса.

2-й коммунист *(входя)*. Товарищ Штарк. Чудесные вести: на западном фронте братаются. Гехт с несколькими батальонами отступает к своему Беренбергу. Огромное большинство армии против реакции. Идут митинги и переговоры между умеренными, которые теряют, и сочувствующими нам, которые растут. Какая перемена!

Фриц. Я приму парламентеров, а потом сам пойду туда, в армию Гехта.

2-й коммунист. Пожалуй, что будет уже время.

3-й коммунист *(входя)*. Товарищ Штарк, я с глубокой скорбью сообщаю вам, что товарищ Юлиус Штарк убит выстрелом неприятельского секрета в то время, как он

ехал для переговоров к позициям врагов сообщить о событиях.

(Минута молчания. За окнами в отдалении поют: «Вперед, рабочий! Те, что седы»...)

Макс *(обнимает жену).* Старуха... Старуха... Не урони этот час... Горько... горько, но он умер прекрасной, молодой смертью. Радуйся победе, старуха, которая... которая... *(Улыбается.)* Плачешь? *(Плачет сам.)* Это потому, что мы стары и любили очень... *(Плачет.)*

Анна *(Фрицу).* Бедный, бедный Юлиус! Скажи им что-нибудь, Фриц!..

Фриц. Отец сам все скажет.

Макс. Мы только немного поплачем. Мы — люди, этого нечего стыдиться, но мы не ропщем, мы согласны. Слышишь, слышишь, старуха? Победа. Их много, Юлиусов, как наш, и все они будут счастливы скоро, большим, благородным братским счастьем — и он послужил этому. Да, старуха?

Эмма. Да, мой милый, да... *(Целует его, обнимая дрожащими руками и заливаясь слезами.)*

1-й коммунист. Парламентеры здесь, парламентеры здесь.

Фриц. Отец, выйди в ту комнату, успокойся, утешать тебя я не хочу. Ты сам все понимаешь.

Макс. Нет, я не уйду, я хочу слышать, что они скажут. Ты думаешь, я слаб? Да разве мой Юлиус простил бы мне, если бы я был слаб в такую минуту?

3-й коммунист. Парламентеры прибыли.

Фриц. Введите парламентеров.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ.

Курорт в теплых краях. Пальмовый сад. Справа столики кафе. Налево одинокая скамья под большим платаном. В глубине сцены лестница, спускающаяся к городу. Вдали море и небо. В саду мало народу. Толстяк сидит за столиком. К нему подходит гарсон.

Толстяк. Что так мало народу сегодня?

Гарсон. Начинает пустеть и у нас, мосье. Господа эмигранты проелись... пропились... К тому же у нас в городе неспокойно. Ведь и у нас есть рабочие.

Толстяк. Неужели и у вас неспокойно?

Гарсон. Уверяю вас. А вот недели три тому назад было еще очень весело, даже так весело, как никогда. Пир во время чумы, мосье!.. Но костер догорает, мосье. Взгляните туда, вы видите этого молодого человека в смокинге? Вы узнаете его?

Толстяк. Неужели это император Нордландии?

Гарсон. Это он, мосье. Как он прожигал жизнь, а сейчас, видите...насмурен. Он слишком тратился и транжирил. Извиняюсь, мосье. Он садится за столик. Я иду к нему. Что вам будет угодно?

Толстяк. Вермут и сельтерской.

Гарсон. Слушаю... *(Отходит.)*

(Входит император в элегантном костюме с пальто, перекинутым через руку. Садится за столик кафе, зевает и закуривает сигару.)

Гарсон. Ва́шему величеству?

Император. Никаких величеств. Фишь.

Гарсон. Газету?

Император. Никаких газет.

(Гарсон уходит.
Франк Фрей проходит мимо в пальто с тросточкой, которой он развязно помахивает.)

Император. Президент?

Франк Фрей. Император?

Император. Позвольте угостить вас коньяком?

Фрей. Охотно... *(Присаживается.)* Как сегодня игралось?

Император. Проигрывалось. Вы тоже играли?

Фрей. Ничтожно. Никаких рессурсов. Я ведь не мог увезти с собой, как вы, чемодана с золотом, и текущих счетов у заграничных банкиров у меня нет.

Император. А у меня...были. Если бы вы знали, какой я теперь пролетарий. Просто хоть в профессиональный союз записывайся.

Фрей. Неужели?

Император. И нисколько не унизительно. Старый осел канцлер когда-то говорил: вы и при поражении будете царственны. Желал бы я видеть, как это делается. Но я нахожу своеобразное утешение в легкомыслии самого высокого полета. Пожалуйста, смотрите: вы, вероятно, скоро увидите императора в заплатанных сапогах, императора, ночующего на скамье бульвара. Императора, который даже у проститутки должен просить поцелуй из милости.

Фрей. Разве Дорнбах не был прав? Вы и в таком виде будете эффектны. А я? Когда я проем мемуары, чем мне заняться? Мелкой адвокатской практикой? У меня одна надежда, что Нордландия оправится, выйдет на дорогу, и они позовут меня, ну, хотя товарищем министра юстиции или что-нибудь в этом роде...

Император. Сделайте им поскорее предложение. Видите — вот этого утешения у меня нет. Попадись я в их руки — они сделали бы со мной то же, что с беднягой Беренбергом.

Фрей. О, это поделом! За его расстрел я способен многое простить этим эфиопам.

Император. Итак, скоро мы умчимся в Махтштадт? Почему нет. Рабочее правительство в Лютеции, рабочее правительство в Гритпорте... и все там вроде вас, Фрей, они будут для вас посредниками.

Фрей. Это не так невозможно. Но отнюдь не сейчас. Сейчас они так оклеветали и осмеяли меня, что, кажется, нет в Нордландии имени, позорнее имени Франка Фрея.

Император. Ха-ха-ха!.. Простите, но это доставляет мне некоторое, довольно приятное удовольствие.

Фрей. А между тем, я все-таки великий человек.

Император. Когда-то этому почти верили.

Фрей. В этом сомневаются только поклонники успеха.

(За сценой раздается вальс).

Император. Слышите, какой милый вальс? Ах! Как, хотелось бы, чтобы все было снова... Чтобы все было по-прежнему. Но это синее небо, услужливость гарсона, сигарный дым, коньяк и вальс не могут скрыть, что действительность кошмарна и что кошмар все растет.

(Мимо проходит Митси с двумя пожилыми господами. Они смеются и болтают.)

Император. Подождите, мои глаза не обманывают меня? Это Митси... Митси Гаторп. Митси!

Митси *(вдруг останавливается в своем хохоте. Всматривается в него. Император быстро подходит)*. Мой милый друг! *(Целует его. Своим провожатым.)* Это император Нордландии, мой друг. Видите, как мы запросто с ним. А вы не хотели

мне поверить, что я графиня? Они принимают меня за обыкновенную кокотку.

Император. О! *(Приподнимает котелок.)* Уверяю вас, мосье, что это кокотка необыкновенная.

(Господа смеются, раскланиваются и удаляются.)

1-й господин. Неужели это император?

2-й господин. Да. Он ужасно полинял и облез.

Император. А г-н президент? Ты не узнала его, Митси?

Митси *(оборачиваясь к нему)*. Боже, Франк. Какое свидание друзей. Прикажите и мне подать коньяку. *(Садится.)* Как поживаете, Франк?

Фрей. А как ты попала сюда, Митси?

Митси. Где же мне быть? Понемножку все с'езжаются сюда. Я расскажу вам премилую историю, мои дорогие. Когда Франк бежал и бедный Беренберг стал править—я была ужасно зла. Мне жаль было Франка. Ведь вас обоих я любила. Что же касается Беренберга, то при всех его фразах и щегольстве культурой — это был морж и больше ничего.

Император *(смеясь)*. Стар... толст...

Митси. Но, мои дорогие... Я стала чем-то вроде атрибута власти в Нордландии. Я, так сказать, официально не могла отказать ему... Ха-ха-ха!.. Кто даст мне покурить? Ты, президент, ну, спасибо. *(Курит.)* Так вот... Это было скучно. Вдобавок он ревновал... Да... Этот Отелло, представьте себе, ревновал меня к моему кучеру, даже к моему мужу, наконец, даже к че-че-человеко-ко-свинье, к Петлицу!

Император. Все это забавно. Гарсон. Еще фінь, живо!

(Гарсон подает).

Митси. А коммунисты все ближе. Вы помните, как было дело. Все переходили на их сторону, потом выборы в Альбионе, рабочее министерство. Признание социалистического пра-

вительства в Нордландии, взятие Махтштадта коммунистами. Мой генерал выходил из себя, расстраивался, бушевал и... опоздал бежать! Когда же все железные дороги были перехвачены и повсюду были красные—он вдруг приглашает меня уехать. И я ему ответила, как в сказке: я была с императором, он бежал, я не уехала. Я была с президентом, он бежал, я не уехала. Неужели с тобой уеду? Тогда это чудовище стало меня бить. Да. Да! Он бил меня... прямо кулаками. Он ускакал, был пойман, его судили и — пиф-паф.

Фрей. Прекрасно сделали.

Митси. Я не плакала.

Император. То же сказал бы он, если бы это сделали с вами обоими.

Митси. Я осталась в Махтштадте. Но вот в Кронпалас переезжает председатель Совета Народных Комиссаров: молодой, хорошенький, эффектный, кумир народа, поэт, полководец, слесарь, журналист, оратор, новый человек, универсальный представитель истинно-рабочей интеллигенции, наше чудо-юдо — Фридрих Штарк. Милые мои! Я старалась похорошеть всячески. Наконец, надев скромное черное платье и взяв в руки просьбу о снисхождении и помощи, я отправилась к нему. Правдами и неправдами, слезами и улыбками — я у него на приеме. Сердце мое бьется. Я помолодела на 5 лет.

Фрей. Ну, ну, Митси. Хорошо бы и на все 15.

Митси. Грубиян. Слушайте, император. Вхожу. Он не в вашем кабинете принимает, а в каком-то бывшем экзекуторском, что ли...

Официален сначала. Официален до ужаса, как председатель коронного суда. Я говорю, говорю... А он прерывает: «довольно, по правде сказать, я не принял бы вас, но хотелось на вас взглянуть. Я распоряжусь, чтобы вас пустили за-границу. Может, вы там кому-нибудь пригодитесь».

(Император и президент хохочут.)

Митси. Да. Да. Мне это прямо понравилось. Я всегда любила, когда мужчина резок и даже немножко презрительно жесток... Может-быть, там вы кому-нибудь пригодитесь...

Я бормочу: «я надеюсь быть еще здесь полезной». А он: «кто там еще ожидает, товарищ секретарь»?

Фрей. Так что не выгорело?

Император. Митси вымели, как и вас.

Фрей. Как вас тоже, ваше величество...

(Мальчик газетчик пробегает мимо).

Газетчик. «Европейский курьер»! Интервью с председателем Совета Народных Комиссаров Нордландии Фридрихом Штарком! Фридриф Штарк о будущем Европы! «Европейский курьер»! Всеобщая стачка в Бельмарине! «Европейский курьер»! *(Пробегает Петлиц.)*

Император. Каково!

Фрей. Да, и здесь стачка. *(Задумчиво.)* Я чуть-чуть не рассчитал... Я, так сказать, немножко перехитрил.

Император. Слушай. Митси, ты давно здесь?

Митси. Нет, я была в разных местах.

Император. Чем ты живешь?

Митси. Нескромный вопрос.

Император. Но у тебя много денег. Я вижу, ты не продала своих бриллиантовых серег.

Митси. Ведь есть еще богатые люди и со вкусом.

Император. Митси, во имя старой дружбы, дай мне взаймы тысяч 20 франков. Но только сейчас же, потому что я хочу играть сегодня вечером.

Митси. В самом деле, помочь тебе отыграться? Ха-ха-ха-ха!.. Нет. Разве за все время нашей близости ты не разглядел, что я не дура. *(Встает.)* Нет, дорогой друг, тебе—ничего... А Франку... О, Франк, помнишь наши опьянения и восторги... Франк, если ты хочешь их вспомнить, приходи в Grand Hôtel № 33... вечером. Ночью даже. Предупреди только заранее по телефону, Франк, я часто слишком занята. И не бойся: тебе это ничего не будет стоить.

(Хохочет и уходит.
Император и Франк Фрей некоторое время молчат.)

Император. Сколько у вас есть сейчас в кармане? Притом золотом.

Фрей. Ничего нет. А если бы были, то на игру я не дам вам.

Император. Ну, так заплатите за коньяк.

(Входит канцлер в черной широкой одежде, опираясь на плечо Лары, бедно одетой.)

Император. А вы, господин филин. Это я, император, говорю с вами, проклятие вам! Я никогда не забуду послать вам лишнее проклятие. *(Встает, говорит Фрею.)* Я люблю дразнить эту старую развалину.

Фрей. У него очень печальный вид. Фрейлен Лара, мое почтение. Пойдемте, император. На них тяжело смотреть.

(Император и президент уходят.
Канцлер и Лара проходят медленно через сцену и садятся на скамью под платаном.
Пауза.)

Канцлер. Кто был с нами?

Лара. Фрей.

Канцлер. Так... Лара, ты очень больна, у тебя горячие руки.

Лара. Да. К чему вы говорите это. Я больна. Я, слава богу, скоро умру. Что же из того? Быть вашей Антигоной мне не под силу больше... Надоело... А бросить вас — тоже не хватает духу. Смерть меня выручит.

Канцлер. Лара... Я уверен, что коммунистическое правительство охотно позволило бы тебе вернуться в Махтштадт. Там у тебя друзья... Там...

Лара. Молчите. Будем молчать.

(Подходит Петлиц.)

Петлиц. Я издали заприметил вас. Если не ошибаюсь, г-н канцлер и его Антигона. О, трогательно. О, умилительно. Я — Петлиц, ваш бывший секретарь.

Канцлер. Здравствуйте, вы тоже эмигрант?

Петлиц. Да... Но не совсем. Я собираю сведения об эмигрантах. Надеюсь, что этот товар окажется подходящим для революционного правительства Нордландии.

Канцлер. Вы до того дошли?..

Петлиц. Почему нет! Я и раньше несколько раз служил в полиции. Но вот новое правительство мне не доверяет. Вы знаете, г-н экс-канцлер, я даже записался в коммунистическую партию, но у них произошла какая-то... перерегистрация и они выставили меня. Кроме того, мы все стали циниками. Ведь нас победили, а принципов у нас нет. В поражении же поддерживают только принципы. Мадемуазель Лара, знаете, что Кеппен сейчас представитель распределительного комитета при Махтштадтской коммуне. Недурно? Правда, он интересовался вами. Спрашивал, где вы сейчас? Впрочем, они почти все устроились, эти господа капиталисты. Гаммер — в Главмыле.

Канцлер. И коммунисты не боятся их?

Петлиц. Нет, это они боятся коммунистов. Были случаи, когда они расправлялись довольно круто. О, это недобрые люди,

коммунисты, г-н канцлер. Совсем недобрые люди. Ну, а ваша вера, ваша вера угольщика? Вот это интересно было бы знать, как обстоит дело с вашей верой? *(Пытливо всматривается в него.)*

Канцлер. Господь испытует. Прекратим этот разговор, Петлиц, оставьте нас...

(В кафе входит Митси с прежними двумя провожатыми.)

Петлиц. А, очаровательная Митси, бегу. Надо пристроиться к ней. Она все еще производит фурор. *(Торопливо раскланивается и уходит.)*

Канцлер. Новый мир рождается, Лара. Это несомненно. Я не понял бога.

Лара. Молчите.

Канцлер. Я много молчу. Не слушай, если не хочешь. Но это должно быть сказано. Я не понял бога. Все эти страшные вещи, которые прошли через мои руки, мой мозг, мои глаза, мое сердце и через столько других тел и душ—они были нужны Провидению. Новый мир рождается в муках.

(Умолкает.)

Газетчик *(пробегая мимо)*. «Европейский курьер»! Интервью с председателем Совета Народных Комиссаров Нордландии Фридрихом Штарком! Фридрих Штарк о будущем Европы! «Европейский курьер»! Всеобщая стачка в Бельмарине! *(Пробегает.)*

Канцлер. Купи мне газету, Лара. Ты прочтешь мне, что говорит Штарк о будущем Европы.

Лара. Он пробежал. Мне плохо, я не могу гоняться за газетчиком. Пойдем мимо киоска — куплю. Но мне скучно будет читать все это. Умереть скорей...

Канцлер. Это правда. Особенно относительно меня. Есть смысл или нет — все равно, что я тут? Теперь не надобно больше и моих страданий. Да. Я уже давно в стороне от большой дороги.

(Пауза.

Издали доносится Интернационал.)

Ты слышишь. И здесь поют Интернационал.

Лара. Да. И здесь стачка. Они всюду.

Канцлер. Конечно. Всюду есть труд. Без труда нет общества. И всюду труд превозможет. Рухнет иерархия. Справятся ли они? Или в пожарах жажды правды погибнет среди преступлений и катастроф само человечество? Лара, уйдем. Песня все ближе. Это они идут сюда. Я готов пожелать им побед. Ведь назад не вернешься! Но я ненавижу их! Мыслью стараюсь вникнуть, порою понимаю, как мы приготовили их. Порою мне кажется даже, что они победят. Но вся природа моя против них... Уйдем, Лара... Если ты так хочешь умереть, что нам стоит?—мы можем обдумать разные способы смерти. Помнишь ты, как-то мы говорили об этом с моим мальчиком Робертом. Он рассказывал мне. Помнишь, ты хотела умереть с ним и говорила: уедем, как уезжают в Венецию, в Капр. Странный и печальный спутник твоей молодости этот бедный старик. Ну, уйдем же, они все ближе.

(Музыка и пение Интернационала громче. Снизу багровый отсвет от фонарей рабочего шествия.

Канцлер и Лара уходят направо, как тени.

А снизу от лестницы, словно звезды, выплывают фонари рабочих и работниц, играющих отсветами на красных знаменах. Под рабочую песню опускается занавес. Рабочие поют:)

Хор.

Весь мир слился одним об'ятьем.
Гремит торжественный призыв,
И трубит весть благую братьям
Победа над раздольем нив.
И в глуби шахт, и по заводам
Звенит сверкающая весть,
Теперь склоняется природа
Отдать труду людскому честь.
Скоро ждет нас победа.
Старый мир, догорай!
В пожарах родится
Земной, счастливый рай...

ЗАНАВЕС.

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Веранда у замка Мердах-Раммона. С высоты виден сад. Далее ограда, пески, море и небо.

Меродах-Раммон сидит на балконе между двумя высокими белыми колоннами, украшенными парою бычьих голов наверху. Он положил голову о курчавой бороде на обе руки, смотрит перед собой. Сзади проходит седой Кирбит, минуту стоит молча; Меродах медленно оглядывается.

Меродах. Ты здесь? Я призывал тебя. Пора.
Пора решиться!

Кирбит. Здесь все изменилось?

Меродах. Еще бы! Здесь я Бог! А изменился я,
Мой друг, я прежде вечно занят был,
Мой опыт умножая и растя
Круг разума.
Но как-то в ясный день
Шепнул мне голос в сердце: а любовь?
И сразу розовой душистой тучей
Меня обволокнули боги. Мягко
На дух мой руку опустила нега.
Мечты раскрылись, как цветы от влаги,
Запели струнами лучи светил...
Прекрасное волненье! Ожиданье!
И несколькими днями позже встретил
В раю моих, нежданных мной, мечтаний
Царицу изменившейся души.
И та царица — дочь твоя, мой мудрый
Собрат из царства льдов.

Кирбит. Так... Так..

Меродах. Большой кусок вселенной, друг мой, взял я.
Как зеркало моей души. Здесь все
Меня покорно отражает. Прежде

Все разлагал мой ум, и все открыто
И как-то слишком ясно было, пусто,
Да, даже пусто. Взору моему
Повсюду виден был молекул пестрый
Нестройный танец, и рядами цифр
Их пляска отражалась в строгой мысли.
А ныпче!.. Посмотри, мой друг, на море.
Ты видишь, как его я оживил?
Мне недостаточно дельфинов резвых,
Акулы большеротой и глубинной,
Проворного чудовищного спрута.
Ты видишь, вот, взбивая искр брильянты,
Хвостами бьют игривые сирены.
Руками серебристыми зовут
Кого-то и по ветру развевают
Соленой влагой смоченные косы.
И страсть моя рождает им Умбоппо,
Пузатого и глупого Умбоппо
О перепончатых когтистых лапах.
Который вечно ловит злых шалуний
И вечно остается в дураках.
Смотри, как злится он и как таращит
Угрюмо бельма под их смех веселый.
Ты слышишь, квакает, все громче! стонет, —
Сейчас он лопнет, и густою пеной
Вкруг запестреет море. А по склонам
Ты видишь птиц? Каких тут только нет!
О человечьих головах, в коронах
И золотых цветистых опереньях.
Поют, воркуют, то без слов, то речью,
Прислушайся, тоскуют и взывают.
В саду вкруг яблони обвился змей
Красночешуйчатый и пасть открыл,
И тихо водит языком алмазным
И смотрит вдаль угарными глазами.
Цветы кадят там фимиамом зримо,
Другие — голубые — колокольно
Качаются, звуча, как дальний гонг.

Земля тропинкой вздрогнет вдруг порою,
То я помыслю, что когда-то ножки
По ней ступать изволят Василисы.
А замок мой? — Он полон мотыльками
И робкой тишиной, тенями, снами
И шелестом молитвы; демон страсти
На алые уста печатью палец
Свой положил, чтобы себя сдержать.
Кирбит, седой мудрец, я — Мееродах,
Я — Меродах-Раммон — Калду-Кудесник
Влюблен в полубогиню Василису.

Кирбит. Так... Так...

Меродах. Что скажешь ты? Впери-ка очи
В туман грядущего. Скажи мне, сколько
Там счастья для меня?

Кирбит. Смотреть не надо
Туда!

Меродах. Ты рад, что Меродах
Напрашивается в зятья Кирбиту?

Кирбит. Есть много дев на шаре — нету девы,
Как Василиса. Из мужей на шаре
Умнее всех, сильнее всех, добрее
И чище всех — Владыка Меродах.

Меродах. Восхвалим же судьбу.

Кирбит. Да-да, восхвалим,
Хвалить ее не праздно никогда,
Но только в эту самую минуту
Свой выбор делает в светлице дочь.

Меродах. Скорей туда.

Кирбит. Туда умчимся мыслью,
Посмотрим... Я уж вижу.

Меродах. Дай мне око,
Я вижу тоже.
(Перед ними раскрывается светлица Василисы.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Меродах и Кирбит на оставшейся зримой веранде, глубина же сцены представляет широкую резную светлицу Василисы. Сама Василиса сидит посреди горницы; перед ней большое зеркало с двумя свечами, хотя день. На лавках, покрытых коврами, у стен сидят девушки в ярких одеждах. Мамка Мамелфа в углу.

(Девушки поют хором.)

Хор девушек.

В белом свете нет межи
Зеркальце, покажи!
Нету близко, нет далеко,
Зеркальце, просит око!
Молодое к молодому,
Пригожее к красоте.
Кто хозяин будет дому,
Ясен месяц в высоте?

Василиса. Пойте, девушки, пойте еще, что-то вижу.

Мамелфа. Лучше я слово скажу.
Зрень-зрык,
Поищи,
Чудо-молодца над всеми
Ветровеем охлещи,
К нам обличие тащи,
Брось обличье на стекло,
Чтоб, как солнышко, пекло.

Василиса. Вижу...

Мамелфа. Дай, государынька, и мне глянуть. Какой! Ну и глаза, даже мне страшно: борода винтами, а на губах-то власть, а на висках-то дух. Как лев меж зверями—так этот меж людьми. Хорош, Василисушка! Порадоваться можно, что такой орел с тобой в однодни живет.

Василиса. Хорош, только я выбрать хочу, сама хочу выбрать.

Мамелфа. Первый — первой.

Василиса. Я не хочу так.

Мамелфа. А не хочешь, значит—не надо. Кто против твоего хотенья может? Ты, ведь, всех умней.

Василиса. Пойти, девушки, чтоб не первого, а другого показало зеркало.

Хор девушек.

Сердцу любо выбирать,
Зеркальце, мрей опять.
Лучше, хуже—это ложь.
Сердцу по-милу хорош.
Зеркальце, ставь-ка рядом
Выбор сердцу больно люб.
Ой, кому быть ладе ладом.
Целовать ей розы губ.

Василиса. Проясняется, еще пойте.

Мамелфа. Лучше я слово скажу.

Рысью рыщет ярый зверь.
Ты спустись на шаг теперь.
Сокол белый. светло-птичье
Дай нам новое обличье.
Не один есть муж могуч,
Брось в стекло пониже луч.

Василиса. Вправду красавец, бравый какой.

Мамелфа. Да я его знаю, то Еруслан богатырь, больше искать некого. Наш, ведь, нашей речи богатырь. А любить-то как будет. Пожалуй, и про сечи забудет, коня в конюшне закормит, около Василисы сидя.

Василиса. Что же? Выбирать?

Мамелфа. Выбирать, государыня, выбирать, матушка.

Василиса. Зеркальце, милое, а ну-ка, еще покажи. Не ищи долго, покажи которого-нибудь, кто сейчас всех ближе. Мамушка, ох! смотри-ка!

Мамелфа. Ну, этот куда против тех. Этот так себе.

Василиса. Вот его-то я и хочу.

Мамелфа. Да почему, Василисушка, почему, государынька?

Василиса. Мамушка, те кончены, а этот не начат. Видишь, белое полотно, шелков разноцветных богатый набор, а у меня перед глазами невиданный узор. Я ему его же думами душу разукрашу, сердце ему его же огнем позолочу. Друг мой, родненький, сам ты не знаешь, сколько сокровищ в себе носишь. Милое зеркальце, спасибо тебе—показало мне незнаемого, показало неготового. Сладко думать, что вот он под деревом сидит, в землю очи потупил, а того не знает, что Василиса на него смотрит, что Василиса его любит, скоро приветит, нежно приголубит, в пояс ему поклонится, государем-другом назовет, себя в правую руку возьмет и всю ему без счета подарит. На, Иванушка, на, милый, только будь всех на свете счастливей. Не грусти же, Иванушка, пусть до тебя мой голос коснется: гляди, гляди в землю, ведь, не трава перед тобой, а зеленая бездна, гляди, гляди, видишь меня, мои синие очи, темные брови, золотые косы, пурпурные губы, уста, разум мой поднебесный, поддонный; слышишь, как сердце мое горячее бьется? Догадался ли, что судьба все его биения считает? Глубже смотри в синюю бездну, там тебе детские головки кивают. Это, Иванушка, наши сынок да дочка. Вот мой Иванушка взял да улыбнулся.

(Исчезает светлица Василисы.)

Кирбит. Так... Так...

Меродах. Нет, я руки не подниму,
Я не борюсь, пусть будет; только все
Надолго пусть оденется в ночные
Одежды черные, а я надолго
Пускай усну. Не хочется мне жить.

Кирбит. Ты сильный.

Меродах. От того страдаю сильно.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Столовая во дворце царя Фундука. Только кончили обед. Слуги со стола убирают. Злюка и Полосатик под большим столом. Злюка считает хмуро об'едки и связывает их в узел. Полосатик смотрит на него и смеется. Злюка — карлик, старый и горбатый, Полосатик моложе и ладней, только очень уж маленький, веселый

Полосатик. Куда копишь?

Злюка. Ши! На черный день... Помалкивай только.

Полосатик. С'ел бы.

Злюка. Ши! тебе... считать мешаешь.

Полосатик. Куски считаешь?

Злюка *(считает про себя шопотом)*. 11, 12, 13.

Полосатик *(громко смеется)*. На что ты все в угол гребешь? За царем-царевичем все равно сыт будешь.

Злюка. Молчал бы. Ты — дурак, а я умный. Ты так и родился быть карлой, у тебя и умишко крохотный, а я родился быть большим человеком. Меня мать, будь она проклята, уронила, спину перешибла, а голова у меня большая: я несуразный. Мне большим быть, а хребет перешибли, я в карлы попал, в шуты, а мне купцом быть или дьяком. А настоящий человек, он к имуществу склонность имеет. Он без собственности, как без тела. Вот я и коплю; сплю около сокровища моего убогого и все же чую — есть у меня свое.

Полосатик. Ох, и мудр же ты, Злюк Верблюдыч, а я не только не коплю, а все думаю уйти и от чужих от сокровищ. Ох, уйти... Твое... мое... груду хламу вонючего навертел и рад, да и цари тоже с царствами с своими: тот же хлам. А вот уйти, выйти в лес, в поле, чтоб человечьей души не было кругом, а разве звери да птицы, вздохнуть, глянуть на простор света белого — тут-то и почувствовать

невозбранно-незаказанно, что все мое: светлый месяц в небесах, лик его в озере, тихие деревья, иволгина песня, сладость в сердце, в небе всюду тишина святая, маленькими карликовыми руками весь мир обнять — мой! Потом мне, маленькому, такому же маленькому, как всякий самый большой великан, отдать себя всему свету — бери, мол.

Слуга *(подметает)*. Эй, нечисть, сор, сволочь, брысь из-под стола, погань косолапая, брысь, уроды слабоумные!

(Полосатик убегает, садится на корточки и улыбается. Злюка хмуро запихивает свое имущество в узелок, слуга метлою расшвыривает его собственность.)

Слуга. Брысь! Ишь, гадина, — куски прячет, все вымету, — собакам, чай, тоже есть надо.

Злюка *(торопливо подбирая)*. Отдай, отдай, не замай.

Слуга. Брысь! *(Ударяет его метлой.)*

Злюка *(вскрикивает и почесывает ушибленное место)*. Не отдам, не трогай, — мое!

(Входит степенный боярин Кихром, садится на скамью, отдувается.)

Кихром. Уф... квасу.

Слуга. Тотчас, батюшка-боярин. *(Уходит.)*

Кихром. Ты что, Злюка, под столом возишься?

Злюка. Кусочки, милостивец, собираю. Благодетели мне кусочков надавали, плясал я тут, псом лаял, петухом кричал — заслужил, боярин милостивец.

Кихром. Хе-хе-хе! Гляжу я, добр больно царь Фундук. В какой вы у него все холе живете, что силы около него кормится. Добр... Хорошо, ведь, вам живется? Чай, денно-нощно за царя молитесь?

Злюка. Хорошо, уж так хорошо.

Кихром. А тебе, Полосатик?

Полосатик. Уж так довольны, боярин, хотя б сказали мне: хочешь, Полосатик, на Кихромово место? поменяешься?— я бы — ни!

Кихром. Хе-хе-хе. *(Вдруг делается серьезным.)* Это ты, однако, глупость сказал. Это ты даже дерзишь мне. Поди, принеси палку...

Злюка. Вот ладно, вот правильно.

Полосатик. Да за что меня бить?

Кихром. А хотя бы ни за что, чтобы ты разницу знал. Вот мне после обеда размяться надо, я тебя палкой и измолочу, потом скажешь, хочешь ли меняться.

Полосатик. Да, изволь же; я и без палки переменюсь, если тебе так в Полосатики захотелось.

Кихром. Ах, ты, раздуй тебя пузырем! Как прыток, бить его надо, а он смешит!

Злюка. Не прощай его. Его надо поучить...

Кихром. Неси палку.

(Входит Иван Царевич.)

Иван Царевич. Кихром прибьет? — Ничего не прибьет. Ты у меня смотри, Кихром Фунгасыч, Полосатика не трошь, а то я сам тебе бороду расчешу.

Кихром. Не хорош, не хорош третий сын у царя, не задался... Ну, каналья Злюка, тащи ты палку: тебя буду лупить, — надо сердце отвести.

(Вбегает запыхавшийся Скороход.)

Скороход. Ой, гей! Царь, царевич, воеводы, бояре, боярыни, стольничьи, окольничьи, спальники, гридни, ключники, конюха, повара, поварихи, девушки сенные, смерды дворовые, гей! Готовьтесь—великое дело будет. Едет сюда колдун Кирбит в золотом возке, восемью лошадьми запря-

женном, а с ним сама Василиса, царь-девица, на которую солнце дивится, в небе останавливается... Уф... Дух перевести...

(Столовая наполняется боярами и челядью. Появляются также царевичи Чурило и Середин Фундуковичи.)

Скороход. Едет колдун Кирбит, едет не напрасно, а с намерением. Слыхано ль, видано ль, отец дочку в невесты везет! А и не было никогда ни единому царю такой чести, а ни одному пригожему жениху такой утехи! Едет Василиса замуж проситься за нашего за царевича.

Кихром. За которого?

Чурило. Тю, дурень, а еще боярин... за которого? Ты глянь на нас, да и скажи.

Кихром. И то правда. Кто тут жених, окромя Чурилы Фундуковича?

Чурило. То-то и есть, только надо бежать одеваться. У меня теперь зеркало большущее, всего видать — от чуба до каблука. Эй, Панька, Ганька, Стрижка, Полубратик! Помогайте меня одевать!

(Уходит со своей дружиной напомаженной.)

Царь Фундук *(входит в халате)*. Чего?

Скороход. Царь-батюшка, готовься: великое дело будет! Едет сюда колдун Кирбит, едет в золотом возке, восемью лошадьми запряженном.

Фундук. Ну?

Скороход. А с ним сама Василиса, царь-девица, на которую солнце дивится, в небе останавливается...

Фундук. Будет! Вали прямо, скажи — чего нужно ему.

Скороход. Жениха дочке просит.

Фундук. Это штука... А я... вот... в халате... Пойти скорей хотя б корону надеть, да скажите, чтобы в тронном зале печь истопили, — там всегда холодно.

Кихром. Что ты, царь-батюшка, ведь, лето.

Фундук. И то! Я там с зимы не бывал. Оно и лестно, и хлопотно. Кирбит едет, дочку сам везет, то-то цари-соседи завидовать будут... Только свадьба на его счет, у меня и казны не хватит на такой пир. Эй, кто там? Давайте корону, что ли? *(Уходит.)*

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тронный зал во дворце царя Фундука. Фундук на троне в короне. Вокруг весь его двор. У ног собака, Полосатик, обезьяна и Злюка. Перед троном Чурило расфуфыренный, разряженный; сбоку Середин Фундукович — тоже в обновках.

Чурило. Здорово? а? Глядите на шапку, сколь высока. В дверь не пролезет, гридню надо отдавать, а он ее почтительно несет перед собой, аки святость; а сапожки, каблучки-то золоченые-точеные—иной и не пройдет на них, на каблуках на таких, споткнется, свихнется, — я в присядку спляшу. Пояс парчевый видели? Мех-соболя... Бархат рытый заморский? Да это все что?.. Вы мою голову понюхайте! Что? Важно!—Розовое масло из Аравии приехало, царевна Шехеразада варила. А усы как мне цирюльник Футырь кольцами закрутил, лихо! Я в зеркало глянул — ахнул. Спасибо папаше-мамаше, на славу меня родили. А я, не будь глуп, — хорошему коню хорошую сбрую даю. Только вот не знаю. Василиса-то Кирбитьевна уж полно, пара ли мне?

Полосатик. Царевич Середин, выдвинься и ты, может, Василиса Прекрасная за тобой приехала.

(Улыбки, смешки.)

Середин. Что уж! Наше дело маленькое. Выбрала, ладно, а нет — и так проживем, девок-то на свете хватит, еще в запас останется.

Фундук. Умник, умник Середин. Чурило пригож, а Середин — умен.

Кихром. А Иван Царевич с лица рябоват, походкой — хромоват, а разумом — туповат. В кого уродился!

Фундук. А у него мать другая. У них у каждого мать другая: Чурилина мать — французская принцесса была — в перехвате тонка, духами духовита, — разманерится, бывало, не знаешь, как подойти.

Кихром. Умерла, что ли?

Фундук. Сбежала, богам слава. Вздорная была бабенка. С ней секлетарь был, пусто б ему было. Ну... тут вообще... государственная тайна... Кхе, кхе... кхе... А вот у Середины мать была немка. Хорошие обеды готовила — дешево и сытно. Та действительно померла. Покушать любила... Умирая, позвала меня, отчиталась, по всем книгам отчет, значит, сделала, после говорит: ну, Фундук Волотович, все верно... И испустила дух.

Злюка. Это называется царица!

Фундук. А у Ивана... Тут я стариться стал, и мне тот же Кирбит в дружбу молодую татарочку прислал — греться. Пугливая была девочка. От нее Иван и родился, а она тут при родах и померла. — Как при жизни молчала, так и до смерти.

Кихром. Стой! Приехали! Бейте в барабаны, в трубы трубите, славу гостям кричите.

(Барабаны, трубы и клики. Входит Кирбит в фантастическом костюме монгольского пошиба и Василиса в фате.)

Фундук. Здравствуй, Кирбит Ятманович. Очень ты нас порадовал, что к нам пожаловал. Здравствуй.

Кирбит. Царь, у меня родилась дочь-мудрица, мудрей отца — девица Василиса — что хочет — делает, я помогаю. Решилась дочь за сына твоего просвататься, и благо. Уповаю, и ты согласен будешь, друг Фундук?

Фундук. Отчего же не соглашаться; приданое не за парнями дают, а за девками; только казной я малость пошатился, а свадьбу нужно на весь мир...

Кирбит. О том молчи, все земли облетит о свадьбе слава. Уж разбили бочки с червонцами в подвалах у Кирбита. За все заплатим. Пей и веселись, честной народ, на свадьбе Василисы.

Фундук. Ну и по рукам, давай, Кирбит Ятманович, поцелуемся. *(Сходит с трона — целуются.)* А вот и сынок мой — Чурило-свет царевич Темнорусый.

Василиса. Это не тот.

Чурило. Как не тот? Василиса! *(Поворачивается около нее гоголем.)* Иди, поцелуй меня, суженая. Я он и есть — Чурило Фундукович. Не рдей, не стыдись, рукавом не закрывайся, очей не опускай; вижу я, что ты мне как раз и ровня, и пара.

Василиса. Не тот это... Не того я видела, не того выбрала. Ничего я не закрываюсь, и очей я не потупила, только я тебе не ровня и не пара. Где мне? — больно ты, Чурило щепетлив да пригож.

Чурило. Ой, Василиса, не стыдись. Ой, Василиса, не скромничай. Буду любить, обещаюся, али признаться не хочешь, что за глаза в изображение наше влюбилась? Наш образ Венецийский мастер сделал, после с него сто ликов написал. Все королевичны просили: перед образом нашим вздыхают, доску крашеную к белой груди прижимают.

Василиса. Не тот, я вам говорю, разве брата нет у Чурилы?

Середин *(весь закрасневшись).* Есть... Вот он — я...

Василиса. И опять не тот.

Середин. Я и знал... Куда она мне, право! Все равно: Жар-птицу в хоромы пустить — кроме пожара ничего не будет. *(Скрывается в толпе.)*

Кирбит. А третий где ж царевич? Василиса его, как видно, ищет. Есть, ведь, третий?

Фундук. Третий?.. Он у меня того...

Кихром. С лица рябоват, ножкой хромоват, разумом туповат.

Злюка. Он сбежал! Не хочет Василису видеть. В лес забежал. Хе-хе... Там где-нибудь, в траве залег, — он всегда так: руки под голову, нос в небо вставит и лежит; еще хорошо, если песни не поет.

Полосатик. Я знаю, где он. Если сбегать нужно, мигом слетаю; он недалеко — в саду, над прудом, лягушек слушает.

Злюка. Хе-хе... Квакушки вкруг собрались, а он им порядок прутиком кажет. Полоумен у нас третий царевич.

(Полосатик убегает.)

Фундук. Кирбит Ятманович, кто себе враг? Хочу я такую невестку в дом ввести, только не советую за Ивана Василису выдавать. Хочет мужа — похвастаться — Чурилу бери, хочет мужа — ладом жить — Середина бери. Я тебе друг, другу лучшим челом бьют. Бери коня на охотной конюшне, а не на водолазной. Бери сокола у меня, а не цыпленка.

Василиса. Зовите ж его, ведите его: хочу я скорей лицом к лицу увидеть, за руку взять, в уста целовать.

Фундук. Вот блажная девка!

Кихром. Нам что. Коли им третий сорт больше нравится, нам все равно, — их цена та же, нам оно прибыльней даже.

(Полосатик вводит за руку Ивана. Тот несет в другой руке гусли.)

Полосатик. Вот и Ванятко-гусляр, Иван-свет, царевич Темнорусый.

(Пауза.)

Василиса.

Иван-Царевич, жених мой милый,
Жених мой любый, голубоокий.
Березкой белой, березкой стройной
Росла девица, росла кудрява,
Малиной красной, малиной сладкой
На солнце зрела и наливалась.
И стройность тела, и глаз мерцанье,
И уст кораллы, и над бровями
Лоб, полный мысли, и золотые,
Как колос хлебный, хмельные кудри,
И в сердце благость, и дух глубинный,
И дар волшебства, пророчеств кладезь,
Все для тебя на свет родилось,
Все для тебя в расцвет развилось,
Чтоб ты был счастлив, чтоб был доволен,
Чтоб за подарок сказал спасибо
Судьбе всемощной, царице нашей...
Дай перстень брачный, Иван Царевич.

Иван Царевич.

Мне говорить с тобою жутко.
Я чашу счастья не оттолкну.
На помощь гусли! Только песня
Пристойна будет в час такой.

Ах, откуда же, откуда золотой мне дождь пролился,
Ах, за что, за что мне сон тот, сон блаженный тот приснился?
Как снесу я кубок полный, чтобы он не расплескался,
Как подарок уберечь мне, чтобы он вдруг не умчался?
Как мне верить? И к виденью можно ль, можно ль прикоснуться?
Как бы мне от сна такого вдруг с рыданьем не очнуться.
Ой, не смею я касаться, солнцу дня не смею верить,
Счастья страшной бездны дивной оком не рискну измерить.

Протяну сейчас я руку: пальцы пальцы расцелуют,
Сердца кровь и сердца чувства буйно, знойно возликуют
Или пальцы, содрогаясь, не найдут ответной встречи,
Упадет рука пустая, горя гнет согнет мне плечи,
Голова моя поникнет, мои кудри поседеют,
Потерявши те надежды, что теперь душой владеют?

Чурило. Канитель!

Василиса.

Я живая, горячая, вся настоящая.
Я люблю тебя, милый гусляр нежноликий.
Запоздала теперь твоя песня молящая,
Час приспел, чтоб раздались победные клики.

Полосатик. Радуйся, честной народ. Кричи ура! Нашли друг друга на веки веков Иван Царевич и Василиса Прекрасная!

(Трубы, барабаны, клики.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Сад царя Фундука у пруда. Ночь под утро. Лягушки квакают. У самого пруда на берегу Иван Царевич.

Иван Царевич. Спит родная красота. Я спросил: скажи мне — кого благодарить? — Владычицу судьбу! — говорит. О. Владычица, всемощная Судьба, в долгу я у тебя, в долгу навеки в неоплатном. Смерть приму и тысячу смертей, мук и пыток, и все буду тебя благословлять. Ничто на свете моего счастья не уравновесит... Как это так?.. За что любит? Вдруг пришла, моя стала. Сейчас этими руками ласкал... Ох, сердце счастья не вмещает. Утро скоро... Роса блестит... Над прудом туман курится. Подумать — не думается... Золотое море полновесное в сердце раскинулось, величаво, звонко плещется; потонул я в океане душистом, — там лежит спит богиня моя. Сидел, не дыша, любовался...

Это ложе какого-то бога,
Это жертвенник божией силе,

Средоточие мирочертога,
Солнцу чаша, цветок среди лилий.
Я могу быть жрецом у подножья,
Я раздую кадильницу жарко,
Буду ждать нисхожденья божья. —
С неба ринется молнией яркой,
Я зажмурюсь, ничуть не ревнуя, —
Божий брак слишком выше желаний.
Запеваю я песню земную:
Лучший дар наш — души воздыханье. —
Не поднявшись с пурпурного ложа,
Рук лучи протянула мне дева.
На весну и на радость похожа.
И на ласку и негу напева:
«Что ты ждешь. не идешь. мой желанный? —
О тебе я мечтала едином.
Обойми, поцелуй. мой венчанный.
Вся твоя я, — будь мне господином».

Василиса *(подходит к нему)*. Иван Царевич.

Иван Царевич. Моя богиня...

Василиса. Смотри кругом: видишь, утро полосою зажглось на востоке, тучи серые видишь? Как пруд сталью синеет холодной? Как куст тихо колышется? Слышишь, пастух где-то далеко на рожке заиграл, а птицы редко, редко кое-где чирикают. Запомни: каждый миг может быть вечным. каждый может быть печатью; этим мигом запечатана наша любовь в этой жизни и в иных во всех... Здесь любить будем неразлучно и там... всюду... искать будем друг друга: брак тебе не для земли предлагаю, а навеки. Подумай и скажи — хочешь?

Иван Царевич. Подумать! Хочу землю перед тобой целовать.

Василиса. Лучше целуй меня в губы. *(Целуются.)* Открой глаза, глупый, милый, солнце всходит, лучи брызнули.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

На крыльце перед дворцом. Царь и двор, шуты.

Фундук. О, скушно! *(Зевает.)*

Кихром. Шутов драть надо. Ежели царю скучно — шутов на конюшню.

Полосатик. Эва, царю Фундуку плясы, да выкрутасы надоели, все наши покусы прискучили, а из нас и палкой ничего другого не выбьешь. А уж ежели надо повеселить царскую душу, так кого же просить, как не царевну Василису, — она ли не затейница, она ли не волшебница.

Фундук. Вот и верно... Призовите сюда моих детей, а мне дайте браги, и пусть Василиса меня веселит.

Полосатик.

Скучно батюшке царю,
Черти в сердце развелися:
Я те бражки наварю, —
Василиса — веселися.

Злюка.

Ой, царевина мудра,
Василисушка,
Было водки полведра,
Теперь высушка.
Разлучилися смешить
Дураки-шуты,
Ныиче нас идешь сменить,
Как я вижу, ты.

(Входят Иван с Василисой, Чурило, Середин и другие.)

Фундук. Ну-ка, сердце мое — Василисушка, представь нам что-нибудь занятное. Стареть, что ли, стал: скучаю, то носом клюю, то за плечами кумушку безносую примечаю.

Василиса. Как же повеселить-то тебя, царь Фундук?

Фундук. Коли бы я знал, как! Вот ты улыбнулась — мне уж веселей. Больно хорошо улыбаешься; как сверкнешь жемчугом, так и я смеюсь. Ох, хороша жена у Ивана!

Василиса. Хочешь, царь, я тебе сыновей покажу, каждого, как он на самом деле есть?

Фундук. Это как же?

Василиса. А вот смотрите все туда, где большой амбар.

Кихром. Вот чудо: амбара не видно стало — туман.

Василиса. Вот я дуну на туман, смотрите теперь на Чурилину душу.

Чурилина душа.

Улица, обставленная теремами. Чурило, преувеличенно разряженный, по улицам идет, а за ним целый хор девушек, молодых жен и вдовиц.

Женщины хором.

Ой, батюшки, ой, светушки!
Итти невзмочь, на край света заведет...
Кто Чурилу увидал,
За Чурилой побежал.

По очереди.

Ох, он глянул, как стрельнул.
Мне, подружки, подмигнул.
— Врешь, мне усиком повел,
Дальше гоголем пошел. —
— Брошусь, брошусь на колени
От любовных от мучений.
— Оглянись, Чурила-свет,
Больше моченьки уж нет.
— Дай послушать голосок.
— Дай на память волосок.
— С поцелуем умерла бы.

— Как мы, бабы, сердцем слабы:
— Кто те мил, не утаи.
— Прикажи, Чурило, все твои.

Чурило *(в видении)*. Тьфу, надоели, проходу не стало от бабья; вот возьму плетью и разгоню всех. Знаю, что больно пригож, так что ж, на части меня разорвать, что ль? Когда какую захочу — свистну, пригоню, а до тех пор ведите себя тихо. Вот там и парни собрались.

(Парни мрачной гурьбой собираются поодаль. Бормочат.)

Парни.

Сердце зависть гложет, гложет,
Супротив никто не может.
Взял топор бы я, да трах!
А как глянет — просто страх.
От проклятого Чурилы
Подкосились наши силы.

Чурило. Что бормочете? хотите в подручные итти, — идите, а хотите тягаться — таски дам. Вон и луна на небе восходит, ишь ты, как на меня вылупилась. Не пяль бельма: знаю, что больно пригож, да не для тебя, беломордая.

Звезды тоже скромницами притворяются: глянет — глазок закроет. Втюрились в меня там на небе все, как есть.

Уж не знаю, сколь я пригож: в воду погляжусь — вода останавливается; ветер заиграет кудрями на висках — так и сникнет; звери, и те! Вон, глядите: зайчиха мимо бежит, сейчас косым глазом приметила, — стоп, как вкопанная, да опрометью мне с косогора в ноги бух, глупая, — влюбилась. Оттого я такой басый, подпершись вперед себя иду, — знаю, что все на свете мною любуется, а кто не любуется, тот завидует. Сладка любовь, сладка зависть... Так я, словно в меду, всю жизнь купаюсь... ха-ха-ха...

(Туман. Все смеются.)

Чурило. И чего гогочете? чего смешного-то? не похож что ли?

Полосатик. То-то, что похож.

Чурило. Не гогочи! Дураки все, неприятно даже быть с вами.

Фундук. Ну, забавница, затейница, покажи Серединову душу.

Серединова душа:

Светлая горница.. Стол накрыт, пироги стоят, мед, брага. По скамьям дети маленькие и большие, молодая жена, толстая, в окно глядит.

Жена. Тише, детушки, батя приехал.

Дети *(оживленно, но вполголоса)*. Батя, батя приехал.

(Входит Середин.)

Середин. Ну, вот, благополучно прибыли. Целуй, жена, дети, руки целуйте. Умники были? Которые умники — по прянику дам, которые шалили — выпорю. Садитесь за стол чином, внизу стола старших слуг посадить, как всегда по праздникам.

(Слуги входят, низко кланяются хозяину, все садятся за стол и едят молча.)

Середин. У меня молчат все за столом, — не люблю разговоров, не люблю шутов. Дело делаешь — делай, ешь — так ешь! А на празднество и на баловство времени нам не отпущено. Так-то. Так ли я говорю?

Со всех сторон. Вестимо, так, батюшка.

Молодой слуга *(входя)*. Середин-Царевич, сударь батюшка, сосед пожаловал, Лимон Лимоныч, дело, говорит, важное, дело неотложное, — прикажешь пустить?

Середин. Еще бы, Лимон — сильный человек, как не впустить? — этот пригодится.

Лимон Лимоныч *(входя)*. Поклон тебе, батюшка Середин-Царевич.

Середин. Добро пожаловать, присаживайся. Чем прикажешь потчевать? Потчуй, жена, подавайте, слуги.

Лимон Лимоныч. Прости, что стол твой нарушаю, не до еды мне. Идет на меня сосед Козлуп-разбойник, никого не слушает, ни судей, ни царей, даже причин не говорит; поля топчет, деревни жжет, меня выгнать похваляется, а именьишко мое княжеское за собой хочет взять. До Фундука-царя далеко, а ты — близкий сосед, свет Середин Фундукович. Помоги, сделай милость, вели седлать, поезжай Козлупу навстречу. Ты — человек справедливый.

Середин. Человек я справедливый, это точно. Ты пирожка откушай, друг Лимон. Не хочешь? Хорошие пирожки с курятиной. Да... человек я справедливый, да вот не вояка, не люблю в чужие дела мешаться. Козлуп меня в свои походы удалые звал, чего не сулил, а я ему говорю: я себе сам по себе, никого обижать не хочу: что мое — мое, что твое — твое. Так, я говорю?

Со всех сторон. Вестимо, так, батюшка.

Середин. Ну, вот. Мне тебя жаль. Человек ты хороший, Козлуп — сильный человек, не поделились — помиритесь, а то как знаете, а меня не трогайте. Выпей медку ковшичек, а? Мед у меня, Лимон Лимоныч, старый, держаный.

Лимон Лимоныч. Да помилуй, ведь, он меня разорит, Козлуп, а ежели я во-время не убегу, он меня — не дорого возьмет — в куски искрошит, семью мою изведет. Ведь, он—изверг, Козлуп-от.

Середин. Ох, Лимон, много правды в твоих словах, много. *(Пьет.)* Бывает же такое несчастье с человеком, пронеси судьба тучу над головой. Как ударить в кого молния — невольно скажешь: счастье, что не по моей маковице.

Лимон Лимоныч. Черствый ты человек, Середин, бессердечный, ухожу от тебя несчастней, чем пришел.

Середин. Нет, Лимон, я добрый человек. Чады мои, домочадцы, нешто я не добрый человек?

Со всех сторон. Добрый, батюшка.

Середин. Ну, вот, видишь?

Лимон Лимоныч. Куда деться, куда голову приклонить?

Середин. Только не ко мне, друг милый, ты и то напрасно приехал, я с Козлупом не ссорился, я со всеми в мире.

Лимон Лимоныч *(надевает шапку и уходит, не кланяясь).*

Середин. Какие люди бывают нехорошие. На него горе свалилось, а он на невиноватого сердится. Ну, откушали, в поспать можно: верхом ехал, о перине думал... Ох, хо, хо...

(Ничего нет лучше сна праведного.

Туман.)

Середин. Ну, сестричка милая, это, значит, родственникам доброе имя чернить.

Чурило. Зазналась Василиса.

Фундук. Будет вам: она меня потешает. Ведь, вот же, до слез насмешила! Прямой Середин. Ровнехонько такой ты и будешь, как оженишься.

Чурило. Пусть-ко лучше своего Ванюхи душу покажет. Хо-хо-хо!

Фундук. Верно: вали нам Иванову душу.

Василиса. Не хочу, царь. Да и смешного там мало, а тебе ведь посмеяться охота.

Середин. Нет уж, нет, всех, так всех.

Иван. Василиса, жена ненаглядная, покажи, — хоть и жутко, а хочется.

Василиса. Ну, коли ты велишь...

Иванова душа:

Высокие скалы, глубокие провалы. Над снежным ликом звезда зеленая мерцает. Иван Царевич в полутьме с посохом шагает.

Иван Царевич. Достигну... или помру. Ноги окровавлены, весь я изодрался, а силы словно все прибывают. Звезда моя чудная, звезда изумрудная, достану тебя или умру. Как дальше пройти? Нигде нет пути. Тихо, словно погост. Погоди, — вижу мост. Через бездну, как нить, — тут мне

шею сломить; не итти не могу; я себя не берегу; — что мне жизнь, что мне я! — все мне звездочка моя. Ну, идем же. Голова кружится, бездна зевом черным вниз зовет... Буду я звезде моей молиться, пусть ведет или убьет.

(Идет по нитеобразному мосту.)

Кто-то руку мне подал незримо, я на чье-то оперся плечо. Мой помощник, дух родимый, я люблю тебя так горячо; ты повсюду обнимаешь нежно, согреваешь среди бури снежной холодеющее тело... *(Переходит, останавливается, оглядывается.)* Холод, голод, ни жилья кругом. Я так высоко. Ох, упали силы. *(Падает.)* Видно, смерть пришла. Хоть перед смертью покажись мне, друг ты мой незримый... Кто-то благостно со снега поднимает... греет, силы чудом укрепляет. Вновь в дорогу! Ох, еще далеко, обнимает цель одно лишь око. За звездами тянется безумный. *(Идет через силу.)*

Водопад передо мною шумный. Вплавь ли броситься?— тут гибель несомненна. Впрочем, гибель всюду ожидает. Будем тверды, будем неизменны: смерть, как и победа, довершает!

(Бросается в волны водопада.)

Унесло... Погиб... Мечты, простите... Ты прости, звезда... А... *(Его выбрасывает волна на другом берегу. Очнувшись.)* Где я? и жив ли? Победа. Помощник мой, спасибо. Что? ворота, тяжкие запоры. Страж суровый, огненные взоры, от бровей косматых веет холодом. Кто ты? Ты владеешь дивным кладом. За воротами звезды сиянье. — Отступися, дряхлый страж, препону я сорву всей властию желанья.

Страж. Здесь нет прохода. Остановись. Здесь все усилия напрасны.

Иван Царевич. Как? Дошел сюда я, и повсюду помощь тайная была, а теперь забытый робко буду ждать, пока меня не сгложет мгла? Защищайся!

(Страж ударяет его мечом. Он падает оглушенный.)

Иван Царевич *(медленно поднимаясь)*. Я не верю, чтоб я был обманут. Для чего ж сюда меня вели? Нет, цветы такие не завянут, что в душе моей цвели. Нету сил подняться, буду ждать я. Может-быть, меня поднимут братья... Если смерть — смерть тоже есть ответ, смерть одна сказать мне может — нет.

(Пауза.)

(Иван стонет и мечется. Страж стоит перед ним недвижим. Вдруг запоры падают, ворота распахиваются, за ними Василиса в сверкающей зеленой одежде, кажется, что звезда сияет над ее головой.)

Иван Царевич. Ты? Звезда сияет над тобою? Ты помощница, — не ты ли также цель? Ты была призывною трубою и не ты ли райская свирель?

(Василиса спускается к нему. Тогда видно, что звезда все так же далеко, но горит иначе, чем прежде.)

Василиса. Нет, мой царевич, нет, мой паломник, я не звезда,—она все впереди. Снова обет свой, царевич, припомни, снова иди. Но ты нагнал меня, мудрую, сильную; вместе пойдем бесконечным путем, тайну рождения, тайну могильную будем пронизывать ныне вдвоем. Звенья и двойственны, звенья и спаяны, цепь протянулась к звезде. Изумруд: верь, никогда нам пути неотчаянны, те, кто в пути, никогда не умрут.

(Туман.)

Фундук. Ничего не понимаю.

Чурило. Канитель.

Середин. Завралась Василиса.

Полосатик. Тех-то не мудро понять, а тут на цыпочки надо встать, да и то не достать.

Фундук. Мне от этого стало скучно.

Иван Царевич *(Василисе)*. Будь ты благословенна, будь ты благословенна. Проклят да будет тот, кто такой любви хоть на минуту изменил бы.

Василиса. Молчи, молчи.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

Детская в палате Ивана и Василисы. Маленький сынишка спит в колыбели. Няня Мамелфа перебирает чистые пеленки. Василиса тихо поет у колыбели.

Вернись памятью домой,
Человечек новый мой.
Ты откуда-то, пришлец,
Вызван слитностью сердец.
В океане огневом
Безначальной жизни дом.
Вылетает искра в тьму
Прямо к лону моему.
Окунися искра в кровь:
Тело даст тебе любовь,
Всею силою души
Я творю тебя в тиши.
Корень мой родит цветок,
Солнышко — другой исток.
Ты небесный и земной,
Мой прелестный, мой родной.
Ты нырнул во глубь пучин,
Там окрепнешь — исполин.
Мощно крылья развернешь,
Бездну к небу вознесешь,
И вернешься в океан
С данью свету темных стран.

Мамелфа *(подходит).* Слишком на царевича похож.

Василиса. Ну и радоваться надо.

Мамелфа. Чему? — Что он ни то, ни се?

Василиса. Лучшего хочет. Путник.

Мамелфа. У порога, да и то споткнется.

Василиса. Нет же.

Мамелфа. Ан, да!

Василиса. Любимец он мой.

Мамелфа. Слабость любишь, потому что сама сильна. Ты — от природы мать. Теперь будет у тебя сынок младенец: может быть, поймешь, что мужа-то надо постарше. Так-то, государынька.

Василиса. Хоть 20 детей у меня будет, а Ивана не меньше буду любить. Да мы и все-то дети. И очень это славно.

Мамелфа. Был бы на тебя сынок похож, я бы сказала: Вот кому великие дела на роду написаны. А так... Кто знает?..

Василиса. Ты посмотри, какой он хорошенький.

Мамелфа. Был бы на тебя похож, так...

Василиса. Будет. А то рассержусь.

(Входит мастерица.)

Мастерица. Государыня Василиса, не хочешь ли посмотреть, какие в мастерской игрушки поспели?

Василиса. Посиди с ним, Мамелфа, я ему деревянных игрушек приказала наточить; сама показала, как. Сейчас приду; как проснется — дам ему.

(Уходит).

Мамелфа *(долго смотрит на маленького).* Славный мальчик, а все-таки маху дала Василиса. Я все расспросила про другого, про Раммона про Небуховича. Вот с тем вы-

шел бы сын. Ох, и вышел бы. Пожалуй, что вышел бы самый Долгожданный. Пожалуй, что... Пожалуй, что. Мудрая, мудрая, а закапризничала. Первой, что ль, быть захотела? Женщине в муже бог нужен, а ежели муж только кланяется, от этого добру не быть.

(Входят Иван и Полосатик.)

Иван Царевич. А Василиса где?

Мамелфа. В игрушечную пошла.

(Иван Царевич садится около колыбели сына. Полосатик становится неподалеку.)

Полосатик. Ой, Ванюшечка, страху ты на меня нагнал. А? Скажи хоть слово.

(Иван молчит — печален.)

Полосатик. Бывало с тобой и раньше: поешь, смеешься, потом вдруг и задумался. Черное у тебя под цветками и травками дно. Кто тебе занозу в душу всадил, что́ тебя пришпоривает?

(Пауза.)

Полосатик. Лишь подумаю, как ты скажешь это Василисе — даже обмираю.

Иван Царевич. Думаешь, огорчится?

Полосатик. Еще бы, Ваняточка, посуди же ты сам, дружочек: год вы женаты, жена средь красавиц красавица, такая умница, что остальные умники на свете только рты разевают, сын родился всего два месяца, а ты...

Иван Царевич. От того.

Полосатик. Как так?

Иван Царевич. Больно счастлив. Хожу, как во сне. Себя не чувствую. Такое сияние кругом, что уж ничего не видать. Хожу по небу голубому. Желать нечего, в расплавленном золоте таю, от сладости душа размокла, вся стала

круглая, как масляный шар. Не то, чтобы горя хотел, ну, хоть усилия. Желать хочу. Хочу, чтобы недоставало мне чего-нибудь. Вот, вот оно. Желать желаю, и сильно то мое желанье, так сильно, что уж я и несчастен. Несчастен я от счастья, не для меня счастье, человеку итти надо, а я лежу в сиреневой тени и сплю, — вечная птица мне поет. Проснуться хочу. Себя теряю в блаженстве. Она поймет. Василиса.

Полосатик *(грустно качает головой)*. Ох, Иван Царевич, худо, коли так; не ценишь счастья, сквозь золотую решетку из рая в сумерки смотришь? А как выйдешь из ворот — вот тогда узнаешь, что такое тоска. Как оглянешься на сияние лучей Эдемовых, тут-то всплачешь, царевич.

Иван Царевич *(испуганно)*. Вернусь, Полосатик, бегом вернусь.

Полосатик. Не пустят, скажут: не умел счастья ценить,— поди в пустыню, поди в туман кромешный.

Иван Царевич. Не пугай, Полосатик. Страшно стало.

Полосатик. Останься.

Иван Царевич. Не могу... Манит, как с высокого моста в пропасть: прыгни да прыгни.

Полосатик. Бес зовет.

Иван Царевич. Душа моя... может, душа моя и есть бес.

Полосатик *(тихо)*. Мамелфа слышит.

Иван Царевич. Слышала, няня? Отпроситься хочу.

Мамелфа. Разве не ты муж, не ты господин? Иль ты в батраки на срок закабалился?

Иван Царевич. А ты что мне посоветуешь?

Мамелфа. Катись своей колеей. Что делаешь—делай скорей.

Иван Царевич. Сердце поворачивается.

Полосатик. Прости, царевич, только ты себе печаль — могу ль я так сказать? — с жиру выдумал.

Иван Царевич. Уж не знаю, только болит душа.

(Входит Василиса, счастливая, в переднике груду игрушек несет.)

Василиса. А, Ваня, смотри: я сейчас с полдюжины сама вырезала, выточила... Вот парочка: Кащей, нет его тощей, и Шах-Шар-Пузан; смотри, как татарская рожица улыбается...

Полосатик. Тощий — кисел, а толстый — сладок, только не
и Шах-Шар-Пузан; смотри, как татарская рожица улы-
вырезала, выточила... Вот парочка: Кащей, нет его тощей.

Василиса. Иван Царевич опять насмурен? В глазах любимых опять вижу — ночь стоит. Не прячь очи, смотри в мои, хочу в тебе читать.

(Долго смотрит на него, становится серьезной.)

Иди, иди, царевич. Кто тебя держит? Иди, любимый. Соскучься скорей, приходи надолго. Помни: мы с богатыренком ждать тебя будем. *(Гладит его лоб.)* Ну же, будь весел. Через семь дней в дорогу. Что? сразу легче стало? Правда? Уж поживем же мы эти семь дней. Так, ведь?

Иван Царевич. Слезы у меня на ресницах. Это от восторга перед тобой.

Василиса. Вижу, вижу. Набегали уж на очи слезы горькие, да я не дурочка, развязала путы соколу, набежали на очи слезы сладкие. Пусть помнит сокол мой — он вольный. Это я у него в клетке, я у него в терему. Уж мне идти никуда нельзя. Мое сердце из одного куска — дала, не поделишь, подарила, не отнимешь. Смотри, радостный проснулся. Утренний проснулся. Весенний Ладушка, ягненочек, птичка моя, рыбочка, — гляди на игрушки разноцветные... Улыбается... Младенец в чистой радости улыбнулся. Золотые трубы на небе взыграли... Чистой радости на свете мало. Для нее и самый свет стоит. Иди-ка, государь мой, Светозар Иванович, к мамочке на ручки...

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

Луна. Иван Царевич в шатре. Около верблюд. Полосатик тут же дремлет.

Иван Царевич. Крылья бы... не в мочь мне... чуть глаза закрою — Василису вижу. Как жаждущий к ключу, весь к ней тянусь,—вдруг разверзнутся версты меж нами. Бес меня так далеко загнал. Ох, скорей бы домой.

Полосатик. И то торопимся, — ничего, насмотрелись. Спать мне хочется. Увижу все страны во сне, где побывали мы, а под утро наилучшую: мою в твоих палатах горенку — уют там. Живи, пой, как канарейка. О, чу, что это за музыка доносится? Это внизу государынька Василиса засмеялась, словно скатный жемчуг просыпала. Сердце дрогнет и закатится... инда заплачешь, так хорошо. Думаешь: вот-то счастье-то Ивану досталось.

Иван Царевич. Спи, спи, добрый шутик, спи себе.

(Пауза.)

Иван Царевич. Мне-то вот не спится. Дом наяву грезится, жена улыбается, сынишка ручки протянул. Больно сердцу, просто вынь его.

(Берет гусли.)

Много волн меж нами моря синего,
Много верст меж нами желтых песков,
Долетит ли песня к сердцу милому,
Отзовется ль песня в сердце любящем?
Ах, не хватит крыльев лазоревых,
Не осилят ветра перья пестрые,
Песня в полпути остановится.
Запыхается, разнеможется...
Умирать уж песня собирается,
Золотой клюв кровью обагряется...
Ах, жена моя любимая,

Выдь-ка ты ночной порой на крыльцо свое,
На луну посмотри, летний ветер вдохни,
Обо мне, жена, запечалься ты.
Запечалься, запой звонким голосом,
Твоим голосом серебряным.
Словно лебедь, взлетит песня звонкая,
Рассечет простор белокрыльями,
Полетит ко мне в чужедальний край.
В полпути устанет, умается,
Машет крыльями томно, медленно...
В полпути две птицы встретились.
Они встретились и ожили.
Вновь запели, словно в первый миг;
Грудь ко груди прижимаются,
Клювом к клюву лобызаются, —
Наши души в сладком трепете
Где-то в облаке лунном встретились.

Только замер звук гуслей и песни Ивановой, как доносится невыразимая, невыносимо сладостная, стеклянная, лучистая музыка.

Иван Царевич. Это что? В жизни такой песни не слыхал. Таких струн не бывало еще нигде. *(Поднимается.)* — Что за диковинные путники?

Медленно идут попарно страусы в сверкающей сбруе. На серебряных седлах странные люди, нельзя сказать—мужчины или женщины: они в серебряных сетках вместо одежды, а тело, как слоновая кость: и хрупко их тело, а головы кажутся большими от тяжести черных волос; и глаза у них страшно большие и грустные, а рты тоже грустные, но совсем маленькие. Первого страуса ведет в поводу такой же дево-мальчик, только в арабском бурнусе и феске, а тот, что сидит на первом страусе, запрокинув голову, смотрит широкими, как две ночи, глазами на луну и поет, поет. Остальные играют на странных инструментах.

Дево-мальчик *(поет)*.

Наннау́ кнуяй-наннау-у́-у
Миньята́-а-ай.
Эй-ай
Лью-лье

Таннагó натальний Канная-а
Та-нга-нга-а
Эй-ай.
Гар-гáр,
Гер-гèр.

Иван Царевич. Стойте! Что вы за люди?

Каравановодитель. Здравствуй, добрый путник. Мы возвращаемся на родину Аэ-ваў — в лунную страну. Спускались мы с наших гор за золотым песком и снадобьями. Я переводчик Нги, а это — Пьяти-ай, лучи луны, наши рыцари-посланники.

Иван Царевич. А далеко ваша страна?

Нги. Близко. День перехода. Только дорогу мы одни знаем.

Иван Царевич. А чем-то так пахнет, что я болен и блажен?

Нги. Это пахнет тумми-ю духами нашей королевны.

Иван Царевич. А где ваша королевна?

Нги. Дома. Мы с собой всюду носим ее духи и портрет.

Иван Царевич. Покажи мне портрет.

Нги. Не надо этого. Пленишься. Волосы и глаза у нее нечеловеческие, но от них уж человеку оторваться нельзя. Она совсем почти не движется. А когда поднимает руку к волосам или улыбнется—простираются Сильные и благодарят.

Иван Царевич. А как звать ее?

Нги. Зовут ее Ялья-м — королевна немая.

Иван Царевич. Почему?

Нги. Потому что она ничего не говорит.

Иван Царевич. Дай глянуть на портрет.

Нги (*тихо говорит что-то певшему дево-мальчику. Тот вынимает из футляра небольшой осыпанный портрет*). Смотри.

Иван Царевич *(смотрит долго).* Ведите меня к вам, ведите.

Игн. Нельзя.

Иван Царевич. Хочу.

Игн *(смотрит на него долго).* Пойдем. *(Берет его за руку и уходят.)*

Песня:

Паннаў кнуяй паннау-ў-у
Миньятá-а-ай
Эй-ай
Лью-лью.

(Замирает вдали.)

Полосатик *(просыпаясь).* Иван Царевич, где ты? Где он? Охти мне, ушел? Куда ушел? Ой, беда мне, смотри — и гусли свои забыл... и Полосатика. Полосатика-шутика забыл...

(Плачет.
Совсем издали.)

Таннагò натальний канная-а
Таннга-нга-ай,
Эй-ай.
гар-гàр,
гер-гèр.
Аэò-аэò... лью-лью-ў.

Интерлюдия.

Опускается занавес голубой, черный и серебряный. На авансцену выходит переводчик Игн. Он в серебряной сетке, на богатых кудрях его алая феска с синей кистью. Он садится на скамеечку, приложенную к спине суфлерской будки, вынимает серебряную флейту и играет на ней песенку. Потом поет:

Уялàлу
Лаю-лàлу,
Амменнай, лайи, лойлу.
Я хочу рассказать вам про Аэ-Ваў.

Я люблю мою родину: солнца там нет, ночи там нет,— она синяя-лунная, земля мала, прохладная Аэ-Вау̂. Там есть озера — они спят.

На гибкой шее свою голову поднял из воды к луне Пашти-Мури, белый ящер, и смотрит янтарными глазами и говорит:

Ягия-ягия-яги.

Там есть реки — они пенятся, но журчат тихо. Их песенка зовется фрилуль-зельзар: шопот земли. Так мы называем и всякую другую молитву. Растения там имеют широкие и бледные листья или длинные гибкие иглы. Цветы у нас очень, очень большие, как человечья голова: они пахнут. Всех лучше пахнет цветок Яю. Им душится королевна наша и весна.

Мы называем весной то время, когда Яю цветет. Все тогда становятся тихими безумцами. Уходят в лес, поют и любят. А зимой мы называем время, когда Яю, пожелтев, умирает. Все возвращаются тогда к делам. Как быть?— У нас тоже надо делать дела. Их называют пфа-шаке, это значит — вынужденные пустяки.

Мы строим дворцы. Колонны у нас очень тонкие, потому что у нас все легкое. Я не знаю — почему? На земле людей нам трудно ходить, а у себя мы танцуем, — поэтому вашу землю мы называем «ргарг», что значит — неуклюжесть. Мы строим легкие башни из разноцветных стекол.

Мне все хочется еще и еще рассказать вам, но вы мне, должно быть, не верите. Ну, все равно. Я уйду. Я хотел только, чтобы вы хоть немножко знали про Аэ-Вау̂.

Иван Царевич теперь там. Он наш гость. Мы называем его: Люми-Тайзе-Веван: милый гость Иван. Будьте и вы на минуту нашими милыми гостями. Бе́юли-люми-тайзеі̆ здравствуйте, милые гости.

(Занавес поднимается. Он уходит.)

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Покои царевны Ялья-м. В стране Аэ-Ваў. Там всегда голубой, даже синий свет. Задняя стена открыта, и узорная сень кровли поддерживается тонкими, тонкими колоннами. Виден мерцающий, синий, неясный пейзаж. Самые покои полны причудливых большелистных, великоцветных растений. Птицы с длинными хвостами и хохлами на серебряных трапециях, разноцветные узорные фонарики, кое-где бьют тонкие струнки фонтанов.

На ложе лицом к публике в позе сфинкса лежит Ялья-м и смотрит наивными добрыми глазами. Нем ее крохотный ротик, словно живут пышные кудри волос. Около — другие женщины и дево-мальчики. Иван Царевич недалеко от ложа на подушках.

По открытии занавеса за сценой протяжная музыка — стеклянная, хрупкая, и кто-то поет там за сценой.

Яй. матебёзи амалельн яй.
Ий. самасама эйяванн ий.

Медленно, медленно и все звонят туго натянутые струны и стаканчики и колокольчики.

Иван Царевич. Сколько времени прошло, что я здесь? Десять лет, сто лет? Почем знать?—Я такой же чужой здесь, так же мне все странно. Словно, я умер; и вправду — я на том свете. Иной раз опомнишься от забытья, думаешь — много часов прошло — и видишь, что Ялья-м, поднявшая руку к волосам, только ее опускает. А другой раз думаешь — миг прошел, а уж завяли цветы, что были так свежи. Глуп я стал, как цветок; человечьего во мне почти уж не осталось. Счастлив? Несчастлив? Когда-то был счастлив, от счастья ушел, а ныне — сон... странный синий сон, которым оглушен я. Ялья... тянет меня к ней, ибо странная она, и пьянят ее духи. Человеческого в ней ничего нет. Так нельзя не нюхать свежей розы земным летом. Ялья! Ялья! разомкни уста, скажи что-нибудь, хотя на своем языке. Ялья! Ялья! Улыбнись, — видишь — я улыбаюсь. Улыбнись. Словно печать — красная точка губ. *(Встает, подходит.)* Ялья-м, я положу руку на пышную твою голову. Моя рука тяжела: Ялья-м, она пригнула твою

голову; ну, смотри на меня, хоть в глазах дай мне понять— приятно или тяжко тебе мое прикосновенье? Все те же два темные глаза... вот я схватил тебя. *(Обнимает ее бурно.)* Ты хрустнешь сейчас в моих об'ятьях... Я целую, целую красную печать. Ну, станьте же горячими, губы, ну, обнимай же... *(Бросает ее.)* Кукла. *(Ялья-м опять ложится в позе сфинкса.)* О, глупая красота! Ялья, слушай меня. — Я уйду совсем, брошу тебя. Эй, Нги, Нги! Где переводчик?

(Один из дево-мальчиков уходит.)

Иван Царевич. Чем мне разбить стену? Даже страстью, даже обладаньем, даже рожденнием я не могу разбить стену.

Нги (входя.) Чего ты хочешь, Люми-Тайзе-Веван?

Иван Царевич. Скажи твоей королевне, что я хочу уйти.

Нги. Не надо.

Иван Царевич. Скажи.

Нги. Больно.

Иван Царевич. Скажи.

Нги. Ялья, Люми-Тайзе-Вѐван ильиф-вау итулаки-хо.

Ялья-м *(поднимается, полуопрокидывается назад, заламывает руки и стонет).* а̀-а, а̀-а! о̀-о, о́-о!

Иван Царевич. Она любит меня?

Нги. Конечно, любит. Все это знают. Думаешь ли ты, что у нее была бы твоя дочь, если бы она не любила тебя? — У нас нет рабынь, как у вас, — у нас только жены.

Иван Царевич. Почему же она молчит, не улыбается, не целуется?

Нги. Она Ялья-м. Она делает все это. Но она делает все это внутри своего сердца.

Иван Царевич. Как-то, когда я пытал ее своими вопросами, она согласилась танцовать. Скажи, что я прошу ее танцовать.

Н г и. Ялья-м, Люми-Тайзе-Веван мелильиф-вау поймн Ялья-лялю ль-ляйль.

Иван Царевич. Ну да, — лаюль-лайль, — это, ведь, значит — танцовать.

Н г и. Это значит — танцовать, Люми-Тайзе.

Иван Царевич. Она хочет?

Н г и. Ты видишь.

Вдруг вся свита вооружается треугольниками и странными барабанчиками и тонкими флейточками, а один поет, а Ялья-м поднялась и закрыла глаза и стала посреди круглого ковра. Не сдвигая плотно друг к другу ножки, вьется она телом и руками и шеей.

Песня:

Ай-Ялья-м бе
Ай-Лаття-нгай-белем
Тен-зени-яй-рру
Тен зени занг белем.

(Она останавливается, открывает глаза, поправляет волосы дивным жестом тонкой руки и спокойно укладывается в любимую свою позу.)

Между тем под ту же музыку стройная красивая женщина в лунной одежде несет высоко над головой годовалого ребенка, идет ритмично, окруженная свитой, к ложу, то приближаясь, то отступая. Певцы поют веселей и быстрей.

Понг-Ялья-да-бе.
Понг лаття-Не белем.
Лью-зени-ий-го
Лью-гинйи-да-белем.

(Люди той страны все улыбаются.)

Иван Царевич. Что такое? Чему вы радуетесь?

Женщина с ребенком *(спрашивает его):* Тнйи-Ялья-да: мама?

Ребенок. Ма-ма.

(Все улыбаются).

Иги. Дочь твоя сказала сегодня — мама. Она царевна, которая говорит. Она Илья-да. Этому мы рады.

Иван Царевич. А что значит мама на вашем языке?

Иги. То же, что на вашем.

Женщина с ребенком *(подходит к принцессе и говорит ребенку).* Тиики Илья-ки-да: ма-ма.

Ребенок. Ма-ма.

И вот Илья-м улыбнулась. Встрепенулись все птицы. Шире раскрылись цветы. Листья заколыхались в синем воздухе. Все хлопнули в ладоши и открыли маленькие рты в одном счастливом восклицании:

О!

Иван Царевич засмеялся тоже добрым, добрым смехом.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ.

Горница в палатах Василисы. В глубине сцены огромное зеркало с поднятым к краям фиолетовым занавесом. По сторонам горят большие красные свечи в серебряных подсвечниках. Василиса сидит на треножнике сбоку зеркала и тоскливо смотрит в него. Ее золотые волосы распущены. Руки тяжело лежат на коленях.

Мамелфа *(входит).* Смотришь государынька: пусто. Только твое похудевшее видишь там личико и твои испуганные глаза. Нет ничего. Пропал.

Василиса. Ведь не умер. Всюду спрашивала. Саму Марану спрашивала — нет его среди мертвых.

Мамелфа. И среди живых нету.

Василиса. Мыслью не встречаю двойника; семь миров обошла я мыслью-тенью, — нет, и не знает никто...

Мамелфа. Брось думать. Перестань любить.

Василиса. Мамелфа, жить перестать могу, а любить — нет, никогда. Печать положена. Душа любовью до последней капли окрашена навеки. И хорошо: его нет, — любовь есть; и богатыренок есть. Светозар со мной. Не будь Светозара, нечего бы было держаться за землю. Крылья бы налились. Хоть на полукрыльях, а улетела бы. Хорошо, ведь, и у Дидов и Вил, а туда бы долетела; только надо со Светозаром остаться. Его мне для счастья хватит. Так велик маленький ребенок, что иной раз тоскуешь по Иване и подумаешь: не грех ли? Разве у тебя счастье не бегает? Счастьицын голосок в саду не звенит?

Вбегает слуга. Сударыня Василиса, Полосатик пришел.

Василиса. Полосатик пришел? — Вот и на мудрую бывает навожденье; всюду искала, о Полосатике забыла. Мало мы о малых думаем. Ведите, ведите его.

(Входит Полосатик. Он сгорбился и постарел.)

Василиса. Полосатик, мой дружочек, где Иван, свет-Царевич? Где ты его оставил? Какую весть мне от него принес?

Полосатик. Я, Василиса, Ивана-свет-Царевича нигде не оставил. Он — Иван меня в далекой Сахаре среди песков зыбучих забыл, покинул.

Василиса. Тебя забыл?

Полосатик. А что ж такое? — Я, ведь, маленький. Он не то меня, — гусли забыл.

Василиса. Где гусли?

Полосатик. Со мной.

Василиса. Дай. *(Хватает гусли и прижимает их к груди.)* Говори...

Полосатик. Заснули мы, проснулся я—нет его. Только дух вокруг неизреченно сладостный. Уж не на небо ли взят?

(Пауза.)

Устал... Дайте отдохнуть.

Василиса. Хольте, грейте, кормите, берегите Полосатика. Спать уложите на постели пуховой; друг он мне, а не шут он мне. *(Целует его в лоб.)*

Полосатик. Когда помру, тело истлеет, а поцелуй твой пламенем лучистым из могилы взойдет и к звездам воспарит. *(Целует ей руку и уходит.)*

Мамелфа. Дай гусли-то... Какую бы песню его припомнить? А, — первую, что он тебе пел.

(Перебирает струны гуслей и поет.)

Ах, откуда же, откуда золотой мне дождь
пролился?
Ах, за что, за что же сон мне, сон блаженный тот приснился?

Смотри, смотри.

(В зеркале видны покои Ялья-м, и сама царевна в позе сфинкса, и Иван который смотрит на ее крохотные губы.

Быстрым движением Василиса задергивает занавес зеркала.)

Мамелфа. Видела?

(Василиса молчит.)

Мамелфа. Изменил?

Василиса. Нет.

Мамелфа. Изменил. Другую любит.

Василиса *(С мукой.)* Нет, не может любить другую.

Мамелфа. Утешайся. Забудь скорее его, не думай, а я о нем подумаю.

Василиса. Не смей ему вредить.

Мамелфа. Не буду, — ты-то его позабудь.

Василиса. Уйди.

Мамелфа *(уходит.)*

(Василиса откидывает занавес, опять перебирает струны гуслей — и вновь видение. Смотрит долго, на Илья смотрит.)

Василиса. Цветок живой. *(Смотрит на Ивана.)* — А все-таки, преступник ты. Вижу твою душу: выцвел на ней мой узор. Василису забыл. Василису забыл ради детской сказочки. *(Грустно.)* Иван-дурак, Иван-дурак: разломал кольцо — не спаять его.

(Опускает занавес, вздыхает.)

Мамушки, нянюшки, ведите мне богатыренка моего

(Няня ведет маленького Светозара. У него большой шлем на голове и большой меч за поясом.)

Василиса. Дедов шлем, дедов меч. Ох, ты, воин мой. Ты на кого ополчился? Ведь, это больно делает, — разве ты хочешь кому-нибудь больно делать?

Светозар. Оболонять хоцу, мама.

Василиса. Кого это?

Светозар. Добленьких.

Василиса *(смеясь.)* От кого же?

Светозар. Злые забизают.

Василиса. Кто тебе сказал?

Светозар. Сам видел.

Василиса. Где ж это?

Светозар. Злюка сут собацонку Шалиха била.

Василиса *(становясь серьезной).* Пожалуй, на твой век мечу работы хватит. Обороняй, Светозар, добрых. Сними-ка

шлем, — я лобик поцелую. Сокровище. Слаще нет для маминых губ благословенья, как твой лобик целовать.

Светозар. Мама, мама моя, мама милая. *(Прижимается к ней.)*

(Входит Кирбит и смотрит.)

Кирбит. Дочь, вышли всех; пришел я говорить.

Василиса. Идите все.

(Все уходят и уводят Светозара.)

Кирбит. Пришел я говорить. *(Пауза.)* Иван тебе не мил больше?

Василиса. Не знаю, но тебе могу сказать — он все равно, что умер.

Кирбит. Ты вдова?

Василиса. Да.

Кирбит. Будь женою Меродаху.

Василиса. Его я чту, но мне любви мужчин довольно. Есть кого любить иначе.

Кирбит. Не для себя должна вступить ты в брак.

Василиса. Другому я служить в любви не стану.
Кто я? — Я цель в себе, я не раба.

Кирбит. Еще бы. Для себя лишь можешь ты, дочь.
И для другого. Только не для мужа.
Любить ты можешь также для ребенка.

Василиса. Есть у меня дитя.

Кирбит. Послушай, дочь...
Мир ждет, и вот к весне идет природа,
Великий дух спускается на землю.
У Меродаха сын родится Митра,
У Василисы сын родится Митра.
Иль станет мысль какая, чувство, воля
Препятствием на золотом пути?

Василиса. А Светозар?

Кирбит. Я вижу, как с мечом
Золотокудрый витязь в мир вступает,
И, опершися на его плечо,
Любовь сама грядет на землю к нам.
Не повинуйся высшим силам. Ты
Свободна. Нету господина в мире
Ни в небесах, ни на земле, ни в аде
Над волею твоею, — повинуйся
Святому Митре — сыну твоему,
Еще не зачатому сыну-богу,
Ждет у дверей пространства — Долгожданный.

Василиса *(склоняясь)*. Да будет мне по слову твоему!

Раздается звенкий величественный звук труб. Двери распахиваются. Два ассирийские воина трубят в золотой рог. Два других вводят на цепях львов. Снаружи гром колесниц, звон оружия.

Величавый, звездоокий, темнокудрый, темнобородый — входит Меродах-Раммон в облачении Ниневийского царя. Они стоят друг против друга — Меродах и Василиса-Золотоволосая, синеглазая, прямая, в парчевом пламенно-красном платье.

Меродах. Красавица, красавица, сбылось.
О, если б мог я думать, что полюбишь
Меня ты!
Ах, может быть, ты любишь только слабых?
Я буду слаб.
Ты хочешь, чтоб я стал ягненком?
Буду.
Ты хочешь, чтобы силой мудрых чар
Я стал по облику похожим на Иоханана?
Унижусь.
Я — царь, я — полубог, я — Меродах-Раммон,
Калду-кудесник, но пред Василисой
Я робок.

Василиса. Привет тебе, отец владыки Митры.

(Золотые трубы издают протяжный громкий аккорд.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Покои во дворце Яльи-м. Та же декорация, что в той картине. Так же лежит Ялья, но около нее играет в колыбельке Ялья-да. Иван спит на подушках. Около него много, много цветов.

Голоса за сценой вдали. Понг. Тапзей...

Голоса ближе: Понг. Тапзей...

Иги *(входит)*. Ялья-м, Тайзе ильиф-бе.

(Когда Мамелфа с корзиной на коромысле идет по сцене, ее сопровождает повсюду красный луч средь безмятежной нежной синевы Ваў.)

Мамелфа. Ох, чудеса. Куда ноги не заведут. Батюшки, кто же это там? Это, ведь, не ваш, это наш.

Иги. Это муж нашей королевны — Тайзе-Веван, он пришел с земли ргарг. Ты, как видно, оттуда же?

Мамелфа. Где же ваша королевна? А, вижу, вижу. Уж красавица же. Поклон тебе до земли, королевна Ялья, не хочешь ли румяных земных яблочков? Говорили мне, яблочков у вас нет. Скажи, малый, королевне — не дозволит ли ей плоды показать.

Иги. Яльям, Тайзе-де, бия хааргарга-бомби?

(Ялья-м сидит и кивает головой.)

Мамелфа *(раскрывает корзину.)*
Вот они — румяные яблочки, что твои солнышки.
Вот это вот краше всех. На, отведай.

Ялья *(берет яблоко и улыбается. Взяла, хлопнула в ладоши и говорит.)*
О!

Она подбрасывает яблоко и ловит все выше. Она оборачивается к ребенку и дает ему яблоко. Ребенок вертит его в ручках, несет ко рту. Я л ь я быстро выхватывает яблоко, играет им перед лицом девочки и вдруг откусывает кусок. Сразу встает, выпрямляется, как струна, и падает, как подкошенная. Минута мертвого молчания. М а м е л ф а, вся собравшись, как паук, впивается пальцами в свои корзины.

(Лунные люди со всех сторон на цыпочках подходят к ложу. Один дотрагивается до руки Яльи и вдруг вскрикивает громко и отчаянно:)

Мга!

(Все переполняется криком:) Мга! Мга!

Свертываются цветы, опикают листья, птицы мечутся, фонтаны прерываются.

Мга! Мга!

Иван Царевич *(пробуждаясь).* Что за крики? Ох, как заснул. Нигде меня не было, а где я теперь? А, тут, в Аэ-Ваў. Кто кричит, плачет? *(Вскакивает на ноги.)* Что случилось?

(Мамелфа встает, берет корзину с проклятыми яблоками и бросает ее, что есть силы, в глубину сцены. Страшный взрыв. Синий мир разрывается, и виден громадный провал в черную бездну о рваных краях.)

(Сильные крики:) Мга! Мга!

Лунные люди поднимают мертвую принцессу и торопливо, суетливо уносят ее. М а м е л ф а быстро уходит, захлопнувшись черным платком. И в а н протирает глаза.

Иван Царевич. Что тут? Что тут? Весь дрожу, зуб на зуб не попадает.

Падает занавес голубой, черный и серебряный. За занавесом слышно сумрачное пенье и от времени до времени страшный пронзительный лязг железа. Занавес поднимается.

(Шеренга висячих горящих факелов идет поперек сцены и уходит спускаясь все ниже и ниже, за рва-

ные края в черную бездну. Туда идет под медленный марш шествие. Впереди идут сильные Вай в синих латах и перистых шлемах, коренастые, похожие на крабов. Светятся наконечники копий. Идут и, твердо шагая, спускаются в провал, в небытие. За ними высокие женщины — в бледноголубых саванах — несут весь сияющий синими переливами, искрами и отсветами гроб Яльи-м. Потом дево-мальчики с длинными цветами, с птицами на плечах, с нарядами и сосудами. — Все поют. Иван стоит и смотрит ужаснувшимися глазами около колыбели Яльи-да.)

Ррах-мене-гулулимм-реддай,
Ждай наим гулулимм хагадзан
Мга!

(Вместе с этим криком страшно вскрикивает железный лязг.)

Яфф-саввава-раввай, реддай
Ждай угруфу́, раввай-хагадзан.
Мга!

(Спускается уж и гроб, низвергаясь в бездну небытия, и другие все, все до последнего. Последняя пара дево-мальчиков, ломая руки, с криком: Мга! Мга! исчезает. Тогда потухают факелы пара за парой, и становится темно.)

Иван *(на авансцене с лицом, как мел, освещенным странным лучом)*. Мга! Мга! — это значит смерть. Все разрушено и умерло здесь. Девочка, бедная, — идем за мамой.

(Хватает ее на руки и высоко поднимает над головой.)

Безумие меня обняло. Иду навстречу смерти.
Нам и факелы не осветят пути.
Ах, пойдем мы проклятым путем.
Бездна зияет разверзнутым ртом.
Смерть!
Ах, распрощаемся, все уж прошло.
Лучше погибель, чем наглое зло.
Смерть!

(Доходит до края. У края встает образ Василисы с предостерегающим жестом. Иван отступает в еще большем смятении.)

Иван Царевич.

Что я вспомнил?
Звенья и двойственны,
Звенья и спаяны.
Цепь протянулась к звезде Изумруд.
Верь, никогда нам пути неотчаянны:
Те, кто в пути, никогда не умрут.

(Образ Василисы исчез, но над провалом горит ярко изумрудная звезда.)

Иван Царевич. Дочь, пойдем отсюда! Пойдем искать пути к Василисе. Нет пути туда. К сердцу ее нет пути. Где дом, где приют мой? Могила иль родина моя? Что сделалось со мной! Горек я, сир я. Прости меня, Василиса! Прости меня! Но дочь не оставлю.

Ялья-да, Ялья-да, ты плачешь? — я тоже, я тоже плачу, маленькая Ялья-да.

(Спотыкаясь, идет в темноте, сам не зная куда.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Безбрежная желтая песчаная пустыня. Устало тащится осел. На нем с одной стороны вьюк, а с другой стороны корзина, в которой сидит 2-летняя Я л ь я - д а. И в а н, постаревший, с длинной бородой, в арабском бурнусе, идет, опираясь на длинный посох.

И в а н Ц а р е в и ч.

Устал осел. Под вечер время. Солнце,
Нас беспощадно жегшее, смирилось,
Лучом косым скользит по волнам моря
Песчаного и с желтизной смешало
Тень голубую. Сделаем привал.

(Медленно разгружает осла. Ставит шест и делает примитивный шатер, вдвигает под тень его корзину с ребенком. Осел понуро стоит рядом. Иван бросает перед ним горсть сухой травы.)

И в а н Ц а р е в и ч.

Сказали мне, что до дороги день лишь,
Где к северу проходят караваны.
Идем три дня, быть может — сбились?
Погибнем. Нет, погибнуть мы не можем.
Не верю, только смерти я поверю,
Лишь смерть властна сказать мне злое: Нет.
До той поры — борись. Чу... колокольчик?
Да, в самом деле! Где-то недалеко
Проходит караван!

(Прислушивается.)

Все ближе.

(Приставляет ко рту рупором руки и кричит:)

Гàо! Гàо!

(Вдали крики:)

Гаò! Гаò!

Иван Царевич. Откликнулись, идут.

(Делает несколько шагов навстречу. Осматривается. Три путника с высокими посохами входят: один старец, один средних лет, третий — юноша.)

Иван Царевич *(кланяясь в землю)*. Привет вам, Шейхи!

Дозвольте жалкому рабу Эвану
Примкнуть к верблюдам и итти на север.

Старший путник. Привет тебе, бедняк, куда идешь?

Иван Царевич.

Иду на север, возвращаюсь в дом мой.
Мой дом далеко. Он в стране, где лед
Полгода держит скованными реки.

Старший путник.

И мы идем туда же, там, где полночь,
Есть темнорусская страна. Туда
Мы — мудрецы Азар, и Афраим.
И Геза устремляемся дорогой.

Иван Царевич.

Ах, встрепенулось сердце. В эту землю
И я иду.

Старший путник. Зачем?

Иван Царевич.

Там у меня
Старик отец еще, быть может, жив,
Там есть и братья... и жена... и сын...

Странник.

Какие же дела тебя отторгли
От очага, о коем память слезы
Исторгла из очей?

Иван Царевич.

Желанье видеть
Иные страны.

Странник.

Вижу — благороден
Душою ты. Твой ум пытлив, и дух
Твой беспокоен. Но страны на свете
Нет интереснее той темной Руси.
Оттуда свет. Там правят дивный царь
И дивная царица, и у них.
Как верим мы все — маги и халдеи
Родится Митра, нисхожденье Божье.

Иван Царевич.

Какой же царь царит над темной Русью?
Неужто умер старый царь Фундук?

Старший путник.

Фундук тихонько дремлет и отходит.
Но солнцем над землей взошел Раммон.
Царь Меродах-Калду.

Иван Царевич.

Откуда взялся
Такой владыко над моей землей?
Пришел завоевателем с востока?
Мечом просек себе дорогу к трону?

Странник.

Нет, Меродаху трон свой уступил
Фундук, и отстранились сыновья.
Кто может спорить с мудрым полубогом?
В нем в тяжкий час нашествия врагов
Они единственный нашли оплот.
А он вселился к ним по воле неба,
Ему в супруги давшего Звезду.

Как рядом с солнцем Шамашем-баалем
Сияет утром дивная Иштар,
Так мир весь светом наполняет сладким
Владычица царица Василиса.

Иван Царевич.

Все время ждал я... вот оно.

Странник.

Пойдем
Туда, коль ты туда стремишься. Мы
Хотим малютке Митре принести
Ливан, и золото, и смирну.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Сад у палат Василисы. У пруда. Ночь. Иван Царевич сидит в бедной одежде у самой воды.

Иван Царевич. Два года... Два года уж прошло, как я вернулся. Даже глянуть на нее не смел. Как рукой железной меня хватает и отбрасывает. Ведь она счастлива, а я преступник. Вот служу пастухом в доме отца моего, кормлюсь, кормлю дочку-красотку, сказочку, чудочко. Живу и где-то все еще на что-то надеюсь. Видел ее два раза всего. Один — с царем на высокой колеснице. Они — пара. Всякий, кто их видел, носил в сердце благоговейную радость. Другой раз—в поле одну. Куда шла она, задумчиво вперив глаза... Как колотилось сердце, как хотелось броситься к ее ногам. Железная невидимая рука пригнула к земле, пригвоздила. Ветер дует... холодно... Брожу, как окаянный, в пути чего-то ищу... знаю, чего ищу. Утро скоро. Вот полоска на востоке. *(Вскакивает.)* Постой, Иван, вспомни-ка — да, ведь, это то место, ведь, это — как тогда. Смотри кругом: видишь — утро полосою зажглось на востоке? Тучи серые видишь? Как пруд сталью синеет холодной. Как куст тихо колышется... Слышишь, пастух гле-

то далеко на рожке заиграл? А птицы редко, редко коегде чирикают. Запомни... Каждый миг может быть вечным. каждый может быть печатью, этим мигом запечатана наша любовь в этой жизни и в иных во всех...» *(Глухо рыдает.)*

(Между тем на пруду появляется высокая черная лодка. На носу стоит Меродах, два ассирийца гребут.)

Меродах.

Остановитесь! *(Смотрит на Ивана.)*
Кто здесь рыдает?

(Иван, поднимая голову, кланяется в землю.)

Меродах.

Встань и смотри сюда...

(Смотрит на него долго; как будто про себя:)

Испепелить... изгнать...

Иван-Царевич.

Дрожишь. Владыко, дай мне смерть,
Последнюю навеки. Дай
Покой небытия.

Меродах.

Бессмертное и Бог убить не может.

Иван Царевич.

Тогда, пока я жив, я всюду и всегда.
Я весь надежда на прощенье.

Меродах.

Ты борешься со мной?

Иван Царевич

Убей. Благодарить я буду.

Меродах.

Бессилен я. Бессилен пред тобою.
Ты предал! изменил! пастух! наемник!
И сжечь тебя могу я, как солому...
Но я бессилен. Брат мой, Иоханан,
Счастливый брат...

Иван Царевич.

В глазах твоих тоска.

Меродах.

Лишь на мгновение! — жалеть
Меня никто нигде не смеет. Меродах
Раммон-Калду-кудесник, Царь-отец,
Венчаясь скорбью — скорбь собой венчает.
Гребите прочь.

(Лодка исчезает среди тумана, как призрак.)

(Пауза.)

Иван Царевич. Диковинно. Дрожу, как в лихорадке. Глаза полны слез, страшно и радостно. — Что-то будет?

(Входит слуга.)

Слуга. Где ты тут, насилу разыскал тебя. Девочка сказала, что ты в саду бродишь. Иди, царь Середин тебя кличет, видно, распушить тебя хочет.

Иван Царевич. Да за что?

Слуга. Он, брат, не спрашивает. Ох, и Середин же, ну уж лучше бы прибил, а то, как начнет словами точить — мочи нет.

Иван Царевич. Иду, только девочку захвачу. Она, слышь, проснулась, одну оставить страшно, — она, ведь, всегда со мной. *(Уходят оба.)*

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Новый дворец Меродаха в столице Фундуковой. Два гигантских пилона с изображением крылатых богов и величественная лестница о семи цветных ступенях ведет к порталу дворца. На нижней ступени сидят Митра и Светозар. Светозар мастерит маленький кораблик, Митра следит за его работой. Входят слуга, Иван и Ялья-да.

Слуга. К Середину сюда итти. Дальше не тащи девочку, Середин и своих-то детей не больно любит, — оставь ее здесь. Здесь ее никто не обидит.

Светозар *(поднимая голову)*. Где я, там никто никого обидеть не может. *(Устанавливается удивленно на девочку. Иван уходит за слугой. Ялья-да остается.)*

Светозар. Митрочка, Митренька, глянь-ка, что за девочка красавица, ровно сказочка.

Митра *(поднимая свои синие глаза из-под густых ресниц)*. Да.

Светозар. Поди сюда, девочка; поди, не бось.

Ялья-да. А чего бояться-то? Вот она я.

Светозар. Хорошенькая какая. Волосы-то, смотри, Митрей, шелк крученый, а глаза, ну и велики. Больше твоих. А ротик, ха, ха, ха! ну, и мал, как земляничка. Девочка, поцелуй меня, птичка.

Ялья-да. А — на! целуй. *(Целуются.)*

Митра *(тянет к ней губы)*. И я. *(Целуются.)*

Светозар. Ты чья же будешь?

Ялья-да. Папа мой у вас коров пасет.

Светозар. Неужто? А тебя с нами играть отпустит?

Ялья-да. Отпустит.

Светозар. А мама?

Я л ь я - д а. Мама моя — лунная принцесса. Она умерла. Ушла в ночь. Она была еще меня красивей. Ничего не говорила, только танцовала. Папу любила, меня любила, яблочка откусила и Мга! — умерла. Мне про нее папа рассказал.

С в е т о з а р. Слышишь, Митрик, впрямь, ведь, сказка. Ну, и полюбил же я тебя, девочка. Как звать-то тебя?

Я л ь я - д а. Ялья-да.

С в е т о з а р. Ялья-да — ягода. Ягода земляничка моя. Вот я тебя за ушки беру и в глазенки целую. Скажи: тебя никто, никто не обижает? Я витязь! — должен оборонять слабых.

Я л ь я - д а. Никто меня не забижает. А твоя мама кто?

С в е т о з а р. Мама моя? — мама моя Василиса. Одно солнце на небе, одна Василиса на земле. Мама моя царица всех мам.

Я л ь я - д а. Красивая? Живая? Ласкает тебя?

С в е т о з а р. Ну да.

Я л ь я - д а. А его?

С в е т о з а р. И его.

Я л ь я - д а. А кого больше?

М и т р а. Его, и я его больше люблю, чем себя.

Я л ь я - д а. О? Ну — так. А папа ваш?

С в е т о з а р. У нас разные папы. У меня папа Иван-Царевич, славный такой витязь, добрый сердцем. Ушел он и пропал без вести, а я так думаю — вернется. То-то будет радость! Ох, вернись, батя, — покажу, как я верхом езжу, как из лука стреляю.

Я л ь я - д а. Как же это: мама одна, а пап два?

С в е т о з а р. А что ж? — Мой ушел, его пришел.

М и т р а. Его папа придет — мой уйдет.

Светозар. Нет, я его папу страх люблю — он сильный, красивый, всех на свете мудрей. И он меня любит, по головке гладит, на своего коня сажает. Я за Мардука-царя голову сложу.

Алья-да. А вы возьмете меня в сестрицы?

Светозар. Хочешь быть моей невестой, хочешь? Уж как я любить буду. Уж никто тебя не тронет. Хочешь?

Алья-да. Сестрицей.

Светозар. Ну, сестрицей, — как хочешь. Ты с нами всегда оставайся. Меня звать Светозар, а его — Митра. Я вперед его иду, ему путь приготовляю, а он за мной. Митренька, свет, золотое солнышко, Митрик мой, божочек мой. Я за Митреньку, за братика, буйну голову сложу.

Митра. Светозар, скажи сказку, какая первая на ум придет.

Светозар. Изволь, Митрик, изволь.

Гуляла маленькая Алья в саду. Вдруг откуда ни возьмись — змей Горыныч. Знаете, какой он бывает красный, как печь раскаленная, а глаза желтые, как у кошки, только с блюда. Хвостом чешуйчатым машет, деревья скашивает: «Алья, с'ем». А она плакать. Услыхал ее крики Светозар-богатырь; маленький он еще был, всего-то 8 годков,—схватил саблю вотчима — Меродаха-царя, бросился в сад, да на змея-то, а змей, ха-ха-ха! — удирать, а хвост-то меж задних лап, как пес, поджал, а Светозар его по заду саблей шлепает; убить его не захотел, жалко стало. Присел змей, шипит, глаза под веки закатил: «отпусти душу! — пищит. То-то смеху было. Ха-ха-ха. Тут и сказке конец.

Митра. Очень хорошая сказка. А ну, Алья, скажи сказку, какая первая на ум придет.

Алья-да. Жила-была голубая девочка. Ма-а-ленькая. Ночью забралась в большой цветок, цветок качается, а она спит. Утром солнечный лучик к ней прилетел: «тик-чи-тик. Проснись»... Вышла девочка голубая, на бабочку села, да и полетела. А бабочка летит, летит, летит, летит... далеко

летит, — куда?.. я и сама не знаю.. что там такое? Далеко улетела голубая девочка на бабочке, так и не вернулась.

Митра. Хорошая сказочка.

Светозар. Я бы за ней поехал на коне... нашел бы.

Митра. На коне. Туда нельзя на коне. Ты всюду на коне, Светозар, а туда только на бабочке можно.

Светозар. Ладно уж.

Митра. Я расскажу. Вот. Всем было больно, и все плакали. Пришел мальчик: отчего вам больно, отчего вы плачете? — У нас злой царь. Пошел туда мальчик. «Царь, отчего ты злой?» — А я не злой. Я сержусь, что добрых нет, оттого злой стал. «А вот я так добрый». — Неправда, нет добрых. — И сказал мальчик: «Ты сердишься и хочешь наказывать. Я маленький, еще ничего худого не сделал, а ты накажи меня за всех». — Что же мне невиноватого наказывать? — «А мне легче самому терпеть, чем чтобы они мучились». Царь очень рассердился. «Как, говорит, хитрый! — хочет обмануть». И стал мучить, а других перестал. Мучает и говорит: «Хочешь, я перестану тебя, а других буду». — Не хочу. Заплакал злой царь: «Ты — добрый, простишь ли меня?» — Простил. Тогда заиграла музыка.

(Светозар плачет. Илья-да смотрит перед собой и думает. Молчание. С лестницы задумчивая спускается Василиса. Останавливается и смотрит вокруг.)

Что со мной такое деется?
Отчего щемит так вещее?
Почему ж мой светлый ум молчит?
Око зоркое не видит вдаль.
Только сердце полыхается,
Только сердце надрывается.

(Пауза.)

Отчего же солнце тускло так?
Отчего цветы без запаха?
Отчего как-будто издали
Звуки в душу чуть доносятся?
Я ль не счастлива на земле живу?
Милый друг мой, он не краше ль всех?
Милый друг меня не любит ли?
Что хочу — все уж принесено;
Все, как утру, мне улыбается.
У меня ли мало драгоценностей?
— Два сокровища ненаглядные:
Одно сердце детское — горячее,
А другое сердце — несказанное.

(Пауза.)

Ох, украдено, унесено
Из души моей сердцу нужное,
Сердцу нужное, желанное.
Вор, верни мое сокровище.
Годы идут, вянет молодость,
Эта жизнь приходит к осени.
Грудь тоскует по об'ятию,
Ничьему, а незабвенного.
Я себе забыть запрет дала —
Оттого мне память мукою.
Есть одна любовь, незаменная, —
Мало той любви мне даровано.
Вор украл, унес из души моей
Сердцу нужное, желанное.
Вор! Верни мое сокровище,
Ох, верни ты незаменное.

Светозар. Мамочка, ты больно скучно поешь.

Василиса. А, здесь вы, детки, а кто ж это с вами? Чья девочка?

(Подходит и вдруг всматривается.)

Ох, чья ж это девочка? *(Хватает и отводит ее.)* Дай в глаза глянуть... Силы нездешние. Чья ты, чья ты?

Светозар. Это Алья-да—ягодка. Наша сестрица, она с нами навсегда останется. Ее мама лунная принцесса. Она Мга! умерла, оттого, что с'ела яблочко. А отец у нас коров пасет.

Василиса. Девочка моя, девочка... из иной страны пришелица, дочь Ивана, дочь изменщика, дочь родного, незабытого, дочь ты злого, дочь неверного, ненаглядного царевича. Детка, детка, дочь ты слабого, неразумного, беспокойного, дочь ты бедного, дочь ты горького, дочь моей печали странная. Хочешь ли ты им быть сестрицею? Будь сестрицей моим мальчикам. Сердце бьется, в груди колотится. Умереть мне, детки, хочется. На твои на кудри черные Василисы слезы канули, как брильянты там повиснули.

Митра. А я знаю.

Светозар. Что ты знаешь?

Митра. А я догадался.

Светозар. Про что?

Митра *(Василисе).* Мама, я скажу, а ты признайся.

Василиса. Ну, мой луч небесный, говори.

Митра. Папа Альи, который пасет коров, он папа Светозара.

Светозар. Да что ты, ха-ха-ха. Чего выдумал? Неправда? Правда? ой! говорите.

Митра. Ты его любишь, ждешь, мама Василиса, а он пришел.

Василиса. Митра, Митра, Митра — сыночек!

Митра. Ты его больше любишь, чем моего папу. Ты не станешь, мама, сердиться; ты Светозара больше любишь, чем Митру. Я тоже его больше люблю. Ты не горюй... Тот, который пасет коров... его надо очень любить. Он приходил, он худой, он боится, у него морщины; люби его. Мой папа не станет сердиться. Я тоже хочу, чтобы ты вся любила Светозара. Мама, если ему будет горько — надо его приголу-

бить, а боль ему делает очень больно. Я его люблю. Если тебе трудно его очень, очень сильно любить, как его папу, и меня тоже любить и моего папу любить, так ты нас не люби, мама. Мы не будем плакать, мы не будем сердиться. Мы будем веселы, мама. Светозар и Илья, — идемте играть.

(Он уводит детей. Светозар уходит медленно и все оглядывается и все спрашивает о чем-то Митру, но тот, маленький, идет вперед и увлекает других за ручки вверх по лестнице. Дети уходят.)

Василиса. Я же на душу Митры первую тень кладу. Страдать ему надо, и я, которая ему престол и корень — первая его мучаю, но у Раммона и сына Раммонова мука расцветает дивным цветком. Идет Иван. Идет.

(Входят Иван и Середин.)

Середин. Расчет, расчет. Кто по ночам не спит — днем плохо работает, ночь — спи, день работай. А для празднеств и выдумок нам времени не отпущено. Иди, иди. И чтобы духу твоего тут не было. Кто слуга—слуга, боярин—боярин, а посторонний всегда лишний, может, он и вор. Ступай.

(Иван без шапки медленно уходит.)

Василиса *(она стоит посреди лестницы.)* Иван Царевич!

(Иван останавливается, как вкопанный, оглядывается и застывает.)

Середин. Царевич? — что ты, государыня.

(Всматривается в Ивана.)

Тьфу, пропасть... о, о, о, вот так штука.

(Торопливо уходит, размахивая руками.)

Иван Царевич. Уйду, убегу.

Василиса. Иван, иди ко мне...

(Иван всходит медленно по лестнице.)

Иван Царевич. Ох, не могу... *(Падает на ступени.)*

Василиса. Иван.

(Иван встает, опять идет и опять падает, рыдает.)

Василиса *(поднимая его).* Что ж, прощать? Ты мой, я твоя.

(Иван рыдает.)

Василиса *(обнимая его.)* Счастье мое!! Старший мой сын! Пропавший, вернувшийся, голодаю по тебе... хлеба не было мне... в пищу мне давали камни самоцветные.

Иван Царевич. Василиса... Плакать, плакать дай: я слезами очищуся.

(Сверху лестницы медленно спускается Меродах.)

Василиса *(не замечая его.)* Плачь, Иванушка, плачь, родимый мой, если сердцу плакать хочется. Только нечего тебе каяться, и прощать тебя мне нечего, и тебе меня прощать нечего.

Звенья и двойственны.
Звенья и спаяны:
То расходимся,
То сливаемся.
Разлучаемся. — обнимаемся:
Бросят нас на солнца разные,
А чрез тысячу лет вновь обрящемся.

Меродах. Царица.

Василиса. Царь Раммон.

Меродах. Ты возвращаешь в сердце Иоханана.

Василиса. Он возвратился в сердце, Меродах.

Меродах. Свершился круг, отнято мое счастье

Василиса. Свершон мой долг, и Митра видит свет.

Меродах. Дай руку, положи на сердце мне ты руку.

Василиса *(касаясь его сердца).*

А, Меродах, мой друг, как страждешь ты.

Меродах.

Ты поняла. Седмижды так страдать
Мой сын при жизни будет — светлый Митра.
Я сердце удержу обеими руками...
Жить с вами не могу, я ухожу к отцам.

Василиса.

Отыди, Меродах. Благоговею
Я перед силой мужа скорби и величья.
Дай моему челу священный поцелуй.

Меродах.

Челу высокому даю лобзанье скорби,
Лобзание любви, прощальный поцелуй.

(Оборачивается ко дворцу.)

Небу! Отец! Отверзи мне Врата.
Шамаш-бааль, сверкающий стрелами,
И белокудрый Син, таинственный очами.
Ты мудрый из глубин, Э. Эа! перворыба.
Меж тронами готов мой нерушимый трон.
Небу! Отец! Отверзи мне Врата
И кубок вечный дай, прекрасная Иштар.

(Идет вверх. Дворец над лестницей преображается. Оттуда ослепительные лучи льются вниз. Гремят золотые аккорды труб. Небо разверзается. Там гигантские золотые троны, и на них очерки великих богов. и у порога великан с вечной улыб-

кой Иштар. Она протягивает кубок. Он идет, Меродах, и растет, и становится исполином, и обнимается и целуется с Сестрой, и Боги, потеснившись, дают ему место. Гром труб. Пламя светлое. И вдруг раскрывается небо. И только гул прокатывается по всей потрясенной земле.)

(Иван и Василиса стоят по обе стороны лестницы на нижней ступени, склонившись. И когда затихает гул, вверху опять только дворец. Дверь его открывается, и входят дети и спускаются вниз.)

(Светозар впереди идет и несет меч-кладенец перед ликом своим, а сзади Митра—глядит вдаль.)

Василиса. Куда вы идете, дети?

Светозар. На землю. Идем защищать добрых от злых. Мы так играем, мама.

Василиса. Иван, какое чудо дети. Все дети. Все дети наши. Твои... мои... правда, Иван? Я давно это думала, но сейчас поняла: жить надо для детей, надо служить детям.

Иван Царевич. Я их видел давно, Василиса. Я сидел раз в саду и задумался,—вдруг земля расступилась, и синяя раскрылась бездна. Там увидел я две детских головки: белокурую с бойкими глазами, прелестную, и другую—странную, о черных локонах, об огромных очах, и кто-то в сердце мне сказал: это твои сынок и дочка. И вглядываясь все больше, я увидел за ними ангела предивного, как этот мальчик — задумчивого, и зеленую звезду увидел над ними. Я и тебя тогда видел, Василиса.

Василиса. Надо жить для детей. Любить надо для детей. Род людской будет мудр и счастлив, когда дети будут жить для радости, а взрослые для детей. Тогда мы пойдем вперед. На высоте моей земной мудрости я поняла это.

Иван Царевич

Дети идут...
Грядущие, будьте благословенны.

Василиса. Ты видел открытое небо, Иван?

Иван Царевич. Не смел поднять глаза.

Василиса.

Истинно-истинно говорю тебе:
Небо — богам. а земля — детям

Иван Царевич. Так говорит человеческая осень.

Василиса. Мудрая и зрелая пора, пора золотых плодов.

Иван Царевич. И Илья не умерла, — имеющий детей превышает смерть.

Василиса. И всякий. служивший детям — бессмертен.

Иван Царевич.

Смотри, Василиса, лучи солнца озарили Митру.
Как он прекрасен! Как он поднял к солнцу ручки!

Василиса. Да будет над землею Богом.

Дитя.

ЗАНАВЕС.

МАГИ

(Драматическая фантазия)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Драматическая фантазия «Маги» была написана при несколько исключительных условиях, быть-может, представляющих некоторый интерес и с точки зрения теории творчества.

Написана она зимою 1919 года во время моего пребывания в Москве, переполненного самой горячей и самой утомительной работой.

Именно утомительность этой работы, ее напряженность и ее яркость в освещении великих и горьких переживаний нашей революции и побуждали меня искать какого-нибудь интенсивного отдыха. Этот отдых я нашел в поэтическом творчестве.

Дав совершенную свободу своей фантазии, я сел за «Магов», даже неясно представляя себе хотя бы основные контуры этой пьесы. Я просто хотел забыться и уйти в царство чистых образов и чистых идей.

Вся пьеса была написана по ночам после полных всяких событий и трудов дней. И понадобилось только 11 ночей для того, чтобы вся она вылилась совершенно такою, какою теперь является читателю. Никаких дальнейших поправок в ней не представилось мне нужным сделать.

Несмотря на то, что в течение этого времени я спал от 3 до 5 часов в каждые сутки, по окончании работы я почувствовал себя необыкновенно отдохнувшим, словно я побывал на каком-нибудь целебном курорте.

Одним из оснований моего решения издать эту книжечку была надежда, что может-быть, чтение ее доставит также кое-кому тень того сладкого и глубокого отдыха, который доставило мне ее сочинение.

Я хотел бы, однако, предостеречь от возможного недоразумения. Фантазия моя написана в терминах оккультизма и мистики и, быть-может, кому-нибудь из читателей покажется, что

эта одежда в какой-нибудь мере отражает мое собственное верование.

Этого, конечно, нет, но я считаю поэта вольным брать свои краски, откуда ему заблагорассудится, и я думаю, что ризы, в которые наряжена здесь моя основная идея, столь же мало характеризуют мои собственные воззрения, как употребление имен Аполлона и муз делает язычником того или другого недавнего поэта.

Что касается основной идеи — идеи пан-психического монизма—то я никогда не решился бы выдвинуть ее, как теоретический тезис, как философию, которую я стал бы теоретически защищать.

Уже в одной из моих ранних статей (Позитивист и идеалист, как биологические типы) я рассказал об этой моей дионисиевой философской религии, которая очень утешала меня во время моего 8-месячного тюремного заключения в Таганке; и там я указывал на то, что давно перестал считать ее элементом моего миросозерцания, оставив ее только в сокровищнице моих художественных мифов.

В жизни я считаю возможным опираться только на данные науки, строить только на прогнозах, покоющихся на ее незыблемом фундаменте, действовать только сообразно ее данным и под импульсом непосредственной живой страсти, дочери окружающей нас реальной общественности.

Другое дело поэзия. Она имеет право выдвигать любую гипотезу и одевать ее в самые поэтические краски, ибо одна из задач ее заключается в безграничном расширении мира человеческих ощущений и идей.

Конечно, «Маги» связаны некоторыми тонкими нитями с переживаемыми нами событиями. Пьеса не является ни в какой мере ни отражением их, ни аллегорией. Искать чего-нибудь подобного, как делали некоторые из прослушавших ее — просто нелепо. Но чуткий человек, быть-может, поймет, почему эта гипотеза представляется особо утешительной и желанной во время грозных исторических событий и тяжелых, хотя вместе с тем торжественных и осиянных надеждой личных переживаний.

13-го июля 1919 г.
Ярославль.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

По саду среди роз медленно идут Амилий и Семпроний. Амилий почти старик с виду, высокий лоб переходит в лысину, борода с густою проседью, глаза чрезвычайно спокойные, медленные в движениях, широко раскрытые, Медленны и уверенны и движения тела.

Семпроний еще молод. Лицо желтое со множеством складок. Глаза горят блеском возбуждения, подвижный и тонкий рот, движения порывисты, он всегда в лихорадке.

Амилий.

Нет, нет, Семпроний, нам смешны в совете
Твои сомнения в себе. Ты — гордость
Учителя и украшенье школы.
Я часто с изумлением гляжу
На взрывы гения, на извержения
Огня всемощного, и жутко глянуть
В клокочущие недра, где пылает
Твоя душа. Как ты богат, Семпроний!
Безмерно ты богат, и если б зависть
Могла гнездо свить средь учеников
Святого мага — мы бы все, конечно.
Великой завистью к тебе бы отравились.

Семпроний.

Я слушаю и мыслю, как Амилий.
Такой прекрасный дух понять не может.
Что все же я чего-нибудь да стою!
Как может так меня он утешать.
Иль я ребенок? — Ах, вулкан, горячий

Фонтан из недр кипяще-бьющий! Боги!
Иль я сочту за похвалу слова,
Едва скрывающие порицанье!
Вулкан? Фонтан кипучий? Но, Амилий,
Хочу быть тихим озером, в котором
Сиянье небес отражено,
Коль нет возможности быть самым небом.
Спокоен ты. В твоих очах сияет
Так ровно, не мерцая, дочь гармоний —
Святая мудрость. Я, я —обезьяна!
И, право, скоро, скоро я начну,
Пожалуй, колдовать... ха-ха! Смеешься

(Регий поспешно идет к ним навстречу. Молод, смугл, горбат.)

Регий.

Учители, сегодня к нам приедет
Премудрая пророчица Манесса.
Взволнована вся школа. Мы не знали,
Что утром уж отбыл корабль из Миллы...
Святой смеется. Он сказал: вам будет
То испытанием. Хотя Манесса ангел,
Мудрей Амилия, но знайте, други,
Она красавица и дева. Будет любо
Увидеть, как на острове Форесе
Кристаллы все изменит притяженье
Такой могучей силы.

Амилий.

Удивляюсь.
Святой шалит. Святой играет нами.
Ты говоришь, что я спокойно мудр.
Ах, я — педант. Святой... Смотри, Семпроний
Как необ'ятен он: пророчица Манесса,
Мы все, и мир, и демоны, и боги —
Игрушки для него. Но он в игре серьезен,
Как дети. Он — дитя. Смеется и премудр.

Семпроний.

Манесса? Горячо желаю видеть
Прославленную жрицу Аполлона,
Врага Христа... Постой, я слышу пенье.

Амилий.

Кто там поет, мой Регий?

Регий.

Неофиты.
Их хор встречают дивную Манессу,
И ей идя навстречу, воспевает
Гимн, что сложил ей в честь он сам — мудрец

Амилий.

Мудрец опять слагает строфы? Диво.
Уж лет пятнадцать не писал стихов он
И к струнам не касался.

Регий.

Он, должно быть,
Его заране приготовил, гимн свой.
Он сразу стал уверенно учить
Гермония, а тот уж разработал
Его с юнцами... Слушайте... Красиво
Звучит.

Амилий.

Красиво.

Семпроний.

Да, красиво. Слишком.

ГИМН.

Дорогой мудрости, дорогой строгою,
Путями узкими, тропой-дорогою
Веду своих учеников

А цель, красавица, а цель искания
Краев одежд красы, краев касание,
Хотя-б краев.
Я приготовил их: в благоговении
Воспримут все они луч откровения:
Открой им лик.
Они искатели, а ты — сияние.
Прийди, услышь от нас гимн обожания,
Восторга крик.

Семпроний.

Клянусь, противный гимн! Что со святым?
Такая лесть! Какой-то мадригал!
Достойно мальчика. Коли умна Манесса —
Пожмет плечами.

Амилий.

Странно...

Регий.

Как прекрасна
Должна быть женщина-пророчица, которой
Такие гимны сам Святой слагает.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Другая аллея сада. Быстро идет Семпроний. Навстречу ему мальчик Дамний.

Дамний.

Семпроний, не туда. Она в порту.
Бегу ее увидеть. Поспешай-ка!

Семпроний.

Глупец! Я не ищу Манессы. Я
Ищу уединения.

(Дамний останавливается в изумлении. Потом продолжает свой путь.)

Семпроний.

Манесса...
Так всполошились все, что гордость сердца
Во мне перевернулась. Пусть Святого
Комедией потешат. Роль играть в ней
Я не хочу. Здесь, на скамейке тайной,
Я посижу и ум займу насильно
Холодной геометрией. Садись.
Семпроний. Так. И трость бери. Черти.
Анализируй треугольник.

(Семпроний погружается в чертеж. Из цветущих кустов вдруг, разделяя их белой рукой, выступает Манесса и долго с улыбкой смотрит на него. Он не замечает ее.

Манесса.

Семпроний!

Семпроний.

А? Кто ты? Манесса? Да.
Как не узнать. Но почему ты здесь?
Ага, учитель испытует. Да,
В смятеньи я. Да, торжествуй. Не знаю,
Что делать: проклинать тебя, опасность,
Пришедшую среди моих кругов,
Как некогда убийца Архимеда.
Или быть вежливым и прославлять
Тебя пэанами, подобно лести,
Такой противно-приторной, какою
Тебя учитель угостил через неофитов.

Манесса:

Так это ты, Семпроний? Интересный!
Люблю больших жуков сбирать... Семпроний,
Ты к искушеньям падок. Искушать
Тебя не стану... Дай мне руку, друг.
Раскрой скорей мне душу. Любопытна

Я очень. Времени же мало здесь
Отпущено Манессе. Честолюбец?

Семпроний.

Да, да. Честолюбив. Хотел бы я
Учителя перерасти.

Манесса.

Мешает
Богатство мысли и волненья страсти?

Семпроний

Мешает беспокойство... О, Манесса,
Немного льда хочу, чтоб воспаленье
Мне охладить. Железный обруч нужен
На сердце: бьется, слишком больно бьется
Больное сердце. Мне покоя нужно.
Ах, будь Амилий я, я б зашагал
Дорогою к вершинам.

Манесса.

Мой хороший.
Хороший мой: откинь ты притязанья
Летать. Ты не имеешь крыл. Но не обидься.
Ищи поддержки в демонах Астрала.
Будь, будь велик, ты можешь быть великим.
Но добрым ты не будешь. Надо сметь, Семпроний.
Будь зол!

Семпроний.

Как ты добра!

Манесса.

Будь смело зол!
Вступи с учителем в борьбу, как черный!
Верь мудрости моей: все дело в силе.
Все дело в силе, а не в цвете. Верь мне:
Не искушаю я тебя. Ты друг мне.

Сестринский я даю тебе совет.
Пророчествую. Ты учителя принудишь
Признать, что ты сильнее. Ты — велик.
Но выбери свой путь. Для рыбы нужен
Простор морской, а не полет воздушный.

Семпроний.

Как ты мудра и как прекрасна!

Манесса.

Я

Твоей охотно буду, если ты,
Как победитель предо мной предстанешь.

Семпроний.

И я, глупец, я избегал тебя!

Манесса.

Пожмем друг другу руки.

Семпроний.

Поцелуй.

Манесса.

Когда ты победишь.

Семпроний.

Идет учитель.

Манесса.

Почем ты знаешь?

Семпроний.

По биенью сердца.

(Мудрец Андромен идет вдоль тропы с белым голубем на плече. Его одежды узорны. На седой голове венок из плюща. Длинная белая борода причудливо перевязана пунцовой и

золотою лентами. Его старость свежа. Он улыбается. Останавливается. С ласковой иронией глядит на Семпрония и Манессу.)

Манесса.

Ты видишь, мы уже друзья, Святой.

Андромен.

Я вижу — ты его уж направляешь.

Манесса.

На верный путь. Но, впрочем, без меня
Нашел бы путь свой верный ученик твой.

Андромен.

Свой верный путь .Ты мудро говоришь.
Мудрейшие, и те так часто верят
В единый верный путь. Свой верный путь - -
Вот цель исканий.

Семпроний.

Есть ли путь спасенья
Для каждого?

Манесса.

Для каждого есть путь.
Ведущий к совершенству проявлений
Его души.

Семпроний.

Но в этих совершенствах
Не равны души. Правда?

Манесса.

Разны души,
Но каждая в расцвете — красота.

Семпроний.

И каждая — добро?

(Манесса улыбается. Андромен смеется.)

Семпроний.

Не за дитя же
Меня считаете вы? Мысль ясна:
И зло в расцвете — красота. Не так ли?
Мерилом служит сила для высоких,
Перерастающих добро и зло.

Манесса.

Так и не так .Но что гадать об этом.
В своей ладони носишь ты судьбу.
Там путь начертан, там предназначенье,
Которое ты выполнить обязан,
Коль хочешь дать, что можешь. А другое,
Хотя б прекрасное, хотя б благое —
Не по тебе, и человек смешон
И жалок в чуждом платье.

Андромен.

Не напрасно
Плющем украсил я свои седины,
И бороду заплел, и вспомнил арфу,
И в строфы речь свою, как в дни былые,
Вливаю. Остров мой, Манесса, чудом
Овеян. Искушай анахоретов.
Свети, как солнце. Пусть растут растенья.
Цветы раскроются багровы и лазурны
Со свежим и дурманным ароматом,
Со сладким золотым плодом, а рядом
С налитой ядом ягодой смертельной.
Мне кажется, я подобрал свой сад.
Мне кажется, что солнце здесь разбудит,
Конечно, не одно полезное, благое,
Но что расцвет моих растений будет

Во всяком случае красив, Манесса.
А красоту мы любим оба.

Семпроний.

Ты-то сам.
Святой Учитель, не боишься разве,
Что вырастет такое злое зелье,
Которое отравит и тебе дыханье?

Андромен.

Быть-может, вырастет в саду моем
Растенье об узорных листьях, чашей
Пахучею и томной и изящной
Раскроется и воздух вкруг напоит
Моею смертью, закружится сладко
Моя седая голова и спикну
На грудь земли, и песней, слышной небу,
Исторгнется из тела дух мой вечный.
Я знаю, что меня с земли не пустят
Святые судьи воспарить к огню
Что около земли еще останусь
Вне тела я за то, что слишком сильно
Люблю людей, животных и растенья,
Кристаллы и составы, воды, воздух,
Мерцанье звезд, восходы и закаты,
Луну печальную, и горько-сладкий
Напев земной трагедии, и плоти
Полудуховный трепет и быванье,
Расцвет и таянье в потоке
Скользящем времени. И знаю я, что дух
Еще сильнее будет разрываться
Между тоской по огненной отчизне
И памятью о жизненной тревоге,
О бытии узорном человека.

Манесса.

Все так. Все так, великий наш Учитель.
Душа моя у ног твоей души,
Сестренка младшая. Что страшно нам?

Наш взор проникнул сквозь завесу храма
И видел ласку божией улыбки.
Игра прекрасна и еще занятней,
Когда погружена в почти притворный ужас
И в муку внешнюю, которая не может
На самом деле ранить наше Я.

Семпроний.

Как вы уверены! А я-то, я-то!
Быть-может, вы готовите меня лукаво
На роль Иуды.—Отчего я черный?
Зачем вы душу мне любовью не омыли?
Любовь все черное сильна омыть.
Куда толкаете? Твоя улыбка,
Святой,—она ужасна: так ты смотришь
В зеленый пруд, где щука ест плотву.
А ты, Манесса? А? Ведь ты смеешься?
Да? Дружбой ты манишь меня, лукаво
Себя мне обещаешь и зовешь
В борьбу с учителем. Ты дуешь
В огонь моих честолюбивых снов.
Куда толкаете? Играете вы мною?

Андромен.

Эй, мальчик, дай мне арфу

Семпроний.

Он хочет петь?

Голоса за сценой.

Учитель хочет петь.

(Сцена наполняется учениками, старшими в белых и младшими в узорных одеждах. Мальчик приносит золотую арфу. Манесса садится рядом с Андроменом и слушает его, опершись подбородком на прекрасную руку и низко спустив свои черные локоны со лба.

Все залито солнцем. Облака тают в голубом небе. Птицы примолкли. Покачиваясь, слушают гроздья белых и лиловых цветов. Андромен поет:)

Твори себя! Благословляю.
Благодарю творящих сил игру.
Благословлю, поднявшись к Раю.
Когда умру.
Спокоен я. Я воспою молитву
В аду, где мечутся в глухом огне.
Коль проиграл я жизни битву
В бегущем сне.
Сумел я выловить в пучинах темных моря
Жемчужный талисман: его я не отдам,
Он научает видеть лик актера
Сквозь маску, тьму и фимиам.
Танцуй, танцор! Танцуй, хорей страданья,
Или торжественный Пеан.
Тебе всегда мои рукоплесканья.
Великий Пан!
Спиральный хор, спирали хороводов,
Танцуем все, и всюду красота.
Хвала тебе за красоту уродов,
За то, что блещет нищета.
Мне мил покров, наброшенный на очи,
Покров пленительного дня.
Но если смерть откроет бездны ночи
И даже сна.
И даже сна без всяких сновидений,
И даже пустоты, —
Сгорая навсегда, шепнет мой гений:
«Как дивен ты!»

(Умолкает. Все стоят в глубокой задумчивости. Семпроний молча ломает руки и быстро уходит.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

В глубине лестница о бесчисленных ступенях, начало которой теряется вверху. Оттуда льется тусклый свет. Все мглисто вокруг. В темных подвалах и дырах что-то копошится. Рек с безумными глазами, обросший шерстью, входит и пьет из лужи, черпая обезьяньей ладонью.

Рек.

Снова света полоса.
Беспокойно ноют, воют
Злых соседей голоса.
Сгинь, отствет! Пусть снова темной
Станет узкая нора.
Сна недвижностью огромной
Им забыться вновь пора.

Голоса.

— Колет мне закрытый глаз!
— Мой давно уже угас!
— Кто-то жжет седую спину!
— А... А... Кто будит, будит боль?
— Я — всех бездн больной король.

(Из других нор слышно мычанье, рев, неясное бормотанье. Семпроний осторожно спускается по лестнице.)

Семпроний *(сходит)*.

Зверье, молчи! Затихните Вы, гады!
Да. Здесь мне легче. Мысль идет спокойней.
Итак, где Рек, где глупый полузверь?

Рек.

Опять пришел.
Будешь мучить. У-у-у!
Я боюсь твоих глаз.

Я боюсь твоих рук.
Будешь снова смотреть,
Будешь двигать рукой,
Я опять задремлю,
А потом, как вернусь,
Буду камни кусать,
Буду голову бить
От страданья.
Не надо!

Семпроний.

Молчи, ничтожный. Сядь против меня,
Смотри в глаза мне... Что? Молчи тотчас же!
Отдайся взором взорам. Я коснусь
Лба плоского Юпитеровым пальцем.
И ты заснешь... Ты спишь? Ты спишь? Он спит.
Ну, дух глубин, вселяйся в это тело
И речь веди: я знаю, ты не любишь
Ни времени терять, ни тратить слов.
А... вновь глаза открылись: вижу, вижу —
Не мутен больше взор, а, как у львицы,
Огниста, ясна зелень важных глаз,
И черен немерцающий зрачок глубокий,
И взгляд уходит сквозь меня... Куда?
В себя? В неведомое? Я люблю
Глаза твои, мой Рек преображенный,
Люблю твои глаза и мог бы так
Сидеть перед тобой сто лет, топя
Мой взгляд в твоем спокойно мудром взоре.
Но к делу. Я решился. Так хотят
Планеты. Суждена мне власть. Я буду
Царем всем магам, красною кометой
Горит мой знак на черных небесах.
Все знают, что убить Учителя я должен.
Я сделаю. Скажи: теперь, когда
И воля говорит: согласна. — ныне
Препятствий нет? Неправда ли, я знаю,
Что буду страшно мучиться. Ну, что же?

Противиться? Они меня толкают, славой
Манят и красным ртом Манессы. Что же?
Венчаюсь блеском славы, и уста
Ей укушу жестоким поцелуем
Властительной любви. А после? После —
Страданье! Мне вспыхнуть суждено
Снопом багровых искр, и головешкой
Чадящею быть ввергнутым во тьму. Я вспыхну.
Но ты то дашь мне сил? Исполню ль я?

Рек *(после долгой паузы).*
Да...

(Вся пропасть наполняется дымом. Слышны чьи-то крики, потом шум странных голосов. Тишина. Чад клубится густой, черно-желтый.)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зал совета магов. Это — полуоткрытая веранда о стройных двойных колоннах, из которой в каждой паре одна красная, одна синяя. Авансцена занята садом цветущих растений, к которой с веранды ведет широкая лестница.

На мраморной скамье веранды уже сидят некоторые из старших учеников. В саду они прохаживаются группами вокруг высокой кафедры.

Амилий и Празий. Последний очень худ, голубоглаз, со странно высоким бледным лбом под золотистыми кудрями.

Амилий.

Как? Женщина? Но можно ль этим тоном
Так говорить о ней? Надеюсь, Празий,
Не враг ты слабой половины рода?
Так благостен ты сердцем, что животных
И тех голубишь, а тем паче — женщин
Любить сумел бы, если бы Учитель
Дозволил доступ им на тихий остров
Кольми же паче нежности достойна
Богоподобная Манесса.

Празий.

Но Учитель
До сей поры к нам женщин не пускал.
Амилий. Оттого ли так решил он,
Что меньше любит женщин, чем мужчин?
Могу любить я льва, могу любить
Коня, но вместе их держать не стану.
Пускай и женщины спасают душу,
Но вдалеке: спасти же душу вместе
Нам трудно. Пол — созданье демиурга.
Для вечности не нужен вовсе пол.
Рожденье там, где смерть: то и другое —
Изъяны плоти, но отвратна смерть,
А жар любовный нас прельщает, все же
Рожденье есть пленение души,
Зараза плоти. Ах, не даром, друг мой,
Так воспаленна страсть, не даром стражем
Стоит пред нею яростная ревность.
Позорнейший из демонов стяжанья.
Мудра Манесса. Но когда бы даже
Не колдовской красой она сияла,
Когда бы даже вокруг уст ее
Не реяла прельстительно усмешка,
И Афродитины огни не зажигались
В глазах коричневых (а это есть),
Когда б она подвижницей была, как Текла,
Сестра моя, — то и тогда бы к ней
Я относился, как к сосуду искушенья.

Амилий.

Не думал я, чтобы святейший брат
Из свех учеников был так доступен
Влияньям красоты во плоти.

Празий.

Брат.
Я мало им доступен, оттого,
Что я блюду себя. Я стойко строг

К веленьям сердца. Знаю, как легко
Оно свои ворота открывает.
На страже я: бессменно часовой
На башне взгляд кидает зоркий.
Но кто не бодрствует, того злой дух Манессы.
Быть-может, для нее невольный, впрочем,
Скорей при ней собакою любимой.
Всечасно состоящий, — сгубит.

Амилий.

Вон,
Семпроний, посмотри — он пурпурной и черной
Каймой велел обшить свой плащ.

Празий.

Опасен
Он, одержим, но прежде он боролся,
А ныне отдался он бесам.

Амилий.

Празий,
Как странно, ты ведь всех из нас добрее
И как ожесточен ты вместе.

Празий.

Любит
Добро лишь тот, кто ненавидит злое.
Прости, я вижу там моих друзей,
С которыми читаю Иоанна.
Сегодня ночью обещали мне
Они подумать над беседой Слова
С женой у кладезя. Они зовут.

(Празий отходит. Тотчас же к Амилию подходит горбатый Регий.)

Регий.

Амилий, добрый, только миг один
Участья. Миг лишь...

Амилий.

Что с тобой?
Ты плачешь?

Регий.

Плачу.

Амилий.

Отчего?

Регий.

Горбат я...

Амилий.

Но. Регий, Регий...

Регий.

Я горбат...
И я не слеп.

Амилий.

Ах, Регий...

Регий.

Я не слеп
И я несчастен. Слушай и потом
Убей. Зачем не строги мы, зачем,
Как там — на острове монахов темных
Мы не бичуемы, и гладом
Не морят нас? Хочу, чтоб бичевали
Меня и мучили, — мне стало б легче
Зачем Учитель мощным повеленьем
Нам сердце не закрыл для злых соблазнов?
По крайней мере — мне? Мы, маги, можем,
Когда хотим, жениться? Правда? Можем
Хоть тысячью красавиц окружить
Себя? Дозволено? Тем хуже. Лишь увидел
Я эту страшную красу — разверзлась

Душа моя и тело запылало.
Нельзя мне жить, я весь теперь желанье,
Желанье плотское, скотское, брат Амилий,
Желанье грязное, развратное, Амилий.
Сегодня ночью одр мой окружен был
Виденьями бесстыдными такими.
Что то̀, что оставалось еще гордым
И чистым в сердце — лишь стонало болью
И стон тот заглушен был волчьим воем
Моей прегнусной похоти... Амилий,
Не смею я приблизиться к Святому.
Святой... Вот, вот она идет. Манесса
Проклятая... Желанная... Уйду я...
Иначе демон мною овладеет,
И я бесстыдным буду перед всеми.
Бегу.

(Убегает.)

Амилий *(долго смотрит ему вслед).*

Бедняга...

(Андромен вдруг появляется рядом с ним из-за кустов.)

Андромен.

Он прекрасен.

Амилий.

Ты, Учитель?

Андромен.

Каким огнем горит... Что лучше, Мудрый,
Сказать Манессе, чтоб к груди своей
Прижала горбуна и лаской щедрой
Утешила голодную любовь?
Или, чтоб он снедаем жгучей страстью,
Излил потоки лавы в подвиг? Страсть
Подобная не может быть бесплодной —
Иль утолится или превратится

В деянье дивное. Но здесь Манесса...
Вопрос поставим мы перед советом магов *(всем)*
Мелтический напев нам пойте флейты,
Идите на места, собратья маги,
Под музыку задумайтесь, потом
Начнем беседу нашу углубленно
В присутствии божественной Манессы.

(Раздается сладкий, тягучий напев флейты. Маги рассаживаются по местам. Трибуна посреди цветов остается пустой. На нее восходит потом всякий говорящий. Святой садится в центре веранды на троне. Манесса подходит и хочет сесть у его ног.)

Андромен.

Манесса, сядь на трон: скорее мне
Прилично быть у ног твоих.

Манесса.

Красавец,
Дай мне твоей рабой быть этот час.

Андромен *(смеется)*.

Манесса, как мила твоя мне хитрость,
Бесхитростная хитрость, ты, ведь, знаешь
Ее прозрачность. Так милы мне также
Твои сребристые одежды и запястья
У рук и ног, и ожерелий тяжесть
На нежной груди, и покров плетеный
На буйных волосах богатых. Украшаешь
Себя бесхитростно, Манесса. Знаешь,
Что ты была бы во сто раз прекрасней,
Когда бы сбросила все украшенья
И наготой своей, белее Фрины,
Пред нами засияла. Но, Манесса,
Еще приятней мне, что если б тело,

Благоуханное, твое земное тело
Ты сбросила, Астральная Манесса,
Предстала бы, вся радужно играя
Пленительным узором звездоплоти.
И восхитила б мудрых среди мудрых.
А, между тем, сверхзримое то тело,
Ведь, тоже лишь одежда, и за нею
Скрывается твой дух, который ослепил бы
Нас не готовых, если засиял бы
Во мглу неокрыленных душ.

Манесса *(закрывая лицо руками).*

О, сладко,
О, слаще звуков флейты эта лесть.
Ты золотою паутиной слова
Меня опутал. Пей меня, паук,
Пей жизнь мою, Святой. Я обожаю
Твой гений.

Андромен *(смеется).*

Гений мой готов:
Как в гадкой куколке, уже трепещут крылья
Лазурно-вейно богомотылька.

Манесса.

Я обожаю гений твой.

Андромен.

Манесса.
Мы скоро обвенчаемся с тобой
Венцом всеясным Аполлона. Там,
Там, там, Манесса.

Амилий.

Никому не слышны
Слова их, только звук их речи
Сливается в гирлянду с пеньем флейты.

1-й ученик.

Заворковал святого белый голубь.

2-й ученик.

Смотри: раскрылся вдруг кустарник лилий...

3-й ученик.

Смотри: на небе, все еще дневном,
Алмазом засияла вдруг звезда.

4-й ученик.

Смотри: глаза Учителя, как звезды.

5-й ученик.

Как лилии, Манессы дивной руки.

Амилий.

Таинственен и свят их разговор.

Гермоний.

Сегодня флейта заласкала сердце,
Умолкли мудрые. Амилий добрый,
Рассердится ль Учитель, если я
Под флейту запою? Ты знаешь — любит
Он голос мой.

Амилий.

Пой смело, мой Гермоний.

Семпроний *(по другую сторону веранды).*

Как слезы мне сдержать? Мне горько, горько
Как? Петь еще готовится, Гермоний?
Они меня пытают красотою...

Гермоний *(поет).*

Я не мыслю,
Я не знаю,
Я пою тебе свирелью,

Как цветок я —
Прост, бездумен,
Как нарцис под темной елью.
Моя песня
Не пьяняща.
Как глоток воды студеной.
И спокойна,
Как те шумы,
Что шумят деревьев кроны.
Маг великий,
Ты проходишь
И послушаешь, быть-может,
Как гирлянду
Ясных звуков
Маг к ногам твоим положит.
Гиацинты
В лунном свете
И кораллы в безднах водных,
Запах смольный,
Земляника,
Смех незримых благородных,
Белый мрамор,
Синий сумрак,
Мед прозрачный и целебный,
Звуки слова.
Зов зарницы
И тяжелый колос хлебный.
Тайны просты,
Дали близки.
И сердца вполне открыты:
Ждет блаженство,
Кубок налит —
Только богу повели ты.

(Долгая пауза. Семпроний рыдает, потом кусает свои руки и умолкает.)

Андромен.

Начнем беседу.

Амплий.

Все сегодня маги
Настроены высоко. Что за тему
Нам дашь ты для беседы, Андромен?

Андромен.

Вот тема: Но, постойте, где же Регий?
Его я вижу там. Шиповник алый
Колючими ветвями закрывает
Его от нас. Но он нас слышит. Тема...
Когда зажжется наша страсть огнем
Всесильной Афродиты, что̀ нам лучше:
На трон любви властительной взойти
И счастье впречь победно в колесницу,
Или алкать, гореть, слезами, кровью
Залить огонь не в силах быть и, сердце
Схватив алмазными когтями воли,
Поднять глаза к зениту и творить,
Что в песню или в подвиг излилась
Тоска безмерная, безмерное желанье?
Вот тема. Широка она. Вопрос
Идет о счастье и златом довольстве
Иль о родящей жемчуга болезни.
Меж нами первый будет говорить,
Конечно, Празий. О, Манесса, друг мой,
Среди моих сокровищ нет ценнее,
Чем этот стройный и блаженный дух,
В его лице поистине прекрасна
Святая дисциплина: строгоока
И строгоуста, Снежная Паллада.

Празий.

Учителя призыв — закон. Я повинуюсь,
Иначе я не говорил бы. Сознаюсь:
В таких вопросах неуч я. В сады
Армиды я не вхож, но мненье
Свое скажу. — Счастливая любовь,
Да... есть любовь счастливая: но даже

Тень плоти всю ее грязнит и губит.
Любовь бесплотна. Счастье тоже.
Произносить едиными устами
В единый миг мистичные слова —
Любовь и счастье со словами скорби:
Страсть, похоть, плоть — жестокая ошибка.
Что может дать увенчанность страстей?
Миг утоленья скотского и блеклость
Того огня, хоть адского, но все же
Красивого, что страстию зовется.
На сем пути все скучно. Дьявол чарой
Позолотил унылость пустоты,
А кто прозрел сквозь покрывало чары,
Тот с омерзеньем отвращает взор.
А страсть не утоленная? — Болезнь!
Мне странно, что Святой как будто ждет
От плохо погребенной и свирепой
Болезни некого плода и превращенья
В начало высшее. Нет, из могилы
Встает все вновь она, как злой мертвец,
И душит все живое. Берегитесь
Играть с огнем. Пусть девственности ангел
Крылом прохладным веет вам на сердце.

(Пауза.)

Андромен.

Не говорил ли я тебе, Манесса,
Что нет сокровища здесь на Фаресе
Дороже Празия?

Манесса.

На острове соседнем
У черных мудрецов святого Дорофея
Все так же говорят.

Андромен *(улыбаясь.)*

И хорошо.
О, чудный вертоград себе вскопал

Мой милый брат, блаженный Дорофей.
Цветы там дивные... Но только белый
Цвет там желанен, лилии, жасмины,
И млечная сирень, и робкий ландыш
И многое другое. Чудный белый
Букет протягивает богу мудрый
Блаженный Авва — Дорофей. И бог
Букетом долго любовался. После
Глаза он оторвал, спросил с улыбкой
Архангелов: «А что ж другие краски?
Или с земли ушли лучи иные?»
Архангел Рафаил тогда улыбкой
Ответствовал и пальмовою ветвью
На мой смиренный указал цветник.
Манесса, вот тебе мой голубой,
Мой нежно-голубой цветок, Амилий.

Амилий.

Я верую в гармонию миров,
Я в космос верую безмерный и роскошный.
Кем должен быть по замыслу Творца —
Тем и хочу я быть. Вот рядом
Положен яркий блик, и, чтобы яркость увеличить,
Господь нуждается в глубокой тени.
Пусть жизнь моя такою тенью будет,
Пусть горе сердца служит красоте вселенной.
Господь задумал дивное созвучье,
Оно должно победно разрешить
Надрывный и фальшивый звук. Пусть плач мой
Послужит рамкой для слияний дивных,
Пусть стон мой служит красоте вселенной.
Господь задумал стройную статую
И хочет он ее поставить
На пьедестал из дикой грубой глыбы.
Судьба моя пусть будет хаотичной.
Пусть буду я скотоподобен и бесформен.
Чтобы подножьем быть для совершенства.
Бесформенность моя пусть служит красоте вселенной.

Угодно господу меня перстом коснуться
И пламя разбудить в моей душе, —
Да будет. Если хочет, чтоб трубою
Победы и триумфа зазвучал я,
И даст во власть мне женщину желанья —
Да будет. Если хочет, чтобы флейтой
Рыдающей душа моя запела,
Тоскливой флейтой у дверей замкнутых
Навеки недоступной милой сердцу, —
Да будет.

(Пауза.)

Андромен.

Я ль не сказал тебе, Манесса, что как небо,
Как небо голубое, так лазорев
Амилий мой? Пускай теперь багровый,
Как кровь, цветок твоим предстанет взорам,
Пьянящий острым запахом гвоздики, —
Семпроний, ждем услышать терпкий голос
Твой колючей мудрости.

Семпроний.

Скажу
И возражу Амилию. Ужели богу
Угодны столь презренные рабы?

(Движение среди магов.)

Презренные! Амилий — краска. Ком
Материи. Амилий — звук, дрожанье
Воздушное. Он — камень всепокорный
Для попирания ногами. Если б я
Был богом, — я бы создал вкруг меня
Миллионы демонов, мне непокорных,
Чтоб радоваться их свободе буйной
И в бой вступать мне с ними и царить,
Их побеждая. Сладко побеждать.
Скучна глава покорная, но если
Передо мной красавец гордый, грозно
Подняв чело, надменно бросит вызов,

И я, за кудри пышные схватив,
Гну шею белую, коленом наступаю
На плечи сильные, сопротивленье
К земле сгибаю, заставляю лбом
Коснуться праха, ставлю ногу прямо
На сердце, бьющееся гневом и проклятьем,
И в пламенную ненависть очей
Гляжу смеющимися божьими глазами.
Тогда живу я! Если б я был бог...
Но бог таков, таков, я говорю вам,
Вы, каплуны премудрые! Таков!
Но я не бог. Так пусть же он ломает
Орлиных крыл моих мятежный взмах.
Мятежен я. И медною ногою
По ступеням вершин поставив Оссу,
На Пелеон хочу всходить я
По лестнице пьянящей власти выше.
Пока Яхве — Диаус меня сразит.
Любовь? — Любовь есть власть. Пока она
Не утолена — шпора для коня
Могучей воли; коль утолена —
Она сама наш белый конь красавец.
Покорный удилам, живой наш трон,
Довольно говорить. Ликует
В груди моей несметных сил прибой.
Хочу меча, громовой колесницы,
Хочу боев, хочу побед,
Хочу я ран, сметать царей в гробницы
И оставлять пожаров черный след,
Хочу венца, хочу я багряницы,
Пределом я хочу сменять предел
И ласк мне одному покорной львицы,
Законов только тех, что я велел.
Меча, меча хочу! Хватают руки
Оружие! Я убивать хочу!
Напьюсь из чаши повеленной муки —
Лобзайте меч и кланяйтесь мечу!

(Падает обессиленный на скамью.)

Андромен.

Спокойствие, святые мудрецы.
К чему волненье? Семпроний добрый
Немного нездоров, — избыток сил.
Смотрите—он ослаб, он болен.
Дай, Тевкр, воды воителю в мечтах.

(Мальчик подает Семпронию кубок воды. Тот пьет.)

Андромен.

Продолжим мы беседу. Регий! Регий!
Не прячься за шиповником от нас.
Скажи нам ты свое младое мненье.
В тебе живет то нежное движенье.
Которое рождается весной.
Ты сам горишь, печальный Регий мой.
Не мудрствовать ты будешь, а черпнешь
Из родника, откуда яд свой сладкий пьешь.

Регий *(пошатываясь, выходит из-за кустарника, останавливается, заламывает руки над головой и с рыданием кричит)* Мане!!. *(убегает.)*

(Пауза.)

Андромен.

Вы мудрого сказали много, но велик
Был и в этот вечер только этот крик.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Келья Андромена. Все тонет во мраке. Слабо освещен только аналой на авансцене с большим раскрытым манускриптом. Тихо. Дрожит звук, словно высокая нота скрипки.

Голос.

Сегодня?

Другой голос.

Сегодня.

Голос.

Да будет воля господня.

(Пауза.)

Голос.

Нам жаль отпускать его.

Другой голос.

Нам сладко встречать его.

Голос.

Любите... Его мы любили.

Другой голос.

Путь к Розе ему мы открыли.

Голос.

Уж он у подножья Моста.

Другой голос.

Пусть вступит под знаком Креста.

Голос.

Нам жаль было лить в его чашу страданье.

Другой голос.

Даст мантия пурпур — миг умиранья.

(Раздается тихий, но терпкий звук, напоминающий рожок. Пламя потухает и снова вспыхивает. Вдруг появляется Семпроний. Он в черном, видна только его мертвенно-бледная голова и волосы, словно змеи Медузы.)

Семпроний.

Я все могу! Астрал мне подчинен!
Вот пурпурные ромбы злой щетиной
Крючкообразной тихо помавают.

Вот сферы желтые, лимонные, без блеска.
Бесстыдные, ха, грозди желтых сфер...
Вот стебли гибкие о черных волосах,
Змеящиеся тихо, словно смех
Зловещий. Ты, звероподобный
Громадный очерк с конусом-спиной
И чешуей, как гребешок гигантский
Кровоналитый петуха! Где голова
Твоя? Глаза? Вы на предметы
Знакомые похожие по форме.
Что это? Ящик? Как смешно катится...
С угла на угол. Это что? Горшок?
Как жадно жерло он разверз. Ты острый,
Мой взгляд ты режешь, ты пространство колешь
Твоим острейшим острием. А ты,
На человека, смутно сходный демон?
А! У тебя-то есть глаза... из кости,
Из кости, белые глаза слепые.
Нет, ты не слеп, ты видишь зорко.
Какие вы смешные... Страшные...
Дрожите! Здесь я, маг Семпроний,
Перед моей лиловой пентаграммой,
Построенной из трупа доброй воли. —
Дрожите! Чу, шаги, — Манесса.

(Садится на какую-то полузримую скамью по другую сторону огня, Манесса вся одета волнами волос, быть-может, обнаженная. Кроме очерка лица и длинных глаз, эбена волос, видно только одно белое плечо и медленно - змеящаяся, полупрозрачная рука, которая кажется голубой.)

Манесса.

Ты сделаешь, Семпроний?

Семпроний.

Да, Скажи —
Ты только ли ловушку мне готовишь,

Одну лишь гибель? Иль дашь мне плату
За мой удар? Хочу я платы раньше,
Хочу я власти, трепета и страха
Передо мною — богом, и хочу я
Тебя рабою.

Манесса.

Будет.

Семпроний.

Я сильней
Учителя. Он мой! Я просто взглядом
Убью его, в нем кровь остановлю
Моим всесильным взглядом. Я сожгу
Тончайших тканей мозга мягкий лад
Моим молнийным взглядом.

Манесса.

Так и будет.

Семпроний.

Ты чтишь меня?

(Манесса кивает головой и смотрит на него, не сводя глаз.)

Семпроний.

Дай мне залог великий.
Склонись передо мной главой кудрявой.
Манессы голову хочу я видеть
Склоненною передо мной. Склонись!

(Встает. Повелительно протягивает руку. Манесса низко склоняется и волосы ее черным дождем падают перед ее лицом. Так проходит минута.)

Манесса *(выпрямляясь).*

Звучит молчание. Эфир упругий
Напрягся. Как невыносимо ждет
Эфир.

Семпроний.

Сюда идет учитель. Скроюсь.

Манесса

Близко?

Семпроний.

Да, да. Как голубь, бьется сердце.

Манесса.

Робеешь?

Семпроний.

Сделаю.

Манесса.

Иначе — шут
Семпроний, а не маг...

Семпроний.

Семпроний — бог!

(Семпроний исчезает. Почти тотчас же появляется Андромен. Свет усиливается. Манесса в полутьме. Андромен виден отчетливо. Играют золотом его узорные одежды, прекрасна его серебряная голова.)

Андромен.

Дошел... вот бездна. Жду, чтоб мост открылся.
Иль должен я лететь? Слегка кружится
Привычная к земному голова.

Манесса.

Рожденья час пришел, и в жутком страхе
Готова руки я поднять к глазам,
Чтоб не ослепнуть при рожденьи света.

Андромен.

Скажи: зачем такой челнок мне прислан
Для переправы?

Манесса.

Ты был слишком счастлив.
Ты слишком был любим, страданья кубок
И кубок ненависти выпей в краткий миг.

Андромен.

Вот Саламандры напевают песню.

Манесса.

Она звучит словами нашей речи

Андромен.

Послушаем.

ПЕСНЬ САЛАМАНДР.

Кто зажег,
Кто зажег,
Черный, красный, белый Бог?
Вей, огонь,
Вей, огонь,
Черный, красный, белый конь.
Грив и крыл,
Грив и крыл,
Скачку в вечность кто открыл?
Распален,
Раскален,
Чей-то в вихрях стойкий трон.
Не дано,
Не дано
Глянуть глубже нам на дно,
И нельзя
И нельзя
Вверх поднять свои глаза,

Лишь пожар
Лишь пожар,
Нашей жизни жуткий шар.
Есть границы?
Нет границ.
Для червонных огневиц?
Ты уйдешь,
Упорхнешь...
Правда там, иль тоже ложь?
Сын, прощай,
Брат, прощай,
Может-быть, там божий рай?
Божий рай,
Божий рай,
Тело до конца сгорай
И из пепла и горений
Мчись в неведомое, гений.

Андромен.

А ты, Манесса?

Манесса.

Я останусь с ним.

Андромен.

Он стал могуч?

Манесса.

В нем слишком много глины.

Андромен.

Его ты даже не желаешь телом?

Манесса *(отрицательно качает головой.)*

Андромен.

Зачем тогда вступаешь с ним ты в брак?

Манесса.

Так надо. Любопытно. Суждено так.
Творит нас всех поэт и нам повелевает.
Однако, не рабы мы, но чрез нас
Он сам, искатель приключений, жаждет
Все испытать.

Андромен.

Порой я прямо знаю,
Что мы лишь лица некой странной драмы,
Которую создал фантаст.

(Смотрит на огонь.)

Манесса.

Капризный автор,
О будь благословлен. Жить хорошо,
Жить ярко.

Андромен.

Смерть прекрасна.
Отплытие переполняет сердце
Тревожным и веселым любопытством.

(Пауза.)

Но я вернусь сюда.

Манесса.

О, нет,
Там ты увидишь столько дорогого,
Что позабудешь этот угол мира,
Сотканный из огня и чада.

Андромен.

Чую,
Что я вернусь. Люблю. Ждать не согласен.
Вернусь к тебе, Манесса.

Манесса *(печальным голосом).*

Позабудешь
И вспомнишь только в миг, когда и я

У двери золотой, рукою робкой
Тихонько постучусь, в обрывках жалкой
Астральной плоти, бедная, смиренно.
А ты за пиршеством на троне,
Царями окруженный, зорко взглянешь,
И встанешь вдруг, и руку мне протянешь.
«Сестра — душа, жена — душа» — ты скажешь,
«Иди на лоно нежности моей».

(Пауза. Оба смотрят в огонь.)

Андромен.

Нет, я вернусь, к тебе, еще телесной.

Семпроний *(выступая из тьмы).*

Чтоб вновь тебя убил я? Ненавижу!

Андромен.

Семпроний? — Любопытно. Как лицо
Твое ужасно и прекрасно, низкой,
Бездонно низкой, черной красотой.
Какая сила так преобразила
Тебя?

Семпроний.

Какая? Я скажу. Ужасно слово!
Ужасней слова нет на языке людском.

Андромен.

И это слово?

Семпроний.

Зависть.

(Стон раздастся со всех сторон. Манесса закрывает руками лицо.)

Андромен.

О, зелено-желтый.
Ехидный зверь. Быть может, ты залог
Неслыханного равенства. Люблю я
Твой едкий яд, о, зависть, демократка.

Семпроний.

А! ты — велик, ты — добр. Святой.
А! Я сильней тебя. Ты видишь:
Мутнеет взор твой и глаза отвесть
Не можешь ты от глаз моих. Вот ужас
В глазах твоих, вот боль, вот боль!
Пади!

(Андромен падает. Огонь погасает. Какие-то голоса, одни стонущие, другие—радостные. Смятенье. Огоньки мелькают. Суета рождает звук, похожий на тремолирующий альт органа, и занавес опускается.)

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

На острове Трезосе. В монастыре Святых Терний. На паперти сумрачной Базилики сидят Авва Дорофей, Иеродул и молодой монах Теогност.

Дорофей.

Глубокой старости достиг я, уж тускнеет
Мой ум, порою стынет также сердце.
На голове моей давно уж снег лежит,
И снегом грудь моя покрыта густо.
Зима, зима. Казалося бы летом
Мы ближе к солнцу. Как горело сердце,
Искала бога мысль... Зелотом был я, братья.
Теперь спокойствие, предвестник тихой смерти,
Меня холодным сделало, окутав ум туманом.
Иду тихохонько, иду-бреду к могилке,
Уверенный в проторенной тропе.
Ко двери гробовой влачу руину тела
И в двери постучу доверчивой рукой.
Когда же двери мне отверзет друг-привратник,
Порог переступив — ребенком стану вдруг.
Весна вернется, но весна иная.
И детским взором узрю божий лик.

Иеродул.

Годами старше я тебя, блаженный Авва,
Но вот шестнадцать лет, как я твоей феруле
Учительской сыновне повинуюсь.
Дозволь, однако, в сей вечерний час
Ученику не скрыть своих сомнений.
Послушай, преподобный отче Дорофей,
То хорошо ль, что столь в пути уверен
И столь уверен ты в венце небесном?
Уж не гордыня ль то? — Пока лобзанья
Ты Серафимова за смертью не приял —
Не можешь ты сказать, что приобрел богатство
Нетленное и прочное себе.
Как тленное богатство может взято
Какой бедою быть иль хитрым вором,
Так отымается у путника седого
Неберегомая им ноша доброй славы.
Дорогу окружают злые бесы,
У самой двери гробовой таятся,
И должно нам всечасно опасаться,
Смиренно сокрушаться и пугливо
Глядеть по сторонам и все креститься,
Пока не примет нас в обитель страж.

Теогност.

На море лег румянец золотистый,
Лишь краем солнце блещет над водою.
Горит оно короною лучистой
И улыбается улыбкою святою.
Тихонько зыблется морской покров узорный;
Тихонько плещется о скалы край жемчужный.
А на востоке в ризе звездно-черной
Таится ночь за линией окружной.
Молчанье звуками молитвы полно.
Сейчас ударит колокол к вечерне,
И кажется, что кланяются волны
Пред господом, монахов правоверней

(Раздастся вечерний колокол.)

Как разносится тоненький звук,
Улетает.
А другой, устремившись, как друг,
Догоняет.
Первый там, над простором паря,
Тает.
Колокол, злато даря,
Звоны все снова рождает.
Этот звон дивный сон
Навевает...
Дивный сон
Так ласкает...
Зрим мне трон,
Блеск корон...
И душа припадает.
Это он.
Умилен.
Дар молитвы принимает.

(Пауза.)

Дорофей.

Где ж мой костыль? Дай руку, Теогност.
Пойдем. А, впрочем, дай ка помолюсь я
Здесь перед небом парчевым вечерним.

(Становится на молитву. Монахи, вереницей проходившие в храм, останавливаются.)

Дорофей.

Пролей, сладчайший Иисусе, сыне божий,
Мир во смиренные сосуды наших тел.
Изжени волненья страсти и гордыни,
Дух омой, как некий облак бел
Дай молитвам, как бы фимиамам,
Белым облачком подняться ко стопам
Сына Божьего...
Дай воистину земле твоим быть храмом

И к тебе вести нас всем тропам,
Отче господи!

(Колокол бьет.)

(Празий сходит на берег и падает к ногам Дорофея.)

Дорофей.

Кто ты, мой сыне?

Празий.

Празий, маг с Фареса.

(Среди монахов движенье.)

Дорофей.

Как можно? Ученик владыки Андромена,
Премудрого и странного, с дороги
Христовой благодати в глушь лесную
Свернувшего? Но ведь, от вас сюда
Пути заказаны, друг другу мы не гости.

Празий.

Когда сияла над Фаресом дивно
Звезда лучистая сверхмага Андромена,
Я и тогда там тосковал душою,
Смущенным сердцем чувствовал, что сбился
С пути прямого. А теперь, отец мой,
О господи, теперь узрели очи
Куда вели злаченые ступени,
Покрытые богатыми коврами.
Казалось, подымаемся все выше,
Но на скалу Тарпейскую поднялись,
И порождающий безумный ужас
Зев пропасти открылся под ногами!
Смотри в глаза мне, Авва. Видишь там
Застывший ужас? — Только ты, быть-может,
Способен исцелить отравленную душу

Дорофей.

Что там у вас случилось?

Празий.

Слушай, отче...
В рощах лимонных, средь роз и маслин,
Высился, красками пышно играя,
Златовенчанный дворец исполин,
Словно земное подобие рая.
В залах высоких, в красе галлерей
Тихо беседы вели свои маги
Среди покорных и добрых зверей,
Статуй, картин, песнопений и саги.
Как разноцветных планет хоровод
Ходит вкруг солнца, купаясь в сияньи,
Так этот мудрый и вещий народ
Полон к Учителю был обожанья.
Нежный учитель порой говорил:
«Каждый собою пусть будет, о братья,
Каждый пусть даст апогей своих сил,
Все вы мне милы, сыны, без из'ятья».
Магии черной открыл он нам путь,
Жезл окаянный злой власти казал нам,
«Каждый собою решительно будь» —
В жуткий тот час он тихонько сказал нам;
И соблазнился волхванием брат,
Он овладел сатанинскою силой, —
Значит, он ею лукаво был взят,
Раб-властелин саранчи темнокрылой.
Слушайте, святые:
Он его убил,
Нити золотые
Сталью разрубил?
Черным саваном покрылось небо над садами,
Все поблекли ароматные цветы,
Вдвое старше стали люди все годами,
Страхом очи полны, скорбью — рты.
Плачем музыка сменилась, мудрость пала,
И рабами стали сами мудрецы.
Всех ужалило багровой смерти жало, —

Ходят в галлереях мертвецы.
И с бичом на место скипетра на троне
О проклятых знаках адских сил
В вечной, дикой злобе глухо стонет
Тот, кто светлого убил.
Со скалы гордыни, маги, маги,
Вы низверглись в бездны низких мук, —
Вот венец продерзностной отваги,
Вот вам плод таинственных наук!
Авва, Авва! дай тебя коснуться,
Дай мне прошлое чудесно позабыть,
Дай от сна мне страшного проснуться
И опять покорным богу быть...
Бог — Один! Бог светлый, тихий, вечный...
Отрекаюсь от ума, страстей,
Прочь, что гордо и сверхчеловечно,
Прочь игра соблазнов и чертей!
Оторваться в преданном моленьи,
Победить себя святым постом
И преставиться в самозабвеньи
Перед якорем надежд — крестом...

(Припадает к Дорофею.)

Дорофей.

Как издали, как с берега иного,
Я горькой повести внимаю. Странно
Так слышать мне больную сказку эту.
Уже блаженно мертв я бренным сердцем.
Еще осталась капелька елея
Простой отцовской доброты. Покайся
Здесь, брат мой бедный, и поплачь немного
И помолись, пока мы будем петь
Во храме. И коль вдруг почуешь сердцем,
Что сладко стало и спокойно, мирно, —
Войди в наш храм, как в дом твоей семьи.

(Монахи медленно попарно уходят в церковь. Остался только один

молодой монах Теогност. Оперпись на решетку, он тоскливо смотрит в морскую гладь.)

Теогност.

Здесь на юге так быстро темнеет,
Уж царит голубая луна,
Чем-то пряным пленительно веет,
Чем-то томным звучит тишина.
Боже, боже, зачем одеваешь
Столь прекрасные ризы на мир?
Или сам ты, владыка, желаешь,
Чтоб создали мы — люди кумир?
Жизнь есть ад, отчего же так пышен
Многоцветен, заманчив тот ад?
Отчего в нем так явственно слышен
Гармонический радостный лад?
Чу! Доносится пенье псалма...
Убегаю, златая тюрьма!
Там, под темною крышей.
Дух возносится выше,
Свечи звезд твоих чище
В храме — бога жилище!
Мир, очами зримый, он не божий град,
Мир — же видимый не божий дом!
Мир, очами видимый,—узорный ад,
Мир тот видимый — повапленный Содом!

(Теогност уходит в церковь.)

Празий.

Прав, прав монах...
Мир, очами зримый, он не божий град,
Мир, очами видимый — узорный ад,
Мир космический — не божий дом, —
Это лживо изукрашенный содом!
Плачь, Празий! Как ты мог увлечься богом
Неясным этого царя безумий,
Несчастного сверхмага Андромена?
Ты обещал мне, Дорофей блаженный,

Что сладкий мир коснется скоро сердца...
Христос, Христос, пошли мне мир скорее!..
Смотри, Христос, я горько сокрушаюсь.
Смотри, я плачу жгучими слезами,
Ведь я всегда был твой, и там средь магов
Сам Андромен меня причислил к белым,
И все они меня считали чуждым
И иногда не без насмешки доброй
Меня сюда — на Трезос посылали.
О, монастырь, святых, чудесных терний,
На твой венец в рубинах тяжкой крови
Меняю я венец хрустальный мага.
В придачу я даю все, все земное,
Молю я об обмене и рыдаю.

(Луна светит все ярче. Вдруг рядом с Празием является белая фигура, неясный крылатый силуэт.)

Ангел.

Празий...

Празий.

Кто меня зовет?

Ангел.

Празий, Празий...
Сейчас сам бог к тебе нисходит в славе.
Ты бога узришь, сын земли.
Ты должен все сомнения оставить.
Смотри: уж спутники огни свои зажгли.

Празий.

Огни? — Навожденье демонов...

Ангел.

Стой! Смотри: ты прикован к виденью.

Празий.

Вижу я козлоногих, рогатых...
Очи копачьи, полные страсти...

Торсов бешеный пляс волосатых...
Смехом вскрытые красные пасти...
Это — бесы!

Ангел.

Неизвестно.
Ты смотри.

Празий.

Хуже... Трепетно играют блики
Колдовски немой луны...
В буре кудрей видны лики.
Груди, плечи мне видны,
Ног серебряных движенья..
Сладострастных ртов оскал...
Глаз бесстыдных предложенья
И протянутый бокал...
Сколько гроздий винограда!
И лозою перевит
Хор исчадий знойных ада
Пляшет, пляшет и манит!
Это — ведьмы!

Ангел.

То неведомо.
Жди — узнаешь.

Празий.

Мягкой поступью два тигра
По ковру луны идут,
А кругом начались игры,
Там лобзанья... ласки тут.
Вот за парой тигров пара —
Это шествие зверей?
Свет зеленого пожара,
Отблеск лунных янтарей...
Колесница из опала
И одетый в облака

Некто близится, об'яла
Дымка лик его легка.
Страшно мне его увидеть,
Не хочу я зреть лица!
Ненавидеть, ненавидеть!
Господи, спаси сердца
От лукавого!

Ангел.

Он со славою
Лик откроет тебе!

Празий.

Прикован,
Ужален,
И зачарован,
И опечален.
Упал я на колени,
Неведомый мне Гений.
Океаны тесны, бедны,
Солнца мира тусклы, бледны.
Все волненья — жалкий трепет,
Песнопенья, смутный лепет:
В душу пало два алмаза,
Запылало от экстаза!
Лицо твое! Дай наглядеться на лик мне твой,
На кудри твои, где мой ум заблудился!
Улыбка твоя... Ею мир озарился!
Лицо твое, — дай наглядеться на лик мне твой.
Нет, ты не уйдешь, ты откроешь уста твои,
Ты скажешь какое-то дивное слово,
И буду я слушать все снова и снова.
Нет, ты не уйдешь, — ты откроешь уста твои!
Ты бог, верю, верю, воистину — бог мой ты —
Тебе воспою дифирамбы, ликуя.
Владей, Дионис, эвоэ! аллилуя!
Ты — бог, верю, верю, воистину бог мой ты!

Дионис.

Танцую я! Мой танец-мирозданья:
Во всех страдаю, мыслю и люблю
Я косность, я и жизни трепетанье,
Я сам себя ищу, себя в мечтах ловлю!
И иногда на отдых я прилягу,
И все вы тонете в покое, и дано
Признать тогда камням, червям и магу,
Что в мире все одно, что в мире все одно!

(Исчезает видение.)
(Празий лежит неподвижный. Из храма выходит монах.)

Монах.

Что же ты, брат?
Где тут бывший маг?
Лежит. Ослаб, уснул?

(Припадает к нему.)

Он умер... умер.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

Ненастное утро на острове Фаресе. Дождь, ветер. Кусты торчат неуклюже. На правом плане искалеченная мокрая статуя. В широком темно-желтом плаще входит Семпроний, капюшон на голове.

Семпроний.

Так, так. Вот это хорошо. Блистала?
Хотел бы, чтоб повсюду вся природа
Промокла и дрожала. Мир стащить
Хочу в болото. Ибо я в болоте.
Да, я в болоте ржавом и тлетворном.
Пал. пал. Того я сам хотел. Когда-то
Завидовал я Андромену. Нынче,
Когда все здесь, как будто слуги мне,
Завидую не только старшим магам,
Но всем. кто носит человечий облик.

Завидую и птицам, ланям, пчелам,
Завидую цветам и элементам.
Все насмехаются. Я пал всех ниже.
Я ниже всех, и мощь моя — мученье.
Я отдыхаю только, если что-то
Передо мною ниспадает. Братьев
Я нахожу лишь в самых низких духах
Астральных. Любо мне вести беседы
С косматым Реком.

(Свистит в свисток.)

Эй, сюда, собака.
Сюда, вонючий получеловек.

(Подбегает Рек, мокрый и похожий на гориллу. На шее его ошейник с бубенцами.)

Не бойся, бить тебя не буду. Бью я
Лишь тех, что выше. А тебя ласкать
Хочу.

(Треплет его.)

Вот так, вот так. Лижи мне руки.
Так, так. Ты помнишь что-нибудь,
Угрюмый скот, о прошлом? Помнишь, Рек?

Рек.

Я помню...

Семпроний.

Что?

Рек.

Как я был молод, помню...

Семпроний.

И что же?

Рек.

Я тогда еще сильнее,
Чем ныне, голодал.

Семироний.

Ха-ха-ха-ха.
А раньше?

Рек.

Раньше был ребенком.

Семироний.

И что же?

Рек.

Били много...

Семироний.

Ха-ха-ха.
А раньше?

Рек.

Раньше — ничего.

Семироний.

Смотри
В мои глаза. Припомни, что же было раньше?
Ну? Я велю тебе припомнить.

Рек.

Мне больно.

Семироний.

К боли ты привык... Припомни.

Рек.

О, больно мне! Ох трудно.

Семироний.

Был ли ты
Когда-то, где-то, кем-то?

Рек.

Был.

Семпроний.

Рассказывай.

Рек *(выпрямляется. Лицо его неожиданно изменяется и проясняется).*

Какой я легкий, какой я ясный...
И рядом брат мой, такой прекрасный...
Мы оба юны... обнявшись ходим...
Среди улыбок весны природы.
Какое счастье. Какое счастье.
Кто предо мною... О облик нежный.
Да, полюбил я... Рок неизбежный.
Я помню сумрак... Предчувствий тени.
Но сладки цепи таких мучений.
Какое счастье. Какое счастье.
Рок неизбежен. Она прекрасна.
А нас... нас двое... Любовь опасна.
Он смотрит тоже... Она смеется.
Куда при звездах мой брат крадется?
Какое горе, какое горе!
Вы целовались. Вы улыбались.
Зачем скрывались? и притворялись?
Тот час, ужасен, когда я слышал:
«Ты много лучше, ты много выше».
Какое горе, какое горе!
Что колет сердце, что жжет мне мысли?
Чьи крылья желто над лбом нависли?
Ворона-Зависть виски мне давит
И бьется в жилах, шипит, картавит.
Какая низость, какая низость!
Я поднял руку, ударил яро,
Себя с ним вместе сразил ударом
Пресек нить жизни, но он взлетает...
А я...
А... Это я? Это я?
Это я здесь?
Это я — Рек.
Я. Я.

Где я? Кто я?
Забыл... Забыл...
Стой, не угасай,
Зеленый огонек!
Не гасни, надежда.
При свете неясном
Зеленой искры
Я вижу ступени
Наверх... О, не гасни!

Семпроний.

Проклятие, надеешься! Где бич?

(Рек с воем убегает.)

У обезьяны прошлое прекрасней,
Чем у Семпрония. У обезьяны
Надежда.
У меня надежды нету.
Манесса! Ты должна мне заплатить
По счету мук моих.

(Уходит.)

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

Стеклянная мастерская Манессы. По сторонам большие панно, напоминающие полотна супрематистов. Плоскости странно гармоничных, ярких цветов, полосы, линии в причудливых, но согласованных соотношениях. Манесса, в широкой блузе с обнаженными руками и подвязанными алой лентой волосами, пишет. Семпроний входит в своем мокром желтом плаще. Сбрасывает его на скамью, смотрит на работу Манессы, пожимает плечами и медленно, понурив голову, уходит.

Манесса.

Семпроний, дай мне солнца. Дай немного.

Семпроний.

Ни проблеска. Пусть барабанит дождь.
Ты слышишь, тра-та-та. Так будет вечно
Да, до скончания веков: тра-тата-та!

Манесса.

Как хочешь.

Семироний.

Поскучай.

(Хохочет и уходит.)
(Манесса работает молча. Входит Регий. Останавливается бесшумно у дверей. Смотрит исподлобья.)

Манесса *(оглядываясь).*

Ты, Регий? Глупостей не будешь делать?
Тогда останься.

Регий.

Я, как пень, спокоен.
Я сяду здесь и буду говорить
О живописи.

Манесса.

Вот отлично. Что же
Ты скажешь о моих картинах?

Регий.

Геспер
Рисует схожие портреты, Персий — бога.
Лентул рисует странные цветы,
Коммодий нарушает все размеры
И перестраивает вещи по закону
Какой-то логики мне чуждой. Ты же
Совсем мне непонятна. Или ты
Лишь плохо подражаешь тем, кто сделал
Ковры персидские?

Манесса.

Есть тайный смысл
В моих картинах. Музыку люблю я.
Но кажется всегда мне, что для глаза

Поют прекраснее тонов звучащих
Молчащие тона.

Регий.

Коль я не слишком
Глуп для тебя, Манесса, — помоги мне.

Манесса.

Смотри: вот густо-розовый квадрат.
Насыщен он и говорит так юно
О счастьи утреннем... но вдруг перебивает
Его другой, малиновый глагол,
Как альт, не правда ли. Густее, тверже,
И между ними взор переведя,
Ты замечаешь некое биенье,
Игру лучей, содружество, любовь.
И вдруг мне хочется густой струею синей
Здесь положить серьезную красу.
Там юные, а здесь какая мудрость.
Святая Анна — этот синий тон.
А эти линии? Они, как тихим эхом,
Перекликаются. Смотри, как будто чужды,
На самом деле связаны они...
Порядка нет. И новые кладу я
Фигуры радостных цветов и множу
Я взметы линий, то сливаю вместе,
То раздробляю их, как мне душа подскажет.
Сама не знаю, что творю, но верно
Рука послушная заносит в полотно
Растущие виденья светодуха.

Регий *(опускается на колени)*.

Стараюсь слушать... Слушать не могу я.
Права, права ты, сладкая колдунья,
Немая музыка сильней звучащей.
И как ни сладка речь твоя, все ж громче
Звучит мне дивное твое лицо,

Манесса.

Довольно, Регий. Демон твой проснулся.
Уйди.

Регий.

Тебе я гадок. Но неужто
Ты никогда мне не позволишь
Коснуться края платья? Помнишь гимн тот?
Они искатели, а ты — сияние.
Их цель одежд красы краев касание,
Хотя б краев.
Хотя б краев, Манесса, — сильным током
Твой благостный огонь по жилам побежит:
Так исцеляло тяжкие болезни
Касание краев одежды Иисуса.

Манесса.

Мне часто жаль тебя. Не шевелись.
Закрой глаза. Я лоб твой поцелую.

(Целует его в лоб.)

Семпроний *(входя).*

Вот это славно. Этого не ждал я.
Какой подарок! Мне царица магов
Изволит изменять с горбатым карлом.
За долгие недели первый раз
Обрадовалось сердце и готовит
Спокойно месть. Я руки потираю.
Я потираю руки.

Манесса.

Я надеюсь,
Что ты не спустишься до роли палача?

Семпроний.

Клянусь тебе, красавица Манесса,
Я пальцем не дотронусь до него,
И боли мы ему не причиним телесной.
Эй, негры.

(Входят два негра.)

Привяжите горбуна мне
Вон там, к колоннам.

Манесса.

Что ты хочешь делать?

Семироний.

Хочу тебя ласкать.

(Негры привязывают Регия к колоннам.)

Семироний.

Закрыть глаза он может.
Пускай. Но привяжите руки так,
Чтоб он не мог закрыть ушей руками.
Вот так, идите.

(Негры уходят.)

Дивная Манесса.
Как кстати пурпуром одета здесь скамья
Удобная. Давно не целовал я
Твои медвяные уста, давно
Кудрей твоих волною не играл,
Ладоням жадным пира не давал касанья
Твоей атласной наготы. Приди.

Манесса.

Поберегись, Семироний. Или в сердце
Ты Регию не можешь заглянуть?
Ты пыткою растишь там великана,
Который уж и так растет, как пламя.
Поберегись, Семироний!

Семироний.

Пусть-ка он
Завидует мне так, чтоб даже зависть
Моя немножко побледнела. Регий!
Завидуй. Что ж ты медлишь, дорогая
Манесса? Ты, ведь, знаешь, что должна
Повиноваться мне.

Манесса.

Пока ты победитель.

(Касается пряжки блузы, одежда падает к ногам и оставляет ее гармоничное тело одетым лишь туникой. Движение головы заставляет упасть тяжелую черную массу волос. Он протягивает к ней руки с колючей и сладострастной улыбкой. Она идет к нему. Регий страшно стонет.

Семпроний смеется. На губах Манессы странная улыбка, та, что у Леонардовой Джиоконды.)

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

В иных пространствах. В безбрежности две скалы, увенчанные тронами: трон ярко-розовый с малиновым подножьем, другой — голубой с ультрамариновым. На розовом—белый ангел Гудулах. На голубом — стальной ангел Габурах.

Между скалами летит на огромных золотых крыльях гений Андромена. Он спускается.

Гений Андромена.

К земле. к земле!
Прижму я к сердцу скоро
Зеленую звезду
Насытят снова взоры
Моря мои и горы...
В трехмерные просторы
Я, кроткий, вновь войду
К земле... К земле!

Белый ангел.

Остановись, летящий гений.
Куда стремишь златой полет?

Не часто вниз по доброй воле
Тебе подобные летят.
Зачем свой дух насильно, тяжко
Вновь в тела прах оденешь ты?
Там наверху любовь сияет,
Там для тебя открытый путь.
Ты розы недр коснуться можешь.
И в негах бог лобзанье даст.
Сотрется грань и вечной жизни
Получишь дар, забыв себя.

Гений Андромена.

Люблю иной любовью. Ангел.
Отрекся я от Розы и Венца.
Я — Андромен, водитель душ, Гермеса
Слуга и сын и предан весь земле.
Туда! Теперь я более способен
Их утешать... Они несчастны там,
Они не знают, для чего страдают,
Они не видят собственной красы...
Вот дровосек вошел под кров убогий,
Он зол на покосившуюся дверь,
Шалаш свой проклинает нищий брат мой
И бедность горькую он видит вкруг.
А я-то, я? Не отрываю глаз я
В восторге от прелестной хатки. Солнце
Лучем вечерним припадает к окнам,
Благоговейно их целуя, как глаза,
Деревья шелестят молитву половицам,
Где богобедняком оставлен след ноги.
Ведь, это мы во всем. Ведь это мы страдаем,
Стремимся, любим там. Я это знал. я знал.
Но Розокрест не подтвердил премудрость:
Мы наверху,
Мы и внизу.
Радугой вечной соединяю
Черный провал,
Горний сверхблеск,

Всюду с собою серьезно играю,
Земля милей всего. Зеленая земля
Ты — пряжка пояса Урании Венеры,
Я—твой. Я патриот земли! К земле, к земле!

(Хочет лететь.)

Стальной ангел.

Постой
Здесь у порога мира о трех гранях,
Я — правды страж.
Я строг.
Лети, куда ты хочешь.
Пусть утешаешь.
По закона правды
Я не даю тебе нарушить.
Ты — прощай
Судом своим,
Но высший суд карает,
Великий, выпив чашу преступленья,
Страданья чашу пьет тем самым ртом.
Ты понял?
Кара пятна отмывает, —
С пятном никто не входит за порог.

Белый ангел.

Он добр.

Стальной ангел

Он добр,
И дать ему нельзя всей силы.

Белый ангел.

Во времени ты прав.

Стальной ангел.

Вне времени прав ты.

Белый ангел.

Я чту твой грозный суд.

Стальной ангел.

Люблю твою любовь.

Оба *(к Андромену).*

Лети.

(Андромен с криком радости, похожим на пение жаворонка, уносится вниз. Ангелы ласково и мягко улыбаются друг другу.)

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ.

Спальня Семпрония. Он на ложе. Подпер рукой голову и с тоской смотрит перед собой. Около него старуха.

Семпроний.

Больно... Глухо... Странно... Скучно.

Старуха.

Позови певца.

Семпроний.

Зачем?
Что твердишь ты? Песен много
Я слыхал: мутят мне дух.

Старуха *(полубормочет, полунапевает).*

Сей певец целитель несравненный,
Забывает плен свой ангел пленный...
В песне вести о весне чудесной,
Вести о весне благоуханной в песне,
О весне поет он благовестье
В песне-вести вешней и прелестной...

Семпроний.

Не бормочи. Мне скучно... Странно... Больно...

(Пауза.)

Зови певца.

Старуха *(вставая)*. Он около тебя.

(Подходит к завешенной двери и возвращается с отроком, сияющим кроткой красотой.)

Семироний.

Уйди. Как чист ты, отрок. Уходи.
Мне больно, скучно мне от всякой чистоты.

Отрок.

Не чист я, господин. Я — лжец и грешник.

Семироний.

Чудо. Такие говоришь слова
Правдивым голосом и со святой улыбкой

Отрок.

Правдивый голос мой — заемная одежда.
Я — лжец.
И светлая моя улыбка только маска.
Я грешник.
Тем я больше лжец, что ложь скрываю,
И грешник тем я больший, что сияю.

Семироний.

Ты не скрываешь, о, правдивый лжец
Но мне ты нравишься. Что ж... Спой

(Отрок садится у ног Семирония и поет, аккомпанируя себе на арфе.)

Ты позабыл обо мне.
Я о тебе не забыл.
Почему бы не войти тебе в себя
Почему тебе не сбросить бы плаща?
Там смеюсь я над тобой, любя.
И готов себя-тебя прощать.
Ты идешь ко мне, паломник мой.
Большеногий, грязноглавый друг.
Истерзал тебя шиповник мой,

Напугал тебя слепой испуг.
Ты идешь ко мне и хочешь ты меня,
Руки тянешь, не надеешься притти...
А меж тем, в тебе, тебя маня,
Я с тобой иду во всю длину пути.
Ты позабыл обо мне - -
Я о тебе не забыл.

(Пауза.)

Семпроний.

Сладок сон, тобой даруемый...

(Манесса, откидывая занавеску, видит отрока, вздрагивает, вперяет в него взор и делает шаг вперед.)

Манесса.

Ты?

Семпроний.

Он тебе знаком?

Манесса.

Он мне родной.

Семпроний.

А? Правда? Как не разглядел я сразу,
Что он похож лицом и взором на тебя.
Что? Вновь тревога? Не хочу тревоги.
Уснуть хочу. Мне кажется так странным,
Что я могу уснуть... Но мальчик должен петь.

(Ложится.)

Отрок *(тихо поет).*

Всю ночь у окна простояла сестра.
Всю долгую, долгую ночь
Все ждала и ждала, все ждала до утра...
Пророчь.
А к утру устала, уснула... Усни,

Баюкает утреня струй...
Брат входит тихонько... Сквозь грезы и сны
Целуй.

Манесса *(шопотом)*.

Андромен.

Андромен.

Тсс. Тише. Спит мой дорогой убийца.

(Спят Семпроний и старуха. А Манесса и Гений Андромена улыбаются друг другу улыбкой ангелов, что у порога мира.)

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Опять сияет солнце над Фаресом. Опять цветут цветы. Беседка о мраморных колонках налево. На ступенях сидит Андромен.

Андромен.

Вниз падает, что мертво, а живое
Стремится вверх. Цветок стремится вверх.
Он побеждает тяжесть. Раскрывает
Себя и красками дарит, чтоб тьму,
Чтобы невзрачность победить, дать яркость...
И душу льет свою он в летний воздух,
Душою ищет сладкой и слепой
Того, кто б полюбил его. Пчела,
Почуяв запах, свой полет жужжащий
К нему направит и увидит яркость.
Припникнет и напьется — медо-пьяно
И вечности цветка таинственно послужит.
Стремитесь вверх и будьте разноярки,
Ищите в круг, распространяйте душу,
Для друга мед в себе вы приготовьте,
Таинственно заслужите вы вечность, люди.

(Манесса подходит к нему, вся разубранная цветами.)

Манесса.

Привет, о Гений Андромен. Мне ждать ли,
Пока умру я, или телом светлым
Обнять ты можешь серую одежду,
Которой спутана, как сетью, птица духа?

Андромен.

Я плоть себе создал в полете чудном,
Твоя преобразится скоро тоже.
Я рад бы быть бессмертным человеком,
Бессмертной женщиной тебя бы рад увидеть,
Но здесь едва ли можно быть нам, добрым,
Мистической двойною добротой,
Однако во всепамяти мы оба
Отчетливо живыми сохранимся,
И будешь ты мне вечно улыбаться,
И никогда тобой я не пресыщусь.

Манесса.

О, гений милый! Душу разорвешь ты
Мне золотой твоею полнотой.
Все бьется в этом слишком тяжком теле,
И стыдно мне стоять такой недвижной.
Быть может, мне еще стыднее будет
Перед тобою, зрителем незримых,
Попробовать кружиться в вольном танце...
Но просит так душа, и ты дозволишь.

Андромен.

Танцуй, Манесса! Под песнь мою
Я зачураю тебя... змею.
Ты победила массивность тел,
Ты здесь — Идея, ты здесь — предел,
Легка, как птица, гибка, змея,
Ты тоже гений, ты — дух, как я.
Танцуй.

(Манесса танцует медленно и странно воздушно.)

Андромен *(поет)*.

Когда косно лежит в первотьме первоглина,
Вместе с светом и форма слетает на дно,
Освещается отблеском робким пучина,
И движением смутным творенье полно.
Хаотично, неясно, лениво
Зарожденье святого порыва.
Формы тяжесть собою тепло проникают,
Начинает сиять красота небесам.
И мелодии танца уже возникают,
И ритмичного сердца уж бьется там-там.
Так неровно, смешно и бурливо
Молодое ристанье порыва.
Совершенство созрело навстречу Идее,
Жизни песня подобна веселью богов...
И в движениях рук твоих, бедер и шеи,
Кто-то, прежде плененный, уже без оков.
Чародейны вы, тела извивы,
На вершине святого порыва.

(Во время последнего куплета, Рек, припав за кустом, острым взором следит за парой. Манесса останавливается.)

Манесса. Ты видишь, я устала.

Андромен.

Скоро, скоро
Сниму с тебя возможность утомленья,
Теперь дам сразу отдых в поцелуе.

(Манесса садится около него. Целуются. Белый голубь Андромена слетает ему на плечо.)

Рек.

Целуются... Я что-то смутно помню...
Целуются... Тут надо быть беде.
Бежать к хозяину, — будить, будить, будить!

(Убегает.)

Манесса.

Как обещал, так и явился.

Андромен.

Быть может, только за тобою...
Стальной архангел звякает весами,
Танцуй еще. Иль улыбайся мне.

Манесса.

С тобой я сразу вдруг помолодела.

Андромен.

Рожденья моложе станешь скоро.

Манесса.

И мудрой быть не хочется, а глупой,
Как мотылек.

Андромен.

Но мотылек — мудрец.
На ум сменяет мудрость в ослепленни —
Жизнь высшая земли, и часто человек,
Расчетливый умом, совсем ее теряет.
И только тягостным усилием сквозь ум
Опять приходит к мудрости исконной.
Вот видишь, я еще умен. Мудрей
Меня лепечущий ручей и слова
Мудрей мой поцелуй.

Манесса.

Навеки
Да сохранится он.

Андромен.

Пан все содержит.
«Не потеряй», сказали как-то Пану,
А он ответил: «Некуда терять.
Я рад бы дать молчащему соседу

И кое-что забросить в пустоту,
Но мой сосед — я сам, и мной полна
Вся пустота.»

Манесса.

И это мы?

Андромен.

Конечно.

Манесса.

Что за счастье!

Андромен.

Нет, счастье — слово мелкое.

Манесса *(прислушиваясь).*

Андромен.

Подкрался кто-то злой.

Манесса.

Так прогони.

Андромен.

Иль ты не слышала, что бог и чорт родные?
Иль ты не слышала, что низ и верх одно?

Манесса.

Прогнать не хочешь?

(За кустами показывается Семпроний с копьем и Рек. Рек показывает Семпронию на беседку. Глаза мага, горят, рука судорожно сжимает оружие).

Андромен.

Сделаю усилье
Доставить истине победу. О, Манесса!

Сказала ты, что счастье — бытие?
Нет, счастье — слово мелкое. Иль счастлив
Сейчас я здесь? Как мне счастливым быть?
Смотри — я болен. Коль рука в гангрене,
Как быть счастливым? Но, в проказе сердце
Мое. Люблю Семпрония, как любят тело
Своей души. Пока ему темно,
Мне серой мглой закрыто солнце в небе.
Он мучится — и в терниях мой лоб.
Пока он зол, моя беззвучна благость.
На празднике моем гостей пугает плач.
За пиршеством моим сидит унылый призрак.
Жемчужина моя, когда б я думал,
Что дорогой мой и родной убийца
Тобою может исцелиться,
Конечно, мы шутя, со смехом сами
Расстались бы, и я тебя бы отдал
Ему.

Рек.

Я видел, как здесь целовались.

Семпроний.

Он демон, но копье мое волшебно,
И призрачному сердцу будет больно,
Оно пронзит и демонское тело.

Манесса.

Он не раскается.

Андромен.

Шути, Манесса.
Нет бесконечного. Все воды льются в море.

Манесса.

Он застоялся, как проклятый омут.

Андромен.

Его ты можешь ненавидеть?

Манесса.

Да.

Андромен.

Меня ты можешь ненавидеть?

Манесса.

Что ты?

Андромен.

Его не можешь ненавидеть... Если б
Он заглянул в меня поглубже...

Семпроний *(выступает из-за кустов).*

Загляну
Я острым глазом. Я узнал тебя.

Андромен *(вставая).*

Узнал?

Семпроний.

Ты — Андромен!

Андромен.

Узнай, узнай!

Семпроний.

И вот я снова убиваю.
И снова проклинаю!

Андромен.

Посмотри
В мои глаза:
Люблю тебя!

(Андромен делает навстречу Семпронию несколько шагов, широко раскрыв об'ятия).

Семпроний.

Стой так. Так шире цель.
Ты добр. Я зол. Умри!
Я горд. Горжусь, что падаю все ниже.
Неси ему, копье мое, страданье,
Неси ему, мое родное, смерть!

(Размахивается и бросает копье. Тьма.)

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ.

В норе Река. Семпроний лежит у погасающего костра. Около него сидит Рек, который сучком поправляет огонь.

Семпроний.

Ох, только тут, ох, только тут. Куда же
Я денусь?.. Истребил я на Фаресе
Всех магов. Что еще? Силен я.
Но что придумать? Уничтожить мир?..
Я стал тупеть. Похож я на тебя.

Рек.

Идут.

Семпроний.

Как? Кто идет? На острове нет больше
Таких, кто ходит, кроме нас двоих.

Рек.

Идет. Ты слышишь?

Семпроний *(приподнимаясь).*

Это очень странно.
Шаги, так громко раздаются... Громко
Звучат шаги.

(Садится).

Кто б это был?

Рек (*пытливо*).

Боишься?

Семпроний.

Бояться мне?

Рек.

Смотри. Там на верху.

Семпроний.

Я плохо вижу.

Рек.

Грозный... И глаза горят.

Семпроний.

Постой... да это Регий. Ха-ха-ха!
Горбатый шут остался жить, соперник
Семпрония и Андромена.

Регий.

Пришел тебя казнить.

Семпроний.

Ха-ха-ха-ха!
Вот я сейчас мой взор налью отравой
Злой воли, и падешь ты в прах!
Что? Ты не падаешь? Протягиваю руку
И шлю тебе я в сердце луч астральный,
Который кровь твою заставит брызнуть
Фонтаном изо рта! Какой позор!
Астрала духи. Он смеется только.
Смеется он!

Регий.

Смеюсь! Ты был завистник.
Из зависти ты сшел чудовищным полкам
Знамена желтые. Но я перетродил

Всю страсть в твою же силу-зависть.
Ты мне помог. Ты помнишь? Вот я выше.
Твое же знамя поднял.
Сильнее я тебя.
Да, среди черных я сильнее.
Сильнее я тебя! Тебя перестрадал!

Семироний.

Ты злей меня?

Регий.

Не утешайся, гад.
Нет, я не зол. Я только вылил лаву,
Как мне пророчили, в одно усилье
Тебя осилить. Напряги всю мощь...
Я отдаю всего себя. Коль надо,
Я отдаю бессмертие во веки,
Чтоб только раздавить тебя.

Рек.

У-у-у!
Два сильных сцепились!
Погиб я, погиб я.
Погиб?
Уж не близко ль
Спасенье?
Как странно...

Семироний.

Все, кто со мною,
Лиловой пентаграммой
Я заклинаю: уничтожьте
Противника!
Расчет неверен!
Я требовал победы! Весь мой дух
Влагаю в это страшное усилье.
Дрожит астральный океан. Да, сила
На силу.

Рек.

Страшно, страшно, страшно!

(Маги вперяют взор друг в друга. Их тела выражают крайнее усилие. Они делают странные пассы руками.)

Регий.

Нет, ты погибнешь!

Семироний.

Мне победа.

Регий.

Погибнем вместе!

Семироний.

Все пусть гибнут!

(Страшный грохот. Вся гора заваливается. Хаос пыли и дыма.)

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Курящаяся предутренняя гора. По склонам тропами, тропинками и леестницами восходят на разной высоте всякие люди. Гора дымится, как кадильница.

Все голоса сливаются в один хор.

Хор восходящих на гору.

Хвалу времени и жизни,
Побеждая их, поем мы.
Возвращаемся к отчизне,
Водометы в водоемы.
Хвалу вечности и богу,
Возвращаясь, воспеваем.
Дай нам трудную дорогу,
Чтоб упиться слаще раем.

(Авва Дорофей медленно входит впереди своих монахов.)

Дорофей.

Пролей, сладчайший Иисусе, сыне божий,
Мир во смиренные сосуды наших тел.
Изжени волненья, страсти и гордыни,
Дух омой, как некий облак бел.
Дай молитвам, как бы фимиамам,
Белым облаком подняться ко стопам
Сына божьего...
Дай земле воистину стать храмом
И к тебе вести нас всем тропам,
Отче господи.

(Празий идет рядом и быстро обгоняет монахов, белая одежда его крутится, как в вихре. Он тянется к вершине горы.)

Празий.

Ты — бог, верю, верю, воистину бог мой ты.
Тебе воспою дифирамб мой, ликуя,
Владей, Дионис, Эвоэ! аллилуя!
Ты — бог, верю, верю, воистину Бог мой ты!

(Амилий величественно поднимается по лестнице, останавливается и оглядывается вниз на мир.)

Амилий.

Пусть дух мой служит красоте вселенной.

(Семпроний, весь черный, стоит на самой низшей ступени.)

Семпроний.

Зачем вы душу мне любовью не омыли?
Любовь все черное сильна отмыть.
За что играли мной? За что меня сгубили?
Ожесточить, чтобы потом карать?

(Манесса и Регий, легкие и счастливые, идут мимо него, быстро начинают всходить на гору. Манесса заботливо поддерживает Регия.)

Манесса.

Теперь твоею буду я. Не ждал?

Регий.

Как? Разве ты не слита с Андроменом?

Манесса.

Я с ним. Со всеми я. Но более — с тобой.
Затем, что я тебе всего нужнее.
Идем. Я поддержу тебя, ты — друг мой.
Ты слаб еще, но я ведь вся твоя.
Меня купил ты всей твоей любовью...
За муку каждую я радость подарю.

(Рек карабкается среди каменных глыб и колючих кустов.)

Рек.

Надежда. Надежда. Стальной мне сказал.
Что пятна почти уже смыты,
И там над вершинами острыми скал
Зеленый огонь незабытый.

Семпроний.

Ликует все.
Прощенья нет. Проклятье.

(Андромен, крылатый и сияющий, летучей походкой сбегает сверху.)

Андромен.

Я к вам иду, мои родные братья.
Я — Андромен, иду вам помогать,
Я к вам иду скорей перестрадать
То, что сгореть должно огнем страданья.
Ах, мимо вас! Туда, где основанье,
Там, где вершин и бездн нужней касанье.

(Останавливается около Семпрония.)

Семпроний.

Прочь, мой светлый враг.

Андромен.

Смотри, смотри в мои глаза.
Ты — это я. Близнец. В покое бога
Свет мой и твой, твоя — моя тревога.
Узнал?

Семироний *(пошатнувшись).*

А! я узнал. Так это — я?

Андромен.

О, да.

(Падают друг другу в об'ятия.)

Дионис.

В сей вечный миг познать дано,
Что в мире все одно, что в мире все одно.

(Все голоса опять сливаются в хор.)

Хор восходящих на гору.

Восходящие в страданьях
И в различиях, и в ликах,
Жаждем мы с тобой слиянья,
Как ручьи в водах великих.

Дионис.

Нисходящие, те знают,
Что движенье лучше бога,
И дождями ниспадают.
Вечный круг—моя дорога.

Хор восходящих на гору.

Время с вечностью сливая,
Вечно ль равен ты с собою?
И всегда ль река живая
Льется тою же судьбою?

Дионис.

Вечен я, и я безмерен,
И, однакоже, расту я.
Тот и нов. Дам в символ веры
Эту истину простую.

Хор восходящих на гору.

Вечный рост, всегда движенье,
Полюс белый, полюс черный,
Вечных сил столпотворенье,
Бог — поэт и мир узорный.

МЕДВЕЖЬЯ СВАДЬБА

(Мелодрама на сюжет Мериме)

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Маленький постоялый двор в глуши Ковенской губ. в 30-х годах прошлого столетия. Довольно просторная комната с нарами и печью. Большой стол, обставлен скамьями посредине, и маленький с парой табуретов в углу. Кровать хозяев отгорожена ширмой. Дверь налево. Два окна направо. Поздно. Все спят. На боковом столе еле светит тусклый фонарь. Сильный ветер стучит в окно, слышен шум дождя.

Через минуту после поднятия занавеси раздается стук колес и цоканье лошадиных копыт. Громкое сердитое: тпру. Затем стук в дверь.

Хозяйка. Стучат, Антош.

Хозяин. Ветер стучит... Мать божья, какая непогода! *(Зевает.)*

(Стук.)

Хозяйка. Не ветер—проезжие... Или, может быть, Туська. Да нет мне уж раньше слышалось, будто кто-то под'ехал.

Хозяин. Туська наверное дома. Туська... Туська! Отопри дверь проезжему.

(Стук.)

Нету Туськи... Заходит бог знает куда девчонка. Заедят ее когда-нибудь волки или медведь задерет.

Хозяйка. Я ее послала в село. Ведь все свечи вышли. Сидим на лучине, как мужики. Мейер больше товару не развозит, говорит — дорога раскисла.

Хозяин. Ну и пропадет у тебя девчонка из-за свечей.

(Стук.)

Хозяйка. Подымайся ж, отворяй же: люди под дождем, под ветром.

(Стук громче.)

Грубый голос *(за дверями)*. Чорт здесь всех передушил, что ли?

Мягкий голос. Кучер, кучер, как можно.

Хозяин *(выходит полуодетый из-за ширмы)*. Фонарь догорает. *(Харкает, отплевывается.)* Вставай, хозяйка, зажги пару лучин, коли нет свечей.

Хозяйка. Сейчас. *(Тоже выползает из-за ширмы.)*

Хозяин *(подходит к дверям)*. С Иисусом ли? Добрые ли люди?

Груб. голос. Добрей вас, лешие. Что держите нас у двери?

Мягкий гол. *(успокоительно)*. Кучер, кучер...

Хозяин. А кто же там такой?

Груб. голос. Не узнал, хрыч? Ямщик Демба... господина пастора везу, немца ученого. И по-русски говорит, и по-польски, и по-жмудски. В Мединтилтас везу, к пану графу...

Хозяин *(отпирая)*. Ну, так входите ж, перекрестясь.

(Входит грузный кучер в зипуне, несет большой чемодан. За ним в дорожном плаще пастор Каспар Фюрхтегот Виттенбах.)

Хозяин. Чего ж тебя так поздно понесло, Демба, в такую погоду?

Кучер. Думали доехать, да поломались у Рыжих оврагов, провозился там. А тут и ночь, и дождь, и чорт женится на семи чертовках.

Пастор. Кучер, кучер...

Хозяйка. Есть горячая похлебка в печи... Хлеба, водки не угодно ли — все есть.

Пастор. Я не так давно обедал. Но очень хочется согреться. Можно с'есть какую-нибудь горячую вещь. Кучер, вы хотите кушать?

Кучер. Будете платить — так с'ем... и выпью. Повозился с проклятым колесом.

Пастор. Тогда будьте добры накрывать на стол.

(Хозяйка ставит миску, две чашки, бутылку и кладет две ложки.)

Кучер *(раздеваясь)*. Выпью за ваше здоровье, преподобный.

Пастор *(скидывает плащ и тоже подходит* к столу). У вас не найдется ли одна отдельная тарелка?

Хозяйка. Нет у нас.

Кучер. Ничего, ваше преподобие: я не поганый.

Пастор. Ай, нет-нет... но только я не привык еще...

Кучер. Вот у пана графа в Медиптилтасе хватит по дюжине тарелок на сто гостей.

Пастор. Помолимся *(встает и шепчет, обратясь к распятию в углу)*.

Кучер *(наливая в чашки)*. Можно пить? или еще чего подождать?

Пастор. Пейте, кучер, пейте пожалуйста.

Кучер. Здоровье вашего преподобия.

(Стук в дверь.)

Хозяйка. Ну это уж, наверно, Туська *(подходит к двери)*. Туська, ты?

Плачущий голос *(за дверью)*. Ой, я же, тетя, я, ой, впустите скоренько! Ой, не могу, ноги подкосились...

Хозяйка *(быстро отпирая)*. Что с тобой, Туська?—От кого ты бежала?

Туська *(девочка лет пятнадцати, бросается в комнату и падает на скамью).* Ой, заступитесь! Ой, устала... Испугалась я.

Хозяйка. Да что с тобой?

Туська. Ой, попить дайте.

Кучер. Мокрая, как рыба, а воды хочет. На-ка глоточек водки. *(Дает. Туська пьет и кривится.)* Испугалась. Волки, что ли?

Туська. Ой, хуже, милые панове, хуже волка... Иду я с покупкой из села нашим проселком... Дождь как пустит. Туча нашла: ну темно, страсть. Хлюпает кругом, гудит в лесу. Иду я—вдруг прохожий человек нагоняет. Большущий, бурка мохнатая, шапка мохнатая, бородища седая: валит медведем. Подумала—леший, да я ведь не трусливого десятка, — перекрестилась только. Говорит: «Которое тут жилье поближе?»—Наш, говорю, постоялый.—«Вот и ладно, говорит,—водки выпью. Ты туда?»—Туда. «Идем».—Идем. Пошли. Ну, пошли. А молния сверкает, а он на меня из-под шапки уставился, молния у него в глазищах пых да пых. А он все смотрит. Вот проклятый-то ведь какой. Потом ко мне он: «Ты, говорит,—мокрая вся, ступай под мою бурку, завернемся, пойдем.»—Не хочу.—«А что ж?»—Озорничать будешь.—«Нет,—говорит,—я человечек древний, я,—говорит,—дедушка...» Ну завернул. Прошли шагов десять, он меня в шею целует. Прямо и рассказывать стыдно, милые панове.—Не озаруй.—«Это потому,—говорит,—ведь вот же бесстыдник какой!—что у тебя затылок очень беленький». Да вдруг как задрожит, да как куснет мне затылок-то. Ой-Иисус-Мария, как куснет проклятый! Вот нате, тетя, посмотрите. Ведь кровь пошла, только дождем смыло. *(Проводит рукой по затылку.)* Нет, и сейчас кровь идет. Я как взвизгну, да от него, а он облапил—не пускает. Выскользнула, да опрометью... А он чего-то там кричит, рычит. Ух, боже ты мой, с ума сойти! Ну, вот и рассказала.

Кучер. *(смеется).* Укусил? Вот старый чорт! Поцеловал-то, да облапил, так ты ничего, хоть и старый, это ваша порода

любит. А он кусаться. Ха-ха-ха! Да до крови. Какой старче-то.

Хозяин. Помешанный, может статься.

Туська. Так испугал, так испугал. Вот, тетя, свечи ваши принесла. Зажечь, может быть, жуть прямо—и сейчас при лучинке. Как укусил! Чего смеетесь, пан ямщик, больно ведь и сейчас ведь больно. Леший такой. Медведь.

(Кучер смеется. Туська зажигает свечи. Стук в дверь.)

Хозяин. Еще кого-то бог привел. Эй, хозяйка, а ведь ты дверей не заперла.

(Дверь распахивается, в ней прохожий старик, как его описала Туська.)

Прохожий. Благословление на сей дом.

Туська *(громко визжит).*

Хозяйка. Что ты?

Туська. Он, ведь: леший.

Хозяин. Что за человек?

Прохожий. Человек прохожий. Ищет угла от непогоды. За все платит. *(Со звоном бросает червонец на стол.)*

Хозяин. Платить-то платишь, пан незнакомец, а зачем девочек кусаешь? Видно седина в бороду—чорт в ребро?

Прохожий. Пошутил.

Хозяйка. Хорошие шутки: прокусил ребенку шею.

Прохожий. Пошутил. Очень хороша беленькая шейка, под узлом волос. Не утерпел. Теперь уж спокоен, никого не с'ем.

Хозяин. Садитесь к столу.

Прохожий. Нет, я тут сяду. *(Садится за боковой стол.)* Водки мне. А золотой берите. За водку, за страх и за обиду.

(Туська уходит за ширмы. Хозяин ставит водку перед прохожим.)
(Молчание. Проезжие едят и пьют.)

Прохожий *(стуча пальцем по столу.)* Рум-пум-пум. Рум-пум-пум.

Кучер. А откуда бредешь, прохожий человек?

Прохожий. Из Матицы.

Кучер. Что ты: там только звери живут, там нога человеческая не ступала. Это у нас, ваше преподобие, в самой чаще леса такое есть зверье царство. А царствует там древний мамонт. Лет ему тысяч, говорят, десять.

Прохожий. Я тамошний.

Кучер *(смеясь).* А зовут как?

Прохожий. Локис.

(Все жмудины смеются.)

Кучер. Ну, здравствуйте же, воевода на Матице. Михайло князь Локис. А ты нам теперь по правде скажи.

Прохожий. Один такой сказал, что я лгу,—половину зубов растерял.

Кучер. Ну, ну, ты осторожней. Зубы пересчитать и я сумею.

Пастор. Кучер, кучер...

(Молчание.)

Прохожий. Рум-пум-пум. Рум-пум-пум.

(Молчание.)

Прохожий *(к пастору).* Образованный господин не едет ли в Мединтилтас?

Пастор. Именно туда.

Прохожий. К графу Шемету в гости?

Пастор. Да, именно.

Прохожий. Поклонитесь графу от Локиса. Он меня знает.

Пастор. С удовольствием. Если вы направляетесь туда—я могу подвезти вас, в бричке хватит места.

Прохожий. Благодарю вас. Я не туда. Да если б и шел туда—тут есть короткие тропинки для пешехода... А что до погоды, то я люблю ходить в такую погоду. *(Помолчав.)* Ах, господин, мы здесь лесовики, мы близки к природе. Уверяю вас, у меня есть и крепкая крыша над головой и огонь в очаге... Но вот, когда гремит и плачет небо, ропщет и отчаянно машет лес, и ночь полна тревогой и шумом—я иду погулять, на часы, до утра, в странствие, иной раз надолго. Побыть с лесом и его детьми. Тогда у меня самого в жилах закипает буря, я рычу песни в ответ грому. Из сердца, как сладкий и темный туман, подымается нечеловеческое, неиз'яснимое что-то. Идешь, идешь, как бурелом, без дороги, сквозь вереск и ельник. Иной раз сорву бурку, шапку, одежду и купаюсь под холодным дождем, который подхлестывает ветер. Становишься спокойнее и лучше. Хорошо подарить зверю в себе хоть несколько часов. Вы уж так далеко ушли в сторону от зверя там, в Европе, что он молчит в вас под человеком. А в нас он иной раз засопит, заворочается и, как землетрясение, дергает и рвет нетолстый верхний слой образа человеческого. Хорошо и расчетливо дать ему иной раз погулять по лесу.

Пастор. Вы странный человек. Судя по вашей речи, вы получили образование.

Прохожий. О, какое образование. Когда-то бывал кое-где. Но я человек глухого места на свете. Оттого и странный, может быть, для образованного господина из Германии.

(Слышно, что к дому под'ехал экипаж.)

Хозяйка. Еще кто-то.

Голос *(за дверью)*. Отпирайте хозяева, это я, Брэдис.

Хозяйка. Доктор Брэдис из замка. В такую непогоду *(смотрит в окно.)* Он в коляске с фонарями.

(Хозяин торопливо отпирает дверь.)

Прохожий *(вставая).* Ну, с этим парнем я не хочу встретиться. Дверь одна?—Ничего: есть окно.

(С неожиданной ловкостью распахивает небольшое окно и вмиг исчезает через него.)

Брэдис *(входя.)* Не здесь ли господин пастор Виттенбах? Не его ли бричка во дворе?

Пастор. Я—пастор Виттенбах. *(Встает.)*

Брэдис *(вежливо раскланиваясь).* Видя такую погоду и сообразив, что ученый гость графа может быть в дороге, или дожидает в Довгеллах—я выехал к вам навстречу с графской коляской. Позвольте мне расплатиться за вас. Здесь вы уже во владениях Шеметов и гость графа. Мы можем ехать сейчас же, вас ожидает хороший ужин. Кучер может пробыть здесь до утра и возвратиться на станцию. У меня хорошие лошади и экипаж с фонарями. Нам понадобится не больше доброго часа, чтобы доехать до замка.

Пастор. Я необычайно тронут и очень, очень благодарен и вам и господину графу, который уже заочно так много обласкал меня...

Хозяин. А тут, доктор, сидел какой-то прохожий, человек, которого я не знаю. Он так испугался вас, что ушел через окно; злой человек, думается мне.

Брэдис. Да добрые люди от меня, кажется, не бегают, Тутис?

Хозяин. Добрые люди на вас молятся, наш доктор Брэдис. Вы, готовы, господин Виттенбах?

Пастор. Я сию минуту, я одеваюсь, господин доктор. Мой чемодан..

Брэдис. Ямщик, укладывайте чемодан господина пастора в коляску.

Пастор. С богом...

Брэдис *(открывая дверь пастору.)* Мы так рады живому человеку. Здесь глушь, край света, хотя мы, жмудь, как вы увидите, не плохие люди при всей нашей дикости.

Пастор. О, я уважаю... Прощайте, милые люди.

(Хозяева прощаются. От'езд. Занавес.)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Хорошо меблированная комната в замке Медингилтас. Дверь направо и налево. Очень большое окно в глубине. В нем вспыхивает далекая гроза, слышны иногда заглушенные раскаты грома. На одном из столов горят канделябры. Пастор и доктор только что от'ужинали и сидят за кофе и ромом.

Доктор. Вы очень приятный и поистине благородный человек, г. Виттенбах. За дорогу и эти часы ужина вы завоевали мое сердце. Впрочем, каюсь, я так одинок здесь... в смысле культурного общества, что неудивительно, если я так набросился на вас с моими наблюдениями и конфиденциями... Извиняюсь за мою назойливость.

Пастор. О...

Доктор. Если вы не слишком устали с дороги, и вас не клонит ко сну — я хотел бы еще посидеть с вами. Ведь вам придется таки пожить в замке и ориентироваться — это ведь и в ваших интересах.

Пастор. Ваша беседа полна высшего интереса для меня, г. доктор. Я весь—внимание. Все, что вы рассказали мне об этом могучем и... как сказать... девственном мире меня волнует, прельщает, и я крайне...

Доктор. И в дополнение к уже сказанному скажу еще, что на этой страшной дикости и тяжкой бедности нескольких тысяч крестьян, как ядовитый цветок... нет: как ядовитый чудовищный гриб вырос замок Мединтилтас, с его романскими башнями и готическим фасадом, с его угодьями, садом, похожим на лес, парком, теряющимся в пуще, где можно встретить лисиц и волков, с его торговлей лесом, пушниной, льном, с его огромными складами, миллионными счетами у банкиров Варшавы, Дрездена и Санкт-Петербурга... Сколько наших жмудских жизней, детских, девичьих, юношеских, гениальных, может-быть, как сам наш Мицкевич, с'ел род людоедов-Шеметов. Никто никогда не вступался за этот народ, а за судороги самозащиты он платился так, что на столетия погружался в тупую собачью преданность... Но этому приближается, конец, г. Виттенбах... Я долью вам, г. Виттенбах. Поверите ли, ведь я за целые столетия первый образованный выходец из здешнего крестьянства. Да и то по случаю благотворительного каприза чудака библиотекаря старого графа, который выпросил меня себе на воспитание. И я не для того доктор медицины, чтобы только носить сюртук и жить в довольстве. И не для того я здесь квалифицированная прислуга в доме, в котором пороли еще отца моего — чтобы забыть моих братьев. Нет, не для того, г. Виттенбах. Во мне народ мой вырос для борьбы, и я не откажусь от нее.

Пастор. Но в чем борьба? Вы меня несколько пугаете, доктор Брэдис.

Доктор. Графу сорок лет. Он не женат. Он — последний Шемет. После его смерти Мединтилтас с его 4000 крестьян и 15000 десятин лесу и т. д. отойдет русскому правительству. Но, по существующему у нас праву, граф может свободным завещанием распорядиться огромной частью своего богатства. Я борюсь за то, да, поистине, — борюсь, чтобы он завещал все это потомкам тех, чьими страданиями все это создано.

Пастор. Это удивительная мысль! Все это очень интересно... Но как же относится граф к вашему необыкновенному плану?

Доктор. Он человек образованный и по-своему гуманный. Широкая натура, недюжинный ум. Но, конечно, в нем живет кровь тысячелетних хищников. То он выслушивает меня, строит планы вместе со мной, то прогоняет меня с проклятиями. У нас идут непрерывные схватки. Не думаю, чтобы он любил крестьян, но он иногда слышит... голос справедливости, глаголящий моими устами... к тому же он терпеть не может Петербург.

Пастор. Но скажите, почему же он остался холостым при таких роковых обстоятельствах для его рода?

Доктор. О, это целая история, таинственная, как говорят некоторые... И к тому имеющая отношение к науке, к медицине, к новейшим идеям, старающимся как раз рассеять все таинственное. Я долью вашу рюмку, г. Виттенбах. Полумистически, полунаучно, зачитываясь Гаманом, еще больше драмами Вернера и Грильпарцера, а с другой стороны, работами Сант-Иллера, Биша и английскими медицинскими журналами, граф безумно верит в наследственные проклятия или в физические перерождения тканей и нервов из рода в род. Он считает не то проклятым, не то глубоко больным свой род. И, конечно, он прав. Он сам, положим, далеко не такое чудовище, каким был его отец. Я еще помню этого скрягу, Немврода и истязателя. А деда даже тогда, в глубине 18-го века, отдали под опеку королевского комиссара, потому что своими жестокостями он довел свою челядь до безумной вспышки, и это открыло смрадную, демонскую картину его самоуправства. Да, граф Михаил, конечно, поцивилизованнее, он даже был в университете, в Вильно. Путешествовал. Но почему-то он очень неважного мнения о себе, и даже мне заявил: прекращение рода ужасно, но у меня не будет детей. Ха-ха-ха, каюсь: я поддерживаю в нем эти мысли. Рюмку рому еще, г. Виттенбах, это отличный ром?

Пастор. Благодарю вас... последнюю... Итак, граф не предполагает жениться?

Доктор. Как это ни покажется вам странным, даже диким, но в продолжение тех девяти лет, что я служу здесь, граф вел более девственную жизнь, чем самый благочестивый монах в соседнем монастыре св. Лазаря.

Пастор. Вот как.

Доктор. А казалось бы, человек геркулесовского сложения... И всякая молодая крестьянка была бы счастлива. Между тем народ у нас красивый, иная девушка, если ее вымыть в бане, выйдет оттуда как настоящая Киприда из пены морской... Я извиняюсь, г. пастор. *(Пауза.)* Да, это меня утешало, это обещало... но теперь... теперь его угораздило влюбиться.

Пастор. Вот как.

Доктор. Да... и сейчас же его мистико-натуралистический пессимизм насчет себя самого пошатнулся... Я уже давно предполагал, но теперь у меня нет больше сомнений. И пока не слишком поздно — я пойду в аттаку... Завтра я пойду в решительную атаку, г. Виттенбах, иначе все, что мной достигнуто за три года — станет под вопросом. Ведь я уже три года дискутирую самым страстным образом этот вопрос с моим чудаковатым патроном.

(В эту минуту за стеной раздается какой-то протяжный и зловещий вой.)

Пастор *(вставая со стула.)* Что это? Бог в небе, кто кричит таким образом?

Доктор. Это графиня.

Пастор. Как?

Доктор. Графиня-мать. Моя главная пациентка. Садитесь, ничего. Припадок скоро пройдет, с нею опытная сиделка. Ничего: она сейчас успокоится.

(Вопль смолкает.)

Пастор *(садясь.)* Какие мрачные вопли!

Доктор. Мединтилтас—невеселое место. Гнездо аристократов, г. Виттенбах, аристократия—выродки, исчадия, гнилая, гангренозная часть рода человеческого. Великая революция тридцать лет тому назад далеко не сумела закончить необходимую операцию, хотя и обладала бестрепетными хирургами.

Пастор. Я иного мнения о дворянстве... Я чту высшие классы...

Доктор. Может быть, вы не видели их так близко и уж, наверно не изучали с таким злобным любопытством и научным интересом, как ваш покорный слуга. К тому же у вас в Европе они покрыты очень густым слоем лака. У вас они похожи на пестрых и изящных ядовитых змей. Польская, русская и особенно литовская аристократия почти совсем гола и, согласно остроумному замечанию, ее надо только поскоблить, чтобы добраться до татарина. Да не обыкновенного, а до Батыя, Чингиза, капризного зверя, виртуоза кровожадности, раба своих уродливых страстей, в жертву которым обрекает он своих рабов... У меня собрана коллекция не анекдотов, но научно проверенных мной свидетельств и лично наблюденных фактов... О. этих людей надо истребить или,—и это менее гуманно после грядущей подлинной революции,—построить для них всех. всех, для детей их тоже—особые сумасшедшие дома... И обесплодить их мужчин, а за оплодотворение аристократки назначить гильотину... Граф прав, что боится хуже убийства зачать нового Шеметенка.

Пастор. Милосердный бог, как вы озлоблены! Мне странно слушать вас. Надо больше веры в провидение божие.

Доктор. О, на эту тему я не стану разговаривать с вами. г. пастор: тут мы менее всего сойдемся. Я извиняюсь, что похитил у вас такую большую часть ночи, г. Виттенбах. *(Подходит к окну.)* Близится рассвет. Тучи расходятся, хотя молнии еще вспыхивают. Завтра будет прекрасная

осенняя погода; в такую пору наш край красив, как золотой рай, только что вышедший из рук Іеговы, как повествует ваша книга. Как страна полузверей-полубогов наших чудных, свежих, лесных божеств, легенды о которых вас должны интересовать, как великого филолога, если не как ученика еврейских жрецов. Ведь в верстах в десяти отсюда уже начинается Матица, куда редко проникал человек, — Матица, опоэтизированная великаном Мицкевичем, новым Адамом Жмуди... Я разболтался от лишней рюмки рому, дорогой пастор. Прошу великодушно простить меня. Ваша постель мягка. Вы хорошо уснете. Ах, какое упущение, они не повесили занавеску на окно: как бы солнце не разбудило вас завтра слишком рано.

Пастор. О, не беспокойтесь... наоборот, я боюсь проснуться только к полудню.

Доктор. Во всяком случае, мы-то вас будить не будем. Эта дверь ведет в больной коридор. Эта всегда заперта наглухо. За нею апартаменты больной, но она спит далеко, к тому же это живой автомат, к рассвету она регулярно засыпает и спит до полудня, днем она тоже не будет вам мешать, так как мы с Михалиной держим ее либо в парке, либо в стеклянной галлерее, когда бывает дурная погода. В остальном—это самый уютный угол замка. Как раз над вами такую же комнату занимает сам граф. Я болтаю, болтаю, а у вас слипаются глаза, г. Виттенбах. Спокойной ночи!

Пастор. Вам также, дорогой доктор.

(Раскланиваются. Доктор уходит.)

Пастор *(прохаживаясь.)* Странный дом, странные люди. Будем верны нашему правилу. Маленькую записку дорогой Гертруде. И летописно верная запись в дневник... О, сегодня есть что записать. *(Переходит к письменному столу.)* Они внимательны и гостеприимны, все на месте. *(Отпирает чемодан и достает толстую тетрадь.)* Хочу спать, но порядок... прежде всего *(садится к столу у окна, поставив туда оба канделябра.)* Завтра знакомство с этим странным, но любезнейшим графом Шеметом... Как блес-

нули глаза у этого мужицкого сына, когда он заговорил об уничтожении аристократии. Сам-то ты, ученый доктор и демократ, далеко ли ушел от зверя? О, господи боже, царь царей, и более: господь стихий духа и природы, какой странный мир соизволил ты создать! Господь бог во всяком случае больше похож на поэта в новом духе, вроде этого Байрона или нашего Гоффмана, чем на своих трезвых, благочестивых и аккуратных служителей, вроде моих собратьев в Кенигсберге. Причудлива его поэма. Но свят, свят, свят... и не нам быть твоими критиками, творец непостижный. Все это надо тоже записать *(Пишет.)* Найду ли я мой Cathechismus Samogiticus? Какое торжество и для науки и для ее смиренного поборника Каспара... Пиши же, помолись и засыпай, Каспар Фюрхтеготт!

(Пишет. Запертая дверь бесшумно отворяется. Тихо входит высокая стройная старуха в черном платье с белыми кружевами, волосы ее распущены, лицо мертвенно бледно. Она призрачно стоит в дверях. Потом также беззвучно скользит к зеркалу, смотрит в него с жадным любопытством и вскрикивает.)

Пастор *(тоже вскрикивает, и вскакивает, испуганно опираясь на стол спиною)*. Кто здесь?

Старуха *(указывая на зеркало)*. Скажите, сударь, это я? Да? Это я... Там в заркале?

Пастор. Вы, мадам.

Старуха. Какая я ужасающе старая... Я очень безобразна. Это ужасно! Когда у меня было зеркало, я была красавица. Я знаю, что мои волосы стали серыми. Они были, как ночь... Но я не думала, что столько морщин, столько морщин. *(Рассматривает себя.)* Как это глупо не давать мне зеркало. Они вытворяют подобные глупости. Сколько морщин... вокруг глаз. Аделина. Господи боже! Это Аде-

лина! Вот что они сделали. Так это мои глаза? Мои губы? Вот это теперь Адель, милая Адель, богиня Адель?

(Вдруг садится на пол и, не закрывая лица, плачет, как дитя.)

Пастор *(суетясь вокруг нее)*. Мадам, мадам, графиня! *(Старается поднять ее.)* Не позвать ли кого-нибудь?

Старуха. Боже вас сохрани! Эти грубияны будут кричать на меня. Михалина выйдет из себя. Добрый человек, меня угнетают здесь. Она меня бьет. А доктор притворяется, что не верит этому.

Пастор. *(усаживая ее в кресло)*. Что вы! Да разве ваш сын разрешил бы?

Старуха. Сын? У меня нет сына... Неужели вы думаете, что я признаю сыном княжны Кейстут это чудовище? Да разве закон в Литве, чтобы мать признавала своим сыном плод насилия. Его отец изнасиловал меня...

Пастор. О, мадам...

Графиня. Я давно хотела рассказать все это... но кому? Я украла ключ у Михалины, чтобы посмотреть в зеркало, но Иисус милостивый послал мне свидетеля. Садитесь. Она спит. Она дрыхнет, проклятая ведьма. Ведь она сумасшедшая, надо вам сказать. И доктор тоже. Слушайте! Только не верьте, что я тоже сумасшедшая. Я была странная, и когда вы все услышите — вы не будете удивляться этому. Но это прошло. Слушайте. Самое главное то, что никому неизвестно, оборотень ли был граф Михаил Казимир? Слушайте, вы евангелический пастор?

Пастор. Да, графиня.

Графиня. Это нехорошо. Я католичка. И умру так. Но мой муж и все Шеметы, это ужасно — они еретики, они социнианцы, я говорю вам это. Но вы образованный человек. Скажите, бывают оборотни? В святом писании об них ничего нет?

Пастор. Их не бывает, графиня.

Графиня. Кто знает! *(Вперяет в него долгий испытующий взгляд.)* Вы не собираетесь ли обмануть меня? Предать? Какой же вы тогда служитель Христа? Ведь вы верите в сына божия?

Пастор. О да, не менее любого католика, графиня.

Графиня. Я не знаю, был ли он оборотнем... Но я все вам расскажу. И когда вы будете в Париже и увидите князя Ольгерда Кейстута — вы все перескажете ему. А что он умер — это их сказки. Только послушайте, поклянитесь мне евангелием, что вы не скажете Ольгерду, будто я стара и некрасива. Да он и не поверит таким вещам о своей Адели. *(Вздыхает и задумывается, пастор моргает и беспокойно ерзает.)* Так вот, слушайте. Совсем не правда, что я заболела от медведя. Конечно, он сломал мне ногу... Это ужасно было. Не надо вспоминать, потому что это ужасно, но я сразу потеряла чувства, когда из его пасти пахнуло вонючим огнем... И я пробудилась уже в постели. И все прошло. Только нога была сломана. Мне все рассказали: как он схватил меня, когда лошадь упала, как Игнась стрелял совсем пьяный и мог легко убить меня, но убил медведя. Это ужасно, не правда ли? Немудрено помешаться? Но я перенесла все. Я оправилась. Но когда граф явился ко мне ночью... Я еще была слаба... И отправил сиделку... Я не стану, конечно, всего рассказывать, но именно тут было самое ужасное. Он был тоже... тоже медведь. Он был медведь, был медведь, граф Михаил Казимир Шемет. Я не знаю, тот ли самый. Я не знаю этого теперь. Тогда я была уверена, что это тот. Я кричала... Как я кричала! Сиделка вбежала. Но он зарычал на нее, и она исчезла. Тогда он запер двери... Ах... нет, нет, со мной не будет припадка, не бледнейте... Я защищалась, кричала: медведь, медведь! А он яростно хрипел: ты с ума сошла! Он рычал и опять тот же оскал и тот же зловонный огонь из пасти, близкие глаза, жуткие, совсем близко, око к оку, не как у людей... И я опять поте-

ряла сознание... Тут-то время бросилось бежать. Длинные ночи и дни по несколько минут. Да... оно летело. Ведь не только я постарела, но и этому зверенку теперь уже 15 лет... Сегодня может быть, уже больше. Я его не вижу. Он меня боится. Я всем говорю, кто он. Но ведь я никого не вижу. Доктор и Михалина — его клевреты. Но я умна. Вот я, наконец, рассказала правду, всю правду... Больше нечего рассказывать. Нет, нет, не удерживайте меня, милый. Нет, нет, Михалина может проснуться. Ведь у нас тайное свидание с вами. Вы совсем не похожи на моего кузена Ольгерда. Но вы его увидите в Париже. Он там. Хотя он горд, но вы сможете прямо прийти к нему, когда скажете, что вы от княжны Адели. Ах, что бы послать ему? Локон волос? Но они... несколько испортились, он не узнает их, он не поверит. Хотя у меня те же духи. Что бы послать?.. не знаю... Вот что *(внезапно порывается к нему и долгим поцелуем целует его в губы)*.

Пастор *(барахтаясь)*. Графиня... мадам... боже мой...

Графиня. Вот... передайте же ему это, милый! Это ему, а не вам. *(Лукаво улыбается.)* И больше не держите меня, милый. Нельзя, нельзя. Но если хочешь — я приду в другой раз. Тот поцелуй ему, а этот, воздушный — тебе.

(Грациозно посылает ему рукой поцелуй, делает изящный и кокетливый реверанс, тихо смеется и легко ускользает в дверь. Дверь закрывается, слышен негромкий звон замка.)

Пастор *(минуту не может прийти в себя)*. Ошеломляюще... Куда я попал? Надо ли записать и это? У меня кружится голова. Как она странно надушена. Вся комната полна запахом увядших роз... Как бьется сердце! *(Подходит к окну и распахивает его.)* Ночь темна и свежа.

(Вспыхивает молния. Пастор вскрикивает и отшатывается: на дереве против окна полувисит, полу-

сидит человек, который с любопытством, а в это мгновение со страхом смотрит на пастора. Это мгновение вспышки... все снова погружается в тьму.)

Пастор. Вор! *(Бросается к канделябру, высоко подымает его и освещает пространство за окном, но там никого нет, только дерево у самого окна.)* Или померещилось?.. Жуткий дом... *(Ходит по комнате.)* Заснешь тут!.. Позвать кого нибудь? (Крик петуха.) Слава богу, утро близится. Жуткий дом Мединтилтас. Помолись богу, Каспар Фюрхтегот...

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Та же декорация. Позднее утро. Окно отворено. В него светит солнце сквозь ветви большого, по осеннему золотого, дуба. Слышно пение птиц. Пастор в углу без сюртука умывается. Казачок льет ему воду из рукомойника. Стук в дверь.

Казачок. Ой, ой, подождать надо. Пан умывается.

(Дверь отворяется, входит граф в бухарском халате и ермолке, с чубуком в руках.)

Граф. Ну, ничего... Я подожду здесь.

Пастор *(торопливо и сконфуженно)*. Сейчас, я готов. *(Поспешно вытирается полотенцем.)*

Граф. О, не беспокойтесь! Я понимаю, что вы не могли сегодня встать рано. Мне доложили, однако, что вы уже проснулись.

Пастор. Сейчас... Вот... *(надевает сюртук, который держит ему казачок и от торопливости несколько раз не может попасть в рукав).*

Граф *(садится в кресло и курит. Когда пастор готов — сидя протягивает ему руку)*. Вашу руку, пастор Виттенбах. Я и есть Михаил Шемет, к вашим услугам. Как спали?

Пастор *(пожимает руку графу и садится на стул около стола)*. Хорошо... очень хорошо.

Граф *(улыбаясь)*. Вам никто не мешал?

Пастор *(нерешительно)*. Н-нет... Нет.

Граф. Мне говорили, что мой грубиян — Брэдис — позволил себе занимать вас своими россказнями до поздней ночи?

Пастор. О, я весьма благодарен доктору Брэдису...

Граф. Вы — любезнейший человек. Защищайтесь здесь от всех, от меня в том числе. Мы — глушь: изголодались по образованным людям.

Пастор. Помилуйте...

Граф *(казачку)*. В минуту завтрак пану. *(Казачок исчезает. Граф неожиданно краснеет и сконфуженно смеется.)* Как вы на меня посматриваете, господин пастор? Узнаете? А? Пастор?

Пастор *(нерешительно)*. Мне... кажется...

Граф. Ну да... ну да... вы меня узнали. Это был я! Вы захватили меня за большой шалостью.

Пастор. О, что вы, граф...

Граф. Весь день я провел с головной болью, запершись в своем кабинете; ночью, когда миновала гроза, вышел в сад. Ваше окно было освещено, и я не сдержал любопытства... Я бы должен был назвать себя, когда вы меня увидали, представиться, но положение было слишком смешным... Я устыдился и бежал... Ради бога, простите, что я нарушил вашу работу.

(Горничная вносит поднос с завтраком.)

Граф. А вот ваш завтрак. Я очень прошу вас не стесняться меня и спокойно кушать ваш кофе. Закусывайте, пожалуйста... Я думаю, разговор мой вам не помешает.

(Горничная устраивает завтрак на столе вместе с казачком и оба уходят. Разговор продолжается и при них.)

Пастор. Я крайне счастлив...

Граф. Итак, одна из целей вашего приезда ко мне—познакомиться с «Самогитским Катехизисом» отца Левитского?

Пастор *(присаживается к столу и наливает себе кофе.)* О... Мне интересен... край... Я польщен знакомством с графом. Мне надо произвести некоторые исследования, укрепить мое нетвердое знание литовских наречий... Но катехизис глубоко меня интересует. Некоторые ученые решаются отрицать самое его существование.

Граф. Они ошибаются. Желая загладить мою вчерашнюю неловкость, я сам сегодня утром разыскал ваш клад в моей библиотеке. *(Вынимает старинную книжку из кармана халата.)* Вот вам Самогитский Катехизис.

Пастор. Боже *(торопливо берет книгу)*. Это он... это он... Вы позволите изучить?

Граф. Он ваш, пастор Виттенбах.

Пастор *(вставая.)* Как мне благодарить...

Граф. Никак... Итак, главная ваша цель—перевести Евангелие на наш мужицкий язык?

Пастор *(садясь)*. Именно. Библейское общество...

Граф. Благородная цель. Но разрешите мне маленькое замечание, пастор: ни один жмудин не умеет читать, ха-ха-ха!

Пастор. Может быть. Но ваше сиятельство разрешит мне, со своей стороны, указать, что отсутствие книг и служит

препятствием к грамотности. Будут книги — будут и грамотеи. У многих дикарей это было так... О, о, ваше сиятельство, не подумайте, что я приравниваю здешнее население к дикарям.

Граф. Дикари, дикари... Ну что же, ваше усердие во всяком случае похвально, а ваш филологический интерес к нам льстит нашему самолюбию. Только иногда на этой почве встречаются курьезы: недавно мне прислали из Кенигсберга собрание наших дайн, напечатанное немецкими буквами; признаюсь, я не мог их читать, ха-ха-ха!

Пастор. Дайны Лесснера?

Граф. Кажется... А уж в смысле поэзии, это прямо идиотские штуки.

Пастор. О, зачем же... Но, конечно, тут интерес, главным образом, филологический... Однако я питаю надежду... Надеюсь набрать здесь более нежных цветов народной поэзии.

Граф. Нежные цветы у литовцев? У мужичья... Что вы!

Пастор. Однако несколько недель тому назад мне дали в Вильно запись превосходной дайны, замечательной как в историко-бытовом отношении, так и в поэтическом *(достает бумажник и роется в нем)*. Запись со мною: позвольте мне хоть несколько строк...

Граф. Сделайте одолжение. Только не забывайте пить ваш кофе. Вы простите, что я курю трубку. Я и вообще любитель, а уж слушать поэзию без табаку, воля ваша — не могу вовсе.

Пастор. Дайна озаглавлена: «Будрыс и его сыновья».

Граф. Будрыс и его сыновья?

Пастор *(читает.)* Зовет старый Будрыс на передний двор троих сыновей, истых литвинов, как он сам, и говорит: «Кормите ратных коней, снаряжайте седла, вострите мечи да копья. Слыхал я в Вильно: будут трубить три похода

на три стороны света. Ольдгерд грянет на русские посады, Скиргел на ляхов, Кейстут на тевтонов. Вы крепки и здоровы: послужите-ка краю, да помогут вам литовские боги! В этот год я не еду, а вам дам по совету на все три дороги. Первый пусть едет с Ольдгердом на Русь к Ильменю под стены Новгорода, там собольи хвосты, а серебра у купцов, что льду.

А другой пусть идет с князем Кейстутом бить собачьих детей крестоносцев. Там янтаря, что песку, сукна чудного лоска, а поповские ризы в брильянтах. За Скиргелом пусть летит третий за Неман. Хоть скарб там убогий, да зато оттуда привезет он мне добрую сноху.

«Ведь полячки-коханки всех пленниц земли милее: веселы, как котята, белы, что сметана, брови и ресницы черны, а очи как звезды!

Г р а ф. Ха-ха-ха! Я очень извиняюсь, г. Виттенбах, но я не могу удержаться от смеха: пастор, пастор, кто так подшутил над вами? Вы, конечно, прекрасно читаете эту мнимую дайну, но это точный перевод, и хороший, на наш мужицкий язык польской баллады Мицкевича.

П а с т о р *(пораженный.)* Что вы?! Как?

Г р а ф. Кто-то хотел презло подвести вас... Подкопать вашу ученую репутацию.

П а с т о р. Боже мой!.. Какое вероломство... Мне дала эту дайну весьма образованная паненка, с которой я имел случай познакомиться в Вильно у княгини Катажины Пац.

Г р а ф. Эта паненка была обманщица... И ловкая, и злая. Нельзя ли узнать ее имя?

П а с т о р. Панна Ивинская.

Г р а ф *(вставая).* Панна Юлька. Моя соседка. Ах, проказница! Можно было догадаться сразу. Эта девочка провела вашу великую ученость, пастор. Да, это чудесная баллада Мицкевича, которая еще лучше звучит в переводе Пушкина.

Пастор. Я ошеломлен... Какая... Как...

Граф. Так вы знаете панну Юльку?

Пастор *(растерянно)*. Имел честь быть ей представленным.

Граф. И очарованы? А? Разве можно знать ее и не быть ею очарованным?

Пастор. Действительно — она обворожительна... Я редко встречал столь... как сказать... кружащее голову существо.

Граф. Ха-ха-ха... Кружащее голову? Так что она вам показалась очень милой?

Пастор. Очень.

Граф. Всем так... А между тем...

Пастор. Она красавица.

Граф. Нну?.. Не знаю...

Пастор. Я не видел глаз красивее.

Граф. Неужели? Что касается меня, то если я нахожу что-нибудь хорошего в ней — так это необычайную белизну ее кожи. Снег. Она прозрачна. Видишь, как переливается кровь в ее жилах. Правда? Но она и холодна, как снег. Панна Юлия — бездушная кокетка. О, я знаю ее хорошо. *(Ходит по комнате.)* Каждое лето она со своей сестрой — вот это настоящий ангел в отличие от старшей... гостит у своей тетки в Довгеллах. Их усадьба возле села того же имени, которое вы проезжали... Панна Юлия, о, я хорошо ее знаю *(снова садится и пускает облака дыма)*. Да, простите, мы говорили о народной поэзии?

Пастор. Совершенно верно, граф.

Граф *(неожиданно вновь смеясь)*. Этакая проказница... Со скуки, конечно... Она очень скучает. Живет, как в монастыре.

Пастор. Она очень много выезжала в Вильно. Как раз я встретил ее на балу, который княгиня Пац давала в честь офицеров русского гарнизона.

Граф *(вновь вставая)*. Ну да, ну да... Вот, вот. Самое подходящее общество для нее. Тут-то она дает волю своему легкомыслию... Только и слышишь ее смех. Всех дурачит, всех увлекает, над всеми издевается. А, в конце концов, какой-нибудь щелкопер ад'ютант женится на ней и увезет ее в Петербург... Что ж, она и там поблистает несколько лет, все так же пусто. Она проживет жизнь без единого сильного чувства, как какое-то смеющееся привидение. Разве этот постоянный хохот, эта игра — счастье? И разве она может принести счастье кому-нибудь другому? Человек интересен ей, пока он в нее не влюбится. А это обыкновенно случается скоро. Потом она помучит немного, и человек ей надоедает... Она уже увлекает другого, третьего. Право, она и сама, может быть, так чудовищно привлекательна только на первое время. Допустим, вы поймали эту стрекозу, которую так трудно поймать. И что же? Что вы с ней будете делать? Разве она может жить любовью, привязанностью? Привязанность и панна Юлька! Тотчас опять романы, или начнет скучать и увядать, как вот здесь. Панна Довгело вынуждена и сюда выписать для нее гостей офицеров, русских лоботрясов. Ах, удивительная девушка: абсолютно не способна к любви, а живет только любовью, как-будто ее цель — влюблять в себя все, что встречается по дороге. Вы знаете, когда она зацепилась за куст роз, она рассмеялась игриво и сказала: «Ах, ты шалун. Тебе хочется, чтобы я побыла с тобою? Вот тебе сладкое наказание!», и она отломала несколько роз и приколола их к груди и волосам... *(Пауза.)* Ей предстоит пустая жизнь. Впрочем, что нам за дело до нее. Правда? А жаль, что она совсем не годится в пасторши? Вы ведь не женаты, Виттенбах?

Пастор. Нет... Но я помолвлен.

Граф. Это лучше. А то «кружащее голову созданье»... Это ведь Цирцея. Молодой пастор, несмотря на свои очки, очень приятный — не хуже, конечно, розового куста.

(Входит казачок.)

Казачок. Ясновельможный пан граф, пан доктор просит великодушно простить его. Он очень просит после разговора с паном пастором уделить ему немного времени.

Граф *(нахмурившись)*. Вот как... Пускай придет сюда. *(Казачок уходит.)* Брэдис мужлан. Не глуп. Но груб... Он будет говорить мне неприятности. Пусть говорит при вас. Я извиняюсь, но вы позволите? У нас есть споры, в разрешении которых вы, может быть, примете участие. Я чувствую к вам большое доверие, Виттенбах, *(протягивает ему руку)*.

Пастор *(встает со стула, подходит и жмет руку графу)*. О!

Казачок *(входит)*. Ясновельможный пан граф, пан доктор просит разговора отдельно.

Граф. А я приказал ему прийти сюда. Понятно? Скажи Брэдису, что у меня есть сведения, что пан Виттенбах и так все знает. Так и скажи ему. Его сиятельство уверено что пан Виттенбах и так все знает. Так и скажи.

(Казачок уходит.)

Граф. Вы, пастор, знаете наши секреты *(принужденно смеется)*. Вчерашняя ночь вас хорошо ориентировала... Не будем говорить об этом... Мужлан волнует и злит меня. Хотя он славный парень... по-своему... Впрочем, вы увидите, как я буду с ним спокоен, хотя он будет говорить вещи, за которые надо было бы вышвырнуть его в окно. Гей. *(Вбегает казачок.)* Трубку переменить! *(Казачок убегает с трубкой, граф удобно усаживается в кресло.)* Садитесь, пастор, рядом со мной и чувствуйте себя, как в театре.

(Входит Брэдис.)

Брэдис. Здравствуйте, ваше сиятельство.

Граф. Добрый день, Брэдис.

Брэдис. Здравствуйте, г. Виттенбах.

Пастор *(встает, подходит к Брэдису и жмет ему руку)*. Здравствуйте, доктор.

Граф. Садитесь, Брэдис.

(Брэдис садится.)

Граф. О чем поведете речь?

Брэдис. Я хотел поговорить с вами, ваше сиятельство, уже давно, но вашему сиятельству все было недосуг, как это ни странно при нашей не столь уж переполненной делами деревенской жизни. Сегодня ваше сиятельство нашло время для длительной беседы с г. Виттенбахом, и я подумал, что и мне удастся, быть может...

Граф. Ну вот: удалось.

Брэдис. Я предупредил ваше сиятельство, что разговор имеет такой характер, что требует некоторой конфиденциальности.

Граф. Дело о ваших личных секретах, что ли?

Брэдис. Нет, — о делах, ваше сиятельство.

Граф. Тогда предоставьте мне, Брэдис, знать, с кем мне быть откровенным.

Брэдис. Я боялся, что именно мне не удастся, быть-может, установить границы желательной вашему сиятельству откровенности в присутствии человека, вчера ночью появившегося в Медынтилтасе и только один час имеющему счастье быть знакомым с вашим сиятельством.

Граф. Говорите все.

Брэдис. Тем лучше: дело, о котором я хочу говорить, так благородно, что во всяком случае не мне бояться просвещенного свидетеля.

Граф. Ну и прекрасно. Приступайте.

Брэдис. Я хочу вернуться к разговору, который мы неоднократно вели с вашим сиятельством, не доводя его до конца, не делая из него практических выводов, без которых он является простым препровождением времени.

Граф. Гм...

Брэдис. Я исхожу при этом из моих глубочайших убеждений, которые в принципе не отвергает и ваше сиятельство. *(Пауза.)* Ни я, ни вы—надеюсь, господин пастор, не принадлежим к числу Панглосов, полагающих, что все наилучше устроено в этом наилучшем из миров. Природа — и та поддается улучшениям. Ум и воля призваны постепенно приспособлять ее к нужде человеческого рода. Это более верно касательно устоев человеческого общества... Из них многие являются наследием времен варварских, темных и жестоких. Не надо быть якобинцем, чтобы стремиться внести в жизнь посильные поправки. Мы редко видим, чтобы монархи и вельможи, у которых столько возможностей, были бы не то что достаточно просвещены умом, но достаточно проникнуты благими идеями, чтобы сколько нибудь решительно проводить их в жизнь, особенно, если они идут вразрез с их эгоистическими интересами.

Граф. Замечательно говорит, не правда ли, Виттенбах?

Брэдис. Я хочу говорить с максимальной убедительностью и краткостью: этого требует и святость дела, и уважение к вашему сиятельству.

Граф. Замечательно говорит.

Брэдис. Ваше сиятельство находится как раз в таком положении, что может совершить великий акт, находящийся в полном соответствии с передовыми идеями века, долженствующий осчастливить тысячи добрых людей, прославить имя вашего сиятельства...

Граф. Завидный дар слова!

Брэдис. Ваше сиятельство знает, в чем дело. Дело в составлении духовной, по которой ваше сиятельство, как лицо, не имеющее сколько-нибудь близких родственников, отказало бы всю немайоратную часть своего имущества, а она составляет три четверти состояния вашего сиятельства, крестьянам вашего сиятельства, кои составили бы для сего особое общество, или братство за круговою порукою, об'-

емлющее все деревни и все семьи дворовых вашего сиятельства.

Граф. Да... это верно, Виттенбах. Я — холостяк без родственников. Отдав бедным труженикам мое имущество — я обираю только русский фиск, к которому—видит бог— родственных чувств не питаю, ха-ха-ха.

Брэдис. Совершенно справедливо, ваше сиятельство.

Граф. Но, Брэдис, не надо считать меня дураком.

Брэдис. Да сохрани меня разум от такой дикой мысли.

Граф. Я вас не считаю дураком... ну и не делаю вам предложений совершить глупость.

Брэдис. Позвольте, чем же глупо мое предложение?

Граф. Да ведь, если не вы сами, то первый мужик, узнавши о существовании такой духовной, — при первом благоприятном случае почтет своим приятным долгом укокошить меня. Считая вас умником — не поручусь, что этого не сделали бы вы.

Брэдис. Ваше сиятельство!

Пастор. О!

Граф. Если меня зарезать—то, пожалуй, суд отречет завещание, но если извести меня исподволь, по-докторски, научно, — кто будет знать?

Брэдис. Никогда не предполагал я, что в голове вашего сиятельства зародится столь чудовищное предположение. Чем подал я повод считать меня преступником?

Граф. Умом. Будь вы даже чистым идеалистом, вроде какого-нибудь там Сен-Жюста, или Сен-Симона, вы и тогда могли бы это сделать, чтоб приблизить пору счастья для этих вот ваших бедных тружеников ценою... чорт возьми: ценою сокращения на 20 лет, я предполагаю столько прожить, Брэдис,—лет на двадцать жизни бесполезного трутня. А? Клянусь богом, будь я на вашем месте, а вы на моем,

удайся мне убедить вас сделать такое глупое преждевременное завещание, я бы очень скоро препскусно отправил вас к одураченным праотцам держать там ответ, ха-ха-ха!

Брэдис. Я возмущен!

Граф. Напрасно. Говорю вам только, что я сделал бы так. Но я добавлю: вы вовсе не Сен-Жюст, Брэдис, о нет. Вы рассуждаете в вашей умной голове доктора из мужиков: крестьяне создадут общество совладельцев этого препорядочного-таки имущества, — кто же будет его руководителем, защитником, фактическим хозяином?—Ну, конечно, мужицкий трибун — доктор Брэдис. И вот Ян Брэдис в'едет патроном в Мединтилтас; Брэдис будет, так сказать, некоронованным графом этих мест. Ха-ха-ха! Вы видите, я действительно не глуп.

Брэдис *(вставая)*. Мне следовало бы прервать немедленно разговор после двух ужасных оскорблений... Но дело выше моих личных побуждений... Я клянусь вам...

Граф. Чем? Богом? В которого вы не верите?

Брэдис. Раз вы в такой мере не доверяете мне...

Граф. То и сделаю так: на смертном одре, прежде чем отдать богу душу, — я продиктую нотариусу завещание, о котором вы говорите. Не раньше. Да еще с оговорками, которые ставили бы вас под контроль и подчинили бы вас моей загробной воле на те немногие года, на которые вы меня переживете, Брэдис, потому что между нами всего шесть лет разницы.

Брэдис. Я надеюсь и желаю, чтобы ваше сиятельство надолго пережили меня.

Граф *(иронически)*. Благодарю вас. Что ж, разговор окончен?

Брэдис. Ваше сиятельство, вы играете мною! Безобразная мысль о возможности посягнуть на ваше сиятельство, после такого благодеяния, на деле не могла притти в голову его сиятельству; ваше сиятельство не Маккиавелли.

Граф. А вы?

Брэдис. Ни я, ваше сиятельство.

Граф. Жаль. Значит, вы не доросли еще до него. Возьмите его сочинения, Брэдис, в моей библиотеке и перечтите.

Брэдис *(волнуясь)*. Ваше сиятельство все шутит. Оставить духовную до последнего часа, когда каждый человек зависит от случайностей, а в особенности охотник, наездник, как ваше сиятельство, значит, ставить дело столь великой частной и общей важности в зависимость...

Граф. Брэдис, зачем вы врач? Вам нужно было стать адвокатом. Мне нравится это, это... столь великой частной и общей важности... Мне нравится.

Брэдис *(дрожащим голосом)*. Перестаньте же шутить, ваше сиятельство!

Граф *(улыбаясь)*. Ррр... Слышите, как он рычит, Виттенбах? Всякий литовский мужик потомок медведя. *(Надменно.)* Кто может, уважаемый доктор, запретить мне шутки в моем замке? Кому не по нраву шутки графа Шемета — тот свободен покинуть его кров. *(Меняет тон и смеется.)* Ррр... Это я дразню его.

Брэдис *(бледный и почти вне себя)*. Я предпочитаю выбрать иной час для беседы с вашим сиятельством. Настроение вашего сиятельства...

Граф. Превосходнейшее. Редкое. Сегодня или никогда. Кончим, кончим, Брэдис. Конечно, вы правы... Риск... Но что ж поделаешь: я предпочитаю, чтобы риск этого благодеяния лежал на других, а не на мне, дорогие пейзане. Ха-ха-ха!

Брэдис. Вы дурачитесь!

Граф. Вы забываетесь!

Брэдис. Потому что дело обстоит совсем не так, как вы говорите. Вы, вы...

Граф. Он сейчас перейдет со мной на ты, Виттенбах.

Брэдис. Извиняюсь, я извиняюсь, ваше сиятельство. Но я знаю, в чем дело. Ваше сиятельство собирается жениться.

Граф. Как? Без вашего разрешения, Брэдис? Да как же я посмел бы?

Брэдис. Но отчего же ваше сиятельство не скажет этого прямо?

Граф. Потому что это дело еще кривое. Бабушка надвое сказала: не то женюсь, не то застрелюсь. Ха-ха-ха!

Брэдис. Женитесь, непременно женитесь, ваше сиятельство. Я желаю счастье вам и нареченной. Желаю побольше детей графу и графине...

Граф *(раздраженно и хмуро)*. Благодарю, благодарю.

Брэдис. И чтоб вышли в дедушку, в прадедушку. Или по возможности превзошли их.

Граф *(грозно хмуря брови)*. Брэдис!

Брэдис. Еще и сейчас, да вероятно волею царей и через четверть века, можно будет разрывать дворовых собаками, собственноручно засекать до смерти девушек. Еще можно будет терзать людей и пить их кровь...

Граф *(в бешенстве вскакивает)*. Брэдис, я убью вас!

(Пастор встает, полный беспокойства. Граф и доктор смотрят друг на друга с ненавистью.)

Брэдис *(наружно спокойный)*. Кто же тут рычит? Кто тут потомок медведя?

Граф *(замахиваясь чубуком)*. Брэдис!

Брэдис. Но меня бить нельзя, я, к счастью, уже не крепостной ваш.

Граф. Я убью тебя!

Брэдис *(выпрямляясь)*. Вот я... Троньте меня пальцем. Я тоже не мальчик. Угодно учинить кулачный бой между графом и мужиком?

Граф *(пересиливает себя и садится в кресло)*. Идите вон!

Брэдис. Женитесь, граф Шемет. Только помните, что для вас лучше стать убийцей, чем отцом. *(Пауза. Граф, вцепившись руками в ручки кресла, тяжело дышит.)* Вам хорошо известны ваши предки, да и вы сами хороши. Разве вы не чувствуете в эту минуту, какой зверь сидит в вас? Вы еле сдерживаетесь, и того и гляди...

Пастор. Доктор, прекратите же это... нельзя так, нельзя больше...

Граф. Оставьте его... пусть говорит.

Брэдис. И я скажу. Ваша мать безумна в полной мере. Как врач могу сказать вам с точностью таблицы умножения: ваши дети будут кровожадными извергами, убийцами, преступниками...

Граф. Дьявол! *(С искаженным лицом бросается на Брэдиса, хватает его за горло и душит. Брэдис пытается обороняться, но колени его подгибаются, он хрипит.)*

Пастор *(хватая руки графа)*. Умоляю, умоляю, бог в небе, что вы делаете! Опомнитесь, граф!

Граф *(выпускает Брэдиса и отталкивает его от себя)*. Я опомнился. *(Падает в кресло.)* Благодарю, Виттенбах. Я мог... Я мог убить его...

Брэдис *(подходит к нему)*. Я этого не могу так оставить. Вы меня оскорбили. Я требую сатисфакции.

Граф. Стреляться? — Извольте...

Пастор. Нет, господа, я был полуневольным свидетелем этой горестной сцены, и должен сказать по-чести: оскорбление было взаимным. Вы... Как сказать, бог в небе! Вы прямо пытали друг друга. Это хуже дуэли, такой разговор. Вы должны простить друг друга.

Граф *(делая попытку засмеяться)*. Я готов. Я действительно сыграл дурака, буяна. Вы уже победили меня в этом

соревновании, Брэдис. Я думал раздразнить вас, а сам преглупо вышел из себя. Мир. *(Протягивает руку.)*

Брэдис. Я рад, что вы не чувствуете себя оскорбленным. Но я, плебей...

Граф. Полно, полно, добрый Брэдис, друг, благородный республиканец. Полно... Я говорю серьезно: вы были правы. Правы граждански, научно, человечески. Нет. Я не должен жениться, я не смею жениться. Пастор, я иду одеться. Мы сейчас же едем в Довгеллы. Вы и я. Вы будете свидетелем. Я зашел несколько далеко с этой девушкой. Дальше, чем позволяет это моя судьба. Я при вас сам скажу девушке, что я готов был полюбить ее... но... но, что я... урод... чудовище... и не должен, не могу... И что я теряю? Она, она не любит меня, она холодна, пустая кокетка, обольстительная кукла, созданная чортом на погибель. Мы об'яснимся с нею. При вас. А то ведь, чего доброго, без вас я и там выскочу из себя. При вас, а когда я вернусь из Довгелл, я немедленно напишу духовную и отдам ее тебе, тебе, Брэдис. Мой Брут, мой Гален и кто там еще... Ну доволен? Руку же!

Брэдис. Я боюсь ваших порывов.

Граф. Перед Виттенбахом клянусь тебе моей графской честью — не порыв, а решение. Все будет так.

(Брэдис подает ему руку.)

Граф *(пожимая руку)*. Вот так. Теперь идите, доктор.

(Доктор кланяется и уходит. Граф с поникшей головой молча сидит в кресле. Пастор смотрит на него сострадательно. Тихонько касается его плеча.)

Пастор. Вам горько?

Граф *(долго смотрит на него)*. Очень. Но моя вспышка — лишнее доказательство того, какой я негодный человек.

Ни слова, Виттенбах. Никаких утешений. Готовьтесь к нашей поездке. Поедем мы в кабриолете? Верхом?

Пастор. Как вам угодно. Я четыре года прожил в перуанских степях, я хорошо езжу верхом.

Граф. Верхом тогда. Не делайте кислой физиономии, мой превосходнейший господин Виттенбах. Со стороны это, право, должно быть интересно. Говорю вам: чувствуйте себя, как в театре. *(Подходит к двери.)* Да, я займусь своим туалетом. Полный дом дам. *(Смеется.)* Если хотите произвести впечатление — приоденьтесь. О, вы имеете шансы. Вы похожи на Шиллера, ха-ха-ха! *(Уходит.)*

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Парк в усадьбе Довгелло. Подковообразная площадка. Сзади фонтанчик, соединенный с подковообразной скамьей. Полукругом расположены растения за скамьей и по сторонам ее: внизу роскошный цветник астр, георгин, настурций и иммортелей, выше их ярко-желтый, почти лимонно-золотой кустарник и еще выше трагические лапы до крови покрасневшего клена. Погожее осеннее утро. Брэдис в кожаной куртке, фуражке и высоких сапогах со шпорами. Мария в белом с длинными косами, в оранжевой шали на плечах, на шее у нее янтари. Она высока и тонка, очень бледна с большими, как бы несколько экзальтированными глазами, шатенка.

Брэдис. Нет, панна Мария, мне туда нельзя итти. Вы знаете, что я вместе с графом у вас не бываю. А так — я не прячусь. Что ж мне прятаться? Я из любви моей к вам не делаю тайны. Ни перед вами, ни перед другими. По происхождению я — мужик, но не больше ли мне чести, что я стал доктором, что меня называют благодетелем мои братья во всей округе, что мои труды печатаются в России, Польше и Германии... У меня и прошлое чистое и будущее, надеюсь, ясное, а, может быть, и славное. Ведь вы же меня не презираете, панна Мария?

Мария. Вы знаете, пан Ян, что я вас глубоко уважаю, что я — ваша благодарная ученица.

Брэдис. Да, не замечал я, чтобы и панна Августа при всех своих феодальных предрассудках меня презирала.

Мария. Тетя тоже вас уважает.

Брэдис. А пренебрежительные мины панны Юлии меня не трогают. Что мне она? О, я очень завишу от панов на Довгеллах. Здесь мое счастье. Когда я кончу мое дело, его первую важнейшую часть — я смело и прямо приду, как всегда приходил к вам в гости на чашку чаю, скажу вам и панне Августе, что моя заветная мысль—назвать вас своей женой. *(Мария опускает голову и молчит.)* Мне не надо тайных свиданий. И не подумайте — вы ведь знаете вашего Яна — что я боюсь графа... Ха! Я еще никого не боялся, и надеюсь во всю жизнь никого не испугаться. Видели бы вы, панна Мария, какой разговор у нас с ним был вчера утром. Грызлись мы, как два барса. И я таки загонял его в нашей словесной дуэли, как сказал этот пастор, с которым он вчера к вам и приехал. Так загонял, что он дух не мог перевести, а после кинулся на меня, как раздразненный медведь. Но попал на рогатину, панна Мария, и как ни рвался и ни бился—сдался. Ха-ха-ха! Сдался ясновельможный медведь.

Мария. Но ведь это делает ему честь.

Брэдис. А... Честь. Я так веду свои дела уже девять лет, что разбудил в нем и честь. Она таки нужна мне, его не графская, конечно, а человеческая честь. Ах, Мария, я воспитал в нем и понимание науки и чувство... Я веду свое дело с умом, тактом, широко и глубоко.

Мария. Все так, пан Ян, но надо всегда сказать правду: он благородный человек.

Брэдис. Насколько благородный нобиль может быть благородным человеком.

Мария. Ему же труднее, чем вам проникнуться новыми идеями.

Брэдис. Тем хуже...

Мария *(с некоторым нетерпением)*. Пан Ян, не надо отрицать ничьих достоинств. Вы как-то восхищались, что я преклонилась перед учением ваших учителей, хотя я дочь помещика, который ведь тоже был в свое время богат, чуть не как Шеметы. Ивинские—старая, по всей Польше знатная шляхта. Мои предки стояли у самого трона королей, считали подданных многими сотнями. И что они социнианцами стали и были опорой чистого христианства у себя, как Шеметы—здесь, так ведь это сделало всю нашу семью еще богомольнее. И вы говорите: славно, панна Мария, славно, что вы смогли увидеть настоящий свет впереди и не ослепли от ложного блеска сзади. А граф Шемет, ведь он — граф Шемет. Ведь еще отец его был великолепный деспот. А он, смотрите, он почти наш.

Брэдис. О-о, не преувеличивайте, панна Мария.

Мария. Пан Ян, я еще от матери, хоть она была добрая социнианка, научилась правилу, которое новое евангелие, которое сами Сен-Симон и Базар могли только во мне укрепить, — правда.. *(Ее глаза сверкают при этом слове.)* Правда! о, пан Ян. Не верно разве, что человек тем достойнее, чем он больше себя отдает высокому? — Королю, отечеству отдавались, за имя божие и Христово страдали, за истинную веру в бога единого, а не тройного, боролись, а я высшую правду познала. Но ведь все добрые были, есть и будут за правду. Правду в великом надо блюсти, и в малом, пан Ян: и к врагу, и к тому с правдой... А он и не враг.

Брэдис. Учите меня, дорогая ученица. Я знаю, какое вы бесценное сокровище. Когда говорите — так в вас вижу самое правду, и готов преклонить колени.

(Опускается на одно колено и целует ее руку. Мария ласково смотрит

на него. Брэдис подымается, отходит на несколько шагов и говорит с некоторой горечью.)

Только и к себе правда, а для этого нужна большая зоркость, светлая моя панна. Только ли ради правды стоите вы так за Шемета? Уж пусть между нами будет вся правда до самого конца. И первое, панна Мария, почему ни разу вы еще мне не обещали, что будете моей женой? *(Мария вспыхивает, хочет что-то сказать и опускает молча голову.)* Ну, девичья стыдливость. Хоть пора бы ее отправить на чердак со щитом Довгеллов, социнианским молитвенником и правилами доброй гувернатки... Ну, пусть... А вот второе — щемит у меня сердце, панна. Я вас редко вижу с Шеметом. И знаю, что у него в глазах одна панна Юлия. Но мне иные шутки вашей сестры, как нож в грудь.

Мария. Полно, пан Ян. Граф идет своей дорогой, а я своей иду. Я никогда не солгу... Никогда ни за что не солгу. Я его почти что люблю как будто.

Брэдис. О... Панна Мария.

Мария. Да постойте же. Потому что он такой бывает мрачный, такой бывает жалкий, словно его среди бела дня ночь окутала своим плащом, словно у него вместо сердца руины и там совы плачут и зловеще хохочут... Кажется мне иной раз, что нет на свете человека несчастнее графа Михаила. А вы, пан Ян, вы такой прямой и смелый и счастливый. Не вы, а он роком обижен: и смотрит иной раз так жутко-робко, словно себя боится, словно пощады просит, как смотрит зверь в клетке, — зверь которого больше бьют, чем кормят.

Брэдис. Эх, панна Мария. Сказки это, он и зол и груб достаточно. Я-то это знаю. Граф в нем во-какой сидит. И уж на-чистоту говорить, так это и в вас Довгелловская кровь рождает сантиментальную жалость. Ну, будет. Жалость так жалость, а дело делом. Любите меня, нет ли, но ведь вы — мой товарищ и соратник?

Мария. Всей душой, пан Ян, и, конечно же, я люблю вас.

Брэдис *(целуя ее руку)*. Так вот. Сегодня он должен об'ясниться с панной Юлией и сказать ей, что он, по наследственной роковой болезни, жениться не может и что потому предложения не сделает, хотя, мол, и любит ее... Ну, а кстати, при этом немножко отплатит ей за ее с ним игру и жеманство.

Мария. Сам говорил?

Брэдис. Не то, что говорил, а перед приезжим пастором поклялся мне в том графскою честью.

Мария *(задумчиво)*. Вот как сделал.

Брэдис. Да сделает-то так ли? Сильны над ним чары вашей сестры, Мария, сильна в нем страсть, я знаю, как сильна. Ведь он сохнет по ней, желтеет. Сидит, как сыч, сутками в кабинете, запершись. А мне говорили, будто в непогоду через окно, — подумайте, до чего рехнулся, — через окно вылезает из своей берлоги и рыщет по лесу под дождем и громом.

Мария *(широко раскрытыми глазами, почти с ужасом смотрит на него)*. Да неужто? До того дошел, бедняга...

Брэдис. Каково-то графу Шемету... Который головой готов всякую стену пробить, да и может. Так отказаться от того, чего сердце безумно хочет, ох, трудно! Он вдруг вчера схватился, заторопился, и честью клянется и свидетеля с собой зовет. Почему?—Себя боится пан граф. Разум, совесть его поскорее погнали, чтобы воля, чтобы страсть не проснулись. А я-то знаю—темное в нем сильнее. Что мне. Пусть бы и женился. Конечно, жаль панну Юлию, счастье ей брак никак не принес бы, а уж дети и подавно. Да мне-то что? Разве мало на свете несчастных браков. Но должно ли к этому несчастью прибавить гору целую людского горя, горя крестьянского люда, который останется в кабале? Нищете? Нет, панна Мария, со всех сторон этому браку быть не должно.

Мария. Так, пан Ян, так. Да и чего он добьется? Она-то бы за него пошла, я знаю. Она шалит и ломается, но знает, что граф—жених блестящий. Ей что рисуется?—Петербург, Париж. Быть при дворе. Туалеты, музыка, комплименты. Обожатели... Царица балов. Она такая, вы знаете. доктор, а он?—А его охотно бросила бы она в Медиптильтасе посылать ей побольше денег. И уж лучше так. Подумайте только, представьте только себе. Ясь мой, дорогой, вот такую пышную залу, где танцуют, шепчутся под мазурку, и ее в шелках, жемчугах, окруженную, смеющуюся, и его, в каком-нибудь углу, как он иной раз уж и тут сидит в углу, на нее смотрит: рот полуоткрыт, глаза жалкие и пот на лбу. А ведь тогда—муж, а он ревнив. Еле теперь сдерживается, когда она, как поводырь медведя за цепь, за губы, усмиряет его своей злой свободной насмешкой. Нет, Ясь, этому браку не надо быть.

Брэдис *(беря ее за руку)*. Хорошо сказала, Мария. И не только так ведь смотрит граф из-за угла на панну Юлию, когда та охорашивается райской птицей меж павлинами. Разве вы не видели, как иной раз надуется у него жила посреди лба, зубы сцепит так, что скулы шевелятся, глаза уйдут внутрь и станут маленькие, злые, зеленые, огонь ада в них тлеет. Смотрит... и не скажешь,—целовать он ее хочет, или с'есть. Ха-ха-ха! Ох, страсти клокочут в груди у Шеметов. А ведь он—девственник, однолюб. У него, как лава недр земли, из единого кратера все чувства хлынут на панну Юлию. Жутко это. И для нее, и для нашего дела, для дела крестьянского. Этому браку не бывать. И тут нужна ваша помощь, панна Мария.

Мария. А чем могу я...

Брэдис. Поговорите с сестрою и не откладывая поговорите, сейчас же. Она придет сейчас собирать к столу букеты. она ведь любит сама это делать, вот и поговорите. Чтобы было то еще до разговора с графом. А он, пожалуй, станет торопиться. Скажите ей... меня она слушать не станет, сделает минку, оборвет... но скажите ей и от меня, что

больше испугалась, что он — тяжелый, темный, страшный человек, что брак этот ей — гибель, как с Синей Бородой. Скажите, я, как врач, клятву даю, что болен он роковой болезнью...

Мария. Можно ли так? Не преувеличиваем ли мы?

Брэдис. Я же говорю вам: дети будут чудовища или идиоты. Да кто поручится, что когда-нибудь в припадке ревности не задушит он ее, как Отелло? Скажите ей это. Пострашнее скажите, страшнее, чем на деле, не скажете. Вы умеете жгуче говорить. Куда ведь ей, пустоголовой, пустосердой — простите меня за сестру, — до вас, моей звезды небесной... Попугайте же ее, ей на благо. Мало ли ей женихов еще будет по дороге встречаться? Постарайтесь только ради святого дела. Постойте, это чье там просвечивает красное платье? Она ж и есть. Идет. Слышите, напевает. Уйду, пока она меня не увидала. *(Целует Марии руку и поспешно уходит.)*

(Мария остается одна. Волнуется. Встает. Опять садится. Опускает голову, подымает ее и со слабой улыбкой кричит.)

Мария. Ау-у, Юлька!.. Я уж здесь. Поцелуй сестренку. Давай вместе ломать цветы.

(Входит Юлия, напевая вполголоса. Она очаровательна, и в красном легком платье, и еще более легкой другого тона красной шали, вся веющая и воздушная, — похожа на иные фигуры Ботичелли. Ее волосы золотые, она бела и нежно румяна, глаза лукавы и ясны, на маленьких губках ирония.)

Юлия. Ты здесь, Марися? *(Целуются.)* Маленькая, что это у тебя вид такой торжественный? Ведь панна Мария у нас прозрачная: все сразу насквозь видно. Ну, что?

Мария. Давай делать букеты, Юлия.

Юлия. Нет, это уж я сама, Мария. Ты знаешь, — я люблю цветы, как музыку и почти как танцы. И всюду с вашего позволения люблю *(комически)* творить. Почему у маленькой пуританки рожица беспокойная? Почему кисленькая? Почему мои глазки тревожные?—Ах, господи, догадалась. Я-то думаю, что это за черная фигура от меня убегает... Тут многоученый пан доктор был; Брэдис бредил и свою хорошенькую прозелитку, видимо, взволновал. А все-таки чорт бы побрал твоего Брэдиса.

Мария. Юлька, как не стыдно!

(Юлия молчит и собирает цветы.)

Юлия *(после паузы)*. Что поделаешь, не люблю.

Мария. А кого ты вообще-то любишь, Юлия?

Юлия *(занятая своими цветами, посылает ей воздушный поцелуй)*. Тебя, мудрилка.

Мария. Будь на миг посерьезней. *(Юлия отрицательно качает головой.)* Да, Юлька же... *(Юлия опять качает головой отрицательно)*. Мне надо с тобой очень серьезно поговорить.

Юлия. Говори серьезно, а я серьезной не буду *(напевает)*: все на свете мне смешно. И слава создателю, сотворившему меня. Останусь верна моему любимчику - дружочку, божочку крошке—Смехунчику *(с комической важностью)*: И перед алтарем сына сатаны Редибредискука не преклонюсь. Ха-ха-ха! Я тоже исповедница. Ты, Марися, специально родилась, чтобы быть мученицей. Вот я так прямо и воображаю себе тебя: вот ты вся в белом, на волосах венчик белых роз, глаза сияют... на арене. Тут император, понимаешь, сенаторы, весталки, толпа гудит. И вдруг львы выбегают... И к тебе прямо. Лакомый кусочек. Но каждый, как глянет в очи пророчицы, полячки Марии - Исповедницы,—так и ляжет, мурлыкая, к ножкам ее. А Нерон ка-

кой-то там кричит: принести мне красавицу в мой золотой дворец, на мое пурпуровое ложе...

Мария. Фу, какая ты бесстыдница, Юлька! Я даже не смеюсь *(смеется невольно)*. Бесстыдница какая!..

Юлия. Разве лев тебя тронет? Тетя говорит, что тебя даже комары не кусают, из уважения и умиления.

Мария *(с мрачной серьезностью)*. Никто меня ко львам не тащит, а вот ты в опасности.

Юлия *(хохочет)*. Да ну? А, понимаю: намек на моего Мишку, на моего чудесного медведя *(напыщенно)*, которому так хочется отведать меда моих уст. Вот, если ты будешь серьезна, так я стану до того торжественна, прямо, как похоронная процессия, и ты сама же будешь смеяться. *(Показывая букет.)* Хорош? Разве не живопись, а?! *(Высоко поднимает его над головой и любуется.)* Осенние цветы не пахнут, но так красивы... Правда, чопорные они немножко и трагические... Ну, что ж поделаешь: каждому времени своя краса *(напевает)*: «Ах розы, розы, зачем вы отцвели?»... Боже, Мария, как я розы люблю. Когда я буду графиней Шемет, у меня в будуаре,—не в противном Медintильтасе, конечно, а в Вене или в Париже, круглый год будут розы: кусты прямо. Всегда и на мне будут розы, самые разные. И меня будут звать: прекрасная графиня в розах.

Мария. Не болтай же ты без умолку: дай слово сказать.

Юлия. Я молчу и собираю другой букет, еще красивее.

Мария. Ты разве решила выйти замуж за графа Михаила?

Юлия. Решила.

Мария. Разве он тебе предложение сделал?

Юлия. Когда захочу,—сделает.

Мария. Нет, вот он приехал порвать все это с тобою.

Юлия *(выпрямляясь, смотрит на Марию)*. Кто сказал?

Мария. Брэдис.

Юлия. Ворона.

Мария. Граф при нем поклялся в том.

Юлия *(после мгновенного молчания).* А причина?

Мария. Причина, что он... болен страшной болезнью... Наследственно... О, такой страшной, что сказать нельзя!.. И дети у него будут чудовища...

Юлия *(опять начиная рвать цветы).* Очень мне нужны его дети...

Мария. Раз выйдешь замуж...

Юлия. Не говори мне, пожалуйста, ни о каких детях. Разве это прилично твоему возрасту? Опомнись! Скажите: дети. Мне, Мария-крошка, аист детей принесет. И прехорошеньких. Маленьких, как лягушаточки. А так как мне и самых хорошеньких детей воспитывать некогда будет, то я буду их тебе дарить.

Мария. Юлька же!

Юлия. А если пойдут чудовища,—можешь держать их в клетке.

Мария. Юлия, я требую внимания. Дело такое серьезное и страшное.

(Юлия вдруг громко вскрикивает.)

Мария *(вздрогнув).* Что? Что такое?!

Юлия. Ха-ха-ха! Это я чтобы тебя испугать. Видишь, какая ты зайчиха-трусиха. А я так ничего не боюсь.

Мария. Юлия, он безумный, он с ума сойдет.

Юлия. Вот и чудесно. Я приставлю к нему Брэдиса. Пусть граф со своей мамашей в пикет играет. Или в какую-нибудь игру с болваном. Ха-ха-ха... А за болвана — пан доктор.

Мария *(почти плача)*. Невозможная девчонка! Он убьет тебя, от ревности убьет.

Юлия. Так и убил. Скажу: Мишка, тубо, ложись. Ну? Почесать тебе ухо?.. Ну, ну, не ворчи, Мишка, хороший, хороший... Обмакни Мишкину лапку в мед, да соси. Так вот. А Юлька запряжет сто стрекоз в голубую коляску и поедет на ночной бал к Великому Моголу.

Мария. Юлия. Я не позволю тебе больше шутить. Дело идет о счастьи, о жизни.

Юлия. А то знаешь: возьми ты себе графа. Вот тебе я его уступлю.

Мария. Ну, дура.

Юлия. Право—тебе уступлю. С тобой уж он с ума не сойдет. Ревновать будет нечего. Будете вы жить в деревне. Если его детям суждено быть демонами, то ведь твои, наверно, должны быть ангелами. Вот—середина на половину - будут себе люди, как люди... Он темный, злой, — но Мария-Исповедница его просветит, как святые отцы миссионеры каннибалов. Ведь ты заставишь его благотворительствовать. Когда вы умрете, вам построят часовню Марии и Михаила. Ей богу, хорошо.

Мария. Я очень сердита, очень... я готова плакать. Ты такая пустая. Ты даже не умеешь думать. Все только эти поганые шутки.

Юлия. Ведь он тебе нравится, а? Нравится?.. Мария?.. Ты свет, он тьма, тебя не может не влечь к нему. Какое мне, например, дело до его счастья? Мне дело только до его титула и доходов. Он со мной, конечно, будет несчастлив. Только ты, одна только ты, Марися, на всем свете одна, способна его спасти. О, Марися, какая мне мысль пришла в голову: ты искупишь проклятый род, прервешь своей лучезарностью эту цепь ужасной болезни, осветишь поток великой фамилии Шеметов, текущий от самих Геде-

минов. Как красиво! Ну, посмотри на меня; я говорю серьезно. Я не смеюсь.

(Граф Шемет в синем фраке со светлыми пуговицами, белом жилете и галстухе, панталонах телесного цвета и высоких лакированных сапогах, в изящной шляпе, с тростью и перчатками в руке входит по дорожке и останавливается. Мария его не видит.)

Юлия. Марися, оглянись.

(Мария оглядывается, видит Шемета и страшно смущается.)

Граф *(снимая шляпу)*. Прекрасные паненки среди цветов...

Юлия *(насмешливо)*. Как вы сегодня нарядны!

Граф *(слегка смущаясь)*. Приехал для некоторой церемонии... С визитом. Вчера поздно было, а сегодня хочу выполнить долг.

Юлия. Уж не хотите ли кому-нибудь сделать предложение?

Граф *(смущенно)*. Панна Юлия всегда так скажет...

Юлия... что пан граф словом подавится. Если вы приехали сделать предложение, то делайте его Марисе. Она — ангел... И к тому же, глупый пан граф, — она вас любит.

Мария *(вспыхивает)*. Ах, Юлька, негодная — шути себе, но не мною! *(Хочет уйти, Юлия хватает ее за руку и удерживает.)*

Юлия. Любит и смотрите, граф, какая она сейчас хорошенькая. И какое же это сокровище — любовь, граф Михаль. Эти семнадцать лет, эта серьезность ангела, восхитительная фигура, эти ароматные косы... О, будь я на вашем месте, я давно уже положила бы к этим белым туфелькам Медиптильтас и свое трепещущее сердце!

Мария *(плачет, вырывается).* Гадкая... Гадкая... *(Убегает. Юлия хватает ее за шаль, которая остается в ее руках.)*

Юлия. Умчалась, испуганная птичка. Теперь, граф, как хотите: позвольте мне перевязать вас этой шалью через плечо... В честь Марисн.

Граф. Панна Юлия...

Юлия. Повиновение. Эдакий вы увалень, граф, ведь какой вы, несмотря на годы, красавец-мужчина, сколько в вас грации и силы, каким могли бы быть увлекательным кавалером, а манеры иногда прямо медвежьи. Ну... Ближе, ближе... Наклонитесь. *(Граф наклоняется, она перевязывает ему шаль через плечо.)* И носить целый день... Слышишь, Михасю?! В честь Марии-исповедницы и по приказу Юльки, Поюльки, Плясульки, вашей феи, ясновельможный пан, граф Шемет на Мединтильтасе. Я люблю, когда ты так вздрагиваешь, Михась. Ты можешь поцеловать меня в шею. *(Граф жадно целует ее.)* Я знаю, какой ты мед любишь! Довольно, довольно же, глупый. У меня нежная кожа, глупый, меня нельзя так крепко целовать: кровь пойдет.

Граф *(издавая что-то вроде глухого рычания).* Юлька... Люблю!

Юлия *(отталкивая его).* И ладно.

Граф *(покачнувшись, как от головокружения).* Юлька... *(со стоном)* люблю...

Юлия. Ладно, говорю, вон там пастор идет.

Граф *(встрепенувшись и словно опомнившись).* Пастор?

Юлия. Ваш друг. Смотрите-ка, ведь он на Шиллера похож.

Граф. Я пойду к нему: у меня есть дело к нему... неотложное. Ах, Юля, какой я злосчастный... Я вас оставлю, панна, на одну минуту.

Юлия. Насколько угодно, граф. Вы свободны. Я в прекрасном обществе. Вокруг меня цветы, мне поет фонтан и утренняя тишина тоже.

(Граф уходит. Юлия, напевая, рвет цветы. С другой стороны входит в блестящей форме Аполлон Зуев.)

Зуев *(щелкая шпорами)*. Паненка!

Юлия *(делая реверанс)*. Пан Аполлон. *(Протягивает руку он целует.)*

Зуев *(с удивлением)*. Одна?!

Юлия. Представьте.

Зуев. Какое счастье!

Юлия. Поболтаем.

Зуев. Какое блаженство!

Юлия. Сядем.

Зуев. Какой Эдем!

Юлия. Генерал хорошо сделал, взяв вас с собой.

Зуев. Взяв с собой? Я, как паук в басне, прицепился к орлиному хвосту генерала. *(Пауза. Юлия занимается своими цветами.)* Панна Юлия, как вы недопустимо прекрасны Ну, можно ли быть такой красивой?

Юлия. Очень нравлюсь?

Зуев. Какое слово. Разве тут надо такое слово?.. Тут такое слово надо... Ах, зачем я не поэт! Вот у нас в полку есть один такой... На ежа ужасно похож, так, знаете, все поглядывает исподлобья и вдруг спрячется... а вдруг уколет... впрочем, прекрасный малый... Лермонтов фамилия... Смешная, правда? Вот стихи пишет. Ну, дивно!

Графиня Эмилия
Бела словно лилия.
Стройней ее талии

На свете не встретится,
И небо Италии
В глазах ее светится.
Но сердце Эмилии
Прочнее Бастилии...

Ха-ха-ха! А я не могу так. Стараюсь, а не выходит.

Прекрасная Юлия,
Лежу ли, хожу ли я...

Это очень хорошо, а дальше не выходит... Ха-ха-ха!

Юлия. Вам сколько лет?

Зуев. Ни мало, ни много, в самый раз — двадцать шесть.

Юлия. И не женаты?

Зуев. Беден. Свой цветник завести не могу: порхаю по чужим.

Юлия. Мародер!

Зуев. Кавалерист. В мужья не гожусь, но предлагаю себя в рабы. Вам предлагаю. Выходите поскорее замуж, панна Юлия, и берите меня рабом. У замужней женщины гораздо лучше быть рабом.

Юлия. Ну-ка, раб, смотрите, у меня распустилась лента на башмаке. Завяжите.

Зуев. Какое упоение! *(Становится на одно колено, на другое ставит ее ногу и перевязывает лентой.)* Вот кажется также элегантно, как на другой сестрице-ножке. Награда раба.

(Хочет поцеловать ее ногу. Она вырывает ее, оба смеются. Входят Шемет и пастор. На пасторе длинный коричневый сюртук и высокий белый галстук. Он действительно смахивает на Шиллера. Зуев встает и нагло смотрит на графа, показы-

вая белые зубы под своими черными усами. Юлия хохочет.)

Юлия. Ну... Штабс-капитан Аполлон. Ухаживать за тетей Августой: налево кругом, марш! *(Зуев делает деревянное лицо и, шаржируя военные телодвижения, исполняет команду и уходит.)* Пан пастор. *(Протягивает ему руку. Он пожимает ее.)* В Кенигсберге ручек не целуют?

Пастор. О... целуют. *(Несколько принужденно целует ей руку.)*

Юлия *(сидя посередине скамьи)*. Сядьте одесную меня, а граф ошую — ближе к сердцу. Лица у вас, как у католического поста. Вот так и будем сидеть. *(Склоняет голову на-бок и делает постное лицо.)* Мадонна со святыми... Ха-ха-ха!.. Веселей оба. Слышите! Граф, в петлицу пеструю георгину! Веселую, как это свежее утро. А пану пастору — иммортель, сухой и бессмертный, как его науки!

Граф *(сурово сжимая брови)*. Вот и эта сцена, панна Юлия...

Юлия. Какая?

Граф. Которую мы застали здесь... Вот и она показывает, что вы за девушка! Как вы легко играете: и во всяком случае как вы нисколько меня не любите. И это очень хорошо... Так будет много легче. Я приехал извиниться... в присутствии моего друга Виттенбаха... Попросить прощения. Я зашел с вами, быть может, слишком далеко.

Юлия *(немного строго)*. Вы зашли, граф, ровно только далеко, сколько я допустила.

Граф *(смущаясь)*. Повсюду создалось такое впечатление... Будто я езжу как жених. Будто претендую на вашу руку. А этого нет... И быть не может. И прямо скажу — не потому, чтобы я, чтобы я... не любил вас. Позволь я себе — я бы вас адски полюбил, а потому, что — как знает и мой друг Виттенбах — судьба, судьба не позволяет мне иметь семью. И тем лучше... Та́к как единственная девушка, которую я воображаю себе иногда своей женой... меня не любит и никого любить не может.

Юлия *(она сначала смутилась речи графа, но к концу совершенно овладевает собою, к пастору.)* А вы что имеете сказать, пан пастор?

Пастор *(от неожиданности страшно конфузится).* Я... Бог в небе, я ничего.

Юлия. Вот это лучше... Пан пастор всю ночь продолжал сердиться на меня за Мицкевича?

Пастор. Нет, нет...

Юлия. Ну и слава богу.

(Молчание. Быстро входит веселый и блестящий Зуев.)

Зуев *(щелкая шпорами).* Панна Августа убедительно просит пожаловать к столу. Завтрак подан, и генерал не хочет садиться без панны Юлии.

Юлия. Как кстати! Пойдемте завтракать. Кто знает, может быть, после завтрака у нас изменится настроение к лучшему? *(Смеется. Берет под руку пастора и графа.)* Штабс-капитан Аполлон идите вперед.

(Зуев проделывает свою военную комедию и торжественно идет впереди растерянных графа и пастора, которых ведет под руку Юлия.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Зало в Довгеллах. После полудня. Только что кончился завтрак. Завтракавшие входят в залу в стиле ампир, с белыми стенами под мрамор, роялью и белой мебелью. Генерал Ростовцев ведет под руку расплывшуюся панну Августу Довгелло, Зуев—Юлию, Граф—Марию. Пастор—молчаливую и сухопарую гувернантку-немку.

Генерал *(усаживает тетку в кресло и сам садится на стул около нее, пододвинув его).* У себя я за завтраком выпиваю немного водки и только. Вино только за обедом пью.

ну за ужином, конечно. Ужинаю всегда с приятелями и либо в гостях, либо в ресторане, если поход в какую-нибудь дыру не забросит, конечно. Но чтобы в 12 часов так много пить—этого у меня не бывает.

Августа. Все на здоровье, генерал, когда пьет и кушает добрый человек и предложено от души.

Генерал. Но вина у вас отменны. Прелесть что такое Довгеллы ваши, пани, да и только. *(Покручивает свои пушистые, седые усы.)* Оазис культуры. Сад, парк—великолепные, дом, как дворец, музыка... а главное столь грациозные обитательницы... При том — французская кухня, excusez du peu!

Августа. Еще покойный мой, молодым был, послал этого повара, по фамилии Кабан—в Париж учиться. Теперь он стар и болен, но, поверите ли, еще говорит по-французски, а когда пьян, то даже не хочет ни на каком другом диалекте из'ясняться.

Генерал. Вот чудок какой! *(Галантно оборачивается к Юлии, которая дурачится у окна с Зуевым и кормит его ломтиками апельсина.)* Какой день червонный, панна Юлия. И как мне хорошо у вас. Такая право досада, что завтра надо возвращаться в противное Ковно.

Юлия *(быстро подходит и кладет ему руку на плечо).* Оставайтесь, генерал. Ну, хоть на неделю оставайтесь. Я обещаю за вами волочиться. *(Глотает кусочек апельсина.)*

Генерал. О, ха-ха-ха, это я... ха-ха. Это я должен... да я уж поступил к вам в... ха-ха-ха, влюбился положительно на старости лет...

Юлия *(глотая апельсин).* Когда же и любить? Когда ж и веселиться? Пока молод—тратишь жизнь попусту, например, в мечтах и т. п. Ведь, кажется, что у тебя еще такой запас дней и ночей, весен и зим... А к вечеру жизнь с особым наслаждением смакуешь каждую минуту и ни одной, прямо ни одной не позволяешь пройти, не подарив тебя какой-либо тонкой усладой.

Генерал. Вот ум. Говорит, как будто голова ее поседела, а сердце изысканно обработано жизнью.

Юлия. А знаете, генерал, мне ведь не долго жить. Вы еще будете плакать, если Марс дозволит вам увлажнить слезой снежные усы ваши, над моей могилой.

Августа. О, Юлька, что за слова? И грустно и неприлично...

Генерал. Откуда такие мрачные предчувствия?

Юлия. Цыганка одна нагадала. Есть тут одна. Знаменитая. Ей сто лет. Она завораживает гадюк... все видит в прошлом и будущем.

Генерал. Не верьте этим шарлатанкам.

Юлия. Да ведь я только веселее от этого. Только некогда мне заниматься науками, например, как господин пастор, или даже как Марися. Некогда мне читать. Мое время дорого. Мне надо быть все время счастливой и только. Давайте же веселиться.

Зуев *(подлетая к ней и щелкая шпорами)*. Охотно. Я весь к вашим услугам. Для вашего веселья все сделаю, все, что прикажете.

Юлия. Нет, не все, пан Аполлон.

Зуев. Ей богу — все.

Юлия. Ведь вы, пожалуй, перехватили хересу, а? пан Аполлон?

Зуев. Так что же? — Херес только изощряет мои необ'ятные способности.

Юлия. Ну вот что: я завяжу вам глаза... и вы пройдете по этой половице, от окна—вот сюда, и пальцем прямо попадете вот в этот кружок... Марися, дай твой карандаш. *(Та дает.)* И вот. Ну-ка, идите, смельчак, завяжу глаза.

Зуев *(становясь на колени)*. Сделаю... а какая награда?

Юлия. Общий хор похвал, а наказание—щипанье и насмешка. *(Отводит Зуева к окну, три раза поворачивает его на одном месте и говорит.)* Ну, раз, два, три.

(Зуев уверенно идет и попадает пальцем куда надо.)

(Общие аплодисменты.)

Юлия. Молодец, пан Аполлон, можете-таки пить.

Зуев. Я, панна Юлия, все могу в огромном количестве. Я и в любви сверх'естествен. Один офицер у нас — большой остряк,—Лермонтов, Юрий,—посмотрел как-то на мои подвиги, да говорит: ты, говорит, не Аполлон вовсе, а Бахус. И представьте, так ведь и прозвали в полку: Баша Зуев. Как вам нравится?

Юлия. Я вас так и буду называть, пан Баша.

(Гувернантка выражает беспокойство.)

Августа. Что ты, Юлька. Это неприлично.

Юлия. Вполне. Ну-с, генерал за вами черед.

Августа *(в ужасе)*. Юлька. Fräulein, was thut es, unartige Kind!

Гувернантка. Sie haben Recht, gnädige Frau.

(Смотрит с укором на Юлию.)

Юлия *(завязывает глаза улыбающемуся генералу.)* Завязала... Отвела. Повернитесь вокруг своей оси, генерал, ведь все светила поворачиваются вокруг своей оси. Теперь в путь, чреватый опасностями, генерал.

(Генерал идет, протянув руку вперед, сбивается с линии и готов натолкнуться на кресло, но Юлия становится перед ним и обнимает его.)

Юлия. Совсем не туда, генерал!

Генерал *(срывает повязку, хохочет.)* Именно туда попал, вот именно туда! *(Целует Юлию.)* Ах, что за прелесть!

Пастор. Как у Мицкевича.

Генерал. Что у Мицкевича?

Пастор. Характеристика прекрасной полячки.

Генерал. Ну, какая-же?

Пастор. Весела, как котенок, а бела что сметана, очи, как звезды сияют.

Генерал. Портрет.

Зуев. Вылитая панна Юлия!

Юлия *(подходит к пастору и грозя ему.)* А, вот вы какой злопамятный, пан пастор. Опять меня дразнить Мицкевичем? Пожалуйте ж сюда. Вы ведь тоже в Шиллеровской задумчивости потягивали за завтраком из стакана. Испытание.

Пастор. О, я и трезвый не взялся бы... К тому же мой... как сказать... сан.

Генерал. Ну раз я ей позволил с собой подурачиться, то и никому не стыдно.

Юлия. Не рассуждайте! Он взбунтовался. Конечно, пан Шиллер, вы написали «Разбойников», но вы еще не Моор, чтобы сбрасывать с себя цепи устоев здешнего общества. *(Завязывает ему глаза.)* Так. Ну вот ваше исходное место. В дорогу. *(Сама вихрем мчится в столовую, возвращается с банкой меда и подставляет ему, когда он ищет пальцем места на стене.)*

Пастор. Ох, что это? *(Испуганно отдергивает палец и снимает повязку. Все смеются.)*

Юлия. Только мед, пан пастор. Пану Баше—честь, генералу—поцелуй, а вам мед. Каждому по усладе, как я говорила.

(Смех.)

Зуев. Не пойти в сад, господа?

Генерал. Нет, нет, там молодежь от нас убежит, хочется побыть с нею, не правда ли, панна Августа? Мне очень хо-

рошо у вас, панна Довгелло, и я вдвойне вам благодарен. Здесь нас русских не балуют гостеприимством.

Граф. Да и за что бы?

Генерал. Вы сказали, граф?

Граф. Я сказал: за что бы?—Ведь вы здесь не гости. Вас ни в Польшу ни на Литву никто не звал.

Августа. Ох, нет, только не о политике. Граф Михаль, я вас прямо умоляю.

Генерал *(прищурившись, смотрит на графа)*. Можно поговорить и о политике с вельможным паном графом, только в другом месте.

Граф. Надеюсь, еще будет такой разговор, и крупный.

Генерал. Вот кого бы я заставил пройти по половице! Пану графу вино ударило в голову.

Зуев. Говорится: пьян—правдив. Что у трезвого...

Генерал. Не ожидал я от вас, большого помещика...

Августа. Ах прошу вас, оставьте без значения, генерал. Для меня вы все дорогие гости.

Юлия *(не без интереса наблюдавшая сцену.)* Довольно, довольно: вы становитесь серьезны, а нам надо веселиться. Нам с генералом некогда этим заниматься. А то еще вмешается Марися. Она ведь у нас читает Сен-Симона, генерал.

Генерал. Да неужто? Усердие похвально, а направление сомнительно, — а, панна Мария?

Мария. А вы читали?

Генерал. Нет.

Мария. Советую. Это—новое христианство, как и называется одна из книг.

Генерал. Ох, не довольно ли с нас и старого?

Юлия. Ну, а теперь боюсь вмешается пан пастор, да и начнет угощать нас богословием. Пан пастор, покажите пример, да вдруг вы, самый здесь ученый человек—расскажете нам какое-нибудь свое приключение.

Пастор. Извольте, панна Юлия. Хотя я далек быть искателем приключений, но имел их много.

Юлия. С любовью или без любви?

Пастор (строго.) С любовью к богу и людям, если смею сказать. Я жил в пампасах в Перу и Уругвае, просвещая племена краснокожих. С ними я ел и спал, а наибольше верхом ездил. И так почти четыре года. Конечно, тут имелись приключения. Так было три раза, что на один волос был от смерти, попадал в сражение, а не принимал участие, только стоял под пулями и стрелами, дав себя богу. Я видел людей самых первобытных и научился их любить. Да, они были дикари, много виделось кровожадности, коварства, и мрачные предрассудки. Но вместе имелись часто случаи светлого благородства и самоотверженности... так... Это были в действительности рыцари.

Граф. Все люди смешаны из хорошего и дурного, и нигде не ушли они далеко от животного.

Пастор. Но все отношения к природе там прямее. Можете ли вы себе представить, господа... По правде я от себя это раньше не предполагал, что так будет со мной: я пил кровь прямо из живого тела...

(Панна Августа вскрикивает.)

Юлия. Вот интересно. Вы?

Граф. Странно. Как же это было?

Пастор. С несколькими гаучосами я заблудился в пампасах. Местность далеко от воды. Солнце жарило нас. Как пожар был в воздухе. Боялись, загорится трава и будет смерть. Ночь немножко охолаживала нашу кровь. Но утром она зажигалась лучами и как кипела в жилах. Потом вышла

из нас всякая жидкость. Так что стали мы, как сухие мумии. И трещины кровавили нам рот и губы. Я все-таки хоть был уже несколько привычен, но слабее был других. И вот в один полдень — вдруг все вспыхнуло передо мной до невыносимого сверкания и потухло. День мне потух, а я упал с лошади. Тогда один гаучос сказал, приведя меня в чувство: «Надо прибегнуть к последнему средству: наши лошади должны поделиться с нами кровью.» И вот он ножом проткнул артерию у лошади на шее и пил. И мне сказал. Я приложился губами и пил. Кровь была горячая, соленая.

Августа. Как противно-то было!

Пастор. Нет, ничего. Очень хотелось пить. И еще мы два раза так пили лошади кровь и, наконец, выбрались к селению.

Юлия. Посмотрите, как граф Михаль слушает ваш рассказ. Граф Михаль вам так хочется крови? Смотрите, не перепортите всех лошадей в вашей знаменитой конюшне. Кстати, вы знаете, господин пастор, что все животные страшно боятся графа Шемета? Собаки поджимают хвост, лошади шарахаются.

Граф *(мрачно)*. Они чуют, что я человек несчастный.

Юлия. Вы? Вы—страшно счастливы. Вчера вечером вы выиграли у генерала четыреста рублей. Казалось бы вам не должно везти в любви, а вам везет, везет...

Августа. Юлька... Так нельзя говорить. Was spricht denn das Kind! Wo sind ihm diese abscheuliche Manieren ungeklèbt.

Гувернантка. Die gnädige Frau. hat wolkommen Recht.

(С упреком смотрит на Юлию.)

Граф. Если таково отношение между любовью и картами—то сегодня генерал может проиграть мне золотые горы.

Юлия. Вы осмеливаетесь утверждать, что вам не везет в любви?

Зуев. Пастор пьет кровь лошадей, а граф ест сердца девушек.

Граф *(вспыхнув и рассвирепев)*. Что вы хотите этим сказать, штабс-капитан?

Зуев. Я хотел сказать, что вы сердцеед, граф, дон Жуан; что в том обидного?

Граф. Во-первых, я не сердцеед и не дон Жуан, а вполне порядочный человек. Конкуренции вам и вашему армейскому волокитству не составляю. А, во-вторых, потрудитесь выбирать выражения.

Августа. Ах, ах. Ссора, ссора. Ради бога, я умоляю — без ссор. Марися, ангел, помири их скорее. Долго ли до дуэли?

Зуев. Это уж выйдет, как у Пушкина. Нет, я, знаете, в вашем доме и все прочее, не намерен огорчать хозяев. Нет. Я не подыму графской перчатки. Но граф, я не драчун, не бреттер, однако второй раз вам не спущу, — так и знайте.

Граф. Я тоже не хочу огорчать панну Августу. Но я воздерживаюсь, чтобы не сказать, что я о вас думаю.

Зуев. Не очень интересуюсь.

Граф. Пока скажу лишь, что вам мое мнение доставило бы мало удовольствия.

Зуев. Да почем вы знаете, что мое удовольствие зависит сколько-нибудь от вашего обо мне мнения?

Мария *(сидевшая поодаль, встает и подходит к ним с сверкающими глазами)*. Фу, как гадко, панове. Как вы оба злы и смешны сейчас. Как это достойно человека: быть вместе, жать друг другу руку, есть за одним столом, а потом, за непоправившееся слово грозить друг другу оружием. Кажется, мужчины, подобные вам называют это честью? Я называю это бесчеловечием, а потому и бесчестием.

Генерал *(с восхищением смотрит на Марисю и покручивает усы)*. Однако!

Августа. Она их мирит. Она — ангел. Только не надо слишком. Niemals soll mann zu scharf sein.

Гувернантка. Die gnädige Frau hat absolut Recht!

Мария. Пан Аполлон — молод, офицер. Ему еще простительно. А вы, граф Михаль? Не думала я видеть вас в таком положении.

Граф. Я глубоко извиняюсь, панна Мария. *(Низко кланяется ей).* Вы очень правы.

Зуев. Я ссоры не ищу.

Юлия. Кончено. Проповедь вашей исповедницы подействовала? Орфей и хищные звери? А вот что касается меня, представьте, какие мы разные. Я было обрадовалась. Дуэль — как интересно! Если бы пан Аполлон убил графа — я непременно надела бы траур. Я посещала бы... вашу урну... так кажется говорится?

Августа. Lass dosh! Fräulein!

Гувернантка. Die gnä....

Юлия. Ну нет. Я ничего дурного не говорю. Я хочу даже пуститься в поэзию.

Генерал *(хохочет).* Ах, котенок, ах, котенок.

Юлия. Да ведь я уж знаю, что похожа на котенка и на сметану. Так ведь, пан пастор? Может быть, на котенка, который скушал сметану? Но я продолжаю. Ах, при звездах, около ивы, шелестящей над урной, склониться в глубоком трауре. Пролить слезу, из которой тотчас вырастет незабудка.

(Граф закусывает губу и отходит к окну.)

Августа. Ты его обидела

Зуев. А если бы я был убит, панна Юлия?

Юлия. Я отрезала бы у вас, в гробу, кончик вашего уса. Я вечно носила бы его на груди в медальоне. Старушкой

я показывала бы его внучкам: Внучки, смотрите, вот усы самого Аполлона.

(Все хохочут. Смеются даже те, кто осуждает тон Юлии.)

Юлия. А другое удовольствие. Вдруг рана в руку, в ногу. Один, прихрамывая, опирался бы на мою руку в прогулках по парку. Другой, бледный, с рукой на перевязи, благодарно улыбался мне за цветы, положенные у его прибора. Ах, Марися, зачем расстроила ты такую интересную дуэль?

Граф *(оборачиваясь к ней с искаженным лицом).* Урна, как вы изволите шутовски выражаться, пани Юлия, и без дуэли недалека. Я прошу вас вспомнить сказанное мною сегодня утром... Пан Виттенбах, едем.

Юлия *(подбегает к графу и кладет ему руки на плечи).* Вы уедете? Не станцевав со мной танца медведя и русалки? Который я клятвенно обещала генералу? Да ни за что. Вы сердитесь? Ну так позвольте, граф, вернуться к началу разговора, из-за которого сыр-бор загорелся. Все ведь из-за того, что я скромно отметила ваши успехи. Граф, здесь в этом доме две милые, милые девушки любят вас.

Августа. Ach, das Kind wird unmöglich heute!

Гувернантка. O, richtich, gnädige Frau.

Юлия. А вам не довольно? И вы, чуть не скрежеща зубами, хотите сбежать от нас? Довольно сердиться. Мне помнить, что вы сказали утром. Не хочу помнить: я не злопамятна. А вы говорили злые вещи. Fräulein, bitte, spielen sie ein Stück Bärentanz. Панове, есть у нас здесь в крае очаровательный, крестьянский танец, я еще очаровательнее переработала его и назвала танец медведя и русалки. Сама я русалка обворожительная. Даже русалочья королева Гоплана присылает ко мне маленьких зеленоволосых русалочек: учиться танцовать. С медведем труднее было. Граф Шемет чувствовал отвращение к этой партии. Мне стоило много труда приучить его к ней. Но это удалось.

Благодаря тому, во-первых, что я, как всем известно – волшебница, а во-вторых тому, что граф Шемет несказано любезен и мил когда захочет, то он часто меня по-королевски балует и по той причине, что знает, как я его люблю. Ведь вы знаете это, Бука? Не извольте хмуриться. Желаете танцовать?

Граф. Нет.

Юлия. Нет?

Граф. Нет.

Юлия. Еще раз: нет? *(Смотрит в упор на графа.)*

Граф *(нерешительно)*. Н-нет.

(Юлия резко поворачивается к нему спиной, отходит, опускается спиной к нему на кресло, закрывает лицо платком и плачет.)

Мария. Она плачет. *(Подбегает к ней. Юлия сбрасывает с своего плеча ее руку нервным движением.)*

Граф *(с удивлением подходит к Юлии, как бы не веря своим глазам, робко)*. Пани Юлька?.. Пани Юлька?

Юлия *(сквозь рыдания)*. Оставьте.

Граф. Я буду танцовать.

Юлия *(встает и вытирает слезы)*. Это другое дело. Злой... Страшилище. *(Топает ногой.)* Чудовище. Плакать заставил. Другая бы не простила, а я вот сразу прощаю. Also, Fräulein, ein Stück Bärentanz hab ich gesagt. Nicht? Was hocken sie dort, wie ein Vogelcheu?

Августа. Юлька!

Гувернантка *(с тяжелым вздохом играет прелюдию. Юлия быстро снимает башмаки и остается в чулках.)*

Юлия. Это танцуется босиком. Но во внимание к тете Августе и к моей фрейлине в чулках будет исполнено.

(Юлия становится в позу. Граф как бы нехотя опускается на колени и садится. Юлия порхает вокруг медведя, кокетливо заигрывая с ним и посылая ему поцелуи. Наконец он встает. В движениях вместе и неуклюжих и благородных он робко пытается ловить ее, чем дальше, тем скорее. Русалка ускользает, кружится, становится все обольстительнее. Медведь гоняется за ней все яростнее. Постепенно граф теряет такт музыки и с настоящей страстью стремится схватить Юлию. Она же увертывается, ни на минуту не забывая танца. Зрители в восхищении. Вдруг граф порывисто устремляется вперед, опрокидывает кресло, схватывает Юлию в свои об'ятия и покрывает ее поцелуями.)

Юлия *(задыхаясь и смеясь)*. Не по правилам, не по правилам! *(Выскальзывает из его рук.)* Ну разве это тоже? Вот и танцуйте с ним. В танце, панове, нет ничего подобного. *(Хохочет.)* Как вы смели меня целовать? Смотрите на раскрытый рот тети Августы. *(Граф растерянно смотрит: Юлия повертывает его в другую сторону.)* Теперь на фрейлен: вы ее убили. Теперь на Марисю. На пастора. Кайтесь же.

Граф *(сконфуженно улыбаясь)*. Генерал же вас поцеловал...

Юлия. А вы не доросли! Вам еще двадцать лет расти до таких прекрасных снежно-пушистых усов, как у генерала. Нет, я вам этого так не оставлю. Сейчас же идем на скамью астр, которую я с недавнего времени окрестила скамьей вздохов и признаний. Там я вас отчитаю. *(Ко всем*

остальным.) А вы что же? Полюбуйтесь, какая публика. Они даже не аплодируют. Вашу руку, балетмейстер Шемет! *(Берет его за руку, отставляет далеко от себя и церемонно кланяется. Зуев и генерал бешено аплодируют.)* Жидкие аплодисменты. Постойте, граф. Одну минуту. Я надену мои туфли. *(Надевает их.)* Какое неловкое молчание. Наделали вы дела, граф. Всех сконфузили. Мы исчезаем. Мы тоже сконфузились. *(Хватает графа за руку и бежит. Граф неловко следует за ней. Зуев и генерал хохочут.)*

Генерал. Ах, котенок, ах, детенок!

Августа. Aber...

Гувернантка. Sie haben ganz Recht, gnädige Frau.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Декорация четвертой картины. Только все краски ярче от послеполуденного солнца. Вбегает Юлия, ведя за собой графа.

Юлия. Вот. Насилу привела. Садитесь.

(Граф садится и молчит. Она присаживается рядом.)

Юлия. Так вот вы как! Утром изволите от меня отрекаться, а после завтрака при всех целуете. *(Граф молчит.)* Удивляетесь, что некоторые осмеливаются думать, будто бы ищете моей руки? *(Граф молчит.)* Итак?

Граф *(бормочет)*. Я безмерно виноват...

Юлия. И только?

Граф. Безмерно виноват... Юлия, во мне два человека.

Юлия. Две души в груди? Как у Фауста?

Граф *(серьезно)*. Именно... Только иначе. Хуже всего то, что обе вас любят.

Юлия. Не нахожу в том дурного. Так что насчет моей скромной особы у обеих паши душ нету спора?

Граф. Большой. Моя верхняя душа...

Юлия. Панна из мезонина?

Граф. Любит вас нежно. Она долго отвергала вас, за ваше пустое легкомыслие.

Юлия. Благодарю.

Граф. За ваше, почти непристойное, кокетство.

Юлия. Но, граф...

Граф. А кончила тем, что полюбила вас. О, как она полюбила вас! Как радостную бабочку мира, как огонечек над болотом жизни, как луч божьей радости в аду! Ваша красота и беззаботность заставляют ее умиленно плакать. Юлия, она трепещет за вас. Наш мир страшен. Под покровом прекрасного лица земли — пламенеют ее недра. Под покровом лица человеческого — притаился зверь. Все жестоко в нашем мире: тяжкое, твердое сталкивается и может ежеминутно разбить вас, которая хрупче и нежнее севрского фарфора. И моя душа хотела бы создать какой-то волшебный хрустальный колпак, укрыть вас, защитить вас от всего... уложить вас в шелковую вату. И унести, унести, сберечь. Ах, я целовал бы ваши ручки, ножки и плакал бы смотря в ваши очи, и говорил бы: красота, красота, красота!

Юлия. Мне было приятно познакомиться с панной из мезонина. А панна из подвала?

Граф *(становится на колени и смотрит на нее умоляюще)*. О, не шутите!

Юлия. Я не шучу, Михась, я не хочу больше. *(Кладет ему руку на голову.)*

Граф. Моя высшая душа боится моей низшей души. Из-за вас боится. Моя низшая душа тоже вас любит. Но я никогда не скажу вам—как. Она любит вас... Животно, по-

хотливо, страшно... Юлия, она любит вас... свирепо. Но так сильно, так стихийно, что готова разбить все препятствия, чтобы обладать вами.

Юлия. Но я в восхищении от этого знакомства. Теперь, когда вы все сказали, я вам тоже скажу кое-что. Я ваша. Любите меня и нежно, любите меня и страстно. Я ваша, Михась. Твоя...

(Граф закрывает глаза. Лицо его странно. На нем блаженство и страдание.)

Мои условия такие: помни, что я тот хрупкий мотылек, о котором ты говорил: давай же летать. Пусть я порхаю, нарядная и веселая. Любуйся мною и говори себе: она моя. И когда мы останемся одни, пусть твоя другая душа владеет мною со всею страстью.

(Граф стонет.)

Юлия. Пусть. Я этого не боюсь, Михась, я этого хочу. И я обещаю тебе, как бы и с кем бы я ни дурачилась—обладать мною будешь только ты. Ну, ты счастлив? Брось же все это фаустовское! Не надо морщин. *(Проводит рукой по его лбу и касается губ.)* Улыбку, дайте мне вашу улыбку. *(Наклоняется и целует его.)*

Граф *(с тоской)*. Ты, Юлия, не знаешь, какой я.

Юлия. Ну мне про это достаточно пели! Ваша наследственная болезнь и все прочее. Все это преувеличивает гадина Брэдис, ваш злой дух. Я не боюсь призраков в Медиптильтасе. Вы одичали в этой берлоге, с вашей больной матушкой и зловещей вороной Брэдисом, вашим врагом. После нашей свадьбы, мы поскорее умчимся в Ниццу. Идет зима, и первое время мы будем жить в уединенной вилле, выше города, откуда видно необ'ятное море. А внутри нашего белого домика, утопающего в розах, будет колыхаться еще более необ'ятное море нашего счастья. И мы поживем так только вдвоем... Пьяные солнцем, морем, розами, страстью. *(Граф смотрит на нее с обожа-*

нием.) И когда твоя страстная душа начнет насыщаться мною, моими ласками, моим восторгом, — она совсем изменится, станет ручной и совсем не страшной. А другая душа будет петь, как скрипка, и уносить нас в синее небо. Так? А потом я покружусь в вальсе роскоши и веселья. В Ницце, в Париже и всюду вокруг будет шопот восхищения. И когда мы вернемся с бала при дворе, я, горящая от успеха, усажу тебя в кресло, дам тебе пуншу, трубку, обойму твои колена и скажу: вы довольны вашей женой, граф? А ты смеешься? Ты смеешься счастливым смехом. Брось ночные думы, брось опасения! Ты — сильный, благородный, красивый, богатый, знатный мужчина. Вот кто ты! Ударь ногой эту тварь, Брэдиса, который шипит, как змея. Мне верь, мне верь!

Граф. Юлия. Сколько счастья! Какой-то серебряный водопад упал вдруг на меня. Юлия, я смотрю в твои глаза и чувствую, что здоров, что обожаю... Что счастлив, как другие... Что все возможно... Что жить, жить, жить мне можно... А я уж хотел умереть.

Юлия. Ну, Михась, ну, Михась! Стол накрыт для тебя, а ты уходишь. Нет, милый, мы будем жить. Целуй меня!

Граф *(подымается с колен и хочет обнять ее, в это мгновение возле фонтанчика, из-за золотых и пурпурных листьев появляется бронзовое лицо, с горящими глазами и в длинных седых космах).*

Граф *(отпрянув).* Кто там?

Юлия *(оглянувшись).* Вижа. Как ты пробралась в сад?

Цыганка. Повидать веселую панночку *(улыбается. Улыбка ее злая и хищная).*

Граф. Откуда ты знаешь эту каргу?

Юлия. Мы хорошо знакомы с Вижей.

Граф. Убирайся!

Цыганка. Что ты, пан? Я, ведь, пан, знала хорошо твою мать-красавицу. Ах, какая была красавица! Была красива, как я, пан. Я тоже красива была. Обе были красавицы. А я ей все сказала. Хочешь и тебе скажу, и панночке скажу?

Граф. Не хочу.

Юлия. А Перкунс с тобой?

Цыганка. Со мной, со мной. *(Вынимает из-за пазухи гадюку, которая шевелится в ее пальцах).*

Юлия. Видите, Михаль, как приручают самое злое животное. Человек побеждает.

Цыганка. У-у-у! Какое слово. У, какое слово сказала! Молода, а умна. Зверя можно приручить. Можно приручить. И змею можно, всякого зверя можно, храбрая панночка. Славная панночка! Сама змейка. Золотая медяночка. Хотите друг дружку приручить? И жалко мне... жалко сказать...

Граф. Не смей каркать, ведьма!

Цыганка. А надо сказать... Перкунс, надо сказать? *(Приближает змею к своему уху).* Перкунс говорит: «Надо. Разойдитесь, разбегитесь. Пропадете!».

Юлия. Мудра ты, Вижа, а я вот еще мудрее. Ты в судьбу веришь, а я еще и в себя. Бывает так, что человек и судьбу свою меняет.

Цыганка. У-у-у, какое слово!.. Мудрое слово... Мудрая головка. О, ох, пан граф, какая головка! Русалочья порода. Бывает, красотка. Бывает, ненаглядка. Бывает, мое золото. Звезды скажут, железным кругом, крепкой сетью обовьют, а человек напружится, да и разорвет круги, и всем добрым весело на земле и на небе. Это можно, храбрая, можно, веселая. Только не будет этого. Жалко сказать, а не будет.

Граф *(в бешенстве)*. Я тебя знаю, дрянь! Тебя Брэдис купил, вот ты и врешь.

Цыганка. Ты богаче Брэдиса, пан: купи меня, пан граф. Ох, как смотришь! Застращать хочешь? Постращай, постращай меня, граф. Нет, пан, нас с Перкунсом не купишь, нас не застращаешь! А бывали страшные вещи в Мединтильтасе. Бывали страшные вещи. Только те, что будут,—будут еще страшнее. *(Исчезает.)*

Граф. Ад ее послал!

Юлия *(смотря в упор на графа)*. Граф Шемет! Испугались вы?

Граф *(глядя в ее глаза)*. Нет... Или испугался было, но во взорах твоих сразу омылся.

Юлия. Михась, тут нас искать будут. Пойдем, милый. Дай опереться на твою руку. Пойдем в парк, далеко. Вдвоем. *(Прижимается к нему.)* И ничего не бойся.

(Медленно уходят. Ясно где-то звонит колокол к обедне. Петухи кричат. Входит Марися, за ней пастор.)

Мария. Нет их тут. Ну, что же? Сядем, пан пастор *(садятся)*. Так вот какое дело. Понимаете ли, что эту свадьбу расстроить надо?

Пастор *(потирая лоб)*. Я понимаю, но я, право...

Мария. Граф вам верит. Я бы сама с ним говорила, да она так мне все отравила: нельзя мне теперь с ним говорить. Никого не осталось,—только вы.

Пастор. Я ведь человек приезжий. Я человек посторонний. Бог в небе. Граф может очень рассердиться. Конечно, я могу ему напомнить, что он клялся графской честью...

Мария. Напомните. Ведь он вас в свидетели призывал.

Пастор. Да, так.

Мария. Пусть бежит... Уедет куда-нибудь. Пастор, мне за них несказанно страшно... Так страшно *(вздрагивает)*. Если мы все не станем против,—будет какой-нибудь ужас. А я—люблю их, пан пастор. Я жизнь свою за них отдала бы. Скорее надо, скорее. *(Встает, вытягивается и, приставив руку ко рту, кричит):* Юлька! *(прислушивается.)* Юлька, откликнись! *(Прислушивается и кричит со страхом):* Юлька, откликнись же!

(Издали слышно: Ау!)

Мария. Откликнулась. Иди сюда, иди сюда, скорее!

(Ближе: Иду!)

Мария. Идут. Граф, конечно, с ней. Я ее уведу. И вы за него возьмитесь.

Пастор. Какое тяжелое положение! Бог в небе. Я же совершенно посторонний человек.

Мария *(выпрямляется перед ним со сверкающими глазами)*. Долг.

Пастор *(склоняя голову)*. Я понимаю.

Мария *(всматривается)*. Идут вместе. Под-руку.

(Входят Юлия и граф.).

Юлия. Что тебе вздумалось звать меня, словно ты утопаешь?

Мария *(решительно)*. Пойдем со мной!

Юлия. Ну, нет. Мы пойдем гулять с Михасем!.. А я вернулась только, чтобы сказать тебе, Марися, что Михась сделал мне предложение, и я его приняла *(нежно прижимается к графу.)* Пожелай нам счастья, Марися!..

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

Комната в антресолях помещичьего дома в Довгеллах. Полутемно. В глубине дверь. Справа маленькие окна, между ними постель и около нее довольно большой стол, на котором горят две свечи, стоят часы, и разложен письменный прибор пастора. Сам пастор сидит в кресле около стола. Слева в углу другая кровать, полузадвинутая ширмой. На ее спинке висит халат графа. Около стоят его туфли и раскрыта сумка с вещами. Неподалеку от этой постели еще один маленький стол и небольшая кушетка.

Пастор *(взглядывая на часы перед собою)*. Уже около двух часов. А общество все еще веселится там: никогда не воображал я, чтобы граф мог быть таким весельчаком... Многозначительный день. Разнообразные перипетии. Интересные, отчасти странные знакомства... *(Задумывается.)* Долг. Удивительная девушка. Обе девушки удивительные. Да, Мария права... Все же необходимо попытаться поговорить с ним... Хотя он может просто обругать меня. Ну... Почти все записано. Я пишу тщательно, потому что все эти обстоятельства довольно необыкновенные. *(Встает, подходит к окну.)* Кто мог думать, что такой славный день кончится дождем, что ночь после него будет такая мрачная? *(Прислушивается.)* Кажется, наконец, граф идет.

(Дверь в глубине отворяется, входит граф с двумя стаканами и бутылкой вина. Он очень весел и немного пьян.)

Граф. Еще захватил маленький запасик. Погода портится, Виттенбах. Слышите, как хлещет дождь. Ветер начинает кружиться. Сейчас хорошо в лесу.

Пастор. Хорошо?

Граф *(смеясь)*. Конечно, смотря для кого. *(Ставит стакан и бутылку на маленький стол. Смотрит на часы.)* Ого, два часа ночи. Мы засиделись. В Довгеллах никогда не сидели так поздно... В сущности Зуев превеселый парень... Гене-

рал тоже отличнейший человек. Общество только что разошлось. До чего хороша была Юлька! После вашего ухода, Виттенбах, и после ухода Мариси, которая невозможно дуется, Юлька еще пела нам французские песенки... С танцами. Зуев и генерал совсем ополоумели от восхищения. Марися ее стесняет иногда со своей серьезностью. И что-то она все дуется? Она терпеть не может меня. Она подпала под дурное влияние. *(Подходит к Виттенбаху и ударяет его по плечу.)* Виттенбах, сегодня первый раз за сорок лет я счастлив. Выпьемте, Виттенбах!

Пастор. О, я уже... много пил... Я боюсь не уснуть. Позвольте мне отказаться.

Граф *(наливая себе вина.)* Вы пишете? Что вы пишете?

Пастор. Мои заметки.

Граф. Потомству передаете эту историю? Если бы вы были тем умным человеком, каким я вас считаю, — вы озаглавили бы эту главу ваших воспоминаний так: как стал счастливым один проклятый граф. Виттенбах, она легкомысленна на вид, но какая глубина чувства, какая смелость в жизни. Как я люблю ее, Виттенбах! Ну, я мешаю вам писать *(уходит к своему столу, садится).* Сяду за стол, буду пить вино в совершенном молчании, и вы поймете. кем и чем полно мое молчание. Как начинает бушевать природа. Бушуй! Все-таки для меня есть счастье на свете!

(Граф пьет вино молча, пастор также молча пишет. Шум дождя.)

Граф *(с улыбкой на лице барабанит пальцем по столу).* Рум-пум-пум. Рум-пум-пум.

Пастор *(оглядывается и пристально смотрит на графа).*

Граф *(все с той же счастливой улыбкой, не замечая взора пастора, напевает):* Рум-пум-пум.

Пастор. Граф, вы очень похожи на одного странного человека, которого я встретил на постоялом дворе недалеко от замка.

Граф. Я? *(С неудовольствием.)* Чем он был странен?

Пастор. Своими речами, которые изобличали в нем известный уровень душевного развития и большое чудачество. Своими поступками, которые рисовали его несколько безумным. Он напугал подростка, неожиданно укусив его до крови в шею. Он был еще странен, граф *(встает)*, своим сходством с вами. Сейчас, когда вы пили вино и напевали— мне показалось: если бы у него не было густой седой бороды, я сказал бы, что это... ваш родной брат.

Граф *(тоже встает, смотрит на пастора недружелюбно и в то же время робко)*. Ну да: это был я *(пауза)*, вам дано прослеживать мои шалости *(длинная пауза. Оба садятся.)* Кажется, незнакомец тогда уже об'яснил вам, почему любит гулять в дурную погоду?

Пастор. Об'яснил: но он плохо об'яснил мне... он...

Граф. Плохо об'яснил вам, почему укусил девочку? Вот вам... У меня есть позыв к этому. Род нездорового инстинкта. Ведь Брэдис достаточно говорил вам о ненормальности нашего рода? *(Принужденно смеется.)* Да, это смешно. Мне иной раз хочется кусаться. Вот вы пили кровь из шеи живой лошади. Ну, мне иногда представляется, что это *(опять смеется деланным смехом)* очень вкусно. В конце концов это только странность: ну так... странность, как странность. Такие ли странности бывают?

Пастор. *Странность...* Да. (Волнуясь.) Панна Мария... вы заметили, как она была удручена весь день?

Граф. Да.

Пастор. Она... боится... будет ли счастлива ее сестра.

Граф *(зло смеется)*. То-есть, не с'ем ли я Юльку? Да? не так ли?

Пастор. О, что вы! Как вы это сказали? Но у вас тяжелый характер... Кто знает! Все эти ваши странности, не знаменуют ли они, действительно, некоторые особенности.

Граф. Мои странности несомненно знаменуют мои особенности. И представьте себе: мои особенности знаменуют мои странности. Перестаньте, пастор... Во-первых, это же не ваше дело.

Пастор. Вы совершенно правы, граф.

Граф. А во-вторых, панна Юлька не робкого десятка. Мы вместе с ней об'явим войну странностям и особенностям. Войну за наше счастье, поняли? *(Встает и взволнованно ходит по комнате.)* Как? Я отдам мое счастье? Я, который через два-три дня смогу сжимать в об'ятиях мою, совсем мою беляночку, феечку, панночку... Я, который каким-то чудом ей полюбился... Я отдам это Брэдису! Да идите вы с ним к чорту, господин пастор! И с вашим ангелом Марисей в прибавку. К чорту, к чорту!

Пастор. Вы совершенно правы, граф.

Граф. Не будем ссориться *(подает ему руку).* Все идет к лучшему. Я буду спать. Голова моя отяжелела. И вам советую. *(Отходит к своей постели и закрывается ширмой.)* Спокойной ночи, Виттенбах!

Пастор. Спокойной ночи, граф! Я попишу не более десяти минут.

Граф. Свечи мне ничуть не мешают.

(Тишина. Слышен шум дождя. Где-то скрипит флюгер.)

Граф *(полуодетый выходит из-за ширмы).* Как бела, Виттенбах... Помните, я говорил вам, что она прозрачна. Видно, как кровь струится в ее горле... Правда ведь?

Пастор. Правда, граф.

Граф. Так вы воображаете, что я ее буду кусать? Ха-ха-ха! Конечно, это повкуснее лошадиной крови. Ха-ха-ха! Какие причудливые мысли возникают в вашей, пасторской, голове. *(Нежно.)* Нет, я никогда ни нравственно, ни физически не причиню Юльке ни малейшей боли. А ее белую шейку,

ее белую грудь, грудь снегурки я согрею своими поцелуями. Снежную грудь, снежное горло. Простите, пастор, я никак не могу умолкнуть от счастья. Но в самом деле, что за блаженство целовать ее вот тут *(показывает на свое горло)*; да за это одно можно пойти на какое-угодно несчастье. Спокойной ночи. *(Уходит за ширму.)*

Пастор *(качает головой и опять пишет в молчании, через минуту он встает и подходит к ширме, заглядывает за нее).*

Пастор. Уже спит. Как быстро заснул... Он порядочно пьян. Успел выпить и эту бутылку *(ходит по комнате).* Да... Его мать... Какую причудливую историю пополам с бредом она мне рассказала. Боже, боже, как страшно твое создание! *(Садится на постель и снимает с себя сапоги.)* А можно было создать такой простор и добродушный свет: но ты не пастор, вроде автора «Луизы». *(Зевает.)* В конце концов я устал *(снимает сюртук и тушит одну свечу, а другую ставит на стул около своей кровати.)* Свеча пусть горит. Мне жутко немного. *(Прислушивается).* Как он хрипит... И как будто стонет *(с тревогой встает).* Что с ним?

Голос графа *(среди странного хрипа).* Белое горло... Твое белое горло... Я поцелую... Я только поцелую... Там кровь... Бьется... Бьется... Горячая *(взрыв рычания, шум, похожий на борьбу за ширмой).*

Пастор. Силы небесные!.. Что там? *(Подбегает, задевает за ширму, которая падает. Подушки графа изодраны... Висят лохмотья белой и внутренней красной наволок. Кровать и пол обсыпаны пухом. Граф сидит на постели, полупокрытый одеялом, всклокоченный и страшный.)*

Граф. Что? *(Пауза. Оба с ужасом смотрят друг на друга.)* Что с вами, Виттенбах?

Пастор. Что с вами, граф? У вас был припадок.

Граф. Мне приснился страшный сон, Виттенбах.

Пастор *(с возрастающим ужасом).* Граф, граф, вам приснилось...

Граф. Да... Мне это приснилось... Но это... это только сон. Что вы так смотрите на меня; Виттенбах?! Виттенбах! Неужели вы думаете, что это может стать явью?!

Пастор. Заклинаю вас богом в небе, вашим достоинством, вашей любовью: откажитесь от этого брака! Вам надо лечиться. Смотрите — я весь дрожу. Какое-то чудовищное предчувствие...

Граф *(кладя руку себе на лоб)*. Подождите, Виттенбах. Поставьте ширму. Дайте мне одуматься. Дайте мне одуматься *(пастор ставит ширму, отходит к своему столу, горестно ломая руки. Граф в туфлях и халате выходит из-за ширмы)*.

Граф. Давайте поговорим.

(Садятся друг против друга за большим столом. Жалобно скрипит флюгер и ветер начинает выть в дымовой трубе.)

Граф. Виттенбах, я всегда боялся этого. Да... у меня бывают такие сны... О, Виттенбах, страшные и зверино-сладкие... О, Виттенбах, такие сладострастные, что ничто в живой действительности никогда не сравнится с адским сладострастием этих снов. Но неужели вы думаете, что это искушение может меня одолеть?

Пастор. Но, тогда... вы... искусали ребенка... наяву...

Граф *(торопливо)*. Это была скорее шутка.

Пастор. Знаете ли вы сами свою силу и силу вашего безумия? Силу зверя? Граф, дело идет о счастье, о жизни...

Граф *(с тоской)*. Виттенбах, вы хотите, чтобы я отказался от нее?

Пастор. Граф, это ваш долг. О, если бы панна Мария знала эту страшную тайну, о которой не догадывается даже Брэдис.

Граф. И вы расскажете им? Да? Вы расскажете Юлии про сегодняшний кошмар, чтобы оттолкнуть ее от меня? Берегитесь, Виттенбах, вы знаете слишком много про меня.

Пастор. Я никогда не выдавал чужих тайн. Но то, что я знаю, более чем когда-либо, заставляет меня умолять вас отказаться от этого брака.

Граф. Нет, нет, нет! И если вы станете мне поперек дороги—я уничтожу вас.

Пастор. Вы клялись вашей графской честью, но это сравнительно пустое, теперь должна заговорить ваша человеческая совесть. Вы слишком больны, граф.

Граф. Так знайте же: когда я ехал сюда отказаться от нее—мое твердое решение было,—вернувшись в Мединтильтас, покончить с собой. И выбора иного нет. Говорите: должен я убить себя?

Пастор. Вы уедете. Вы переживете.

Граф. Никогда. Она, или смерть.

Пастор. Нельзя так.

Граф. Мне нельзя иначе.

Пастор. Вы должны попытаться вырваться из этого узла.

Граф. Вы — пастор, вы — верите в бога. Бог не велит отчаиваться. Бог запрещает самоубийство. Бог велит надеяться на него. Он может все привести к хорошему. Я целый день был так счастлив. Я чувствовал, как кошмар упал с сердца от ее нежного смеха, от ее любовных слов.

Пастор. Сказано: не искушай господа твоего. Нельзя с завязанными глазами подходить к краю бездны, держа женщину на руках и говорить: бог не допустит падения по благости своей. О, граф, бог допустил на свете много страшных преступлений и кровь леденящих несчастий. Что знаем мы о боге? Мы ничего о нем не знаем! Он не похож на нас, ни на лучших, ни на худших из нас. Вот это мы

знаем о нем. Он не размышляет. У него нет добра и зла по мерке человеческой. Мы имеем о нем одно несомненное откровение: мир. Кроме мира, мы ничего о боге не знаем, а мир мы знаем едва-едва. Однако мы можем сказать, как он прекрасен и страшен.

Граф. О да!

Пастор. Если он даже только риза бога, то прекрасен и страшен и он сам... Все необ'ятно, все необ'яснимо. Мир— борьба. Человек побеждает зверя, зверь побеждает человека. Миры рождаются. Миры гибнут. Во всем единое. Пусть же человек руководится бледным светильником своего разумения и шопотом своей совести.

Граф *(внимательно слушая).* Это ваше исповедание веры?

Пастор. Но не о том теперь речь. Я согласен бросить всю мою работу, мои ученые изыскания и остаться при вас год, два. Граф — бежим отсюда. Бегите от нее, от себя. Оседлаем коней сейчас, сию минуту. Едем в Мединтильтас. Завтра утром дальше через Ковно на запад, в Америку, если хотите. Я буду с вами. Я буду оберегать вас от приступов убийственной тоски. Мы спасемся: мы спасем ее. Мы напишем. Мы об'ясним. Мария — святая девушка — благословит нас. Панна Юлия легко найдет себе счастье.

Граф. Пастор, вы истязуете меня!

Пастор. Торопитесь, граф. Долг должен победить. Мы тихо уедем. Мы об'ясним потом.

Граф. Хорошо... пусть. Пусть, хотя это означает смерть.

Пастор. Граф, со смертью будет легче бороться.

(Граф начинает торопливо одеваться, укладывает наспех свои вещи в сумку. Пастор тоже поспешно одевается.)

Граф. О, о, как мне тяжело, как мне тяжело! *(Бросается на пол около сумки, положив на нее голову, глухо рыдает.)*

Пастор. Граф, граф...

(Дверь отворяется, появляется Юлия со свечой в руке, она в белом пенюаре с распущенными волосами. В освещении свечи она несколько призрачна. Граф и пастор молча, пораженные внезапностью ее появления, смотрят на нее. Она высоко поднимает свечу и вглядывается в полутемную комнату.)

Юлия. Что тут? Искушение? *(Входит и ставит свечу на стол.)* Недаром я не могла спать. Меня пронзила мысль, что пастор будет спать с Михалем и что будет опять сделан натиск на его бедную душу *(вызывающе смотрит на пастора).*

Пастор *(бормочет).* Мы потревожили вас шумом...

Юлия *(медленно отворачивается от него и осматривается).* Вы собирались уехать? Вы хотели бежать? Граф Михаль, вы непростительно слабы!

Граф *(со стоном).* О, Юлька!

Юлия *(пастору).* А вы разыгрываете роль демона, стремящегося разрушить наше счастье, пастор? Брэдис, пастор, Мария — целый сонм сознательно и бессознательно злобных сил. *(Нервно смеется.)* Но Юлия бодрствует. Встаньте, граф, и дайте мне вашу руку. *(Граф встает и протягивает ей руку.)* Слушайте, граф Михаил Шемет, если вы думаете, что я не могу дать вам счастья — уезжайте. Если же вы боитесь за меня, боитесь, что вы не годитесь мне — то бросьте эти сомнения. Слушайте: что бы ни было потом с нами, я беру на себя, на себя целиком весь ответ. Граф, я ничего, ничего не боюсь!

Граф. Ты так любишь меня?

Юлия. Я хочу вон отсюда, из литовских пущ и болот. Я хочу на юг, к солнцу, к морю. Я хочу гремящих музыкой зал Парижа. Я жить хочу... хочу жить вместе с вами, Михась. Вы дадите мне все, что мне нужно: блеск, веселье, поклоненье на те немногие годы, что я проживу — 10 лет. 10 лет—столько-то дадут же мне прожить? Эти десять лет я хочу сверкать. О, как я буду сверкать в сверкающей обстановке! Но я даю вам за это всю мою нежность, всю мою ласку. Если вы не любите меня — уезжайте. Пусть никакое слово не связывает вас. Но только не уступайте меня темным страхам, интригам и слабым душам людей, которые непрошенно вмешались в нашу судьбу.

Граф. Я люблю тебя! Пусть бог или чорт готовят нам, что хотят — я не отступлю. Кто посмеет еще бередить мои раны — тот пусть бережется. Довольно! У меня найдется остаток твердой, властной шеметовской воли. Пусть кто-нибудь посмеет еще...

Юлия *(обнимая)*. Тс... не надо гневаться, не надо шуметь. Все спят в доме. Господин пастор, ваша свеча почти догорела. Вы можете взять мою. Пройдя через большую комнату, вы найдете коридорчик, там направо вторая дверь ведет в более удобную для вас комнату, чем эта.

Пастор. О, я... *(хватает свечу и хочет итти)*.

Юлия. Возьмите же ваши тетради. Кажется вы все записываете. У вас есть, что прибавить к характеристике нравов полудикой литовской шляхты.

Пастор. О, я... *(неуклюже собирает свои вещи и уходит.)*

Юлия *(с легким смехом)*. Вы подожжете так свои мемуары. Осторожней.

Граф. Ушел наконец!

Юлия. Спокойно, Михась *(берет свечу пастора и скользит к двери)*. Спокойной ночи, суженый!

Граф *(падая на колени)*. Юлька!

Юлия. Демоны изгнаны. Извольте спать, нервное дитя.

Граф *(страстно)*. Юлька!

(Она серебристо смеется и исчезает за дверью.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

Большая площадь парка перед Мединтильтасом. В глубине большая суровая башня с воротами внизу. Они широко открыты. Несколько женщин кончают убирать их гирляндами из осенних цветов и ветвей. Справа внутренний фасад замка с порталом и балконом над ним. Плотники прибивают к порталу нечто вроде деревянной раскрашенной арки. Против портала довольно высокий помост, ступеней в шесть, на нем под балдахином два красных бархатных кресла и два стула. Кругом деревья в осеннем уборе. Под вечер. Вначале освещение заходящего солнца. К концу темнеет. Брэдис в шинели и шапке смотрит на работу плотников, рядом с ним старенький мастер Каунас.

1-й плотник *(Брэдису)*. А скажите, наш доктор, что же тут написано на доске?

Брэдис. Написано: добро пожаловать, новая хозяйка, в мои вековые стены!

1-й плотник. Не знаю, как стены, доктор Брэдис, а люди не очень-то охотно встречают новую хозяйку.

2-й плотник. Итак, доктор Брэдис, мы с вами, как говорится, с носом остались?

3-й плотник. У нас длинный нос, а у графа хорошенькая жена.

1-й плотник. Да уж теперь у него начнется прибыль.

3-й плотник. За свадьбой недалеко и до крестин.

2-й плотник *(с горьким смехом)*. Да здравствуют Шеметы из рода в род и до скончания веков!

Брэдис. Этот человек дал мне свое графское слово отдать крестьянам землю.

3-й плотник. А что, доктор Брэдис, крапива не обещала вам принести малины?

1-й плотник. Чего не бывало,—того и не будет.

Доктор. А я говорю вам, Юргис, будет так, что мужики отберут у панов землю.

2-й плотник. Уж это скорее, чем, чтоб отдали сами.

Каупас. Работайте живее, видите, уж гости собираются.

(Поляна постепенно наполняется крестьянами обоего пола и всех возрастов.)

Брэдис *(отходит с Каупасом и говорит ему)*. Сумрачные лица. Ведь нет ни одного ребенка старше семи лет среди крестьян, который не понимал бы, какое для него горе это свадебное веселье.

Каупас. Когда выкатят бочки, наши чудаки развеселятся. Пожалуй, будут петь и скакать, как на всех богатых свадьбах в былое время.

Брэдис. Нет. Теперь уж иное время... иное, чем бывалое.

Молодой крестьянин *(другому такому же)*. Как приедут, так я закричу петухом.

Другой. А я—козлом. *(Хохочут.)*

Брэдис *(двум проходящим мимо него девушкам)*. Будут девушки петь величанье?

1-я девушка. Нет, уж мы помолчим, пан доктор.

Брэдис. Разве я пан?

2-я девушка. Наш доктор. *(Ласково смеется.)*

Каупас. Тут приехали четыре офицера из Ковно. Почему-то не захотели ехать ни в Довгеллы, ни в церковь, а попросили комнату, заперлись там и чего-то творят. Хохот там. Как бы не перестарались.

Брэдис. Русские пакостить графу не будут. А что, Каупас, граф вполне себе представляет, как рады его свадьбе люди?

Каупас. Как будто. Пан Цекупский, — знаете, какой он большой любитель свадеб, — пристал к нему, чтобы все было по-старине. Но граф сначала очень уперся. Дело решила молодая. Она поддержала Цекупского.

Брэдис. Так что он представляет себе положение?

Каупас. Представляет... Злится. Ведь он взял с собой своих доезжачих. Свою зеленую гвардию. Не удивляюсь, если сегодня плетки прогуляются по мужичьим спинам.

Брэдис. Ну этого ему лучше не делать. А то ведь появятся ножи да топоры, вилы да косы.

Каупас. Не дай бог! Ведь за ними появится штыки да сабли.

Брэдис. Я и не хочу допустить дело до чего-нибудь вроде бунта. Хоть народ гудит, как растревоженный рой.

Каупас. Вы, Брэдис, человек умный: во-время сдержите, кого надо.

Брэдис. Надеюсь.

(В ворота входит группа цыган, оборванные мужчины, женщины и дети. Впереди старый цыган и цыганка Вижа).

Брэдис. Ба, и табор сюда явился! Да еще с дудкой, волынкой и тарелками. Настоящая вакханалия. Плясать будете?

Старый цыган. Мы вот с ней, с Вижей, сорок лет тому назад, на свадьбе у старого графа плясали. А теперь пусть попляшут сыны и внуки.

Брэдис. Так вы, побродяги, графской свадьбе рады?

Цыган. Что ж? Мы ведь не наследники.

Вижа. Мужики хотят совсем испортить графскую свадьбу. Бедная моя паненка, бедная, золотая Юлька!.. Надо ей хоть одну минуточку радости дать. Идет, как сквозь темное ущелье, в пропасть.

Брэдис. Покаркай, покаркай, колдунья! С твоим карканьем свадьба еще веселей будет Ха-ха-ха!!

1-й плотник *(вытирая пот с лица).* Кончено... Прибили.

2-й плотник *(глядя на украшения).* Уж расписали же эту самую вывеску. Белая, буквы золотые и черная кайма. словно на похороны.

Каупас. Это наш маляр Гиндрик... Я думаю, нарочно он это.

(За воротами крики: «Едут, едут!» В собравшейся на поляне толпе движение. За воротами слышен стук быстро под'ехавшей кавалькады. Говор. Всадники спешиваются.)

Каупас *(быстро подходит к воротам и кричит оттуда Брэдису):* Это пан Филидор Цекунский с егерями.

(Входит Цекунский, размахивая хлыстом. На нем—конфедератка и расшитая золотом венгерка. Бренчат шпоры. Он толст, но молодцеват. За ним следуют три егеря в зеленых ливреях.)

Цекунский *(останавливаясь посреди сцены).* Ей, ребята! Веселитесь!! Скоро будет сюда свадьба. Каупас, собачий сын. что ж ты бочки не выкатил? Меду и пива сейчас же сюда! Выкатывай, выкатывай, да мигом!! А вы что стоите все, словно тут хоронить кого-нибудь будут, а не венчать! Ну-у?

(Крестьяне переминаются с ноги на ногу. Среди девушек смех.)

Молодой крестьянин. Не мы ведь женимся. Пусть жених радуется, а нам что?

Цекупский *(вытягивая шею, чтоб видеть, кто говорит).* Ты пошути, пошути! Попадешь у меня в шуты!!

(Слуги выкатывают бочки, выносят жбаны, ковши и кружки и располагаются разливать мед и пиво.)

Цекупский. Наливайте, слуги верные, гостям пана графа! Надо, чтобы народ разыгрался к приезду свадьбы. Готовы ли факелы? Как стемнеет, зажжем. Пир в Довгеллах для вельможных гостей был на-славу, теперь пусть попирует и крестьянский люд. Как жених и невеста уйдут в опочивальню, зажжем костры. Тогда вынесут вам жаркое и водку. Веселиться—не работать, а у меня за веселье—плата. Будете хорошо веселиться, дам мужчинам по рублю, по серебряному, а девкам—по шелковой ленте. А не будете веселиться, собачьи дети, управляющий накинет три дня барщины на каждого. Все теперь понятно? *(Обращаясь к Каупасу):* Вот какие косопузые черти! Не то что наши мазуры. Тем только позволь попеть да поплясать. Жмудь—медвежье отродье. Ей, слуги верные! Первую чарку табору! Табор! Поддержите мне веселую свадьбу!

(Цыгане, толпясь и смеясь, подходят к бочкам и пьют один за другим.)

Пожилой крестьянин. Чтож они пить будут, а мы стесняться.

Молодой крестьянин. Пить можно... Разве доктор сказал, что нельзя пить?

Цекупский. Плотникам, плотникам теперь вторая чарка. И всем кто трудился. И музыкантам. Да где же музыканты? Где же Лейба Конторович и его скрипка? Дайте пархачам пива, а то они как запиликают, так впору плакать, а не веселиться. Я уж их знаю. Только в пьяном

виде и годятся куда-нибудь. Каупас, старая курица, где ж у тебя музыка, чорт обдери твоего батька в пекле.

Каупас. Оркестр ожидает в зале.

Цекупский. Оркестр? И в какой там зале? Безмозглая голова, сюда ведь надо! Пусть играют что-нибудь веселое. Эй, вы, слушайте все! Как приедут молодые—всем кричать ура. Да громко, сколько горла хватит. Потом девкам — петь величание. Граф и графиня сядут сюда в кресла. *(Показывает хлыстом.)* Я буду пить их здоровье. Ура кричите. Потом может кто спляшет, кто умеет. Будет кто-нибудь плясать перед красавицей молодой?

Старый цыган. Уж наши спляшут... На славу спляшут. С нами Стенко венгерец.

Цекупский. Вот это ладно! Потом музыка будет играть. Потом граф выпьет ваше здоровье, а вы кричите тут всем животом — ура. Факелы зажжем и проводим их в опочивальню. Поняли? *(Каупасу.)* Кажется ясно? А может и не поняло, хамово отродье?

Молодой крестьянин. А дальше что будет?

Цекупский. А дальше пир горой. Вам свинью и теленка зажарили. Водки дадим. Только веселитесь.

Молодой крестьянин. А молодые что будут делать? *(В толпе смех женский и мужской.)*

Цекупский. И молодые будут веселиться, шалая твоя башка! Все должны быть веселы сегодня ночью.

(Едут, едут.)

Цекупский. Ну, раздаться. Разойтись. Граф и графиня сойдут с коляски в аллее и последуют сюда пешком. Музыканты-то где?

Каупас. Уж вышли. Вон стоят около портала.

Цекупский. Ну, Лейба, играй свадебный марш.

(Скрипки пиликают что-то не совсем сообразное, гудит контрабас.)

Цекупский *(горестно махая рукой).* Эх, не успел привести полковую. А все граф, торопится, как на курьерских.

(В ворота вваливаются еще несколько крестьян и крестьянок. Входят егеря в зеленых ливреях и устраивают что-то вроде шпалер от ворот по мосту. Входят граф и графиня. Он в том же костюме, что в предыдущем действии, с белой астрой в петлице, в перчатках и кружевных манжетах, тщательно причесан. Она в белом подвенечном платье, венке из мирт и длинной фате, закрывающей ее лицо.)

За ней панна Августа, Мария и подруги, все в белых платьях. Генерал Ростовцев в парадном мундире. Гости во фраках. Между ними Виттенбах. Шествие замыкают два егеря с ружьями через плечо.)

Цекупский *(выступает навстречу, поднимает обе руки, в одной из них хлыст. Делает жест дирижера и кричит ура. Егеря и некоторые цыгане подхватывают. В общем выходит жидко и неохотно.)*

Цекупский *(Каупасу вполголоса):* Скажите этому нехристю, чтобы его музикусы играли, а не тянули бы козу за хвост. Староста, вперед с хлебом-солью! *(Два старых, одетых по праздничному, крестьянина выходят с деревянным блюдом, покрытым полотенцем, на котором хлеб и солонка. Кланяются молча графу и графине. Граф несколько сконфуженно и хмуро принимает подарок и передает егерю.)*

Юлия *(отбрасывает фату с лица, кланяется крестьянам и улыбается. В толпе ропот удовольствия и одобрения, по поводу ее красоты слышно: «Хороша невеста!».—«И улыбка*

какая ясная!». — «Славная паночка — не то, что наш леший!»)

Августа *(Юлии).* Зачем ты фату отбросила, это не принято?

Юлия *(смеясь).* Да ведь я красивее ее.

(Предшествуемые Цекупским, граф и графиня всходят на помост. Генерал и панна Августа садятся на стулья, а молодые на средние кресла. Остальные вельможные гости стоят по сторонам, как свита.)

Цекупский *(на ступеньках).* В честь красавицы новобрачной ура! *(Вновь довольно жидкое ура.)* В честь графа ура! *(Еще слабее.)* Девушки, пойте величанье!

(Чей-то голос очень тонко запевает и замирает, так как хор не подхватывает.)

Цекупский *(на ступеньках).* Что ж, петь разучились? *(К егерям).* Ярош, Куделька, тащите сюда девушек, тащите их вперед. Что больно конфузливы стали!

Юлия. Бог с ними! Оставьте их. К чему все эти церемонии. Я и так счастлива, без величания. *(Смеется.)*

(Ропот в толпе: и так счастлива, говорит; рада, что вышла за богача. А хорошо смеется. А что говорить: хороша. — Да нам-то не нужна.)

Цекупский. Красавица новобрачная, ясновельможная графиня, дозвольте теперь старому Филидору выпить ваше здоровье. Только не из бокала и не из кружки. И не из ладони, и не прямо из бочки, как пивали в былых походах. Дозвольте, ясновельможная красавица моя, пить ваше здоровье из атласной туфельки, которою обута несравненная ваша ножка. *(Смех в толпе.)*

Юлия. Извольте, милый пан Филидор. *(Снимает ногой туфлю.)* С правой ноги вам?

Цекупский. Обе в равной мере божественны. *(Становится на колени и подымает туфлю.)* Видал ли кто такую маленькую туфельку? Разве что у шестилетнего ребенка. *(Хохот, целует туфлю.)* Гей же, гей же, виночерпии, не спите, тащите сюда шампанского. *(Слуга с хлопаньем открывает шампанское бутылку за бутылкой и из первой наливает в туфлю, а потом вельможным гостям в бокалы, поднос с которыми разносит служанка.)* Здоровье красавицы-невесты—ура! *(Крестьянская толпа опять молчит, кричат егеря, цыгане и вельможные гости.)*

Цекупский *(почти ничего не разливая, выпивает шампанское из туфли. Еврейский оркестр, ударив по струнам, играет какой-то довольно тоскливый сумбур: скрипки, контрабасы, цимбалы.)*

Цекупский. Ох, так вино во сто раз лучше. *(Залихватским жестом вытирает усы и передает туфлю генералу.)* Вижу ясно, что вашему превосходительству хочется отведать из той же чаши богов.

Генерал *(хохочет)*. Что ж охотно... Только не так ловко. *(Туфлю наполняют, генерал пьет, разливает на мундир и кашляет.)*

(Цыгане выступают на середину круга.)

Вижа. Краля наша, панна Юлька. Наши тебе спляшут под свою дудку и волынку. Краса наша, на устах у тебя улыбка. А солнышко заходит, смотри как вершины кленов горят. Ночь идет, молодая графиня. Хотела бы старая Вижа на твоей свадьбе веселиться, да сердце ноет.

Юлия. А пусть не ноет твое старое сердце. Выпей и ты нашего шампанского, Вижа, за мое счастье. *(Вижа подставляет ковш, в который наливают шампанского. Она пьет.)*

Вижа. Выпила за твою ненаглядную красоту. Мои глаза уж до могилы такой красоты не увидят.

Юлия. Хотя бы солнце померкло, старая Вижа, хотя б земля разверзлась, а я скажу людям, земле и небу: хочу быть счастливой и буду!

(Юлия говорит это громко и с улыбкой. В толпе гул не то одобрения, не то недоумения.)

Вижа. Храбрая ты, молодая графиня! Хорошая ты птичка. Замолчите там, скрипицы. Начинайте, сыны, нашу музыку и пляску!

(Волынка и дуда начинают медленный напев. Четыре молодые цыганки в лохмотьях, но стройные, выступают вперед, а между ними становится Стенко в несколько причудливом наряде, напоминающем тирольский. Танец начинается медленно, с восточным оттенком и постепенно разгорается вместе с музыкой до бешеного пляса. Как змеи, вьются черные косы, машут, как крылья, темные лохмотья, звонят на шеях убогие мониста. Великолепно и уверенно танцует молодой черный цыган, все время улыбаясь и от времени до времени ударяя в бубен.)

Старый цыган. Вот это пляска!

Цекупский. Да это подлинно пляска! *(Притопывает и бьет в ладоши в такт танцу, потом кричит громовым голосом).* Ура! Ура! Да кричите же, или у вас бычьи пузыри вместо сердец под ребрами?

(Нестройно, но довольно громко кричат ура.)

Юлия. А как зовут молодого цыгана? Я его раньше не видала.

Молодой цыган. Стенко я. А не видали вы меня, вельможная пани, потому что долго пробыл в Румынии и Венгрии, у моих тамошних родичей, вот теперь пришел проведать бабку, да и попал на вашу, ясновельможная графиня, свадьбу; как для такой красавицы не поплясать! *(Смотрит на нее во все глаза.)*

Юлия *(встает)*. А давай, спляшем с тобой краковяк. Умеешь?

Цыган. Умеем, ясная графиня. Спляшем не хуже кого другого.

(Юлия быстрым движением снимает с себя венок вместе с фатой.)

Августа. Только можно ли?

Цекупский. Не только можно, а вполне принято и очень хорошо, и молодец наша графиня — только ножки целовать.

Юлия. Уж молчите, пан Филидор, испортили мою туфлю. *(Горничная приносит другие туфли.)*

Цекупский. Я... я... никто, как я. *(Коленопреклоненно и картинно надевает Юлии туфли).*

(Юлия грациозно сбегает с помоста. Дуда и волынка играют красивый краковяк. Начинается танец, полный грации и огня. В толпе восклицания: «Ух»! «Хорошо»! «Вот так танцуют»! «Картина»! «Славная парочка»! «Парочка-то какая! Ха-ха-ха»!)

Вижа. А что же вы думаете,—конечно, пара! Только пан-бог редко такие пары сводит.

(Граф с неудовольствием и напряжением следит за танцем.)

Граф *(Цекупскому)*. А не пора ли кончить?

Цекупский. Разве вам, граф, не весело смотреть на чудный танец красавицы жены?

Граф. Слишком долго... Устанет.

Цекупский. Молодость устали не знает.

Генерал. Что за котенок! Ах, прелесть, ну не бесподобно ли?

(Танец кончился. В толпе громкие рукоплескания и крики одобрения. Она стала гораздо дружелюбнее. Стенко с глазами, горящими от восхищения, припадает к протянутой руке Юлии и долго не отрывается от нее.)

Вижа. Стенко, будет, мальчик! Пан граф сердится. *(Граф подымается с кресла с недовольным видом. Юлия с такой же грацией, как танцовала, взбегает на помост.)*

Юлия *(беря графа за обе руки)*. Еще можно, милый?

Граф. Нет, дорогая, ты можешь простудиться. Солнце зашло.

Цекупский. И то правда. Тьма идет. Зажигайте факелы.

(С разных сторон в густеющих сумерках вспыхивают факелы. Вдруг в их танцующем красном освещении из дома выбегают четыре медведя, причудливо кланяются молодым и начинают кувыркаться и ломаться.)

Цекупский. Это еще что такое?

(В толпе волнение от неожиданности, смех.)

Граф *(встает, гневно)*. Что тут происходит, кому вздумалось так шутить?

Молодой крестьянин *(громко)*. Уж подлинно: медвежья свадьба.

Генерал. Вы раздражены? Я сожалею. Полагал, шутка капитана Зуева и полковой молодежи посмешит, понравится.

Граф. Нет. Мне не нравится, извиняюсь. Кончайте все ваши безвкусные церемонии, пан Цекупский. Довольно комедии. Прав я был, когда просил, чтобы ничего этого не было.

(Медведи все пляшут, кто-то громко кричит петухом. Другой отвечает ему козлом. Злорадный смех в толпе. Граф берет под-руку Юлию и собирается спускаться.)

Цекупский *(умоляюще)*. А речи людям не скажете? Ведь всегда водилось на старых вельможных свадьбах на Литве? Хоть два слова.

Граф *(резко)*. Нет!

Егерь. Дорогу графу и графине!

Старый крестьянин из толпы. Так и не выпьет граф здоровье своих поселян?

Голоса. Не хочет... Горд пан граф Шемет.

Брэдис *(выступая вперед)*. Ясновельможный пан граф, вы уходите, не исполнив стародавнего обычая, не выпив за здоровье рыцарей труда, ваших подданных, но и ваших гостей сегодня. А мы хотим выполнить старый обычай и от нашей к вам речи не отказываемся...

(Все теснятся, чтобы слышать. Странно выделяется группа медведей.)

Брэдис. Слушайте, ясновельможный граф, наш пан и хозяин.

Граф. Не желаю слушать. Довольно. Пойдем, Юлия. Довольно, даже слишком.

Брэдис. Ведь я не буду говорить ни длинно, ни зло. Я только желаю — вопреки всему, да, вопреки всему — пожелать счастья бедной новой графине.

Мария *(быстро спускается с помоста, становится перед Брэдисом и говорит ему вполголоса, но горячо).* Довольно, будет же, пан Ян. Смотрите, как у него надулась жила. И не трогайте Юльку. Дурно то, что вы делаете.

Брэдис *(не слушая ее и повышая голос).* Много творилось в этих древних стенах дурного. Да не падут последствия тяжких грехов замка Мединтильтас на его новую молодую хозяйку.

Граф *(спускается ниже).* Убирайтесь, не то я голову вам разобью!

Брэдис. А, вам хочется закончить по-медвежьи медвежью свадьбу?

Граф *(в бешенстве подходит к нему, но перед ним вырастает выпрямленная фигура Марии).*

Мария. Стыдно, пан Брэдис! Успокойтесь, милый, милый Михаль. Вспомните сестру: она там одна и встревожена.

(Юлия быстро сходит, но зацепляется за что-то своим длинным шлейфом и падает. Граф с неожиданной ловкостью подскакивает и хватает ее во-время в об'ятья. Минуя Брэдиса, он нежно несет ее к порталу. В эту минуту за замком загораются костры и обдают все своим пожарным заревом. Вдруг на балконе появляется старая графиня. Она бешено вырывается из рук удерживающей ее женщины, вся растрепанная склоняется над перилами балкона и пронзительно кричит.)

Старая-графиня. Медведь уносит женщину! Стреляйте! На помощь!

(В толпе и шум и замешательство, вскрикивают женщины. Граф вносит Юлию в свой дом, за ним вбегают четыре медведя, а дальше теснятся гости.)

Старая графиня. На помощь, люди, медведь унес женщину! На помощь!

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Декорация второй картины. Ночь. Горят оба канделябра. Пастор пишет

Пастор *(поднимает голову).* Вот... Вот я дошел до самой катастрофы. *(Встает.)* И не могу писать... руки дрожат, и глаза застилают слезы. О, бедная, бедная! Мы все шли к этой ранней могиле с открытыми глазами... Но рок был достаточно силен, чтобы обезоружить одних, ослепить других... Только вчера ее похоронили. Деревья осыпали последние свои листья на ее свежую могилу. Кто не плакал? Все, все плакали... О тайна бытия, ты допускаешь подобное. *(Задумывается.)* Бедная, она хотела всего десять лет жизни. А ей не дано было и часу того счастья, о котором она мечтала... Неслыханно, ужасающе. В брачную ночь быть растерзанной... Во сне, любимым и любящим. О, кровавый миф скорее, чем действительность. Все вновь и вновь, как прикованный, я думаю, как же это происходило? Во сне. После брачных ласк. Упоения. Он был, вероятно, в кошмаре, как тогда. А она, быть может, проснулась только, чтоб ужаснуться в муке и умереть... Когда нам пришлось рассказать: когда Брэдис оповестил толпу, еще пьяную, ночевавшую вокруг замка—я думал, что они по камешку растащат Мединтильтас, что они все испепелят. Какая ярость! В ней сказалась и давняя ненависть к помещикам и ужас перед невиданным пре-

ступлением... и жалость. Как плакали крестьяне, цыгане, когда мы хоронили бедную жертву. И что за зрелище, когда люди с ружьями, с собаками пошли на странную охоту на человека. На вельможу... Боже! ведь я же знаю — на обладателя культивированного ума и благородного сердца. Что переживает он! Или переживал, пока был жив? Страшно подумать! Боже тайны, зачем дал ты нам тело и сознание, способные так страдать. *(Задумывается.)* Бедная Мария, все эти пять дней она не спит и не ест. Она молчит. Она бледна, как призрак. И эта светлая, невинная душа страдает невыносимо. Панна Августа дала себя уговорить жить в Вильно эту зиму. И переехать туда сейчас же. Я надеюсь устроить так, что мы уедем завтра. Я останусь, быть может, на месяцы, около Марии. Мне иногда удается ее тронуть, слабо утешить. Я полюбил ее, как сестру. Я полюбил это семнадцатилетнее дитя, как мою старшую сестру... Граф, несомненно, погиб в болотах, ибо и тело его до сих пор не разыскано. Мог ли он, опомнившись, не наложить на себя руки?

(Громкий удар в окно.)

Пастор *(отшатываясь от окна, возле которого он стоял в ту минуту).* Что это, боже, какое предчувствие! *(Хватается за сердце и не решается отворить окно. Тогда новый сильный удар его распахивает. На подоконник с ветвей дуба вскакивает граф. Он в лохмотьях белья, босой, ужасный.)*

Граф *(прикладывая палец к губам).* Тс! Не бойтесь. Не кричите, ради всего святого, Виттенбах. Вы удивляетесь, что я жив? *(Соскакивает с подоконника в комнату.)* Оставьте окно открытым. Вам холодно? Мне все время холодно. Я пришел к вам сказать мою последнюю волю. Я был у себя там на верху. Я взял в потайном ящике вот это. Сядьте, слушайте. Возьмите себя в руки. У вас стучат зубы. Угомоните свой страх. Видите, я взял в кабинете пистолет. Конечно, не для того, чтобы защищаться. И я взял эту бумагу. Это форменное завещание в пользу крестьян. Про-

ект. но подписанный свидетелями. Мной он подписан только сейчас. но это ничего. Употребите все усилия, чтобы моя воля была признана. Меня почитают за умалишенного. Но завещание составлено и подписано почтенными свидетелями больше года назад. Они свидетельствуют о здравом уме и твердой памяти. Я сделал это на случай скоропостижной кончины. но все не подписывал и ни слова не говорил врагу... Брэдису, чтобы не дать ему искушения отравить меня. О. если б я действительно сломил себе шею на охоте. если бы он на деле отравил меня! Вам поручаю. Больше года назад. Свидетели честные. И прощайте... Я не протягиваю вам руки. Человеческая рука не должна меня касаться

Пастор. Граф, вы хотите покончить с собой?

Граф. Ну. конечно. Слушайте. вы записываете. Вам будет интересно. а может быть. и другим. Я мог легко убить себя и без пистолета. Но. видите. сначала я, спустившись из спальни, просто бежал, бежал. Я знал одно. надо бежать. Я падал и бежал. Я был человеком, и человеку нужнее всего было не вспомнить... Не вспомнить своего пробуждения от жгуче-страстного торжества зверя... *(Закрывает глаза с ужасом.)* Нет, нет. нет. Не вспомнить. Чтобы не встала картина. чтобы эти умирающие глаза... *(Пауза.)* И вот я бежал. бежал. Падал и бежал. Наконец, стал думать. упав в полном изнеможении. Конечно, я стал думать о смерти. Я лежал бессильный и думал о смерти. И тут стал заниматься день. Лес зашумел, запели птицы. Солнце пронзило чащу стволов. И кровь ударилась в глубине сердца. И представьте, представьте, Виттенбах. мне так захотелось жить. Это еще не зверь хотел. но и не человек. а просто животное. Оно вдруг замуровало часть памяти. И лихорадочно, в страхе перед замурованным оно занялось насущным моментом. самоспасением. защитой. Оно хотело жить в глубине Матицы. Со зверями. Пока удастся. И я начал жить. Нарочно-тупо. Искал кореньев, грибов, старался найти подходящие

камни, чтобы зажечь огонь. Лазал по деревьям и брал птичьи яйца. А когда мысль шевелилась во мне — я хватал ее за горло и душил. Я все время не спал. Инстинкт предупреждал меня, что мой сон будет ужасен. Но в об'ятиях дуба я заснул, наконец: ну, конечно, Виттенбах, ну конечно... тогда мне приснилось это. Слушайте же, слушайте же, Виттенбах: оно приснилось мне не в зареве ужаса, а в том же неистовом, невыносимом сладострастии *(закрывает лицо руками)*. Пусть уж это будет моя исповедь. Надо казнить. Я пил... я пил... я опять ощущал губами... пастью... ах: и я проснулся блаженным зверем и еще в тумане горячего и сладкого сна я заревел с дерева торжествующим ревом, так что мои братья откликнулись воем и рыком. И тут пробудился человек: вихрь страдания. И человек решил тут же: убить, убить зверя, убить беспощадно зверя. И человек заторопился войти во всю свою человечность, выполнить свои человеческие обязанности, доказать, что он существовал, подлинно человек, человечный человек... за этим я и пришел сюда.

Пастор. Граф, возьмите одежду, денег, уйдите подальше, там найдете лошадей. Уезжайте под чужим именем, чтобы искупить подвигами милосердия тяготеющее на вас проклятие.

Граф *(с горькой улыбкой)*. Глупый человек, о глупый человек! Не для того ли, чтобы где-нибудь загрызть девушку? *(Он не может сдержаться и выкрикивает эту фразу громко.)* Пусть ваши уста не смеют больше двигаться, чтобы произносить такие слова! Вы видите в этом существе, одетом в лохмотья, не только меня, а и его... и он есть я. И не я. А знаете, чего он хочет? Все должно быть сказано перед смертью хоть одному человеку. Все, до последнего ужаса. Вы знаете, чего он хочет? Он хочет *(со стыдом, прерывающимся голосом.)* горло Марии... потому что она похожа... Он... он таков... Он муками ада заплатил бы, чтобы еще раз отведать того же вина.

Пастор *(потрясенный)*. Мыслимо ли!..

Граф. Проклятие всему, небу, земле, богу и человеку: зверя нужно убить! А он хочет жить, Виттенбах! Если бы вы только знали, какая в нем могучая жизнь! Как он не по вашему, не по-человечьи любит трепет ветра в лесу и запахи, которые он вдыхает не человечьими ноздрями, как терпкую, жестокую и упоительную симфонию. И он торжествовал один раз свое зверобожье торжество. И он не хочет умереть, не повторив своего счастливого пира. Он хочет еще и еще. Не бойтесь. Я не безумец сейчас. Я говорю вам этот последний ужас, как человек другому перед смертью... Ах, как хорошо было бы не родиться. Но как я мог сорок лет терпеть себя самого? Вот это стыд, это стыд. Ни слова, Виттенбах! Тут не может быть никаких колебаний, тут нет никакого выхода. *(Встает.)* Виттенбах, а как я мог бы быть счастлив! Какое блаженство передо мной раскрывалось. Такое человеческое... человече... *(Падает на стул и рыдает, упав головой на стол.)*

(Дверь открывается. Совсем так, как в шестой картине Юлия—входит Мария, она так же призрачна, одета в такой же белый пеньюар, с распущенными волосами. Она тем же жестом высоко поднимает свечу и оглядывает комнату. Граф подымает голову и, задрожав всем телом в безумном ужасе, смотря на нее, падает на пол. Пастор потрясен и не может вымолвить ни слова.)

Мария *(почти спокойная)*. Значит, я не ошиблась. Здесь граф Михаль. *(Ставит свечу.)*

Граф *(облегченно)*. Это Мария.

Мария. Это я. Что здесь происходит? Зачем вы здесь? Вас затравят собаками.

Граф *(подымаясь на колени)*. Я за тем, чтобы отдать завещание Виттенбаху, затем, чтобы взять пистолет.

(Пауза.)

Я убью зверя, Мария. Человек убьет зверя и умрет для этого *(пауза)*.

Мария *(тихо)*. Я думаю, что так надо.

Граф. Вы... не думаете... Что это Михаль... *(с рыданьем.)* Что это я... что это я сделал... Вы не думаете этого, Мария.

Мария *(так же тихо)*. Нет, Михаль, я не думаю этого. Это сделала ваша болезнь. Но я не думаю, что сказанное вами— единственное от нее лекарство *(граф встает)*.

Граф. Я сейчас уйду. Чтобы не нашли моего тела в чаще — войду по пояс в трясину и застрелюсь. Она поглотит мое тело навеки. Так я очищусь. Я плохо верю в душу. Но если она есть — трясина отдаст ее небу, а Локиса удержит в пучине. Так ведь?

(Мария серьезно кивает головой. Пастор попрежнему нем.)

Граф. А если так, Мария, то, как причастие, ко всему чистому перед смертью и после исповеди — потому что я во всем исповедовался пастору — дайте мне прикоснуться своими страшными губами — не к вашей руке. Вы вздрогнули... А к краю вашего платья.

Мария *(подходит к нему)*. Нет, Михаль, не надо этого, но я поцелую Ваш лоб. Он уже чист *(и целует его в лоб)*. Благословляю Вас. Благословляю человека, который хочет убить зверя.

(В это время за окном раздается сильный собачий лай и мужской голос. Окно освещается снизу факелами. Вдруг раздается громкий звук охотничьего рога.)

Пастор *(поднимая обе руки)*. Как труба последнего суда.

Граф *(вскакивая на окно)*. Облава. *(бросается в комнату)*. Здесь отступления нет. Мария, уйдите, иначе придется осквернить ваш взор зрелищем кровавой смерти.

(В двери бурно врывается Брэдис в охотничьем наряде.)

Брэдис. А, ты здесь, изверг. Мария, убегайте... Чудовище растерзает вас *(схватывает охотничий нож. Граф с растущей злобой смотрит на него, готовясь к обороне и нападению).*

Пастор. Доктор, доктор, неужели вы хотите?...

Брэдис *(задыхаясь от гнева и торжества)*. У меня тоже были предки. Они умели ходить с ножем на медведя.

Граф. А, ты хочешь получить меня живым или мертвым. Ты травишь собаками графа Шемета. Мечтаешь стать хозяином в замке затравленного тобой. Ты... Ты женишься на Марии. Ты хочешь победы. Я умру, но ты прежде меня.

(Стремительно бросается на Брэдиса, выбивает у него кинжал и в страшной короткой борьбе обрушивает его на пол. Боковая дверь содрогается и открывается. Старая графиня в шлафроке, всклокоченная, визжит на пороге.)

Старая графиня. Медведь!.. убивайте!

Брэдис *(задушенным голосом)*. Зверь... Зверь... Он зубами.

Мария. Пастор, помогите же, помогите!

Пастор *(бессильно топчется над борющимися, умоляюще)*. Друзья мои... люди, опомнитесь!

(Мария хватает со стола пистолет графа и стреляет. На мгновение все

замолкает. Мертвая пауза. Она откидывается назад, опираясь на письменный стол, и в ее руки впиваются его края, она стоит с лицом, поднятым вверх и с закрытыми глазами до конца сцены.)

Брэдис *(подымается, его куртка разорвана на груди, на рубашке кровь).* Убит? *(Оглядываясь.)* Мария, о, вы спасли мне жизнь! *(Наклоняется над графом.)* Убит, зверь убит наповал! *(В дверях появляются егеря и вооруженные крестьяне.)*

Молодой крестьянин. Где зверь?

Брэдис. Убит! Паненка Мария Ивинская убила его, когда он уже держал зубами мое горло. Убит! Кончен. Победа!

Крестьяне. Убит! Убит! Ура!

Пастор *(выступает вперед, протянув дрежащую руку).* Стойте! Он убит. Да, в нем жил зверь... Но он был благороден. Вот завещание в пользу крестьян. Он пришел сюда подписать его. Да, он для этого вернулся сюда.

Брэдис *(хватает завещание и жадно пробегает его глазами).* Верно. Мы вырвали у него и завещание. *(Крестьянам.)* Братья, пусть не болтают вам о благородстве последнего Шемета, потомка облитых вашей кровью тиранов, дьявола, загрызшего свою красавицу-невесту в брачную ночь. Это лежит последний плод шеметовского сладострастья. Это мы, это я — ваш передовой — вырвал у него девятилетней работой вот этот клочок бумаги, через тысячу лет возвращающий вам то, что вам всегда должно было принадлежать. Зверь убит, земля ваша. Ура! Ура!

(Крестьяне кричат: ура! Старая графиня подкралась к мертвому телу и с торжествующей улыбкой смотрит на него.)

Старая графиня. Конечно, он похож на человека... Но подумать, что это мой сын!.. (*(Улыбается, поднимает голову и смотрит на всех.)* Теперь княжна Адель станет снова молодой и прекрасной.

Брэдис *(к крестьянам)*. Идите же, скажите там внизу обо всем, что случилось. *(Некоторые уходят.)* Мария! Спасительница! Мы победили. Добро победило, Мария. Гордись, гордись! Добро победило твоими и моими руками. Теперь мы будем счастливы.

Мария *(все в той же позе)*. Я — никогда. *(Брэдис отступает в тревоге.)*

Старая графиня *(протягивая руку к Марии)*. Смотрите, смотрите, как бледна эта девушка! Медведь уже успел выпить кровь ее сердца. *(Снизу взрыв ликующих криков ура.)*

(В комнату шумно входят рабочие и крестьяне.)

ЗАНАВЕС.

КОМЕДИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Четыре маленьких комедии, составляющих эту книгу, были напечатаны впервые в 1913 году вместе с некоторыми другими беллетристическими произведениями в сборнике «Идеи в Масках». Первое заглавие весьма ясно обозначало жанр. В одежде более или менее веселых комедий выступают здесь, прежде всего, идеи. Автору хотелось быть комедиографом и философом в одно и то же время.

Судьба книги была странная: издатель не предпринял никаких шагов к ознакомлению с нею публики. Почти никаких отзывов о ней не появилось, — между тем, в продаже книги нет.

Я выбрал из сборника вещи, которые кажутся мне наиболее ценными и которые, при новых условиях, могут найти доступ на сцену.

Было бы печально, если бы они нуждались в авторском комментарии. Маски, которые носят здесь мои идеи, достаточно прозрачны. Будь они прозрачнее—пьесы превратились бы в аллегории, чего я отнюдь не хотел.

А. Луначарский.

4/VIII 1918. Ц. Село.

ВАВИЛОНСКАЯ ПАЛОЧКА

Комедия в I действии

ЛИЦА:

Порфирий Супермедикус — знаменитый врач.

Лумен, Меркурий, Фидус — его ученики.

Лаура — его дочь.

Люди сеньора подеста.

Действие происходит на заре возрождения в северной Италии.

Декорация представляет сад за домом Порфирия. Грядки с травами, плодовые деревья. Справа—дом; видна дверь с двумя ломбардскими колонками, опирающимися на изображения аспида и василиска; над дверью арабские письмена. Слева забор с калиткой, ведущей в переулок. Глубь сцены занята разросшимися деревьями. Недалеко от входа в дом густолиственный старый каштан, под тенью которого стоит венецианское кресло, обложенное подушками, с ковриком у ног. При поднятии занавеса Порфирий сидит на этом кресле, опираясь на костыль с причудливой костяной ручкой. Это—глубокий старик, сгорбленный, желтоволосый, со слезящимися глазами и длинной, тоже желтеющей, уже седой бородой, падающей на грудь. На голове его черная бархатная шапочка с наушниками, одет он в длинную, ниже колен, широкую темно-синюю одежду, с рукавами до локтей, падающими с них длинными концами. Его худые руки охвачены другими, узкими рукавами гранатового цвета. Вокруг шеи и рук белые полотняные отвороты. Тощие кривые пальцы, почерневшие от химической работы, унизаны тяжелыми перстнями с печатями. Тонкие ноги в чулках обуты в меховые туфли. На груди цепь из щитков мелких черепах, соединенных золотыми колечками. В движениях видна уже дряхлость. Но время от времени прорывается почти юношеская живость, пересекаемая, однако, жестами боли и немощи.

Оперпись на ствол дерева, стоит Фидус. Это—очень небольшого роста худой юноша, напоминающий хищную птицу. Желт, узколоб, горбонос, одарен кадыком. Из-под перяшливой шапки висит клок рыжих волос. Одежда темно-коричневого цвета грязна, колет открывает на груди и руках грубое пожелтевшее белье. Колени протерты. Движения его резки и угловаты. Говорит скрипуче, с трудом выбирая слова. В глазах странный огонек. Иногда, волнуясь, он заикается и хватается за горло. Его длинные пальцы часто дрожат.

Меркурий сидит на скамеечке. Он высок, смугл; улыбка показывает молочно-белые зубы меж черной бородой и усами. На нем щегольской бархатный берет. Черные волосы бахромой пущены на выпуклый лоб. Глаза темно-карие, насмешливые. Затянут в малиновый колет с широкими складчатыми рукавами, схваченными у кистей рук в щегольские годешосы голубого цвета. Руки довольно нежны, на пальцах перстни с рубином и камеей. На золоченом поясе бархатная сумочка.

Порфирий (*говорит складно и свободно, хотя в голосе слышится старческое дребезжание*). Тивурций Варсавиензис рекомендует желчь лося, рода оленей, живущих в Сибири... Но не так важен состав, как самая варка декокта. Не говоря о крайней тщательности при выборе дня и часа, для чего лучше посоветоваться со светилами, нужна огромная бдительность. Основа рецепта декокта идет от св. Иеронима и лишь слегка изменена в согласии с сарацинскими данными, почерпнутыми, вероятно, в исчезнувших ныне творениях Аристотеля. Но, как известно, именно против всего, чем св. Иероним изустным преданием одарил нашу великую науку, ополчается демон Кокодриллокефал, один из упорнейших и прилежных слуг Вельзевула. Стоит лишь опустить любую формулу, молитву, условленный жест, как Кокодриллокефал лишает декокт всякой силы, хотя с виду все остается как будто неизменным. Так, однажды, сварив великолепный декокт Иеронима, я вдруг убедился, что он не вызывает никакого иного действия, кроме сильнейшего поноса. Долго я ломал голову... Пересматривал все 36 элементов его и всю процедуру. Я чувствовал, что тут замешан Кокодриллокефал, и молился св. Иерониму, дабы он вразумил меня относительно моего упущения. И святой пришел мне на помощь... Оказалось, что я варил декокт в кожаном поясе, меж тем как сказано: «Не употребляй в составе и процедуре ничего животного, кроме предуказанного». Демон сразу заметил пояс, поддерживающий мои панталоны, и истолковал его как употребление животного в процедуре. Его аргумент, очевидно, показался сильным и ангелам, охранявшим час, место и формулу: отсюда—понос.

Меркурий. Но по исправлении ошибки новый декокт опять исцелял все кашли?

Порфирий. Часто. Я не говорю всегда. Ибо исцеление зависит от тысячи причин, из коих не все исследованы. Самый кашель может происходить вследствие проникновения в тело паров: тело сыреет, и, судорожно сжимаясь, грудь стремится выдавить воду из пор плоти. Но бывает и так,

что внутренний огонь пылает настолько, что заставляет обращаться в пар соки тела, каковые ищут исхода при посредстве кашля. Часто посторонний предмет застревает в дыхательном канале или попадает туда мошка, иногда даже незримая глазу, но щекочущая горло. Место мошки может занять порой какой-нибудь эльфоподобный маленький дух, прорвавшийся, например, при зевоте во время молитвы или вообще проникший в разинутый и не перекрещенный во-время рот. Декокт помогает во всех этих случаях. Но бывают осложнения. Бывает так, что святой патрон данного лица или его ангел-хранитель, рассердившись на суб'екта, наказуют его приступами кашля. И здесь декокт стремится умерить кашель, но тогда святой патрон или святой ангел обращаются на небеса к блаженному Иерониму и говорят: «Отче благий, вот твоя микстура исцеляет недостойного, мною наказанного». И святой целитель говорит: «Да не будет!» Тут больного начинает мучить кашель пуще прежнего, и декокт обращается ему даже во вред. Quantum majus,—если прогневана святейшая Мадонна или кто-либо из высших небожителей. А так как редко случается, чтобы смертный не оказывался предметом гнева кого-либо из многочисленного хора присноблаженных, то ты понимаешь, насколько ограниченной оказывается восхитительная и непреодолимая целебная сила чудного сего декокта... Фидус, мне кажется, ты совершенно невнимателен...

Фидус. Я?.. Я слушаю...

Порфирий. Ты считаешь ворон! Ты дуешься на Лумена за то, что я люблю его, но я люблю его за знания, а знания даются вниманием и молитвой. Ты же останешься олухом, ибо уши твои—коридоры в пустой зал, и в них вечный сквозняк.

Фидус. Что же мне слушать эти мелочи?

Порфирий. Мелочи? Меркурий, он называет это мелочами!

Меркурий. Не сердись, магистер, не волнуй себя; ты знаешь, как тонки стенки твоего желчного пузыря: приведя в вол-

нение его содержимое, ты рискуешь вызвать прорыв и раз-литие холерии по жилам, не говоря о том, что от сердящегося даже справедливо ангел отвращает покров свой, так что и справедливый гнев может перейти в греховный... Дети Приды, многочадной супруги Асмодея, реют вокруг нас... Да хранит нас Мадонна и святая Пациенция!

Порфирий. С удовольствием слушаю тебя, мой Меркурий... Ты говоришь, как мудрец. Но, видишь ли, для многоученого доктора Фидуса декокт св. Иеронима от всякого кашля—мелочь. Есть отчего рассердиться! Попробовал бы ты сказать это Кокодриллокефалу, олух,—демону, которому сей декокт не дает ни минуты покоя,— он бы раз'яснил тебе, какая это мелочь!.. И если завтра кашель станет душить тебя, и красные глаза твои полезут на лоб, жилы надуются как веревки, грудь готова будет разорваться, и в горле заклокочет пена с кровью и желчью,—тогда ты поговоришь о мелочи, завещанной святым отшельникам и исправленной четырьмя арабскими мудрецами, в том числе самим Авиценной!.. Несчастный!.. Тогда ты станешь умолять меня дать тебе пол-капли этой мелочи.

Фидус. Нет, магистер.

Порфирий. А что же? Ты умрешь как собака, захлебнувшись собственной мокротой?

Фидус. Нет, магистер.

Порфирий. Нет, нет... Бессловесное полуживотное!

Фидус. Я выпил бы твоей панацеи.

Порфирий *(внезапно успокаиваясь и улыбаясь)*. А, хитрец, ты выпил бы моей панацеи! Но разве ты не знаешь, что ее надо принимать с постом и молитвой, во всякой вере, и что малейшее сомнение губит ее эффект?

Фидус. Это-то я знаю. Я знаю также ее несложный состав... Я вытвердил все формулы, еврейские и арабские, которые надо произносить, собирая травы и дестиллируя элексиры...

Я знаю также, что... что великий Супермедикус исцелил панацеей паралич торговца красным деревом, бессонницу сборщика соляной подати, подергивание руки у жены бочара Пепс... Ах, я знаю это... Но чего-то я не знаю еще... Да... или, вернее, я еще что-то знаю!.. Знаю. что мне никогда не сделать элексира панацеи... Никогда!

Порфирий. Конечно, потому что ты маловер.

Фидус. Не сварить мне его, хотя бы вера моя была широка, как Средиземное море, и высока. как Альпы.

Порфирий *(улыбаясь).* Почему же? *(подмигивает Меркурию).*

Фидус *(побледнев).* А, ты делаешь знак этому франту! Ему-то ты рассказал все!

Порфирий *(несколько нахмурившись).* Что ты имеешь в виду?

Фидус. Ты хочешь знать?

Порфирий. Да, хочу, глупый человек.

Фидус. Хочешь?

Порфирий. Говори же, двуногий осел.

Фидус. Сказать?

Порфирий. Не истощай моего терпения.

Фидус. Ты думаешь, что я глуп и ничего не понимаю...

Порфирий. Ты глуп, это так же несомненно, как неподвижность земли.

Фидус. Ты воображаешь, что я упьюсь твоими формулами, на которых я сломал себе язык?

Порфирий. Почтение к словам мудрых, квакающая жаба!

Фидус. Что я буду таскаться по ночам, указанным звездами, и, согнувшись крючком, искать травок, листиков и корешков?

Порфирий. К чему ты ведешь свою собачью речь, свиной огрызок?

Фидус. Нет, все это второстепенно... Есть что-то другое, дорогой магистер... Обманщик!

Порфирий *(взбешенный)*. Подойди сюда, сын ежа и вонючки, чтобы я тебя ударил костылем.

(Меркурий улыбается все время, не сходя с места.)

Фидус *(в страшном волнении)*. Га! Ты скрываешь от меня суть. Но я узнал, подсмотрел, подслушал, ибо, воистину, я хочу знать, хочу мочь!

Порфирий. Молчи!.. Закрой богомерзкую яму уст!

Фидус. Покажи мне палочку!

Порфирий *(трясясь от гнева, поднимается со стула)*. Что? Ка... какую?

Фидус. Палочку! Вавилонскую палочку, которой ты мешаешь все твои варева и твою панацею... Ибо сила в палочке, истина, добро, здоровье, красота, счастье—все в палочке, в вавилонской палочке!.. Покажи мне ее... ты ее показал Лумену, ты показал ее Меркурию... Я хочу видеть палочку!

Порфирий *(садясь опять на стул и обращаясь к Меркурию)*. Ты слышишь?

(Меркурий пожимает плечами.)

Ты не увидишь палочки до конца дней твоих, как собственных длинных ушей, последняя из обезьян, ибо палочка—венец и награда и не дается дуракам.

Фидус. Да?

Порфирий. Довольно! Молчать!

Фидус. Она не дается дуракам? Хорошо... Что-ж? Хорошо... Я—дурак. Я молчу.

(Грызет ногти, дрожит.)

(Из дверей дома выбегает Лаура светлокосая девушка флорентийского типа, одетая в грациозное белое платье.)

Лаура. Отец, Лумен вернулся! Чуть не весь город вышел ему навстречу, потому что пизанцы провожают его с музыкой: он исцелил у них немую дочь синьора Гамбакорты. Он исцелил ее твоею панацеей. Пизанцы хотят видеть тебя, они кричат: «Хотим видеть мудрейшего учителя мудрого ученика!»

Порфирий *(поднимаясь с кресла)*. Вот это радость! О, я бегу, как мальчик... Не надо поддержки... Я готов отбросить и костыль... Он исцелил немую? Это достойно меня! Дочь самого Гамбакорты? Отлично... Я иду навстречу благородным пизанцам.

(Уходит с Меркурием. Его дочь хочет следовать за ним, но Фидус преграждает ей дорогу.)

Фидус. Девушка, отчего ты никогда не смотришь на меня?

Лаура *(гордо пожимая плечами)*. Что-ж на тебя нарисовано?

Фидус. А на Лумене?

Лаура. Он сам лучше всякой картины.

Фидус. Га! Ты влюблена в него, Лаура! Ты вожделеешь к нему?

Лаура. Молчи! Не оскорбляй девушку, гад!

Фидус. И он льнет к тебе. Но ты знаешь почему? Быть может, ты воображаешь, что это ты нужна ему? Нет, ты нисколько не нужна ему. Он знает про вавилонскую палочку, которая припрятана в вашем доме и которой магистер мешает

эссенции. Он знает ее волшебную силу, заключенную в ней еще пророком и чародеем Даниилом... О! Да, да! Я ведь знаю, я отлично слыхал все. У меня длинные уши, но зато они хорошо слышат.

Лаура. Пусти меня... Ты бредишь.

(Хочет пройти, гордо подняв хорошенькую голову и презрительно наморщив нос. Фидус загораживает ей дорогу снова).

Фидус. Твой муж получит палочку, вот почему Лумен льнет к тебе. Да, да, я слышал, — он говорил Меркурию со смехом: «Заполучить бы только палочку, а жену можно всегда запирать дома». Лумен—развратник, ему нужны девки со всего города. Хороший будет муж у тебя, нечего сказать!

Лаура. Все-то ты врешь и врешь глупо, не похоже на правду: Лумен живет как монах, а на меня молится как на Мадонну.

Фидус *(упрямо)*. Он хочет палочку, в ней истина и сила. Ради палочки все можно... Можно жить монахом... Можно не есть, не пить, не спать... Можно стать святым. Можно стать чортом, оклеветать, обворовать, убить... Потому что в палочке сила и истина, это знает и магистер... Без палочки все остальное не действует, а палочка действует и одна... Палочка...

Лаура. Прочь! — ты мне надоел смертельно.

Фидус. А если бы хорошенький Лумен мог украсть палочку, он ушел бы из дому, даже не взглянув на тебя.

Лаура. Гном! Если бы Лумен хотел похитить палочку,— он давно бы мог это сделать.

Фидус. Ха-ха-ха! Он не знает, где она,—вот беда его.

Лаура. Он знает.

Фидус. Нет, нет... Он не подозревает.

Лаура. Я двадцать раз давала ее ему по ночам, потому что отец прячет ее у меня. Вот тебе! Когда Лумен приходит ночью к моему окну и мы говорим с ним так задушевно, так тихо, так сладко, — он спрашивает иной раз у меня: «Дай мне палочку, я еще раз попробую прочесть эти письмена при свете нашей подруги-луны».

Фидус. О, хитрый вор!

Лаура. Если бы он был вор,—что̀ стоило бы ему взять ее? Я при нем укладывала ее назад в мою шкатулку. Но она и так будет принадлежать ему, потому что я буду его женой. и это для него в миллион раз важнее, чем стать царем всего Вавилона.

Фидус *(задумчиво)*. Что же, он прочитал письмена?

Лаура. Их никто не может прочесть, даже отец.

Фидус. Он спишет их, а в них-то и есть самая сила.

Лаура. Их нельзя ни запомнить, ни списать, они — как сумасбродное кружево.

Фидус. Почему же отец стал прятать у тебя палочку? Вот я и поймал тебя! Ты все лжешь! Отчего бы палочке быть у тебя?

Лаура. Отец прятал ее в тысяче мест, но ему приснился доктор Рожер, который подарил ему палочку, и указал на мою шкатулку, как на самое безопасное место. Она у меня. Это все равно, как если бы она уже была у Лумена. Попроси он, — я бы отдала ему ее совсем. Видишь? *(надменно)*. Что ты понимаешь в любви! Молчишь? Пристыжен?

(Величественно проходит мимо него налево. В то время, как она почти подошла к калитке, последняя тихо открывается и на пороге показывается Лумен. Он белокур, волосы двумя волнами падают ему на плечи. Он похож на Рафаэля. На нем красивый колет с черными цветами по

синему фону, его ноги стройны; на плечах плащ, на голове шляпа с шарфом, конец которого падает на плечо, в руках длинная палка, через плечо кожаный мешок. Его желтые сапоги запылены. Увидя его, Фидус юркнул в дверь дома).

Лаура. Лумен!

Лумен *(вяло)*. Я...

Лаура. Ты устал?

Лумен. Смертельно.

Лаура. Где?

Лумен *(махнув рукой)*. Там...

(Подходит к авансцене и садится на кресло Порфирия. Сбрасывает мешок, плащ и шапку, бросает палку).

Лаура *(на коленях около него)*. Поцелуй же меня.

Лумен *(целуя ее)*. Я устал, ненаглядная.

Лаура. Ты исцелил дочь Гамбакорты? *(Он вяло кивает головой).* Может быть, ты влюбился в нее? *(Он тускло улыбается и гладит волосы Лауры).* Нет?

Лумен *(нежно)*. Одну тебя, всегда!

Лаура *(целуя его руку)*. Милый... Всегда? Одну? Отчего же невесел?

Лумен. Отдохну — повеселею... Мысли бьются в моей голове... Чувства в сердце. Я так много узнал, обдумал, моя Лаура. Печалиться ли мне? Отчего мне как-будто тоскливо? Отчего мне почти страшно как-будто, моя дорогая? Разве догадка не осветила, как молния, мою голову? Разве эту молнию я не сумею остановить на моем небе, превратить в

ласковое солнце на счастье себе и людям?.. И старому учителю тоже, уверяю тебя, Лаура.

Лаура. О чем ты?

Лумен. Тс! Ты не поймешь этого, но учитель поймет, — он мудр.

Лаура. Что-то переменилось?

Лумен. Что-то? Все, все! Сперва я испугался своей решимости... Самой мысли уже боялся, словно забеременел яйцом василиска. Тем более — дела, но сделал. И тогда страх мой ослепил меня на мгновение. На мгновение я почувствовал себя во тьме. И тут новый свет — уже вечный. Тогда я опьянел от радости. Но теперь я устал. Однако, радость бьется во всех моих жилах и скоро осилит усталость. Бьется и сомнение... Не в истине, но в учителе: в силе его духа.

Лаура. Но меня-то ты любишь?

Лумен. Больше жизни... Вас двух я люблю больше жизни, двух сверхчеловечески прекрасных дев, и я буду вашим мужем.

Лаура *(вскочив)*. Двух дев?

Лумен. Тебя и истину.

Лаура *(успокаиваясь)*. А, ну с нею я еще готова делить тебя, Лумен. Однако, меня ты должен любить немножко больше.

Лумен *(улыбается, целует ее в лоб, молчит)*.

(За сценой крики, пение, музыка).

Лаура. Бежим туда!

Лумен. О, нет! Они надоели мне. Иди ты, помоги отцу вернуться. С ним ли Меркурий?

Лаура. Я думаю... Но мне хочется видеть пизанцев, которые провожали тебя *(набрасывает вуаль на голову)*. Пойду... Еще поцелую тебя!.. *(Целует его)*. У тебя горит лоб?.. Не заболей, милый... Это противная истина воспламенила тебя

так своими ласками. Я освежу твой лоб *(машет над ним концами своего покрывала)*. Вот так! Так... Иду, прощай... Все-таки ты странный сегодня *(уходит)*.

(Справа входит Фидус, крадущимися медленными шагами подходит к Лумену и кладет ему руку на плечо).

Фидус. Лумен!

Лумен. А, друг Фидус... Здорово!..

Фидус *(сдерживая какую-то радость)*. Лумен, только мудрые могут овладеть истиной?

Лумен. Конечно.

Фидус. Ну, апостол Павел был иного мнения и говорил, что истина достанется юродивым, или что-то в этом роде.

Лумен. Это сказано об истине сердца.

Фидус. Разве истин много?

Лумен. Их две: истина разума и истина сердца.

Фидус. Есть третья сестра, гораздо прекраснейшая.

Лумен. Какая же?

Фидус. Истина-мощь. Мочь—значит знать. Самый сильный волшебник обладает этой истиной, и не благодаря знанию только, и не благодаря добродетели... но благодаря талисманам, не так ли?

Лумен. Я не думаю этого.

Фидус. Ты лжешь, Лумен! Ты исцелил немую принцессу не знанием, а панацеей *(Лумен улыбается)*.

Фидус. Может ли истина-мощь стать уделом малоумного?

Лумен. В мощи нет еще истины

Фидус. Она вся в ней! Кто может, — тот прав, кто не может, — тот ничто. Она вся в мощи! И когда мощь принадлежит

глупцу, он мудрее мудрейших. Давид победил Голиафа. Это потому, что у него была праща, разившая издали. Вы — Голиафы ума, а я — тщедушный Давид. Попробуйте сражаться без пращи, ибо пращу вашу бог отдал неразумному. Раскуси-ка эту загадку. Прощай.

(Хитро и зло улыбаясь, уходит. Лумен равнодушно пожимает плечами и вновь погружается в задумчивость. Из дома выходит Меркурий.)

Лумен *(встает и быстро идет к нему с протянутой рукой).* Друг Меркурий! О, как я рад, что вижу тебя прежде учителя! Мне так много надо рассказать тебе.

Меркурий *(улыбаясь).* Да, ты хочешь похвастать твоими чудесами. Ты хочешь лишний раз во всех подробностях рассказать, как ты исцелил прекрасную Джулию Гамбакорта, онемевшую два года тому назад. Отчаяние отца, недоумение величайших врачей... Твой триумф.

Лумен. Ах, если бы ты знал, что́ кроется под всем этим! У меня кружится голова, когда я вновь думаю об этом. Что я испытал, что я узнал!.. Умоляю тебя, выслушай меня. Сотри с лица твою вечную улыбку: верь,—то, что я поведаю тебе, есть нечто торжественное и почти страшное.

Меркурий. Садись *(показывает ему на кресло, сам садится на свою скамью).* Я слушаю.

Лумен *(садясь).* С самого начала — первое и уже страшное признание. Когда я наблюдал применение панацеи учителем, я обратил внимание на крайнюю настойчивость, с какой он требовал абсолютной веры в ее силу, как божественную. Ты помнишь, во всех неудачах,—а их было не мало, — учитель неизменно ссылался на маловерие пациентов. И ты отчетливо вспоминаешь, вероятно, процедуру внушения веры. Старец готовится к ней долгим постом и усердной молитвой. Он преображается, когда приступает к пациенту. Он выпрямляется, молодеет, глаза наполняются

огнем, его походка приобретает царственную важность, голос звучит глубоко и властно: весь он — воплощение веры в себя, и когда он трижды говорит: «Верь! Веришь ли?»—коленопреклоненный больной дрожит от волнения.

Меркурий. Я хорошо знаю все это

Лумен. Но ты знаешь также, что самому магистру внушает его веру в панацею не столько подбор специй и священные заклинания, сколько изумительная палочка, обладающая таинственной силой сохранять жидкости от влияния злых духов? *(Меркурий, слегка улыбаясь, кивает головой.)* Слушай же! *(хватает его за руку и наклоняется к нему.)* Слушай: я усомнился! *(Смотрит на него широко раскрытыми глазами. Меркурий улыбается.)* Моя голова горела. Я думал напряженно: что́ если палочка тут совершенно не при чем? Что если тут не при чем и самые специи? Вся панацея?!. Чудовищная, но гениальная мысль! *(Меркурий улыбается.)*

Лумен. Но дерзость моя пошла дальше, поддерживаемая рукою господа, разумеется. Я вспомнил святых апостолов, исцелявших рукопожатием. И вот в одну ночь... когда я весь полон был самых чудных чувств, когда я вернулся со счастливого свиданья и слушал ропот ручья там, у Каменного Деда, который, весь освещенный луною, склонил над моей головой свою задумчивую гранитную массу... в эту ночь, глядя на бледные звезды и полную луну, трепеща до слез от полноты бытия, я, как часто со мной бывает, вернулся мыслью к борьбе человека с недугами. И вдруг каким-то чудесным способом, каким-то внезапным откровением я понял все! Яркая мысль как бы пронзила всю мою душу: дух, дух, дух исцеляет! Да... Все болезни суть слабости души,—душа сильная может пробудить уснувшие силы больной души, и тогда вновь проникаются жизнью и члены тела... Да, это так! Я почувствовал, словно рука моя коснулась истины. Я видел, что Христос и святые улыбаются мне в бледном небе меж звездами и шепчут под мелодию вод великие целители-чудотворцы: «Так, это так». Ах, как

я был невыразимо счастлив! Я обнимал Истину, я ласкал ее священную грудь, целовал ее высокое чело, гляделся в мудрые очи ее! Я шептал: «Ты моя!» Она протягивала мне пьянящий кубок славы, неувядаемый венец бессмертия был в ее другой руке. Она склонилась передо мною, как перед победителем своим, эта богиня, эта амазонка, отдающаяся лишь победителям. Дух, исцеляя дух, вылечивает тело! Как просто, но как гениально! Это переворачивает мир. И когда я вспомнил о вавилонской палочке и снадобьях и формулах,—я улыбнулся с горделивой жалостью.

Меркурий. Ты был счастлив. Но дальше?

Лумен. Дальше?.. Самое дерзкое... Безумно мудрое... Ты знаешь, я, конечно, свято исполнил все духовное в самоподготовке и во внушении веры, ибо здесь учитель велик, — он инстинктом предугадал, хотя и в тумане, ныне открытую мною, Луменом, истину. Но вместо панацеи я дал Джулии Гамбакорта... ужаснись, обрадуйся, изумляйся, теряя рассудок... простую воду! Да, да, да! И она исцелилась!.. *(Вскакивает и лихорадочно ходит взад и вперед. Меркурий улыбается.)* Когда я, изнуренный постом, но весь движимый моею верой, чувствуя себя прямым языком пламени, пошел к ней на площадь перед собором, толпа ахала, иные склонились: «Да благословят тебя Мадонна и святой Лука!» — кричали мне. Она стояла на коленях на ковре. По углам были зажжены четыре огромные свечи. Епископ, ее дядя, поднял крест, все опустились на колени и запели: «Nunc sumus testimones miraculi, nunc demonstratur omnipotentia domini!» Я положил руку на ее мягкие волосы, поднял к себе смущенное и прекрасное лицо девушки и сказал ей: «Crede virgo, an credis?» И второй раз. И третий. За нее отвечала плачущая мать: «Credo, domine, adveni incredenziae meae!» И каждый раз я в самые очи ее вливал веру мою. И потом бестрепетной рукой я дал ей... не панацею, нет, а воду, которую вылил в чашу из фиала! Дева выпила и смотрела на меня с благоговением. Я сказал: «Да развяжется язык твой. Хвали бога, исцелившего тебя. Девушка, говорю тебе: ты можешь глаголать и воспевать.

Пой же во славу господню! Она сделала страшное усилие, покачнулась. Мне подумалось вдруг, что она умрет сей час... И вот в тишине, — ибо словно пустыней стала Пиза, — прозвенел слабый, слабый голосок, певший: «Te Deum laudamus». А дальше нечего рассказывать. Взрыв общего восторга и благодарности небу... Но это была вода. Меркурий, вода!.. Исцелил ее язык дух мой, а не панацея Супермедикуса!

Меркурий. Друг мой, я давно не верю в панацею.

Лумен. Ты?.. Но ты никогда не говорил об этом.

Меркурий. К чему? Она исцеляет многих.

Лумен. Но это дух исцеляет.

Меркурий. Вера... Всякий ли дух может верить, не опираясь на вавилонскую палочку?

Лумен. Всякий прозревший.

Меркурий. Боюсь, не скоро еще все слепые прозреют и немые заговорят.

Лумен. Сегодня же поделюсь с учителем великим открытием.

Меркурий. Да удержит тебя от того хоть простое человеколюбие. Ты убьешь его.

Лумен. Неужели он так держится за шелуху, когда я даю алмазное зерно?

Меркурий. Во что́ хочешь ты превратить его жизнь, его науку, его подвиг?

Лумен. Но истина...

Меркурий. Что есть истина?

Лумен. Вопрос Пилата.

Меркурий. Оставшийся без ответа.

Лумен. Дух есть истина.

Меркурий. Кто это знает?

Лумен. Я!

Меркурий. Не делай из своей истины меча для несогласных с тобой.

Лумен. Что же, преклоняться мне перед вавилонской палочкой?

Меркурий. Оставь ее тому, чьей жизни она опора. Жди: ты молод, он очень стар.

Лумен. Он мудр и поймет меня.

Меркурий. Знаешь ли ты историю палочки? Нет. Так слушай же, ибо у магистра нет тайн от меня. Эта палочка принадлежала голландцу Рожеру Ван-дер-Гифту. Тайком говорили о ней медики, как о талисмане, об'яснявшем чудесный успех лечений Рожера. Тогда Порфирий поклялся добыть палочку всякой ценой. Он был довольно богат. Он предлагал Рожеру золото, коней, одежды и камни, готов был продать свой дом, все заложить, всю работу свою отдать на годы вперед на откуп евреям. Он бредил палочкой. Рыжий иностранец,—я еще помню его: он был тучен, с висящим подбородком, жадными и мутными глазами,— рыжий голландец улыбался и говорил: «Этого еще недостаточно». В одно утро он, наконец, открыл свое ужасное условие. Сластолюбец требовал к себе жену Порфирия, красавицу Анну, мать твоей Лауры. Чудовище сказало при этом: «Она должна быть вся моя... И я предупреждаю тебя, что любовь моя жестока!» Сперва Порфирий, конечно, возмутился. Он ответил магу презрительным взглядом и на некоторое время перестал думать о палочке. Но потом страстная мечта о ней превозмогла. Порфирий мучительно колебался. Наконец, он решился все рассказать жене. Сначала он сдерживался, потом стал умолять ее, валялся в ногах, потом стал с ней груб, начались жалобы на женское себялюбие и на собственное свое полное одиночество. Жизнь бедной женщины превратилась в ад. Порфирий бледнел, худел, по ночам он бредил все той же палочкой.

Тогда святая женщина пошла к Рожеру... Семь суток Порфирий бродил по улицам, как тень непогребенного; под утро седьмой ночи он нашел Анну, обнаженную, окровавленную, с сумасшедшим ужасом в глазах, у двери своего дома. Вавилонская палочка была в ее руках. Она осталась у Порфирия. Но Анна, не проронив ни слова о том, что видела и пережила у изверга, исчезнувшего куда-то бесследно с деньгами Порфирия, умерла через четыре дня... Теперь ты хочешь доказать, что палочка — простой кусочек бронзы? *(Лумен молчит, задумавшись.)* Таи же свои сомнения, свое неверие.

Лумен. О, сколько преступлений совершается ради истины и мощи!.. И как часто вместо истины обнимают красивого беса—иллюзию.

Меркурий. Не часто, а всегда.

Лумен. Что ты говоришь?!

Меркурий. Друг мой, я полагаю, что истина не для людей, если только вообще она существует и не есть простой flatus vocis, имя для вещи иллюзорной. Все наши истины лишь временно-благие обманы, нужные жизни. Когда они перестают быть нужными ей, дряхлеют, когда растущий человек перерастает,—на смену приходит новый обман, приветствуемый как новая истина. У всякого обмана — лицо правды, у всякой правды — спина обмана.

Лумен. Безотрадный скептицизм, который ты скрывал от меня. Но меня ты не заразишь им, ибо я знаю истину и проверил ее опытом.

Меркурий. И Порфирий проверил свою. Не будем спорить. Действуй, конечно, по-своему. Лечи согласно своей новой истине... но не говори о твоем неверии старику.

Лумен. Но как могу я умолчать о вере, о новой вере моей?!

Меркурий. Неужели тебе так трудно не показать ее торжества над старой верой учителя? Оставь его, пока он жив.

ворожить на свете. Он приносит мало вреда, гораздо больше пользы, уверяю тебя.

(В доме раздаются пронзительные крики смятения и ужаса.)

Лаура *(выбегая из дверей дома)*. Меркурий! Лумен! Идите, бегите! Какое ужасное несчастье!..

Меркурий. Неужели магистеру нехорошо?

Лаура. О, очень!

Лумен. Бедный старик!.. Бежим скорее!

(Из двери дома выходит Порфирий. Он всклокочен и взбешен.)

Порфирий. Мои мальчики, мои дети! Бегите, ищите, хватайте! Они украли у меня палочку! Вавилонскую палочку! Мою жизнь, мою силу, мое счастье! Ее нет, нет!.. Она исчезла вместе со шкатулкой Лауры!.. *(Бросается в кресло, ломает руки.)* О, я несчастный! Слышите вы? Палочки нет!.. Нет больше панацеи и нет исцелений!.. Теперь Кокодриллокефал, Каккачьо, Родобрахий и другие демоны погубят меня... Они отомстят мне за долгие годы моего могущества над ними... Где теперь слава Супермедикуса? Мне остается умереть поскорее, ибо ни одно исцеление не удастся мне больше!

Лаура. О, не говорите таких страшных вещей, баббо!.. Другие же лечат и без палочки. Не у всякого медика есть палочка.

Порфирий. Ее нет ни у кого, кроме моего вора, но зато на свете нет ни одного хорошего медика, кроме меня, а теперь нет больше и меня. Вся медицина, дым — без палочки... шарлатанство, гадания, гипотезы, толкание в потемках, поиски ощупью. О, моя палочка, путеводный посох мой!. *(Плачет.)*

Лумен *(решительно и не обращая внимания на Меркурия, с видом торжественным выступает вперед)*. Утешься, по-

чтенный старец, утешься в своей потере. Слушай меня, почти уже сына твоего по плоти, давно сына по духу, — я скажу тебе нечто, что сразу остановит потоки твоих слез.

Порфирий. Ты знаешь, где палочка?

Лумен. Нет, но я знаю нечто еще более важное.

Порфирий. Что может быть важнее?

Лумен. Я исцелил твоею силою, мудростью, добродетелью дочь синьора Гамбакорты, князя Пизанского...

Порфирий. Палочка, палочка исцелила ее.

Лумен. Нет. Говорю тебе: нет!.. Ибо я не давал ей выпить панацею.

Порфирий. Отчего же она заговорила?

Лумен *(раздельно)*. Я не давал ей твоей панацеи!

Порфирий *(раскрывает рот и долгим тупым взором смотрит на Лумена)*. Что же ты дал ей?

Лумен. Она исцелилась силою твоего духа, преподанного ей мною. Я выполнил все духовные твои предписания, но я дал ей простой воды. Ты видишь, палочка тут не при чем. Истинно, истинно говорю тебе: исцеляет дух, то, что ты называешь самоподготовкой и внушением веры. Это исцеляет, в этом твое огромное открытие, этим велик ты: ты можешь отбросить вавилонскую палочку, как выздоровевший отбрасывает костыль, и ты увидишь, что попрежнему будешь преуспевать и без нее.

(Порфирий слушает с изумлением и растущим беспокойством, Лаура— с надеждой. Меркурий отошел в сторону, улыбается.)
(Пауза).

Порфирий. Что́ ты несешь? Что́ ты несешь, мальчик?

Лумен. Истинно говорю тебе: вавилонская палочка—обман, это не более, как кусочек металла.

Порфирий *(неожиданно поднимается с кресла и ударяет его костылем).* На, получай! Негодный гусенок! А, несчастнейшее насекомое, палочка не свята больше в твоих глазах! А, в ней ошибался сам пророк Даниил и целый ряд жрецов Вавилона, Персии, Пальмиры и жрецы Magnae Matris, и философы Порфирий и Прокл, и епископ Каликст, архидиакон Григорий, Бен-Омри и Дауд бен-Сегаль, каббалист Альберт Великий и Рожер Ван-дер-Гнифт, все ошибались, ошибся и я, старый дурак, Порфирий Супермедикус, только ты, только ты, желторотый цыпленок, сын курицы от стервятника, только ты разгадал истину, ты, гриб, не сравнявшийся еще с землею, но уже червивый, ты, вошь, воспитавшаяся во власах моей почтенной брады, ты мозоль на подошве науки... Ты!.. Ты!..

Меркурий. Не сердись, магистер! Ты знаешь, что стенки твоего желчного пузыря...

Порфирий. К чорту мой пузырь! Пусть лопнет мой пузырь, пусть желчь моя зальет мир, пусть в ней захлебнутся неблагодарные ученики!.. Он дал воды Гамбакорте, и она заговорила. Слушайте его, слушайте его, облака, деревья, мои травы, муравьи и мотыльки, слушайте его, ангелы и демоны, окружающие нас в сей час, слушайте его и хохочите! Он хочет, чтобы мы все поверили, что немая может заговорить, выпив стакан воды! О, раздувшаяся водяная крыса, о новый Фалес, бессмысленный певец вод, да пошлет тебе господь водянку, да захлебнешься ты водою на заре дней!.. Вода, вода!..

Лумен. Я сказал: дух.

Порфирий. А, дух! Так ты исцеляешь духом, да? При помощи духа? Какого? А не хочешь ли ты на костер за это, мой милый чернокнижник? Мы знаем, чем пахнут эти духовные исцеления,—духом зловонного козла, смрадным духом уст Авадонны. Повтори еще об исцеляющем духе, и мы всей коллегией потащим тебя к епископу.

Лаура. Баббо, баббо! *(Плачет).* Ведь это Лумен, Лумен, который хочет вам добра, любит вас, потому что любит меня!

Порфирий. Прочь, кукла!.. Для тебя ничто, что он позорит палочку отца, изрекает хулу на палочку. Это ничто для тебя! Тебе важны поцелуи, охи, серенады, лунные ночи. молодость, любовь, свадьба, брак, дети... Всякая ерунда важна тебе, но ценностей истинно-важных ты не знаешь. Что такое тебе палочка? Я отдал за нее все, мое счастье отдал я за нее, отдал такую любовь, какой и сотая часть не вместилась бы в десять трухлявых сердец Луменов, если придать к ним еще и печень, и селезенку, и прочие intestines.—А ты наоборот: ты отдала бы за сладкий поцелуй, за так называемое счастье и отца, и честь, и бога. ты бы и палочку отдала, чтобы выскочить за любимого молокососа, скудоумная девчонка! Разве женщины способны на серьезность? Молчи же, цесарка! Что касается тебя, хулитель, ругатель, духонсцеляющий обманщик, еретик, сатанослужитель, дьявололобызатель, адосвященник и бесоврач, то я проклинаю тебя отныне и навеки и гоню тебя вон из моего дома!

(Раздается энергичный стук в калитку.)

Меркурий. Учитель, кто-то пришел к тебе

Порфирий. Всех к чорту! Никого не хочу видеть. Ничего не хочу, кроме вавилонской палочки.

Меркурий *(открывая калитку и выглядывая в переулок).* Ба, люди синьора подеста привели Фидуса.

(В калитку входят два рослых парня в латах. Они ведут Фидуса за плечи.)

Первый стражник. Великий Супермедикус! Мы нашли твоего ученика в то время, как он, размахивая каким-то волшебным жезлом перед зеваками предместья, хвастал, что с жезлом этим к нему перешла вся твоя премудрость. Мы подумали, не украл ли он твою премудрость. И, рас-

судив, что это—воровство, как всякое другое, ибо ты живешь своей премудростью, как портной портняжеством, и волшебный жезл для тебя то же, что шило для сапожника,—взяли молодчика и привели его сюда.

Фидус *(падая на колени перед Супермедикусом).* Прости меня, учитель... Я украл палочку, ибо я знаю, что в ней истина, мощь, здоровье, богатство, молодость, красота... Учитель... ты не любил меня... Я видел, что палочка никогда не будет моей... Потому украл. Суди меня бог. Я заслужил тысячу лет чистилища, но я с ума сошел... О, я готов был разбить твою голову, если бы я думал, что ты в своем черепе прячешь вавилонскую палочку!

Порфирий. Где она?

Фидус. Вот... Возьми. *(Отдает ему палочку).* Прости меня!

Порфирий. Сын мой, милый сын мой! Мне ли прощать тебя?.. Смотри, Меркурий, смотри, Лаура, все смотрите,—он возвращает мне палочку... И веру мою в нее. Так ты готов был убить меня, дорогой мальчик, только бы добыть палочку?

Фидус. О, дорогой учитель, казни меня, но это так: лучше сказать всю правду.

Порфирий. О, благородная душа, одержимая жаждой истины!

Фидус. Я подслушивал, подсматривал, притаившись за углом или у двери...

Порфирий. О, мой красавчик!..

Фидус. Сколько раз я видел, как ты по ночам мешал над огнем ею в своих котлах и тиглях!.. Я едва удерживался, чтобы не прыгнуть на тебя из темного угла, как зверь, и не сдавить моими пальцами твою тощую старую шею.

Порфирий. Так, так, мой сын!

Фидус. Я готов был изнасиловать Лауру, чтобы заставить тебя отдать мне ее, а с нею палочку... Потому что привлечь девушку красотою или любезностями я не умел...

Порфирий. Так ты хотел изнасиловать ее ради палочки? Так любил ее?

Фидус. Всем помышлением любил.

Порфирий. Твоя любовь будет награждена: ты получишь ее. Ты получишь палочку. Ты получишь также и дочь мою.

Меркурий. Магистер, опомнись!..

Порфирий. Молчи! Я знаю, что делаю. Боже, кажется, и этот враг мой... *(показывает пальцем на Лумена)* кажется и этот бледноликий отцеубийца, этот пес, кусающий руку хозяина, хочет заговорить! нет, вон, вон, я не потерплю больше тебя в моем доме!

Лаура. Я не верю своим ушам, баббо *(рыдает)*.

Порфирий. Поверишь. А не поверишь ушам—поверишь свидетельству других чувств, ибо сей достойный юноша в кратчайший срок станет твоим мужем. Милый Фидус, поведи этих наших друзей, людей синьора подеста в кухню и дай им доброго вина. И не кручинься, мальчик! Ибо ты—достойный ученик своего учителя. Дай я поцелую тебя!

(Порфирий и Фидус целуются, потом Фидус уходит со стражей. Лаура плачет.)

Порфирий. Не хныкать, кукла! Ты будешь счастлива с ним, как твоя мать была счастлива со мной. Пойдем, пойдем! Я не оставлю тебя на минуту с этим водяным прыщем, с этим гороховым духом раздутого чрева... Пойдем, пойдем!

(Уходит, таща за собой Лауру.)
(Пауза.)
(Лумен ошеломлен и не может придти в себя.)

Меркурий. Видишь, что вышло!

Лумен. О, ужас! *(Пауза.)* Но пусть будет так! Пусть и эта великая жертва во имя истины. Пусть я буду мучеником истины, но я понесу ее по всему свету, ее, мою святую истину: дух исцеляет! Все болезни тела суть слабость души, и сильная душа может, пробудив душу ослабевшую, исцелить тело. Пусть я страдаю, но нет больше суеверий и нет больше недугов... Скоро заговорят повсюду о великом Лумене, спасителе человеков!

Меркурий *(улыбаясь).* Ты в экстазе. Ты полубезумен, Лумен. Успокойся. Послушай моей продуманной речи. Ибо я много размышлял над истиной. Твоя истина, наверное,—лишь новое заблуждение. Хочу верить, что и оно принесет свою пользу. Научись же, наконец: истины нет, есть лишь взгляды на вещи и на соотношения вещей. И во взглядах этих, как показывают дальнейшие исследования, доля заблуждения всегда значительно перевешивает то, что мы называем правдой и что, в сущности, есть лишь более прочное заблуждение, не опровергнутое еще до нынешнего дня. Но, если хочешь, всякую ошибку можно назвать истиной, пока она служит хорошим оружием в руках человека, борющегося с миром за свое счастье. Но, боже мой, как скорбна история истин до сих пор! Бедные люди! Сколько жертв приносят они, как ненавидят друг друга, крича: «Истина моя, нет моя» и пожирая друг друга огнем и мечем. Когда-нибудь, однако, люди поймут, что тот род истины, который присущ нам, людям, доказывает себя лишь плодами: приносящее плод—истинно, а когда усыхает—становится бесплодным заблуждением. Такова истина об истине. Ты, может быть, найдешь ее печальной: я считаю ее единственно точной и, право же, утешительной. Когда люди поймут ее, они станут терпимее друг к другу, и жизнь будет спокойнее, потухнет пламя познавательной ненависти, во имя которой злобно сталкиваются народы, секты, школы...

Лумен. Но истина, которую я завоевал, вечна и непреложна, она незыблема, как земля среди вращающихся сфер!

(Меркурий улыбается.)

И ты не смеешь улыбаться перед лицом ее, моей истины, ради которой я принес столько жертв, из-за которой я теперь одинокий нищий!

(Мерурий улыбается.)

Слышишь,—не смей улыбаться!... Хам, непочтительный сын науки! Ты не веришь в истину, ты не думаешь, что сам бог лжец, а человек осужден на вечное заблуждение? Какое ненавистное учение! Если ты не перестанешь смеяться, я ударю тебя!

Меркурий. Так. Новая истина родилась... *(Поворачивается к нему спиной и уходит, громко смеясь.)*

Лумен *(быстро и гордо подходя к авансцене)*. Истина моя! Я держу ее! Слышите вы все?! Истина—в моей груди!

(За сценой слышен смех Меркурия.)

Занавес.

ТРИ ПУТНИКА И ОНО

Комедия в 1-м действии

ЛИЦА:

Таинственное Видение.

Барон Иеронимус фон-Эйленгаузен, путешественник в дормезе, философ.

Гер Вальтер Фогельштерн, путешественник верхом, поэт.

Ганс Гардт, путешественник пешком, горный мастер.

Дворецкий графини Ады фон-Шлосс-ам-Флусс.

Слуги.

Действие происходит в 1817 году в садовом доме при замке Шлосс-ам-Флусс, в Вюртемберге.

Декорация представляет обширную комнату, меблированную в духе empire. Задняя стена-рама—с желтой занавесью, скользящей по медной проволоке. По средине рамы стеклянная дверь. Ночь. В широкие стекла видна тьма. Слышен шум дождя. Когда вспыхивает молния, вырисовываются черные силуэты кустарников и подстриженных деревьев. От времени до времени гром.

В комнате направо горит большой огонь в камине. У левой стены симметрично стоят три постели, отделенные одна от другой ночными столиками. По сторонам стеклянной двери две классические статуэтки, копии с произведений Торвальдсена. У камина три кресла и стол. За камином в углу кушетка, заставленная желтой ширмой. Горит люстра о шести свечах и двусвечник на столе. Слуга в ливрее приготовляет одну из постелей.

Входят дворецкий и барон. Барон в широком черном плаще с огромным воротом и тальмой. На голове непомерно высокий, по тогдашней моде, мохнатый цилиндр раструбом. Он сбрасывает на руки дворецкому свою шинель и остается в сером фраке и узких черных брюках со штрипками. Шея его в высоком галстуке, не слишком накрахмаленном, по дорожному. Манишка и манжеты украшены кружевами. Он слегка лысоват спереди, сероглаз, костляв лицом и фигурой. Брит, небольшие бакенбарды. Снимает перчатки с белых рук, унизанных кольцами.

Барон. Здесь хорошо... Поблагодарите графиню. Еще раз попросите извинить за беспокойство. Льщу себя надеждой завтра вновь увидать ее сиятельство и уже совершенно выразительно принести к ее ногам дань моего уважения и признательности.

(Дворецкий кланяется. Слуга барона в это время вносит вместе с кучером баул и саквояж.)

Барон. Мои вещи. Поставьте их здесь *(указывает на авансцену около первой кровати. Слуги ставят вещи и удаляются).*

Дворецкий. Сейчас принесут горячую воду, ром, сахар, вино и лимоны... Господин барон отказывается решительно от закуски?

Барон. Решительно... Уже десять часов вечера. Могу ли затруднять!

Дворецкий. Господин барон, простите, что я имею смелость перебить вас: никакого затруднения,—яичница, кофе, холодная пулярдка.

Барон. Нет, нет... Стакан пунша и... мягкая постель *(улыбается)*.

Дворецкий. Не смею настаивать. Угодно будет господину барону приказать что-нибудь?

Барон. Пришлите мне моего слугу. Ничего более. *(Дворецкий и слуга графини уходит).* Тепло, светло... *(Садится у камина и потягивается.)* Я ощущаю bien-être. Что за очаровательная женщина эта графиня!... Я видал ее еще девушкой в Мюнхене при королевском дворе. Тогда это были одни обещания... Одни милые обещания... Вдовой она предстала предо мной сегодня как пышное выполнение. Вечером, при шандалах она выглядит женщиной Ренессанса... Екатерина Корнаро *(протягивает ноги в изящных ботинках к окну).* И глаза!.. Ласковые и немножко насмешливые... И un français!.. tout à fait parisien! Манеры... Charmante! Советнику Миквицу Гете сказал о ней: «Это Порция» и прибавил по-итальянски: «Una porzioncella bristante per far felice un dio». Но свинцовый ящик остается неоткрытым! *(Задумывается).* Быть-может, мне следует остаться здесь?.. Ненадолго?.. *(Напыщенно).* О, жажда неизведанного, влекущая меня вперед, о, беспокойный демон тоски по познанию, поселившийся в груди моей! Это ты, щелкая бичем, погоняешь мою четверку коней и трубишь меланхолически в рожок почтальона. Между тем, приветливо встречают молодого путника города и замки и грустно провожают его, не сумев остановить его порыва. Вперед, вперед, новый Агасфер! Иди, иди, ты нигде не пустишь корня... ибо не дано тебе

процвести на земле... Ты лишь облетишь ее на крыльях любознательности, чтобы памятью о ней обогатить, быть может, твое пребывание в ином мире... Где же пунш?

(Дворецкий входит с подносом, заставленным всем необходимым для пунша. За ним идет слуга барона.)

Барон. Как, вы несли это в дождь?

Дворецкий. Господин барон не заметили, что широкая кровля прикрывает фасад садового домика, а дальше, до самого крыльца замка, мы имеем густую аллею лип. Земля под ними едва сыра.

(Дворецкий расставляет все перед бароном.)

Барон. Благодарю вас. Я сам приготовлю пунш. Иоганн, раскройте мой чемодан и выньте «Философию тождества». *(Иоганн возится с чемоданом).* Гром и молния не прекращаются. Надеюсь, они не будут мешать мне спать... В противном случае, я буду читать.

Дворецкий. Быть может, барон пожелает французский роман? Или что-нибудь Жан Поля?

Барон. Благодарю, я предпочитаю философию.

(Дворецкий почтительно кланяется. Иоганн подает барону книгу.)

Барон. Вы можете итти, Иоганн. Вы не нужны мне больше.

(Дворецкий и Иоганн кланяются и уходят.)

Барон. Ночь, молния, одиночество... Огонь... Пунш...: Шеллинг... И воспоминание об этой швабской Порции... Графиня Ада! Прелестное имя... Мне кажется, что она Аделаида... Но это итальянское сокращение мило и романтично... Она, конечно, читает Шатобриана... О, сладкий чародей, сколько новых струн зазвучало в женской душе

под твоими колдовскими пальцами!.. *(Пьет пунш и раскрывает книгу.)* Шеллинг, Шеллинг! Твой бурный гений почти в глаза глядит неведомому, но и он изнемогает... О, Шеллинг, атлет мысли, я не верю твоему откровению... Ноумен, великий Ноумен опутан узорным плащем видимостей... Кто поймет суть становления? О, бедный разум человеческий, великий лишь великостью жажды!.. Но довольно мне оглашать пустынный воздух сими жалобами, колеблющими лишь пламя шандалов. Влага, соединяющая элементы, освежи грудь и воспламени мысль! Шеллинг, я встречаю тебя с отточенной шпагой моей критической мысли *(погружается в чтение).*

(Молния. Через окно видно, как по саду проходит дворецкий, а за ним закутанная в плащ фигура. Стук в дверь.)

Барон *(медленно поднимая голову от книги).* Войдите.

(Дворецкий и незнакомец входят.)

Дворецкий. Прошу прощения от имени ее сиятельства: путешественник, которого вы видите, господин барон, просит гостеприимства... Графиня уверена, что вы не посетуете на нее, ибо высокородный господин, которого вы видите, поэт *(кланяется)*

Барон. Любимец муз, добро пожаловать! *(Встает, кланяется.)*

(Фогельштерн сбрасывает на руку дворецкого свою мокрую шинель. Он остается в голубом фраке, лосиных штанах и высоких сапогах, обрызганных грязью, со шпорами. Он снимает также высокую, широкополую шляпу. Это очень белокурый юноша, слегка пухлый, с широко раскрытыми глазами.)

Фогельштерн. Позвольте представиться: скромный житель подножия Парнаса, Вальтер Фогельштерн...

Барон. Духовный потомок Вальтера фон-дер-Фогельвейде? *(Оба кланяются.)* Я—барон Гиеронимус фон-Эйленгаузен, философ, диллетант, автор трактата «Таинственное, как естественная и непреложная граница познавания» *(кланяется).*

Фогельштерн *(кланяясь).* Чувствую себя несчастным и пристыженным, что не имел счастья читать ваш глубокомысленный труд. Я так же опубликовал книжку — «На коленях. Песни и молитвы кроткого сердца».

Барон *(кланяясь).* Прекрасное заглавие наверное чудных строф... Сядем. *(Дворецкому.)* Можете итти. *(Дворецкий кланяется и уходит.)* Желаете пуншу, господин Фогельштерн?

Фогельштерн. Буду тронут вашей любезностью, господин барон.

Барон *(готовя пунш).* Что сказал веймарский полубог о ваших трудах?

Фогельштерн. Он сказал: «Это молодой евнух».

Барон *(взглядывает на него удивленно).* Странный отзыв, однако!

Фогельштерн. Справедливый, проницательный, лестный. Я девственен телом и душою, барон. Господь может поручить мне гарем своих красоток, не страшась за их неприкосновенность. На коленях, барон, всегда издали, робко и на коленях. После отзыва тайного советника и Юпитера поэзии, я послал ему такой сонет:

Не распаляемый страстями,
Я белоснежною чалмой
Склоняюсь перед красотами
Твоих гаремов, боже мой!

Шепчу хвалы, любуясь пляской.
Все чисто—чистому: их жест,
Порывы, линии и краски
Меня чаруют, но невест
Твоих твой евнух даже в грезах,
О, боже, страстью не сквернил:
Как соловей в душистых розах,
Пою, зане меня пленил
Твой чистый лик в их жарких позах,
Игра твоих священных сил!

(Кланяется.)

Барон. И что сказал Гёте?

Фогельштерн. Он пожал плечами.

Барон. Ваши стихи прелестны.

Фогельштерн *(кланяется, садится и пьет пунш)*. Боги Греции называли этот напиток нектаром.

Барон. Вы помните Шиллерову песню о пунше?

Фогельштерн. Божественные строфы! Но я тоже написал песню о нем... Минутку! *(Прижимает пальцы к своему лбу.)* Вспомнил... Всего три строфы:

Аполлонова ручья
Воду трезвую сливаю
С Диониса влагой, чья
Мощь к потерянному раю
Нам откроет тайный путь.
Смертный, пей и богом будь!
Недовольство, кислоту
Недозрелого лимона
К сладким каплям я причту,
Равным меду Геликона—
Каплям сахарных утех.
Смертный, пей! Да снидет смех!
Смех, который в хоровод
Сочетает пламя, рьяность,
Грезу с болью, оцт и мед,
Трезвость и святую пьяность.
Смертный, пей и богом будь:
В рай открыт нетвердый путь!

Барон. Фамоз! Еще что-нибудь.

Фогельштерн *(в возбуждении)*. Охотно. Теперь нечто несколько юмористическое:

Не страшася судьбы Актеона,
Затаивши дыханье, приник
И смотрю я на белое лоно
Сквозь колеблемый ветром тростник.
Артемида во влаге кипучей
Не Киприда ты—ты холодна,
И в душе моей Эрос могучий
Обессилен—в ней ясность одна.
Лишь эстетика—белая дева—
Как чистейшая дева чиста,
Не страшась Артемидина гнева,
Созерцает ее из куста...
Не пугай, Артемида, рогами,
И собаки пусть смирно лежат:
Лишь нечистый терзаем страстями,
Может быть лишь ревнивец рогат!

Барон *(хохоча и аплодируя)*. Прелестно!.. Достойно Виланда, Ронсара, Парни. Позвольте пожать вам руку.

(Фогельштерн, скромный и польщенный, протягивает ему руку.)

Барон. Но знаете, к этой ночи там, за окном, молнии и грому ваши милые стихи являются панданом по контрасту. Какой милый вечер!

(Входит дворецкий.)

Дворецкий *(начинает говорить, еще едва приотворив дверь)*. Высокородные господа, я очень, очень прошу извинения... Вернее, ее сиятельство графиня просит извинения; все свободные места в замке заняты, — здесь же, как высокородные господа замечают, есть третья кровать...

Барон. Третий путник? Добро пожаловать!

Дворецкий. Трудность заключается в том, что это странствующий подмастерье... т.-е., собственно, он горный мастер. Еще молодой человек... Чрезвычайно симпатичной на-

ружности. Я советовал графине отправить его в людскую, но... она этого весьма решительно не пожелала.

(Стук в дверь. Затем она отворяется, и на пороге стоит Ганс Гардт. Широкая шляпа на затылке, кожаная куртка, красный вязаный шарф с длинными концами, кожаные штаны, грубые вязаные чулки сине-серого цвета и башмаки на гвоздях, подвязанные ремнями до колен. В руках у него суковатая палка, за плечами огромный ранец. Лицо веселое, открытое, небольшие рыжеватые усы и борода, высокий лоб, правильные дуги черных бровей, живые карие глаза. Фигура сильная, несколько коренастая.)

Ганс Гардт. Прозит!

Барон *(не вставая)*. Пожалуйте... Не стесняйтесь... Будьте как дома. Мы здесь все в пути и без чинов.

Ганс Гардт. Господин дворецкий, барыня обещала мне яичницу с сосисками, — тащите ее... И побольше хлеба!.. Почтенные господа не откажут мне в стакане пунша.

(Сбрасывает ранец на стол у третьей кровати, кладет на него шляпу и палку.)

Ганс Гардт. С позволения честной компании!

(Снимает шарф и кожаную куртку, остается в красной фуфайке, с ременным поясом, туго подвязывающим его штаны. Подходит к столу, потирая руки, и молча готовит себе пунш. Барон и поэт несколько шокированы. Дворецкий за спиной Гардта укоризненно покачивает головой.)

Ганс Гардт *(не оглядываясь).* Так, значит, яичницу с сосисками и побольше хлеба.

(Придвигает стул и садится к столу. Дворецкий уходит.)

Ганс Гардт *(поднимая стакан).* Прозит!

(С ним чокаются неособенно охотно.)

Ганс Гардт. Дьявольская ночь! А я иду пешком. Спасает кожа куртки, а иначе должна бы отвечать собственная кожа.

Барон. Вы рабочий?

Ганс Гардт. Я — горный мастер, с вашего позволения. А вы, бьюсь об заклад, — турист для собственного удовольствия.

Барон. Вы угадали. Вы идете в гарцкие рудники?

Ганс Гардт. Именно... *(Фогельштейну.)* А молодой господин едет к невесте?

Фогельштерн. Я? О, нет... Моя невеста со мною.

Барон. Его муза.

Ганс Гардт. Ба, ба!.. Поэт.

(Слуга вносит блюдо и ставит перед Гансом.)

Ганс Гардт. Поэт... так... Не хотите ли сосисек?

Фогельштерн. О, нет... Впрочем, одну...

Барон. Одну возьму и я.

Ганс Гардт. Чудесно! Щедрот графини хватит на всех. А потом и на боковую *(пьет и ест с аппетитом)*. Впрочем, эта гроза способна разбудить мертвого... Высокородные господа, вы — люди образованные, посудите, как сильны детские представления: у меня борода, и я ни во что не верю, кроме свидетельства чувств, проверенного рассудком; я знаю, что

гром и молния производятся паром и электричеством, но как в детстве, так и теперь я всегда словно вижу, как там ведут баталию, и радуюсь, и приговариваю: «Так его, бей его молотом, булавой, секирой, пали, вали!!»... Ух! Будь у меня крылья, не медля ни минуты, поднялся бы в облака, схватил бы на лету первое копье молнии и крикнул бы валькириям: «Ну, девицы, держитесь! Мастер Ганс Гардт покажет вам, что такое мужчина!..» Ха-ха-ха!

Фогельштерн. На меня гром наводит трепет... не страха, но благоговения.

О ты, гремящий, ты, великий,
Тысячерукий, многоликий,
Ты — Индра, Зевс и Саваоф,
Ты — бог людей и бог богов,
Услыши среди треска грома
Мой жалкий голос — червя, гнома,
Я пыль у ног твоих...

Ганс Гардт. Фу, фу, что за стихи! Чьи это? Ваши? Отвратительные стихи. Как же можно? Вы, вероятно, придворный поэт?

Фогельштерн *(обиженно)*. Нет.

Ганс Гардт. Наверно, вы в школе имели награду за хорошее поведение и ябедничали на товарищей? Ха-ха-ха!.. Выпьем? К чорту сахар и воду!.. Хватит и рому *(пьет и кряхтит)*. Сдается, хороший ром. Но стихи ваши плохи... Ох, ох, ох, мой бох, я плох, я меньше блох, прими мой вздох, и сделай бох, чтоб я не сдох!.. Ха-ха-ха!

Барон *(сурово)*. Будьте вежливее.

Ганс Гардт. Э? Разве я сказал грубость? Простите, я прям. Не нравится. Пусть бог будет богом, но меня он поставил на ноги, а не положил на брюхо. А если бы положил, я сам встал бы на ноги.

Фогельштерн *(запальчиво)*. Но, за всем тем, вы — ничтожество... Великая вещь — ноги!..

Ганс Гардт. Когда-нибудь добудем и крылья. Не робейте только... Мой отец говорил: «Не робей, парень, — страх удачи не даст».

(Страшный удар грома, барон и поэт вздрагивают.)

Барон. Как шумят дождь, ветер, деревья.

Фогельштерн. Вы не находите, барон, что мы здесь словно на острове тепла, света, уюта, что эти широкие окна страшны: они зияют, словно выходят прямо в бездну, в хаос, в царство дьявола?

Барон *(вставая)*. Задернем занавеску. *(Задергивает желтые занавеси перед обеими стеклянными стенами и заставляет дверь ширмой.)* Замечаете, насколько стало уютнее и веселее?

Фогельштерн. Вы правы. Сидя спиною к окнам, я чувствовал сзади что-то жуткое. Вы знаете, мой дед сидел как-то раз ночью спиной к закрытому, но не задернутому окну. Он был пастор и читал библию. Вдруг он словно почувствовал, что кто-то смотрит на него через окно. Понимаете, спиной почувствовал. Тогда он потихоньку, потихоньку вынул карманное зеркальце и, не оглядываясь назад, навел его на окно и посмотрел... это покойница бабушка, его жена, смотрела на него, т.-е. вы понимаете, она уже умерла в ту пору... она смотрела грустно, приникнув белой маской своего трупного лица к стеклу.

Ганс Гардт. Вот так случай! Очевидно, она была похоронена недавно.

Фогельштерн. Больше года.

Ганс Гардт. Где же она добыла лицо и глаза? К этому времени у нее остался только череп да немножко гнили в нем.

Барон. Фу, фу! Как вы можете? Это ведь не был ее труп realiter, а дух, принявший видимость...

Г а н с Г а р д т. Ага! Ну, это другое дело... Может быть, была одна видимость, а принявший ее дух был сам пастор? Ведь бывает, померещится. После того, как залило гросстутенскую шахту, я много месяцев слышал во сне призывы товарищей, — вскочу, бывало, крикну: «Иду!» И, знаете, иной раз брал веревку, фонарь и кирку и шел за целые две мили к шахте. Один раз даже не вернулся с дороги, а так и дошел... И слушал там, хотя знал, что они давно все померли. Но это были такие славные ребята.

Ф о г е л ь ш т е р н. Вы бывали ночью над шахтой?

Г а н с Г а р д т. Ну да...

Ф о г е л ь ш т е р н. А что, если бы при луне оттуда поднялись загробные тени?

Г а н с Г а р д т. Чьи? Петера Баумана, Стефана Энте? Господи, как был бы рад! Уж они-то, наверное, не сделали бы мне зла, хотя были распромертвые. Мы дружно жили. Энте, например, полюбил одну девушку, которая не очень чуралась меня... Я вижу, что он заглядывается на нее и бледнеет с каждым днем. Смотрит на меня так печально. Я говорю: Стефан, ведь ты любишь Грету? Он чуть не заплакал.— Хейда! Постарайся ей понравиться,—не робей: страх удачи не даст. А чтобы тебе не мешать, я отправлюсь на пару месяцев на дальнюю лесорубку, куда нужен надсмотрщик. И они сошлись, господа. Сказать, чтобы у меня не сосало на сердце, — не могу. Но я думал, что у них дело будет ладнее и прочнее. Каюсь сам, я непостоянен. А вышло иначе: вскоре несчастье на шахте убило его, а бедная Грета помутилась разумом. Она все приходила ко мне и спрашивала дорогу к милому: «Ты добрый, ты укажешь». Она была очень несчастна, мучилась невыразимо. Стала как земля. Как-то я сказал ей: «Дорогая, дорога к нему — за дверью, что на дне пруда»... И она утопилась.

Б а р о н. Чорт возьми, мастер, но ведь это вы утопили ее!

Г а н с Г а р д т. Зачем? Только так лучше. С ним ли она, я не знаю, но знаю, что она не без него. Всякое горе, почтенные

господа, можно вылечить, уверяю вас, всякое горе, но иное вылечивается одной смертью.

Фогельштерн. Какое страшное слово: смерть.

Барон. Почти все слова страшны, если подумать, потому что за словом скрыта вещь, а за вещью — тайна.

Фогельштерн. Вы правы, барон. Я останавливаюсь на вещи, но из боязни, как бы она не сняла маски, я стаю поодаль, любуюсь маской и пою ей: я боюсь, как бы нечаянно не сдернуть маски с вещи.

Барон. Ее настоящее лицо — тайна. Для нас у вещей нет лиц, а только маски.

Ганс Гардт. Хейда! Но когда вы сорвете маску, что увидите? Либо ничего, либо что-нибудь. Если ничего, то чего же тут бояться? А если что-нибудь, то убей меня бог, если это опять не будет своего рода вещь.

Барон. Ваше простецкое рассуждение не лишено остроумия, но во втором случае вы будете перед новой маской.

Ганс Гардт. Непременно более страшной.

Барон. И-не всегда... Часто первая маска страшна, а вторая смешна, ничтожна, иногда, может быть, даже приятна. Например, под покровом беспорядочных движений лежат разумные законы механики...

Ганс Гардт. Мне кажется, что мы сдергиваем с вещей маски, пока не дойдем до такой, с которой приятно или удобно иметь дело. Итак, слушай, вещь; если у тебя неприятное лицо, — долой маску! И снимай их хоть сто, а я, человек, не отпущу тебя до приятного лица.

Фогельштерн. Но тогда она сама неожиданно снимет маску приятную и откроется, как ужас и гибель.

Ганс Гардт. Что же, тогда снова борьба, опять обдергивать ее маски, как листья капусты — до самой кочерыжки.

Барон *(Фогельштерну)*. Мне нравится вульгарная образность его речи. Кочерыжка, это, видите ли — Ноумен! *(Гансу Гардту.)* Друг мой, Ноумен недоступен человеку.

Ганс Гардт. Чорт возьми! Я еще мальчишкой грыз их так, что они только трещали!

(Барон и Фогельштерн смеются.)

Барон *(серьезно)*. Друг мой, природа — тайна, скрытая одеждами. Дух людской, когда он обострен, не может удовлетвориться ризами и страдает по наготе вселенной или божественной Первоидее, между тем она не воспринимаема чувством, она вне основных категорий чистого разума, она лишь интеллигибельна, т.-е. познаваема только как чистая непознаваемость, как предел самого познания. Это грустно, друг мой, это очень грустно, но это так! *(Вздыхает.)*

Ганс Гардт. Мне природа всегда представляется женщиной. Большой аристократкой. Как бы высокомощной и родовитой императрицей каких-то дикарей. А человеческий род кажется мне молодым парнем без роду и племени, малограмотным и косолапым... Можно сказать, щенком. Но по морде и лапам видать хорошую породу. Он растет, учится и становится ловчее. Дикарка-королева может слопать его, сделать из него жаркое, если он попадется ей еще слабым под сердитую руку. Но не робей, парень! Надо тебе подрасти и укрепиться, а там изловчись и хватай злую красавицу. Удастся тебе ее схватить, — держи крепко, обними жарко... И вдруг она сдастся, снимет все маски и все одежды и скажет: «Милый!» Ну... И дело кончится свадьбой, как всякий хороший роман. Знаете, высокородные господа, мне думается, что природа хочет, чтобы у нее был хозяин, а его нет. Она — невеста без жениха. Всякому-то она не дастся. Она, как Брунгильда: побори меня! Камень — и тот упирается. Сколько приходится пропотеть, чтобы раздобыть немножко золота; но чем больше потрудишься умелым трудом, тем дороже то, что природа даст тебе, а без труда дастся только что-нибудь совсем неценное. А чтобы природа отдала себя самоё, всю целиком, высокородные

господа, для этого надо затратить уймищу труда *(Пауза)*... А не собираетесь ли вы спать, господа? Гром утих, ворчит издали, как недовольный пес. Свечи люстры догорают. Спать, что ли, господа?

Барон *(смотрит на Фогельштерна)*. Что же?

Фогельштерн. Попытаемся.

Ганс Гардт *(вскакивает на стол и тушит свечи люстры. Спрыгивает)*. Вот так!

(Стало темнее, и сразу видно, что пора спать.)

Фогельштерн. Стало страшно.

(Стук в дверь.)

Фогельштерн. Слышите? стучат.

Барон. Это дворецкий. Войдите.

Дворецкий *(входя)*. Я вижу, что вы затушили свечи люстры?

Барон. Да, мы хотим спать.

Дворецкий. Доброй ночи... *(Колеблется.)* Простите меня, господин барон, я должен все-таки предупредить вас.

Барон. О чем?

Дворецкий *(понижая голос)*. Слухи о том, будто это недобрая комната, неверны.

Фогельштерн. Что? Какие слухи?

Дворецкий. Говорят, будто иные выходили отсюда наутро больными... что будто один проезжий купец поседел здесь за одну ночь.

Фогельштерн. Неужели?

Дворецкий. Но это глупые россказни. Я не осмелюсь отрицать, что в иную ночь сюда является привидение. Слишком многие говорят это. Но оно никому еще не сделало зла.

и я склонен думать что это довольно-таки доброе привидение. К тому же, полночь уже пробила, а его не было. После полуночи оно вряд ли может прийти. В случае, если бы оно пришло, не пугайтесь. Оно себе постоит, да и уйдет. Уверяю вас, господа.

Фогельштерн. Но это бог знает, что такое! Эта комната с привидениями!

Дворецкий *(разводя руками)*. Графиня была уверена в вашей храбрости.

Барон. Еще бы... Пустое, добрый человек... О, друзья мои, что такое для меня привидение? Как могу я бояться привидений,—я, который знает, что весь мир—привидение? Мы все привидения,—я, вы, он, он!

Фогельштерн. Ради бога, не говорите так... это ужасно: мне уже начинает казаться, что вы действительно привидение.

Ганс Гардт *(сидя на кровати и снимая сапоги)*. Но если я буду спать и оно меня разбудит, я, ей-богу, наговорю ему неприятностей *(ложится на кровать)*.

Дворецкий. Я уверен, что ничего не будет: полночь давно прошла. Но графиня приказала вас все-таки предупредить. Покойной ночи, господин барон, покойной ночи, господа! *(Уходит.)*

Фогельштерн. Графиня сделала бы лучше, если бы предупредила раньше. Может быть я добрался бы до ближайшего постоялого двора по дороге к Штутгарту.

Ганс Гардт. Там пропасть блох и клопов.

Фогельштерн. Но нет привидений.

Ганс Гардт *(зевая)*. Барон раз'яснит вам, что клопы—тоже привидения и, притом, из наименее симпатичных. Я сплю. Одна просьба—говорите потише. *(Поворачивается на бок.)* *(Небольшая пауза.)*

Барон. У меня не выходит из головы ваша бабушка, смотревшая в окно. Мне все кажется, что если отдернуть эти занавески, там, пожалуй, стоит что-нибудь странное.

Фогельштерн. Ради бога, не пугайте меня. Я ужасно боюсь всего потустороннего.

Барон. Меня жутко тянет к нему... Смотрите, наш парень спит.

Фогельштерн. Уже? Какое животное! Я уверен, что не сомкну глаз.

Барон *(методически снимает фрак, жилет и галстук).* Все же надо ложиться.

Фогельштерн. Неужели вы заснете?

Барон. Вряд ли. Я бы почитал еще, но свечи канделябра стали совсем короткими.

Фогельштерн. Ради бога не спите. Если я останусь один, мне будет слишком страшно.

Барон. Сочиняйте стихи. *(Потягивается и полуложится на постель, свесив ноги).*

Фогельштерн *(садится за стол, вынимает из кармана и раскладывает письменные принадлежности).* Я постараюсь поработать. Надо использовать настроение. Может-быть, это успокоит меня. *(Начинает кусать перо, запускает руку в волосы. Пауза. Далекий гром.)*

Фогельштерн.

Вдали ворчал сердитый гром...
Вдали ворчал сердитый гром.

Приходит в голову некрасивая строка: Я пил с водой ямайский ром... Но из этого ничего не выйдет... Это юмористический поворот... Между тем лучше использовать настроение и написать нечто в мистическом тоне.

Ворчал далеко гром сердитый...

Лезет на ум: Сюжет давным-давно избитый... Но это юмористично, а не мистично.

Сердитый гром вдали ворчал...

Гм... гм...

Я за столом один торчал... Юмористично! Проклятие! *(Бросает перо.)* Это само по себе мистично, что все, что я сейчас пишу,—юмористично

(Декламирует.)

Сердитый гром ворчал вдали...
Кончали битву короли
Надземных стран, воздушных сил...
Последний дождик моросил...
Что шелестит там за окном,
Кто веет шелковой завесой?
Мне чудится, что странным сном,
Толпой гостей ночного леса
Наполнен сад, что кто-то там
Готовит странные миражи,
Что кто-то там стоит на-страже,
Чтоб человеческим очам
Не видеть мутные секреты
И чары ночи за окном.
Мне чудится, что там скелеты
Тихонько пляшут менуэты,
И в ритме дождика больном
Шуршат согнившими листами
И шепчут, шепчут челюстями...
Я жду, что вдруг рукой костлявой
Подымет занавес один,
И гость безглазый, жуткоглавый—
Давно истлевший исполин—
Беззвучно позовет поэта
Туда, где хладно плещет Лета.
«Приди в хрустящий хоровод
Костей разрушенных и смрадных.
Приди, уж ждут у Скейских вод,
У Леты вод могильно-хладных,
Уж ждут: твой час, твой час настал.
Иди на бал, иди на бал,
Где маски сложены и платья,
Где наги подлинно объятья,
Где череп—настоящий лик!...

Ой, страшно!. Барон... Боже мой, он спит!.. Мне страшно... Что за мутный, ужасающий бред льется с моих

уст... Рифма причудливо ведет меня, как раба, сердце стучит, и волосы шевелятся на голове.

(Вдруг занавес налево от двери сам собой отодвигется и взору предстает черная глубина.)

Фогельштерн *(вскакивая, дрожащим голосом).* Я так и знал... На-начи-нается... *(Подбегает к барону и трясет его.)* Барон, барон, вставайте! Начинается!

Барон *(спросонок).* Что? Что такое начинается?

Фогельштерн. Несказуемое, барон, смотрите: завеса раскрылась. О, барон, мне страшно!

Барон *(садясь на кровати).* Вы сами отдернули ее. Это плоская шутка. *(Свечи канделябра гаснут, только светятся тлеющие угли камня. Глубина за окном становится синей.)*

Фогельштерн. Ой! Свечи погасли сами собою, продолжается. Несказуемое продолжается...

Барон *(протирая глаза).* Странно... Это странно.

Фогельштерн *(вскрикивает).* А! Барон, барон, Оно идет!.. Глядите, Оно идет!.. Несказуемое появля-ается!

(За окном на синем фоне ночи вдоль всей стены до двери как бы плывет мерцающая закутанная фигура... Медленно движется она и исчезает за ширмой, заслоняющей дверь.)

Фогельштерн. Барон, барон, мы умрем!.. Оно войдет сюда. Слышите, дверь отворя-яется! Барон! Оно в комнате. *(Взвизгивает.)*

(Ширма падает. Таинственная фигура, с головой закутанная в светящийся плащ, стоит на фоне двери. Пауза.)

Барон *(встает, преодолевает волнение).* О, ты, неведомое, таинственное существо, внемли мне! Я—рыцарь познавания, ответь же мне. Скажи мне, если речью одарила тебя природа, твоя мать и моя,—скажи мне, для чего оделось ты мерцающею плотью и явилось сюда в этот час и в это место?

Таин. Существо *(странным нечеловеческим голосом).* Трепещите!

Барон. Я трепещу. *(Пауза.)*

Барон. Кто ты?

Фогельштерн. Умрем ли мы?

Барон. О, кто ты? Душа ли, прежде жившая, или та, что будеть некогда жить? Дух ли безплотный, полуплотный или газоподобный или чистая видимость? Знаешь ты больше или меньше нас?

Таин. Сущ. Я—«Оно»! Падите!

Фогельштерн *(тотчас же становясь на колени).* Пощади меня!

Барон *(величественно опускаясь на колени).* Оно? Ужели ты само великое Оно, воплотившееся для меня, недостойного искателя?

Таин. Сущ. Я—Оно, которого ты ищешь в книгах старых и новых... Я—Оно, которое ты, поэт, воспеваешь... В этот час, в этом месте, в человекоподобной форме я, Оно, здесь. Трепещите, молитесь, дабы не погибнуть, ибо видевший ангела смертью умирает!

Фогельштерн. Молюсь, благоговею, преклоняюсь *(сжимается в комок).*

Барон. *(медленно и картинно склоняет голову.)* Чту!

(Ганс Гардт просыпается. Он быстро принимает сидячее положение и с крайним любопытством следит за происходящим. Никто не замечает его.)

Т а н н. С у щ. Поэт, молись стихами: найди музыку, достойную меня, иначе ты растольешься в волнах эфира бесследно, ибо напрасно я породило тебя, преходящая форма!

Ф о г е л ь ш т е р н. О, дивное, мой бренный организм сведен судорогой страха, стихи же лежат на дне сердца, оледеневшие от ужаса.

Т а н н. С у щ. *(грозно).* Молись, молись, как достойно поэта!

Ф о г е л ь ш т е р н *(торопливо).* Молюсь, молюсь...

О, ты, Оно, Оно, Оно.
Ты—все... И все тобой полно...
О, все они и все оне
Ничтожны пред тобой вполне.
Чтó числа, свойства, атрибуты...
Века, года, часы, минуты?
Одно—Оно, Оно одно...

Т а н н. С у щ. Ты не поэт... Нет, ты—бревно. Перед тобою душа вселенной, а ты цедишь какие-то жалкие ямбы. *(Грозно.)* Говори гекзаметром!

Ф о г е л ь ш т е р н *(в крайнем ужасе).*

О, пощади и прости, кто найдет для тебя прославленье?
Славлю тебя я, Оно, страхом, которым я полон.
Славлю дыханьем моим, что прерывисто двигает грудью,
Дробным лязгом зубов, странным движеньем волос...
Жизнь мне оставь, о, Оно, и когда я немного ободрюсь,—
О, тебе я клянусь, что тебя я наполню тобой!

Т а н н. С у щ. *(снисходительно).* Это лучше.

(Ганс Гардт тихонько встает и прокрадывается к двери. Никто не замечает этого.)

Т а н н. С у щ. Философ, ты танцуй в мою честь.

Б а р о н *(удивленно).* Танцовать? Но я не танцор.

Таин. Сущ. Мудрецы всегда полны дивных ритмов. Я провижу ритм в глубине твоего духа, мною рожденного. Прояви ритмы твоего духа в движениях плоти.

Барон *(встает, чопорно выходит на середину комнаты и становится в комически-торжественную позу).* Но нет музыки...

Таин. Сущ. Поэт, возьми бокалы и отбивай ими ритм. При этом импровизируй стихи.

Фогельштерн. *(отбивая ритм стаканами).*

Ты являешь ритмы духа,
О, философ и барон.
Я являю их для слуха,
Ты являешь их для глаз.
Я даю ритмичный звон,
Ты танцуешь—раз, два, раз.
Как мистично, непонятно.
Здесь Оно приняло зрак,
Ты идешь вперед, обратно,
Снявши галстук, снявши фрак.
Тлеет углей тусклый свет,
Пляшет тень твоя, барон,
И взволнованный поэт
Издает ритмичный звон.

(Барон важно и комично вышагивает, разводит руками, сановито кланяется, отступает. Вдруг Таинственное Существо громко вскрикивает. Это Ганс Гардт, подкравшись сзади, решительно обхатывает его руками. Фогельштерн взвизгивает еще громче Таинственного Существа и роняет бокалы, которые разбиваются у его ног.)

Таин. Сущ. Пустите!

Ганс Гардт. Ни за что!

(Барон и Фогельштерн ошеломлены.)

Тайн. Сущ *(овладевая собой).* Кто не хочет умереть, беги с этого места!

(Фогельштерн стремительно, барон более медленно выбегают за дверь.)

Тайн. Сущ. Ради бога, задерните хорошенько занавеску.

Ганс Гардт. Можно. Но раньше я запру дверь, а ключ положу в карман.

Тайн Сущ. Заставьте дверь ширмой.

(Ганс Гардт делает это.)

Ганс Гардт. Но кто же вы, шалунья?

Тайн. Сущ. *(сбрасывает светящийся плащ. Это очень красивая статная женщина в черном шелковом платье. Вид у нее испуганный и беспомощный).* Ради бога — тайна! Тайна... Скажите им, что «Оно» исчезло в ваших руках. И довольно... Посмотрите, далеко ли они. Могу ли я пройти в черном, незамеченная до замка?

Ганс Гардт. Графиня, тайну я обещаю вам... Но, чорт меня возьми, если я отпущу вас! Чтó я раз схватил, того не выпущу: я упрям.

Графиня *(окончательно приходя в себя).* Не будьте нахальны, голубчик. Я пошалила,—что же в том? Меня страшно забавляет это. Сколько видов страха перевидала я таким образом. Потом я всегда хохочу до упаду. Ведь выдумка, как-никак, остроумна? Правда? Но меня никто не хватал еще...

Ганс Гардт. А признайтесь, в глубине души вам хотелось именно этого?

Графиня. Вот еще! *(Подходит к камину.)* Ну, довольно. До свидания. *(Кладет пальцы на губы.)* Итак, молчание. Правда?

Ганс Гардт. Вы хотите уйти? Вы в самом деле хотите уйти? Но это же совсем неумно! А я было принял вас за настоящую смелую, горячую, шаловливую, свободную, остроум-

цую женщину. Вы так молоды, так красивы, у вас так горят глаза, так вздымается ваша грудь... Графиня!... Не уходите!.. Женщина, послушай, не уходи! Все равно я не пущу тебя!.. Умоляю тебя, не уходи... Графиня, умоляю вас... Ада, Ада, не уходите... Мы одни... Тайна, о, да, тайна полная и честное слово рудокопа! Завтра—ранец на плечи, последнее почтительное «прощайте, сиятельная графиня». И никогда больше этой дорогой... Слышишь?

Графиня *(пристально с улыбкой смотрит на него).* Как вы смелы!.. В вас совсем нет страха... Хорошо, я поцелую вас... В награду за вашу отвагу.

Ганс Гардт *(радостно).* Начнем с этого, графиня. Но, заметьте, я не поэт и не философ!

Голос барона. Ганс, вы живы?

Ганс Гардт *(подходя к дверям, сердито).* Жив-то жив, но выходит тут такая чертовщина. Дверь захлопнулась, и ее, оказывается, невозможно отпереть. Вообще, тут чорт знает, что творится.

Голос барона. Но идет дождь!

Ганс Гардт. Сакрамент! Проваливайте, высокородный господин! Под липами не очень каплет.

Барон. Но...

Ганс Гардт. Гром и молния два раза! Если вы не уйдете, то поверьте честному слову рудокопа, вы получите незабвенную неприятность. Еще немного,—и я сойду с ума. Я взбешусь, стану драться... Я не шучу.

Голос барона *(Фогельштерну).* Слышите? Мне кажется,—он сошел с ума.

Гол. Фогельштерна *(жалобно).* Пойдемте на скамеечку под липы, барон.

Ганс Гардт *(возвращаясь к графине, которая присела на диване и задумчиво улыбается).* Время до утра—наше. О,

милая, ты не пожалеешь, а я... я всегда говорил, что Оно—она.

Графиня *(задумчиво)*. Ведь вы правы... Я понимаю теперь, что мне хотелось такого конца *(улыбается ему)*. Но какой ты смелый, Гензель!

Ганс Гардт. Робеть не надо,—страх удачи не дает.

Графиня. Ганс, ты, наверно, не стал бы на колени перед этим Оно?

Ганс. Теперь ты—она, моя она, и перед тобой я стану на колени, да... Ведь на эту ночь ты моя?

(Становится на колени перед нею и обхватывает руками ее колени.)

Графиня *(наклоняется и целует его)*. Твоя...

Занавес.

КОРОЛЬ-ХУДОЖНИК

Комедия в двух картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Хиальмар XXI, король Нордландии.

Граф Эрих Ульм, первый министр.

Пьер-Поль Лоран, архитектор.

Мастер Рагнар Браузе, бронзолитейщик и художник-кузнец.

Тор Эликайнен, молодой скульптор, королевский пансионер.

Пастор Самсон Линдфорс.

Оскар Ценкер, бронзолитейщик.

Доктор Куфеке, придворный врач (без слов).

Юлиан, камердинер короля.

Придворный лакей (без слов).

Принцесса Эльза, кузина короля.

Действие происходит в столице Нордландии в середине прошлого века.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Кабинет короля. Пол устлан дорогим темным ковром. Стена направо занята библиотекой. Наверху шкафов стоят бюсты античных божеств. Над маленькой дверью спальни большое кровавое распятие испанской работы. Две другие стены обиты темно-тисненой кожей. В глубине—два окна с опущенными зелеными драпри. Налево—большая выходная дверь. По стенам—фотографии, чертежи и гравюры с изображением причудливых зданий; модели каких-то башен, церквей и замков сказочного вида стоят на высоких консолях у стен. Ближе, направо, письменный стол, заваленный и застланный прессами, безделушками, книгами, кипами бумаг и чертежами. На нем в богатом севрском вазоне великолепный букет огненно-красных роз. Кресла, стулья, диваны обиты кожей того же типа, что на стенах. У ног рабочего кресла—шкура бурого медведя. В углу виолончель, в другом—довольно большая статуэтка скорбящей богоматери испанской работы. Перед нею особая мебель для молитвы. Рядом пюпитр со старинным рукописным евангелием, освещенным особой, полускрытой лампочкой. Вообще же в кабинете — зеленый полусвет от драпри. В кресле сидит король. Это высокий, тонкий мужчина, лет двадцати восьми. Он белокур, волосы причесаны на пробор, завиты и взбиты с одной стороны; небольшие рыжеватые усы; лицо бледное и нервное, не лишенное красоты и выигрывающее от больших синих глаз под почти черными бровями. Руки благородные, подвижные. Одет по-домашнему—в черную бархатную куртку, застегнутую до верху; широкий отложной воротник мягкой рубашки перевязан шелковым голубым шнурком с серебряными кистями, падающими на грудь. Брюки широкие, светло-серые, с тонким черным лампасом. Он сидит, закрыв лицо руками. Перед ним стакан, графин с водой и бутылка арак-пунша. Входит Юлиан, вымуштрованный пожилой лакей в желтой ливрее.

Юлиан. Ваше высочество, господин архитектор. *(Пауза.)*

Король *(медленно отводит руки от лица и рассеянно смотрит на Юлиана).*

Юлиан. Господин архитектор, ваше высочество.

Король. Мосье Лоран? Проси.

(Юлиан уходит. Почти тотчас же входит П. П. Лоран, небольшого роста вертлявый француз во фраке, с цилиндром в одной руке, с портфелем в другой. У него густые усы и фавориты, четкий пробор посредине головы. Кланяется; его лакированная черная голова, рассеченная пробором, долго остается наклоненной.)

Король. Bonjour, m-r Laurans! Отлично, что вы пришли. Рассейте мои мысли дуновением вашего гения.

Лоран. Ваше высочество слишком добры ко мне.

Король. Присядьте, Лоран. Итак?

Лоран *(вынимая чертежи из портфеля)*. Итак, между северной и восточной башнями я решил на самом верху перебросить мост аркой. Форма будет несколько напоминать Ponte dei Sospiri... В месте, где мост смыкает свои половины, будет возвышаться над всем замком ажурная готическая башенка, верх великолепия. Мотив немецкого Ренессанса. Оттуда вы будете иметь единственный в своем роде вид, фасад же примет при этом изумительно оригинальный и нарядный характер. И никто не упрекнет меня в латинизме. Ведь здесь боялись этого. Между тем, я — убежденный германист. Ничто меня так не волнует, как пятнадцатый век немецких стран.

Король *(рассматривая чертеж)*. Это превосходно. Это достойно вас и меня. Мосье Лоран, прошу вас, подымите одну штору.

(Лоран, грациозно скользя, идет к к окну и подымает драпри.)

Король. Это отлично! *(Смотрит на чертеж и в то же время протягивает руку архитектору.)* Благодарю вас, милый Ло-

ран. Вы красавец душою, гением. Но приготовили ли вы также черновой чертеж усыпальницы?

Лоран *(вынимая другой чертеж)*. Усыпальница короля, разумеется, должна быть выдержана в египетском стиле.

Король. В египетском? *(Задумывается на минуту.)* Да, вы правы, Лоран... Именно... Благодарю вас. *(Смотрит на чертеж.)* Это прекрасно: эти массивные, черные колонны.

Лоран. Живопись, однако, как и надписи, по моей идее, должна иметь в себе нечто руническое. Это сделает вашему высочеству мой друг Бонифас де-Бокер, художник, богатый фантазией и разнообразный.

Король. Да, да... Но отчего же я так долго не вижу его у себя, этого дорогого живописца, которого уже люблю потому, что вы любите его?.. Бога ради, бога ради, Лоран, не затягивайте сооружения Серебряного Дворца. Моя судьба так тесно сплетена с судьбою этого великого здания! Все, что я строил до сих пор,—замок в Хиальмарскроне, большой охотничий, замки, воздвигнутые этим неудачником Брендом и педантом Бормилиусом,—все это ведь игрушки по сравнению с задуманным теперь мною и вами. Я не скрою от вас, какое значение в моей жизни должен играть этот дом любви, смерти и бессмертия. Едва он будет закончен, как я введу в него мою новую подругу, новую королеву, которая утешит меня в моей потере... которая подарит мне наследника. Вот почему дом мой должен носить характер гнезда, истинно-королевского гнезда. За этим-то нужны мне: брачная зала, большая капелла, апартаменты во вкусе принцессы Эльзы, детские, оранжереи, зимний бассейн и прочее. Но путь мой открывается перед моим взором весь до конца. Ибо я взошел уже на вершину холма жизни. Вдали я вижу кипарисы. И я уже сейчас думаю о моей усыпальнице... Любовь, красота, надежды и вечность слиты для меня в каждой мысли. Лоран, когда я начинаю думать об этом, священная экзальтация овладевает мной, обильные слезы текут из глаз, и мне кажется, что звучит музыка, которая торжественно сопровождает каждый шаг

мой по жизненному пути. *(Встает и в волнении ходит по комнате.)* Ах, Лоран, зачем я не поэт? Зачем не композитор? О, Лоран, дайте, дайте мне поэта, дайте мне композитора, который сумел бы пассивно повиноваться велениям фибр души моей, дайте мне их, как бы божественные инструменты, — и я создам сквозь их дух, их умением, их талантом неслыханные еще по глубине и совершенству произведения. *(Останавливается посреди кабинета и торжественно протягивает руку к бюсту Аполлона.)* О, ты Феб-Аполлон, дай мне быть прекрасным во все дни моей жизни. *(Обращается к распятию, умоляюще сложив руки. В голосе его слышны слезы.)* Спаситель мой, ведь я знаю: ты не низверг во ад бедного, тобою побежденного, но светлого демона — Аполлона... В страхе бывший бог прибежал к тебе среди громов, возвещавших твою победу, и пал перед тобой. Ты же простер пронзенную руку и каплями своей крови крестил его и тем дал нам Аполлона христианского, моего патрона... Силы небесные, дайте мне жить красиво и по-христиански. *(Садится к столу и задумывается.)*

Лоран *(тихо)*. Я поражен... Я благоговею... В словах вашего высочества слышится нечто пророческое...

Король. Вы думаете? Мне самому кажется, что так. *(Небольшая пауза.)* Но вернемся к предмету нашего разговора. Почему друг ваш де-Бокер не здесь еще?

Лоран. Приходится, наконец, открыть причину вашему высочеству. Я уже говорил вашему высочеству, что друг мой находится на юге Франции и что, очутившись временно в денежном затруднении, он не может предпринять путешествия без некоторой помощи со стороны вашего высочества.

Король. Но, боже мой, вы удивляете меня, мосье Лоран! Не говорил ли я вам тысячу раз, что вы можете брать деньги на все, относящееся к построению Серебряного Дворца? Берите безотчетно. Зачем вновь и вновь разговоры о деньгах? Кого это интересует?

Лоран. Но, ваше высочество, я не осмелился бы...

Король. И не надо, не надо, Лоран... Будьте другом,—никогда о деньгах. Берите на постройку, на себя, на ваших друзей, сколько вам надо. Приносите с собою ордера казначейству на такую-то сумму,—я, не читая, подпишу, и поскорее к действительности, к настоящему делу, к красоте.

Лоран. Ваше высочество, я рад поступить согласно вашей воле...

Король. И будем друзьями. Довольно об этом! *(Меняя тон.)* Видались ли вы сегодня с моей кузиной? Какая сегодня погода в этой прекрасной, но изменчивой душе?

Лоран. Ваше высочество, позвольте мне, как мне ни тяжело, вернуться к вопросу о деньгах.

Король *(с досадой)*. Вы сегодня несносны, Лоран. *(Принимает вид скучающий и надутый.)*

Лоран. Простите... Но... Как это ни странно... Граф Ульм отдал приказ не выдавать больше денег по королевским ордерам, не контрассигнованным его подписью.

Король *(тихо и весело смеется)*. О, старый чудак, старый чудак—этот мудрец! Вы знаете, это замечательный человек. Он—автор большого труда по политической экономии, переведенного на английский язык, о котором этот скучный Милль отозвался с большей похвалой. Кроме того, он написал «Введение в науку об обществе», а сейчас кончает первый том своей «Науки об обществе»—«Первобытные общества дикаго севера». Вы знаете, Лоран, его книги, которые я имел терпение просмотреть, не лишены стиля. Да, да... это литератор и, по-своему, поэт. Но у него много черт чудаческих. Так, он считает мое королевство конституционным. Принимает всерьез сейм и держится за права министра, ответственного перед страной... Бедная, детская, некультурная, не вышедшая еще из полуживотного суще-

ствования страна моя! Ты так нуждаешься в любящих и снисходительных правителях, а тебе навязывают странную и смешную роль стада, контролирующего своего пастыря. Ха-ха-ха! Граф Ульм хочет быть псом, ответственным перед баранами и ослами за действия пастуха. Ха-ха-ха!

Лоран *(принужденно смеется).* Мой портфель набит ордерами вашего высочества. У меня накопилось тринадцать не оплаченных ордеров на сумму около 400.000 крон. Граф обещал немедленно притти сюда. Я очень прошу ваше высочества повелеть ему скрепить эти бумаги своею подписью.

Король. Непременно... Но, Лоран, неужели вы беспокоитесь? Неужели вы предполагаете?...

Лоран *(в ужасе).* О, за кого принимает меня ваше королевское высочество? Или я не знаю, что хозяин Нордландии есть его высочество король Хиальмар XXI?!

Король. Так видали ли вы мою кузину? Все так же ли она зла, как вчера, моя золотая оса?

Лоран. Я видал ее высочество. Принцесса приказала оседлать Орла... Она уехала вместе с графиней Уной и несколькими молодыми людьми.

Король. Да? Это, чтобы рассердить меня, Лоран. Ха-ха-ха! Это существо живет и дышит для меня. Как она меня любит! Она никогда не бывает нежной, никогда... Моя драгоценная оса! Можно подумать, что она ненавидит своего Хиальмара, Лоран... А, между тем, глаза ее беспокойно следят за мною, боясь, как бы я не рассердился всерьез. Ха-ха-ха!

(Лоран почтительно смеется.)

Король. Но какая женщина! Не будь она моей кузиной, принцессой королевской крови, будь она просто-на-просто, скажем, актрисой, я все равно увлекся бы ею... Но иметь ее женой, своей королевой, вместо скучных немок, которых

мне навязывали... О, Лоран! Мы будем счастливы. Стройте наше мраморное и серебряное гнездо, Лоран!

(Входит Юлиан.)

Юлиан. Ваше высочество, граф Эрих Ульм.

Король. Проси. *(Юлиан уходит.)*

Король. Сейчас вы увидите, как я распушу старого бунтовщика, либерала, свободомыслящего.

(Входит граф Ульм. Это старик с сердитым желтым лицом, лысый, с клочками седин на висках, бритый, в очках. На нем расшитый золотом синий мундир и белые панталоны, в руках треугольная шляпа и белые перчатки.)

Граф Ульм. Приветствую ваше высочество.

Король. О, господин министр в немилости! *(Кокетничая.)* Да, да, ваш обожаемый монарх сердит на вас. Печальтесь же! Пожелтейте еще больше, похудейте, склоняйтесь к гробу,— солнце вашей жизни отвернулось от вас!

Граф Ульм *(сурово)*. По какому поводу эти шутки?

Король. Конечно, по поводу вашего недобронравного поведения, господин неблагонамеренный верноподданный. Вы не мальчик, чтобы тешиться побрякушками и ради ваших «конституционных» формальностей портить мне нервы, замедлять течение дел первой важности и огорчать бедного художника *(указывает на Лорана)*.

Граф Ульм *(с кислой улыбкой)*. Бедного? Господин Лоран скоро будет богаче нас с вами, ваше высочество.

Лоран *(вспыхивая)*. На что вы намекаете, граф?

Граф Ульм. На бесследное исчезновение почти миллиона крон, которые я имел слабость выдать. Ваше высочество, ваши постройки за последний год превышают стоимостью три миллиона крон; по расписанию на два предстоящие года, составленному господином Лораном, пришлось бы прибавить к обычным трем миллионам крон вашего ежегодного цивильного листа еще чудовищную сумму в восемь почти миллионов крон. Такое маленькое государство, как Нордландия, не в силах нести подобные экстренные расходы. К тому же, из трех миллионов, взятых на постройку так называемого Серебряного Дворца, по отзывам вполне компетентных специалистов, широко считаясь с жирными окладами для господина Лорана и его французских помощников, истрачено до сих пор не более миллиона двухсот тысяч крон, а господин главный архитектор за три последние недели представил вдруг еще целый град ордеров, в общем на четыреста тысяч крон. Но, ваше высочество, в кассе двора нет столько денег. Да, да, зная хрупкость вашей нервной системы, я всячески стараюсь отстранить вас от неприятной действительности. Но теперь вы должны узнать, что значительная часть ваших расходов покрыта мною только совершенно незаконным, в сущности, займом из секретного фонда. Но без этого вы не могли бы довести до конца текущий год. Мне горько говорить об этом, но я выполняю мой долг: двор вашего высочества, вообще, непомерно роскошен. Вы тратите в два с половиной раза больше, чем ваш покойный родитель. Надо помнить, что Нордландия—бедная страна рыболовов и крестьян. Народ очень несчастен, ваше высочество, народ ропщет. И неотложно необходимы меры к поднятию его благосостояния; они необходимы если не для него, то для вас и для правящей страною аристократии. Вы знаете, что еще недавно Европа была потрясена опасной революцией. Не перебивайте меня, ваше высочество: никаких денег больше на затеи господина Лорана у вашего высочества в этом году нет! В будущем году, как это ни трудно, я постараюсь провести увеличение цивильного листа на полмиллиона крон, и тогда ваше высочество сможет при экономии в других статьях придворного бюджета реализовать пару миллионов на довер-

шение вашего здания. Но пусть господин Лоран перестанет и думать чуть ли не о десятках миллионов на всякие безумия. Впрочем, я не ручаюсь даже и за этот успех. Я надеюсь, что мне поможет популярность в стране вашего брака с принцессой Эльзой. Итак, ближайшие месяцы ни одного эре!..

Король *(кусая усы)*. Что за тон, что за тон! Я едва сумел выслушать вас, граф. Вы забыли уважение к короне.

Граф Ульм *(раздраженно)*. Не будем ребячиться, ваше высочество!

Король. Но что с вами? Не укусила ли вас бешеная собака или радикальный журналист Пеер Обст?

Граф Ульм *(холодно)*. Нет, но надо положить и конец этому невыносимому положению. Вы расточительны, ваше высочество, с вашей манией строительства, а некоторые люди удваивают вашу расточительность крайней... крайней неряшливостью в ведении счетов.

Король *(вставая гневно)*. Граф Ульм... *(Пауза.)* Граф Ульм! Ступайте вон!

Граф Ульм *(выпрямляясь)*. Да? Прекрасно... Я буду ждать распоряжения, кому я должен сдать власть. И я немедленно уезжаю из Нордландии!.. Вот мое последнее слово вашему высочеству: через какой-нибудь год страна будет охвачена пожаром революции. *(Идет к двери.)*

Король *(дрожащим голосом)*. Граф Ульм, останьтесь... *(Граф останавливается.)* Сядьте... и попробуйте понять... *(В волнении ходит по комнате)*. Граф слышали ли вы, что̀ сказано в писании: «Не единым хлебом жив бывает человек». Народ бедствует, но верьте мне: голод физический—ничто перед духовным голодом. Мне случалось по целым суткам не есть во время больших охот, так что я по опыту хорошо знаю, что́ такое голод. Так вот, граф, это ничто по сравне-

нию с голодом духа... Если бы душа моя один день не питалась красотою, я умер бы, быть-может! Мало того, даже отсутствие какой-нибудь специальной красоты мучительно, как тягчайшая пытка. Вы знаете старинную копию Джиоконды в большой галлерее? Когда мне пришлось отослать ее в Дрезден для ремонта, сравнительно ненадолго... Что же? Я признаюсь без стыда: я плакал иногда! И вот часто я думал, какое хроническое, унижающее, убивающее душу голодание переживает мой народ в духовном, в эстетическом отношении. Много ли зданий в нашей стране, достойных любования? То, что есть,—не все ли создано мною за семь лет моего правления? Вы скажете, что у народа есть природа? Но он не понимает ее, ибо и к природе человек приходит через искусство. Пейзаж написанный открывает глаза на пейзаж действительный. Вы будете говорить о картинах, статуях, музыке и литературе; но масса—не то, что отдельный человек,—дорогой граф,—масса, видите ли, нуждается в монументальном. Я воспитываю народ мой. Мои здания рождают его второй раз, рождают в духе. Я могу повторить о себе эти слова святого Павла. А вы, не понимая роли красоты в развитии человеческого и общественного организма, думаете, что я легкомысленно потакаю капризам моей воли. Дорогой Ульм, не говорил ли я вам много раз, что в вашей политической экономии и в социологии вашей я нашел значительные пробелы? В главе о ценностях вы ничего не говорите о самом важном—о ценностях эстетических. В социологии вашей отсутствует вовсе глава о народовоспитании силою искусства... И вот теперь педантическая односторонность нашего научного миросозерцания, недостаточность вашей подготовки обрушивается на меня и заставляет меня страдать, страдать, страдать! Скажите, Лоран, разве все, что я сказал, не незыблемо? Разве всякая идея не укладывается здесь одна на другую, как в совершенном здании?

Лоран. Именно, ваше высочество, и я охотно написал бы все, вами сказанное золотыми буквами на мраморных досках.

Граф Ульм *(насмешливо)*. Желаю зданиям господина главного архитектора подобной прочности.

Король. Вы хотите оскорбить меня иронией?

Граф Ульм. Разговоры бесполезны. Денег нет! По ордерам, не подписанным мною,—пока я министр,—казначейство не выдаст ни одного эре. Я же твердо решил ничего не подписывать для господина Лорана, кроме разве паспорта для отбытия в прекрасную Францию, изголодавшуюся по его гению.

Король. Кончено! Оскорблять себя и друзей моих не позволю! *(Весь дрожа, указывает на дверь.)* Идите! Ответственность за кризис возлагаю целиком на вас. *(Ульм молча кланяется и уходит.)*

(Король бросается в кресло и плачет, как дитя.)

Лоран *(бросаясь к нему)*. Ваше высочество, ваше высочество, ради бога!

Король *(слабым голосом)*. Оставьте, оставьте, Лоран. Ведь вы не представляете себе, какое несчастье произошло. Без него государство погибло. Он—дух низшего порядка, но совершенно необходимый в этой огромной кухне. Недаром он правит страною уже 16 лет... Да, да... Революция придет теперь. О, Лоран, какое неожиданное несчастье! Все погибло! Кого я позову? Его министры, более или менее опытные, не пойдут без него... Я знаю... Остальные—волки и обезьяны или, еще того хуже, завзятые радикалы, скрытые анархисты. Я не знаю, за что и как взяться. *(Опять горько плачет.)* Ах, Лоран, какая кара! За что? Поддержите меня: я боюсь, что один не дойду до аналоя... Между тем, мне так хочется, мне так надо молиться, молиться... Скорее молиться.

(С помощью Лорана идет к аналою и становится на колени.)

Король. Лоран, там, в левом ящике стола есть эфир, дайте его сюда.

(Лоран подает ему флакон, который он ставит рядом с собой, он берет в руки четки.)

Король. Молиться, молиться...

(Быстро возвращается Ульм.)

Граф Ульм. Ваше высочество, каменоломни в Стокгарде обрушились. Двадцать раз говорил я Лорану, что работа ведется там с риском для человеческой жизни. Более шестидесяти рабочих убито и искалечено. *(Лорану.)* Милостивый государь, собственно говоря, вас следовало бы арестовать.

Король *(с трудом подымаясь с колен)*. Граф, мне не до того!. Не до того мне, понимаете? Вы подняли со дна моего сердца всю таящуюся в нем безграничную тоску мою и моего рода,—тоску, которая затопляет звезды, которая грозит затопить своими черными волнами самого бога! Вы толкнули меня к порогу ночи моего отчаяния! Быть-может, смятая католическая религия отцов моих спасет меня! Вы толкнули высокую, хрупкую, дивную башню моего духа, и она грозит рухнуть. Молчите же и благоговейте. Удалитесь к вашим крохотным делам, к обвалу какого-то подземелья.

Граф Ульм *(топая ногой)*. Нестерпимо!

Лоран *(крикливо)*. Но уходите же, граф; вы мучаете его высочество. Уйдите. Дайте его высочеству отдохнуть и поверьте, что мы сумеем обойтись без вас.

Король *(пожимая ему руку, слабым голосом)*. Благодарю, Лоран... Позовите мне Куфеке.

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Мастерская Рагнара Браузе. В глубине ее два окна, выходящие в поле. Вдали видны залитые солнцем и поросшие лесом холмы. Комната старинной стройки, большая, может-быть, бывший амбар; вместо потолка покатая крыша со стропилами; налево большой камин, за ним дверь в кузницу, из которой от времени до времени доносится стук молота. Слева выходная дверь, за нею ниша, задернутая красной занавесью. Посредине сцены тяжелый стол с табуретами вокруг. На нем бочонок пива и много глиняных кружек. Стены голые, деревянные. Между окнами постамент с неоконченной работой, завернутой в мокрую простыню. Около него на ящиках и табуретах гипсовые эскизы. Вокруг стола сидят мастер Рагнар и его гости.

Мастер Рагнар—седоватый человек, косолапый и коренастый. На голове у него красный колпак с кисточкою: одет в расстегнутый серый жилет, такого же цвета штаны до колен, поддерживаемые красными подтяжками, грубые чулки и башмаки, как у крестьян. Движения спокойны и ленивы. Курит большую трубку.

Ценкер—длинный, словно пыльный, уже пожилой блондин с острой бородкой и прядями волос, лезущими в глаза. На затылок нахлобучена старая войлочная широкополая шляпа. Одет в широкие плисовые штаны и такую же куртку, горло повязано желтым платком. Жестикуляция порывистая, голос крикливый.

Пастор Линдфорс—тяжеловесный человек с совершенно круглым лицом; волосы рыжие; носит очки. Одет в долгополый черный сюртук, застегнутый до двойного подбородка. Говорит басом.

Ценкер *(вставая и протягивая вперед кружку)*. И еще раз и снова за великое произведение кузнеца Браузе, за «Новый Народ»!

Пастор *(встает, взмахивает кружкой. Браузе сидит, подсмеиваясь)*. И да почиет на нем благословение бога, пламенного и ревнивого, благословение того, кто сказал о себе: «Я есмь сущий!»

Ценкер *(садясь и вытирая усы рукой)*. Пастор задирает меня... Но я не поддамся... Я вот что вам скажу, пастор Самсон,—вы славнеющий малый. Вы... словом... парень, каких нам надо побольше! Да, чорт побери! И вот что я вам скажу, пастор Самсон,—это даже доказывает, что у вас есть таки сердце, т.-е. я хочу сказать, что хотя вас

ушибли в семинарии всеми пятью книгами Моисея и многими другими, а вы все-таки,—я скажу хоть так,—человек народный!

Пастор. Словно бы Библия не народная книга! Библия—не книга для князей, это слово бога тьмам тём простолюдинов. *(Оборачивается к Браузе.)* Не похож ли, например, ваш юноша на Давида, восставшего против Голиафа?

Браузе. Что ж? Может-быть, на меня повлиял несколько Давид Микель-Анжело, которого копия стоит в королевском музее.

Ценкер. Стой, стой, старичина Рагнар, не говори пустяков! Какой Давид? Какие Микель-Анжело? Это жизнь, это память сорок восьмого года, это гул и гомон народный, скажу хоть так, вдохновили тебя! И где бы ты взял твоего старика, если не в наших лесных деревушках? Стой, старина, я в ударе и сейчас я раз'ясню, так сказать, пастору с помощью всего мною продуманного, прочувствованного и... только-что выпитого, что́ такое отлил из металла дружище Рагнар... коему слава. *(Старается петь басом.)* Сла-а-ава! Сла-ава!

Пастор *(октавой ниже)*. Сла-а-ава!

Ценкер. Не посетуйте, друзья, но я должен сказать... Да, так сказать, слово или спич. Старина Браузе, налей мне кружку пива *(Браузе наливает и подает ему с улыбкой.)* Мы с тобою старые черти и друзья, хоть не всегда ладили. Потому что я—душа порывистая и, скажу хоть так, вибрирующая. Я до страсти люблю шумную толпу, громовую песню. *(Растопыривая перед собой руку.)* Рука у меня прострелена на баррикаде! А ты—хитрый скептик... Но за скептицизмом твоим, Рагнар Браузе,—скажу тебе и не скрою,—народное сердце! Вот! И теперь оно показало себя, отшельник, медведь! *(Пьет и вытирает усы рукой.)* Допустим, самый простой парень из лесу подойдет к твоему монументу. Что он видит? Своих! Старик... Что такое старик? Это мужик-лесовик! Почему он сидит? Почему

понур? Почему плечи у него согбенны? Руки, могучие руки, как корявые корни, спустились на землю? Почему скрючен, поджал ноги в растрепанных лаптях? Почему узок и морщинист лоб, колтуном взбиты волосы, взгляд боязлив? Потому, что он устал от жизни! Да. Скажу так: работать на прокорм себя и семьи это у нас уже штука, но ведь у него всю жизнь отнимали заработанное... Да, эти плечи несут на себе так называемое государство... Оно острым углом своего фундамента,—скажу хоть так,—легло вот на эту самую спину. О, Карпатида! Да. Терпеливый. Ой, какой тупо-терпеливый человечина! Но силач. Гей! Старичина, мужик-лесовик, попробуй разогнуться, попробуй встать! Ого-го! Что это? Горилла? Ого! Великан! Кулаки по пуду. Распрямь грудь, медведь! О, тут материал для героя саги! Да ведь и в самом деле хаживал одина-один на медведя, осушал бездонные болота, рубил деревья в три обхвата, ковырял землю, спутанную кореньями, ловил рыбу в ледяной воде... А ел... толченую кору, траву, да грибы; ржаной хлеб—пирожное! Вот такой сидит: покорный и угрюмый. Ты дед всем нам... Бедный, могучий, загубленный строитель жизни, Карпатида цивилизации, становой хребет человечества!... А? Довольно? Нет. я еще много могу сказать о нем. Я хил, тонок, нервен, простужен, но я его внук, он—во мне! Но, к счастью, он не только во мне, заморыше и полуинтеллигенте. Посмотри, парень, замечаешь? Дедушка немножко удивлен. Это он на внука! Вон видишь: взвился. Как взрыв! Рубаха распахнулась,—видна железная грудь, и из нее растут плечи, шея викинга, и могучее тело увенчано гневной головой... Ангел-мститель! А все-таки мужик: в нем есть лопарская кровь, скулы, что-то земляное! Это его таким вырастили снега, буйные ветры, серое море, пышные ночные зори... Северянин!.. Выдернул топор из срубленного ствола и держит его на голове, а другой рукой размахнулся, словно внятным голосом говорит. «Подожди!» Подожди,—говорит дерзкому врагу... Подожди,—говорит,—Новый Народ. И страшно до трепета сердца смотреть на молодого гиганта... И радостно! Он похож на восходящее солнце над бурным

морем, скажу я... И все это—блок! Глыба железа... Разинь рот, потому что ты захвачен, человек! А! А! А! Вот это значит сковать железную песню! И это сделал, ворча под нос, молчаливый и ухмыляющийся Браузе. Слава ему!.. *(Старается петь басом.)* Сла-ва! Сла-ва!

Пастор *(октавой ниже).* Сла-а-ва!

Браузе. Напечатай это в газетах, Оскар, тогда никому не надо будет смотреть на группу. *(Допивает кружку и улыбается.)* Когда Оскар разойдется,—откуда берутся слова! Он может рассказать все на свете и еще многое сверх того. Особенно когда выпьет. Старик с парнем работают в лесу... Ну... может-быть, заслышали медведя. Что же старик? Защищаться? Пожалуй, нет сил, а бежать—поздно... Ну, а молодой за топор. Может-быть, и так...

Ценкер. Врешь, врешь! Не так! Нет, брат, не то... Не медведь!.. Разве ты сам не назвал свою вещь «Новый Народ»?

Браузе. Ничуть... Это вот пастор... *(Пускает огромные клубы дыма.)*

Пастор *(торжественно).* Долго молчал господь, говорящий через судий и пророков. Но вот голос его раздался в сердце народа, и народ преобразился. Теперь господь владеет им, господь свободных, бог правды, любовь огненная. Пробуждение совершается здесь, в тиши дремучих лесов. Если уже не имеет ушей, чтобы слышать, старое поколение и навеки осутулилась спина его, так бог проложит себе дорогу через души молодежи. *(Пьет и со стуком ставит кружку на стол.)* В следующее воскресенье я буду говорить о вашей статуе и потом я приведу сюда прихожан св. Павла... И пусть смотрят.

Ценкер. Это так! Пастор, ваше здоровье. *(Чокаются и пьют.)* О, нам весело здесь, старым чертям! Мы блеснули! Да! Скажу: так мы грянули с нашим Браузе! Пусть попляшут господа из академии. Потому что идея—идеей, а какова техника! Какова лепка? А анатомия?.. И как колоссально!.. Вихрь!.. И вместе сколько скорби, правды и... надежды.

Музыка! Да, скажу так: ты вбил гвоздь в башку человеческому роду, так что этого-то уже нельзя не заметить.

(Эликайнен просовывает голову во входную дверь. Это почти мальчик еще, светлый блондин, с длинными волосами и некрасивым веснущатым лицом, черты которого, однако, очень выразительны. Он одет в элегантный бархатный костюм, на голове такой же берет.)

Эликайнен. Можно?

Ценкер. А, малютка! К нам! Твоя кружка ждет.

Пастор. Юный друг мой, добро пожаловать.

Браузе *(вынимая трубку изо рта)*. Иди, Тор.

Эликайнен. О, мастер, не сердитесь! Произошло нечто невероятное.

Ценкер. Все-таки выпей кружку, которую я нацедил тебе... Смотри: она увенчана снегами, так сказать...

Эликайнен. Ах, не до того, мастер Ценкер! Друзья мои, произошло нечто чудесное. Я вчера восторженно говорил о «Новом Народе» принцессе Эльзе, и вот она решила сегодня побывать здесь и посмотреть своими глазами...

Браузе *(морщась)*. Ох, придворные сферы!.. Мы люди простые! Здесь кузница, сарай. А, впрочем, пусть.

Ценкер. Это другой мир, малый: ни одной принцессе это не может понравиться.

Пастор. Что надо здесь этой Саломее?

Эликайнен. Это бы еще ничего... Потому что принцесса Эльза вовсе не Саломея, а очень милый человек... просве-

щенная, со вкусом... вообще прелесть. Я, между прочим, не могу позволить при себе непочтительно отзываться о ней. Да!... Так и знайте. И если вы, Ценкер, скажете, что это потому, что она—высочество, а я—пенсионер короля, то вы докажете этим, что вы не демократ, а завистливый плебей. Да.

Ценкер *(прищуривая глаза)*. Не распаляйся. Бьюсь об заклад, ты влюбился в ее духи, манеры и туалеты.

Элнкайнен *(вспыхивая)*. Ах! Не смейте!.. Что ж это такое?!

Пастор. Вы живете в стане филистимлян, мой юный друг! Вы живете в нехорошем месте. Редко кто ел безнаказанно хлеб царей.

Браузе *(вынимая трубку)*. Но в чем дело, Тор?

Элнкайнен. Дело в том, что через четверть часа за нею приедет король с этим выхоленным Лораном и со своим доктором. Потому что король, надо вам знать, нездоров и поехал в их сопровождении покататься за город и,—я знаю это достоверно,—заедет сюда; приказано, однако, не предупреждать вас.

Ценкер. Король? Вот так штука!.. Ну, я ухожу. Мы не питаем друг к другу симпатий. Я один только раз разговаривал с королем. Не с этим, а с его отцом. Я сидел тогда в тюрьме. Это было в эпоху контр-революции. Вдруг нас вывели всех на тюремный двор, и туда явился король в эполетах. аксельбантах, лентах, шпорах и с белым султаном. С ним был лисица Ульм и прочая знать. Тогда он сказал: «Я милую вас, но вы должны принять вновь присягу на верность». Мы молчали. Он тоже. Потом Ульм сказал: «Вы присягнете в тюремной церкви»... Из девяносто восьми заключенных не присягнули только семь... Среди них был я! Но нас все равно помиловали через несколько недель. Потому что лисица Ульм хотел взять нас добром. После...

Пастор. Satis eloquentie! Это все мы уже знаем, но я слышу стук копыт кавалькады: это принцесса. Мастер Ценкер; отойдемте в сторонку. *(Оба удаляются в дальний угол.)*

(Дверь раскрывается. Придворный лакей придерживает ее. Входит Эльза, стройная, свежая, в элегантной амазонке, цилиндре на пышной рыжей прическе, с хлыстом в руках. Ее лицо и движения нервны.)

Эльза. Мастер Браузе... Это... вы? *(С любезной улыбкой идет к нему.)*

Браузе *(застегивает медленно жилет и кладет трубку на стол).* Я, принцесса.

Эльза. Простите, что я беспокоила вас. Маленький Тор так распелся вчера о вашей группе, что я ночь не спала,—так хотела поскорее увидеть ваш шедевр. Я помню вашу статую «По следу». Я знаю вас, кузнец-ваятель... Вы мне покажете ваше новое произведение?

Браузе. Что же мне ломаться? Я сделал группу для того, чтобы на нее смотрели. Она там, за занавесью. *(Подходит и дергивает.)*

(Эльза становится поодаль. Когда занавес раскрывается, она отшатывается, с легким криком ужаса, потом наклоняется вперед и жадно смотрит, крепко сжав хлыст в кулаке. Пауза. Лицо ее бледнеет, на глазах выступают слезы.)

Ценкер *(тихо пастору).* Она ошеломлена.

Пастор *(тихо).* Она уподобилась жене Лота.

Браузе. С вашего позволения я задерну занавес.

Эльза *(молча делает отрицательный жест рукою, с усилием глотает, говорит шопотом).* Стул...

(Эликайнен быстро подносит ей табурет. Она садится и берет его за руку. Пауза.)

Эльза. Тор, вы были правы... Мне прямо больно... *(Мастеру Браузе.)* Это страшно, это радостно... Слов нет... *(С тоской.)* Мастер Браузе, если бы такие люди существовали в действительности. О, если бы! Но ведь это—символы.

Браузе *(пожимает плечами и молчит).*

Эльза. Это—титаны. Перед юношей хочется преклониться, как перед грозным богом. Это красота. Красота и в старой руине гиганта... Но только какой же это реализм, Тор? Разве жизнь дает такие образы? Вы помните, что сказал Фидий о Зевесе? Что в воображении, как бы во сне, сам бог явился ему. Фантазия выше жизни. В ней сами боги являются нам... Это—боги!

Ценкер *(торжественно выступает из тени с полупоклоном).* С позволения... Я не согласен с вами, принцесса. Нет, не согласен. Зачем такие слова: боги, жизнь этого не дает?.. Это, так сказать, слова, простите, поверхностные. Как жизнь не дает? Она-то и дает... Но надо, скажу хоть так, уметь брать. Вы не видали таких крестьян, принцесса, а я только таких и видал, я в каждом из них вижу такого... Да, в каждом вижу единое огромное—народ! Но, хотя я немножко художник, я, могущий, пожалуй, взять, не умею вновь дать! Браузе сумел. Мед и воск находятся в цветах, но вы никак не извлечете их оттуда без пчел. *(Вновь отвешивает полупоклон.)* Простите мою смелость, принцесса, но ваше искреннее восхищение перед этим народным произведением дало мне повод, так сказать, мужество...

Эльза *(вставая, любезно).* Прошу вас... То, что вы говорите, интересно.

Пастор *(в свою очередь медленно выходя из тени).* Высокомощная дама! Я—скромный служитель простонародной

церкви. *(Поправляет очки.)* Позвольте мне один раз возвысить мой голос, которому обычно внемлют земледельцы, ремесленники, охотники и рыбари,—возвысить его до высших ступеней трона. Высокомощная дама, не поддержите ли вы перед правительством петицию, которую я предложу народу Нордландии покрыть тысячами подписей,—петицию о постановке на большой площади, против собора св. Духа, этого памятника?

Эльза. О, с восторгом, господин пастор!

Браузе. Ну, ну, не зарывайтесь, дружище Самсон; вы еще не знаете, понравится ли вещь народу.

Ценкер *(возмущенно)*. О!

Пастор. Я немножко знаю нордландских простолюдинов.

Эльза *(с сомнением)*. Вы думаете, что народ, что масса умеет ценить произведения искусства?

Пастор. Не знаю. Но *это* они поймут и оценят. И *это* принесет им большую пользу.

Эльза *(удивленно)*. Я немножко удивлена, простите. Ведь вам, как пастору, ближе проповедь смирения? Здесь его мало. Это мятежное произведение.

Браузе. *(усмехаясь)*. Ну, вот! Ценкер, стало-быть, прав. Того же мнения будет, наверное, и господин директор полиции.

Эльза *(смущенно)*. Но разве вы сами иного мнения?

Браузе. Кому нужно мое мнение? Что сделал,—сделал.

Пастор *(торжественно)*. Высокомощная дама, я—служитель бога. И, как протестант, верю не традиции, а слову господа в его откровении избранному народу. И еще более его шопоту в моем собственном сердце. Он должен быть моим богом, чтобы я служил ему. Иначе он будет из тех, о ком сказано: «Не послужи им и не поклонись им». Но мой бог, для меня единый, это—бог Правды и Свободы.

Далеко ушли сыны человеческие от пути его! Разве надо вам говорить об этом? Всякий видит, что братство людей стало смешным словом. Одни братья стали слугами, другие—господами, и души тех и других гибнут одинаково. Где же спасение? *(Подымает палец к небу.)* В боге, принцесса, который в назначенное время воздвигнет пророка и судию. Мы же должны, смиренные перед его волей, но гордые перед владыками земли, воистину, как Иоанн, сын Захарии, уготовать пути ему. Вот почему я хотел бы, чтобы против собора выслалась эта группа. Она многому научит паству божию.

Эльза. Признаюсь, все, что я здесь слышу, для меня странно и неожиданно. Но я начинаю понимать, как зародилось это дивное произведение. Господа, я—принцесса и, вероятно, потому нисколько не демократка... Но меня покоряют мощь и красота. Только чьи они здесь? Вы говорите: народа, бога, живущего в нем. А я думаю—мастера Браузе, и нем живущего бога.

Браузе. Принцесса... Я—кость от кости, плоть от плоти моего народа. Я—кузнец из Вемескьельда, сын и внук кузнецов. Может-быть, я ошибаюсь, потому что я не эстет и не теоретик, но мне страшно лестно, когда старые друзья Самсон и Оскар говорят, что рукою моей двигало народное сердце. Впрочем, что есть в моем произведении плохого,—а в нем-таки много плохого,—то, конечно, от слабости руки моей, но что есть хорошего,—если есть,—то от мощи его сердца

(Дверь с шумом распахивается. Юлиан в ливрее входит стремительно и вытягивается в струнку.)

Юлиан *(кричит)*. Его высочество король!

(Все вздрагивают. Пастор и Ценкер вновь уходят в темный угол. Эльза нервно идет навстречу королю. Эликайнен трусит. Браузе спокоен.)

Браузе *(Эликайнену).* А я все без сюртука.

Эльза *(нервно).* Ничего. Оставайтесь, мастер. Не уходите.

(Входят Хиальмар, хромой доктор Куфске в парике, элегантный Лоран и граф Ульм в черном сюртуке, в белом галстуке, с портфелем под мышкой. На короле серое военное пальто и желтое кепи с белым султаном.)

Король. Эльза! Птичка! Мы тебя еще застали! Поймали! Порадуйся, Эльза: я нагнал ландо графа, который уезжал к себе в имение. И мы тут же, на дороге, среди золота хлебов, под божьим небом христиански помирились! Да, да, мы помирились. Я просто опьянел от радости. *(К Ульму.)* О, мой Ульм, мой старый Ульм, как вы меня заставили страдать. *(Граф сдержанно улыбается.)* Лоран тоже рад. Вы, ведь, рады, Лоран? Ведь, мы подождем, Лоран? Мы еще, славу богу, молоды с вами.

Лоран *(с кислой улыбкой).* Я весь к услугам вашего высочества.

Эльза. Кузен Хиальмар, вот мастер Браузе. Мы застали его врасплох. Он просит простит его. Вы видите, он даже без сюртука.

Король *(снисходительно).* Ничего. Вы кузнец-ваятель, о котором говорят? *(Браузе кланяется.)* Рад вас видеть. *(Делает несколько шагов и садится на табурете, оставленном Эльзой.)* А, вот и ваше новое произведение. *(Надевает пенснэ.)*

(Пауза.)

Король. Как вы находите, Лоран?

Лоран. Pas mal... Un peu grossier... un peu pretencieux. Mais pour un marechal-ferrant c'est pas mal du tout.

Король *(сбрасывая пенснэ).* Vous avez raison! Граф Ульм?

Ульм. Мне не нравится. Я рад теперь, что заехал сюда. Я решительно попрошу мастера Браузе отказаться от мысли выставлять это произведение публично.

Эльза *(вспыхивая).* Почему?

Ульм *(улыбаясь).* По соображеніям политическим, принцесса.

Эльза. Полицейским?

Ульм *(улыбаясь еще шире).* Неужели, принцесса, вы презираете полицію? Но, ведь, это же ваша сторожевая собака.

Король *(сидя, оборачивается к мастеру).* Мастер Браузе вы даровитый человек... да... бесспорно... Но произведеніе ваше вредно. О, не подумайте, что я присоединяюсь к графу Ульму и хочу подойти к вашей вещи с той «сторожевой», как он сказал, точки зрения. О, нет! Нет Эльза, нет, вы ведь не думаете этого обо мне? Граф Ульм—прежде всего министр. Я же не прежде всего король, мастер. Нет, моя Эльза, я не король прежде всего. Прежде всего,—и мой друг Лоран—один из первых, если не первый, зодчій нашего века, подтвердит это,—прежде всего я—художник. И к вашему произведенію, мастер, я подойду, именно, как художник. Но постойте, вы спросите: в чем мое художество? Я творю культуру, мастер. Да, Эльза! *(Напыщенно.)* Провиденіе вручило мне страну и ее населеніе, как матеріал, и сказало: Хиальмар, сын Хиальмара, вот тебе десять талантов, умножь их, ибо я собираю, где не потеряло, и жну, где не сеяло. Взрасти на скалах и болотах Нордландіи новую Элладу! *(Короткая пауза. Растроганно.)* Это было как бы благовещеніе мне, Эльза, такое сладкое и скорбное, как благовещеніе приснодеве. И как она на полотне Ботичелли, так я отстранился, склонился и сказал: «Слаб я, не возлагай на меня тяжелого беломраморного креста». Но архангел ответил: «Возьми крест и иди». И я иду, Эльза... *(Короткая пауза. Другим тоном.)* Так вот, мастер, из какой высокой, таинственной, торжественной идеи я исхожу. И говорю: это вредное произведеніе.

Лоран *(в восхищении).* О, слушайте все! Как вы должны быть счастливы, художники севера, имея такого монарха!

Ценкер *(пастору тихо).* Ну, да, Август—сапожник перед ним. О, льстецы!

Пастор. Но как он уверен в своем боге! Однако, его бог—не мой бог.

Ценкер. Надеюсь.

Король *(после раздумья).* Ваше произведение, мастер, вредно не потому, что в нем,—правда, тускло, простите,—выражена именно эта идея, повидимому, если верить чутью Ульма...

Ценкер *(тихо).* Сторожевой собаки.

Король. Субверсивная. Нет, оно вредно тем, что вообще выражает идею. Разве искусство для этого, мастер? Разве оно дополнение к газете? Стыдитесь!

(Общее движение.)

Король. Чтó вы отлили? Передовицу для «Народного Вестника»? Нехорошо! Вы, наверное, утилитарист? Но художник, который хочет, чтобы искусство было полезно... Ведь такого нужно изгнать, изгнать из Афин, от лица Аполлона. Ведь вы не только кузнец, вы—художник. А это что? Подкова для коня революции! *(Смеется. Лоран и Ульм хохочут, даже Юлиан улыбается.)* Да, да, подкова, подкова на ее хромые ноги. Вдумайтесь...

Браузе. Ваше высочество! Я все это давно слыхал. Вы приехали посмотреть мою вещь. Она не понравилась вам. Мне это относительно безразлично. А ваши мотивы еще безразличнее. За первую половину урока я из вежливости поблагодарю, а вторую прочтите перед более избранными слушателями.

Король *(хмурясь и кусая губы).* О, о! Я понимаю, что вы раздражены... Все художники слишком самолюбивы и обидчивы. Но поверьте, я хотел для пользы вашей.

Браузе. Я не настолько утилитарист, ваше высочество. Оставим мою пользу в стороне.

Король. Оставим, оставим. Я предлагаю вам две тысячи крон за вашу вещь.

Браузе. Но...

Король. Мало? Три... Четыре. Я хочу купить ее... Мало?

Браузе. О, довольно! Но вам она не нравится, зачем же вы ее приобретаете?

Король *(с картинным жестом)*. Чтобы ее уничтожить.

Лоран. Oh, c'est beau c'est grand!

Браузе. Вы не будете иметь ее, ваше высочество, даже в обмен на ваш дворец и музей.

Эльза *(все время страшно волновавшаяся, порывисто)*. Но Хиальмар, ради Бога, разве вы не видите, что это прекрасно? Хиальмар, смотрите же, смотрите: ведь это грандиозно! Да неужели у вас такая вялая, сморщенная, дряблая душа?

Ульм. Принцесса, принцесса!... Этикет!

Эльза. Вы меня убиваете, Хиальмар! Я вся дрожу. Сколько раз колебалась, гнала от себя больные мысли, оскорбительную правду. Но вы... Вы—самодовольный паяц!

(Общее движение.)

Граф Ульм. О, принцесса!

(Лоран закрывает уши. Юлиан открывает рот, Король бледнеет, встает и потом почти падает на табурет. Пауза.)

Эльза. Мастер Браузе... *(Она хватает его за руку, в ее глазах дрожат слезы.)* Я, я покупаю ваше произведение и я

найду ему достойное место, уверяю вас! И простите... Я уйду... Тор, пойдемте!

(Едва удерживая рыдания, она почти выбегает; встревоженный Эликайнен бежит за нею.)

Ульм. Господа, я крайне сожалею о происшедшем. Принцесса страдает нервным недомоганием. Прошу, чтобы ни одно слово не вышло за эти стены. Прошу... *(Всматриваясь в темный угол.)* Кто это там? А, это пастор Линдфорс... А, господин Ценкер. Ваше высочество напрасно пожаловали сюда. Это гнездо республиканцев. Господа, если бы вы вздумали распространять слухи, то, кроме того, что я буду хорошо знать виновников молвы, вам никто не поверит, как желчным врагам монархии и монарха.

Ценкер. Успокойтесь, граф, мы всему тому не придаем значения.

Пастор. Я говорю лишь то, что достойно говорить с кафедры, но из того, что я сочту достойным сказать, я не опущу слова.

Король *(вставая слабым голосом)*. Куфеке, Куфеке, дайте капли! О, Лоран! Как тяжело королю-афинянину править страной грубых беотийцев! *(Уходит, опираясь на руку Лорана. Хромой Куфеке забегает вперед с флаконом. Мастер Ценкер и пастор провожают его насмешливыми взорами.)*

Занавес.

ЮНЫЙ ЛЕОНАРДО

Драматическая элегия

Трудно представить себе человека счастливее Леонардо да-Винчи.

Из биографии Винчи.

Разочарованный, полный досады на людей, бросивший кисть, замкнутый в сердитое молчание, он умирал.

Из другой его биографии.

ЛИЦА:

Вероккио. — Мастер живописи и золотых дел, бронзолитейщик и хоскотильщик.

Леонардо. — Его ученик, мальчик лет 17.

Ченчио Кавадонти. — Молодой флорентинец.
Погребатель трупов.

Действие происходит во Флоренции в конце XV столетия, в мастерской при ботеге Вероккио.

Небольшая комната сводом. В глубине широкое окно в огород, где, кроме овощей, есть кустарники роз и жасмина. Окно раскрыто, и свет раннего вечера широко вливается в мастерскую. Справа дверь, ведущая в лавку, слева—в кухню. Наискось к окну поставлен мольберт с неоконченным полотном. Налево, ближе к зрителю, круглый стол, заставленный множеством разнообразных склянок, на нем также кисти, палитры и краски. Рядом высокий табурет с брошенным на него широким суконным плащем. Над столом висит фонарь, другой неподалеку привешен к крюку, вбитому в стену. Справа другой стол, меньших размеров, покатый, вроде конторки: на нем можно работать стоя. На нем картоны и карандаши. В глубине, у окна, виден еще стол, приспособленный для ювелирной работы. На стенах широкие полки с самыми разнообразными бутылями, свертками, чучелами птиц и рыб, кустами кактусов, черепами, костями и т. п. Стена возле правой двери обита потертым ковром арацпо, к ней прислонено лицевой стороной к стене несколько полотен в грубых деревянных рамах. В углу на высоком постаменте полуобделанная глина, обернутая мокрой тряпкой.

Вероккио в узких штанах коричневого цвета и одной рубашке с широким воротом, засучив рукава, работает над картиной. Он могучего сложения: плечи, голые руки, шея, грудь, несмотря на некоторое ожирение, показывают геркулесовскую мускулатуру. Лицо толсто, с дряблыми щеками и подбородком, с нежным женским ртом. Лоб высок, чист и ясен. Нос сухой, резкий, с энергичной горбинкой. Глаза черные, проницательные, освещенные неугасающим живым огнем.

Леонардо рисует у стола направо. Он одет так же, как мастер, но строен, как афинский эфеб. Его профиль энергично-этрусского типа, великолепный, сияющий лоб, лучистые синие глаза под красиво начерченными темными бровями, русые волосы с чувственной роскошью обрамляют это божественное лицо с мягким овалом и сочным веселым ртом. Природа щедро, полной чашей зачерпнула свои дары из источника жизни,когда создавала это тело и эту душу. Движения Леонардо быстры и грациозны.

Вероккио делает все медленно и плавно, говорит задумчиво, словно взвешивая на весах ювелира каждое свое слово. Смех и речи Леонардо неудержимо звучны.

Оба работают некоторое время в молчании. За окном поют птицы.

Вероккио. Оге, Нарди.

Леонардо. Маэстро?

Вероккио. Ты не боишься, что твоя золотая краска перекипит?

Леонардо. Когда придет время, кто-то толкнет меня... Уж я знаю: как я ни занят каким-нибудь делом, какая-то часть меня следит за другим... иногда мне кажется, маэстро, что во мне несколько душ.

Вероккио. Гм! Тебя только слушай! *(Отходит от своего полотна и, прищурив глаза, критически смотрит.)* Хочу, чтобы кираса была светла и чиста, как ключевая вода. Ведь это кираса архангела! Она должна отражать весь мир, как зеркало.

Леонардо. Знаете, мастер, чем яснее и ярче отражает предмет лучи света, тем меньше проникают в него лучи теплоты. Заметили ли вы, что черное согревается на солнце скорее белого? Иногда мне кажется, что светлый металл, который так славно отражает лучи, будто бы гордо отвергает их, будто строго не впускает постороннюю силу в свою глубину, будто хочет быть всегда холодным... Но, впрочем, металлы, отлично отражая свет, в то же время быстро нагреваются. И художник всего более похож на серебряное зеркало,— он отражает вещи так же ясно, как самый холодный мудрец, но согревается их теплом так же быстро, как самая темная женская душа.

Вероккио. Гм... И так же скоро остывает?

Леонардо *(улыбаясь)*. Да, маэстро... Художнику нужно много тепла. Он так охотно и щедро дает его всему холодному, что окружает его... Поэтому его сердцу легко замерзнуть.

Вероккио. Ветер носит по земле семена не только растений, но и мыслей, Нарди. В твою голову семена эти никогда не попадают напрасно: все в ней прорастает. Но, смотри, уж

скоро не хватит места твоим цветам, они начнут душить друг друга.

Леонардо. Пусть выживут те, что сильнее.

Верроккио. Те, что благороднее и полезнее, мой мальчик.

Леонардо. Сильное всегда благороднее и полезнее более слабого, мастер.

Верроккио *(оглядываясь на него)*. Так ли, мальчик?

Леонардо *(кивает головой)*.
должая работать).

Верроккио. Так ли? Мой опыт не подтверждает этого мнения.

Леонардо. Но опыт божий, думается мне, подтверждает его.

Верроккио. Откуда эта уверенность?

Леонардо. Зачем же богу давать силу неблагородному и бесполезному? Сильное может казаться нам дурным, но будь оно дурно и в предвечных глазах Природы, она бы не сделала его сильным. Это просто, как геометрия.

Верроккио. Ты веришь в бога больше фра-Джироламо, право.

Леонардо *(кивает головой)*.

Верроккио. А ты знаешь, что сказал Перуджино, этот кондитер ангелов и святых жен? Он сказал... Это было, когда он был здесь, во Флоренции; и он сказал это при всех, после проповеди в Санта-Мария дель-Фиоре. Он сказал: «Кричи себе: бог есть, бог есть! Мир кричит громче тебя, что надо всем царит случай».

Леонардо. Пусть будет случай... Но мир так хорош, что я буду молиться этому прекрасному, святому случаю. Фортуна означает случай, и судьбу, и счастье, и богатство. Когда-нибудь я построю храм святой Фортуне...

Верроккио. Но не все находят мир хорошим.

Леонардо. Потому что у них плохие глаза, уши или желудки, баббо!

Вероккио. Счастливец! Иногда мне завидно... Право, я завидовал бы тебе, если бы не было так печально твое будущее.

Леонардо *(насвистывает, потом встряхивает своими кудрями).* Я всегда буду таким.

Вероккио. Жизнь разочарует тебя, Нарди. Мир беспорядочен. По крайней мере, та часть его, которая окружает человека.

Леонардо. Прежде всего человек сам привел эту часть в беспорядок. И это ничего. Это он передвигает и переделывает ее по-своему. Переделать мир не шутка, это не сделается в один час или в какую-нибудь пару тысячелетий. А потом, меня не окружает никакая часть. *(Подходит к Вероккио и описывает вокруг себя широкий круг.)* Меня окружает... всегда—все!

Вероккио. Мне иногда бывает страшно с тобою. Мне кажется иногда, что мастер Пьетро, твой отец, принес мне в дом жемчужину с куриное яйцо. И я должен уберечь ее... боишься спать, есть,—как бы не украли сокровище. Но человек причудливее и нежнее жемчужины и даже самого хрупкого цветка... Я хотел бы быть Геркулесом... или сказочным драконом, чтобы уберечь тебя.

Леонардо. Кто же мне повредит?

Вероккио. Тьма... Тьма!

Леонардо. Тьма мертва, баббо, лучи пронзают ее легче, чем шпага—воздух *(Пауза.)* Знаете, маэстро, я иногда двадцать раз бросал наудачу плащ на этот табурет, и каждый раз он ложился так красиво, что я... ну, смейтесь... я, наконец, поцеловал его складки... Вот вам и случай... Вы знаете, мне всегда хочется поцеловать все красивое.

Вероккио *(лукаво прищуривая глаза).* Маленькую Лизу, например.

Леонардо *(спокойно и серьезно).* О, ее больше всего!...

Вероккио *(смеясь).* Но и луну также... Креди мне рассказывал, как ты посылал воздушный поцелуй луне, когда вы купались с ним в Арно.

Леонардо. Мы целовались с нею. Это она поцеловала меня первая—в глаза, лоб и в сердце.

Вероккио. Ее поцелуи—отраженные поцелуи солнца.

Леонардо. Что ж, маэстро, ведь и все наши ласки родились на солнце. От него всякая жизнь. Это знали все древние, как говорит князь Мирандолы. А солнце само получило силу от первопламенной Гестии—очага веселенной... Вульгата говорит: «Ты—земля и в землю вернешься». Но можно сказать и так: «Ты—пламя и в пламя вернешься».

Вероккио. Да, милый мой мудрец. Они говорят, что мир кружится и кружится... Я не нахожу в этом большого толку.

Леонардо. Это божественный танец для тех, кто не устал. А усталые души отдыхают тихонько... *(Вдруг смеется громко).* В виде например, коров... Они так спокойны!.. Или в виде сочной зеленой травы. Мне часто кажется, что в растениях души отдыхают. И в них понемногу растет жажда танцовать опять так бурно и сложно, как танцуем мы с вами, маэстро... И душа рвется наружу цветком. Потом тайными путями она подымается все выше, вплоть до человека. Человек, который не устал, а только накопил силы, должен умереть молодым, хотя бы и под седыми волосами: тогда он возвысится и станет полубогом. *(Вновь бросает работу и подходит к мастеру.)* Вот где будет безумное веселье и для нас прямо ужасное кипение мысли и страсти...

Вероккио. Где?

Леонардо. В раю.

Вероккио. Когда-нибудь ты-таки сойдешь с ума.

Леонардо. Хотелось бы, конечно; ум, это—верная тропинка в гору... Но приятно иногда покувыркаться по бездорожью, прямо по дичи, зажмурив глаза... *(Хохочет и возвра-*

щается к работе. Пауза.) Нет ничего красивее волос... Не трогательно ли это, не смешно ли, что на нашей мудрой голове растет себе эта шелковая божья травка? Иногда, когда я стараюсь вникнуть в глубь бытия и разгадать, какой дух там работает, я вдруг говорю себе: будь, как волос. Расти себе на поверхности божьей головы, вейся и сплетайся с другими в душистый локон, украшай господа, не вникая в его работу, которая не по плечу тебе... Но, в сущности, все наши мысли—только красивые и причудливые завитки. *(Смеется.)* Маэстро, что́ мне пришло в голову. Если бы природа потеряла все живое, это вовсе не значило бы, что она перестала жить и думать, но она как бы облысела... Пока—это женщина с роскошными волосами. И она растит их и гордится своими косами, которые обвили безмерность пространств... Потому, что она молода и никогда не может постареть... Хотя, конечно, было бы умнее, если бы она была одним лысым шаром, одним абсолютным богом, о котором болтают схоласты. Этот абсолютный бог—плешивый мудрец, а бог живой—красавица с кудрями, еще более прекрасными, чем у Венеры мастера Сандро. Посмотрите, баббо, на эту головку в локонах *(Показывает ему свой рисунок).*

Вероккио. Прелестно!.. *(Пауза. Вероккио возвращает рисунок.)* Птицы как распелись. Они поют о том же, должно-быть, о чем болтаешь ты, мой соловей.

Леонардо *(прислушиваясь).* Эта правда... Но знаете ли, кто-то сильно стучится в дверь лавки.

Вероккио. Я уж много дней держу ее на запоре. Не так-то скоро уйдет злая гостья.

Леонардо. Стучат все сильнее. Надо отпереть. *(Уходит направо.)*

(Вероккио продолжает работать. Через минуту Леонардо возвращается и садится на высокий табурет с жестом досады.)

Леонардо. Это Ченчио. Он надоел мне своими ухаживаниями.

Вероккио. Он влюблен в тебя.

Леонардо. Мне ничуть не лестно. *(Обнимает колено обеими руками и сопит, немного надувшись.)*

(Входит Ченчио Каваденти в широком сером плаще; на голове его маленькая черная шапка с большими наушниками, она нахлобучена на голову, и из-под нее торчат резкие черты его худого желтого лица.)

Ченчио *(останавливается молча у дверей и смотрит на присутствующих)*. Малюете? Из всех людей самые бесчувственные, это—живописцы, а среди них нет никого бессердечнее Вероккио и да-Винчи.

Вероккио *(продолжая работать)*. Ченчио не в духе.

Ченчио *(с злобной радостью вцепляется в эти слова)*. А! А! Вы двое в духе! Вы рады! У вас праздник! Хотя Флоренция умирает. Сегодня умерла монна Дина... Красавица... Вдова... Когда она проходила мимо молодых мужчин, каждый жадно оглядывался и думал: вот идет счастье! Я знал таких, которые бы умерли за ее поцелуй, но ее поцеловала теперь безносая страшница своими синими губами. Дина была благочестива, но когда она увидела пятна на груди и уже не было сомнений в прикосновении ангела, она прокляла бога... Слышите ли? Она кричала: «Хочу жить, любить!» Она ведь ждала со своей любовью, красовалась, как спелый плод осенью... Но червь подточил ее в один час. Она металась и проклинала, там, среди своей роскоши... Пока недуг не превратил мысли в бред и жесты в судороги... Ад на вашу голову! Вам это все равно...

(Молчание. Все опустили головы. Вероккио продолжает работать; он сопит, и движения его становятся грузны.)

Ченчио. Я вышел из собора, где ее хоронили, и пошел в мизерикордию, чтобы сказать, что я хочу помогать убирать мертвых. Ведь каждый неубранный мертвец тащит за собою в могилу живых. И тут же при входе опять кровь: окончилась история Пико Ньоки. *(Молчание.)* Я расскажу вам эту смешную историю, чтобы позабавить вас, пока вы малюете. Вы знаете, что 3-го дня Пико Ньоки убил маленького Джанбени дельи Фабриканти? Нет? Да, он убил его. Мальчик прицепил ему сзади чорта из тряпок. Пико увидел и дал ребенку затрещину, от которой у того брызнули из глаз огонь и вода. Но бедняжка был упрям. Тотчас же он прицепил синьору того же чорта снова. Только у Понте Веккио всеобщий смех открыл Пико шутку... Он взбесился, вз'ерошился, бросился назад к Синьории и тут у всех на глазах схватил мальчика. Можно было видеть по его лицу, что он обезумел и что у него дурные намерения. Но все только хохотали. Он тащил дитя за руку с глазами, полными крови и яда, и приговаривал дрожащим голосом: «Пойдем, пойдем, я дам тебе панфорте и сладкого вина, дружок, я люблю, дружок, веселость, я люблю хорошую шутку»... А тот ревел. И как завернули в переулок напротив хлебной лавки Тинто, Пико ударил его в горло ножом: «Перестань кричать, гадина!»—и бросил...

Вероккио. Какое подлое преступление!

(Леонардо бледный смотрит на Ченчио.)

Ченчио. Преступление? Ничуть. В тот же вечер мессере Бентези зашел в лавку к Тинто и просил не делать шуму. Медичисам нужен на все готовый человечек... Теперь Пико стал бы их проклятой душой... Да не вышло дело.

Леонардо. Ну? Что же случилось?

Ченчио. Пьеро деи Фабриканти с толпою каменщиков подошел сегодня возле Сан-Джиованни к Пико и низко поклонился. Он сказал: «Мессере Пико, вы убили моего мальчика... Да, да... Вы напрасно качаете головой... Но Флоренция видела довольно крови... Пусть на могиле твоего

сына вырастет олива мира,—сказали мне сильные и обещали сто флоринов. Так и да будет... И во свидетельство, мессере, не побрезгайте поцеловаться с рабочим человеком». И Пико пошел целоваться. Но Пьеро разжал челюсти, как мог, и вонзил зубы в его лицо, левой рукой он прижал его к себе, как любовницу, а правой пять раз ударил кинжалом меж ребер. Тут его схватили и потащили в Барджело. И была бы сеча, но ее остановило духовенство. Хорошенькие дела? *(Подходит к Леонардо.)* Видишь, Нарди, кровь на моей ноге? Это кровь покойного Ньоки... Чума недостаточно работает,—флорентийцы ей помогают... А Пьеро попадет, пожалуй, в лапы к красному брату.

(Пауза.)

Леонардо. Маэстро, теперь пора снять олифу с огня... Иначе опять краска побуреет.

(Уходит налево в кухню.)

Ченчио (в негодовании). Клянусь кровью богородицы, у вас нет сердец. У вас они завяли и сморщились, как сухой лимон... Ад и молния! *(Топает ногой.)*

Вероккио. Тише, тише... Видишь, у меня дрожат руки... Ты думаешь, я равнодушен? Неправда... Но что же я могу сделать?

Ченчио. Так говорят все.

Вероккио. И правы.

Ченчио. Но я же вот иду подбирать мертвецов? И если меня не тронет странница, клянусь святым Себастьяном, я напомню кое-кому о справедливости.

Вероккио. И тебя замучают в подземельях Барджело. Человек не может итти против своего времени, Ченчио. И в старину было плохо, но были свобода и надежда. А нынче мы пошли по ломбардскому пути и отдали себя Медичисам. Они обстригут крылья Флоренции: она разукрашена как никогда, но я-то чувствую, что сердце у нее перестает

биться... Когда я был молод, Ченчио, я верил, что мы разожгли большой костер, но теперь Лоренцо превратил наше жаркое пламя в потешные огни... Мы блестим, Ченчио, мы блестим... Но скоро останутся только вонючий дым да серный пепел.

Ченчио. Скажите это Леонардо.

Вероккио. Зачем?

Ченчио. Чтобы он не смеялся бесстыдными губами, когда в пору рвать волосы на голове.

Вероккио. Зачем, зачем, Ченчио? Этот мальчик, Ченчио, это—чудо. В нем созревает новая душа Флоренции. Все, что сделали прадеды и деды,—Кавальканти, Данте, Петрарка, Боккачио, Фичино, все, что сделали Джиотто, Орканья, Мазаччио Гиберти, Брунелески, Донателло и Поллаюоло и многие другие,—все это в нем сплелось, Ченчио, чтобы удивить звезды небесные. Это несчастный мальчик, добрый мой Ченчио... Я чуть не плачу, слушая его и глядя на его чудеса... потому что, видишь ли, Ченчио, это—правда, что он хочет летать как птицы, но когда земля проваливается в холод и мрак, никакая птица не улетит, добрый Ченчио... или она должна падать вместе с землею во мрак и холод, или остаться одна в пустоте, где все равно замерзнет... Флоренция больна. Италия больна. Отжило гордое, свободное гражданство. Оно, видишь ли ты, испугалось черни, оно испугалось также козней богачей и пошло в рабство к наглым выскочкам. Это начало конца. У Леонардо огромное сердце, Ченчио, а не маленькое, как ты говоришь, но его сердцу станет скоро тесно на этой земле, которая вновь захотела быть тюрьмой... О, я знаю, добрый друг, что князья и герцоги будут баловать его. Ах, Ченчио, горек хлеб гордеца, который каждое утро говорит тебе: «Я—господин здесь, все здесь—мои слуги!» Разве отдал бы я Нарди в золотые игрушки дукам? Но они возьмут его и сломают. Он гибок, но они сломают его, Ченчио... Наше искусство еще заблестит как никогда, но верь, Ченчио, это перед смертью...

Ченчио. Эта музыка мне по сердцу. Все идет к дьяволу в пасть! Вы—умный человек, я всегда говорил это... Пойте почаще эту песню Леонардо: пусть он знает, где и когда живет, а то он ходит словно в теплом тумане.

Верокkио. Ах, если бы не развеялся этот туман!... Но куда он запропастился? Нарди, Нарди!

Леонардо *(входит; в одной руке у него небольшая кастрюлька, в другой дощечка с наброском).* Я говорил, что моя краска будет похожа на золото, которым окрашены облака вечером. Посмотрите, баббо!

Верокkио *(разглядывая эскиз).* Удивительно!

Леонардо. Природа создает золото из света и холодной мглы. Нам тоже не нужно металла, чтобы золотить. Мы тоже немножко живописцы.

Ченчио. А тюрьма и убийство не касаются тебя?

Леонардо *(зло).* Нет.

Ченчио. Молодец!... Я готов кулаки откусить себе за то, что люблю тебя!.. Моя страсть к тебе—грех, грех, откуда ни посмотри! Но я люблю тебя, и мне стыдно. Видишь, я покраснел. *(Отчаянным жестом сдергивает с себя шапку.)* Это за тебя, за то, что у тебя нет сердца.

Леонардо. Это неправда, что у меня нет сердца. Я просто пьян.

Ченчио. Пьян?

Леонардо. Да, моею молодостью. И хочу пить, пить, пить еще. Всю красоту, которая меня окружает. А потом плясать. Моя работа будет моею пляской. Я проведу каналы, как реки, я построю дворцы для императоров, построю для великанов башни, чтобы ангелам было легче слетать на землю. Я отражу мир на полотне так, что он засмотрится на себя и впервые поймет, как он хорош. Я прочту книгу прошлого и поверну страницу книги будущего. Я пьян, пьян вином мира, вином бога Пана. Не мешайте же мне! Я помогу вам, я помогу вам, люди, но дайте мне итти моею

дорогой, не мучьте меня... Старуха Джина вчера целый день орала песни, и я положил по комку шерсти в уши... Оставьте меня с моим миром, с моим богом... Потом я помогу вам.

Ченчио *(совершенно сбит с толку)*. Нарди, Нарди, ты говоришь действительно как пьяный, как одержимый.

(Пауза.)

Вероккио *(у окна, дрогнувшим голосом)*. Вечереет...

(Леонардо, возбужденный, ходит легкими шагами по комнате. Ченчио, расставив широко ноги, растерянно следит за ним глазами.)

Леонардо *(тоже подходя к окну)*. Видите, баббо,—те же оттенки, что у меня.

Верокки о. Торжественные, пышные, нежно-грустные.

Ченчио. И всему миру наступает вечер.

Леонардо. А потом опять будет утро. *(Подходит к столу и берет лежащую там мандолину.)* Ну, будет нам ссориться... Пора успокоиться. У меня есть для вас новая нежная спокойная песня.

(Полупоет, полудекламирует, тихо аккомпанируя себе на мандолине.)

Леонардо. Куда стремитесь вы, туманы легких дум?
—В страну огня, где край земного мира,
Где грань небес. Послал нас гордый ум
За золотым вином божественного пира.
Но не вернешься ты, прозрачных парусов
Летучая, родная вереница:
Ты таешь, ты горишь в пожаре нежных снов,—
Но далека еще заветная граница.
О, ветер воли, к истине сильней
Мчи в светлый океан разрушенные челны:
Таинственный покров бледнит игру огней,

Глубин эфирных потемнели волны.
Вот вечер. Облака поблекли и грустят.
—Скорей летите прочь от запада—к востоку,
Лучи на утро там манящє заблестят,—
И истина откроет лик свой оку!

(Он оканчивает свою мелодию... Вероккио и Ченчио слушают в задумчивости. Никто не заметил, что дверь отворилась и на пороге призраком появилась черная фигура: это силуэт в остром шлыке с двумя дырами для глаз, в руках его крюк, он говорит глухо.)

Погребатель. Ченчио, ты обещал помочь мне прибрать мертвецов... Пойдем, работы много... Можно подумать, что злая гостья хочет задушить все очаги Флоренции.

Ченчио. Иду... Нарди, дай мне тебя поцеловать...

Леонардо *(гибким жестом отдается его об'ятию и целует его много раз).*

Ченчио. Прощай... Мне кажется, что я умру.

Леонардо. Видишь ли, Ченчио, я, по-правде, не думаю, чтобы ты мог умереть. Да и вообще, может-быть, мы ошибаемся с этой смертью. Иди, Ченчио, милый, мы много еще будем любить друг друга... Это-то я тебе обещаю. Это-то я знаю.

Ченчио. Фантазии! Все кончается.

Леонардо. Какие там концы, Ченчио? Ты видешь стену там, где на самом деле туман, а за ним... опять нет конца.

Ченчио *(пожимает руку Вероккио и уходит, сгорбившись, за погребателем).*

Вероккио *(подходит к авансцене и садится на табурет. Он задумчиво смотрит перед собою. Леонардо подходит к нему и обнимает его за плечи).*

Леонардо *(с бесконечной лаской в голосе).* Ну? Вам грустно?

Верроккио. Ты—вечернее облако, о котором ты пел, мой светлый Нарди. Тьма сгущается.

Леонардо. Баббо, ведь вернется и утро?!

Верроккио. Но утреннее солнце осветит уже не те облака.

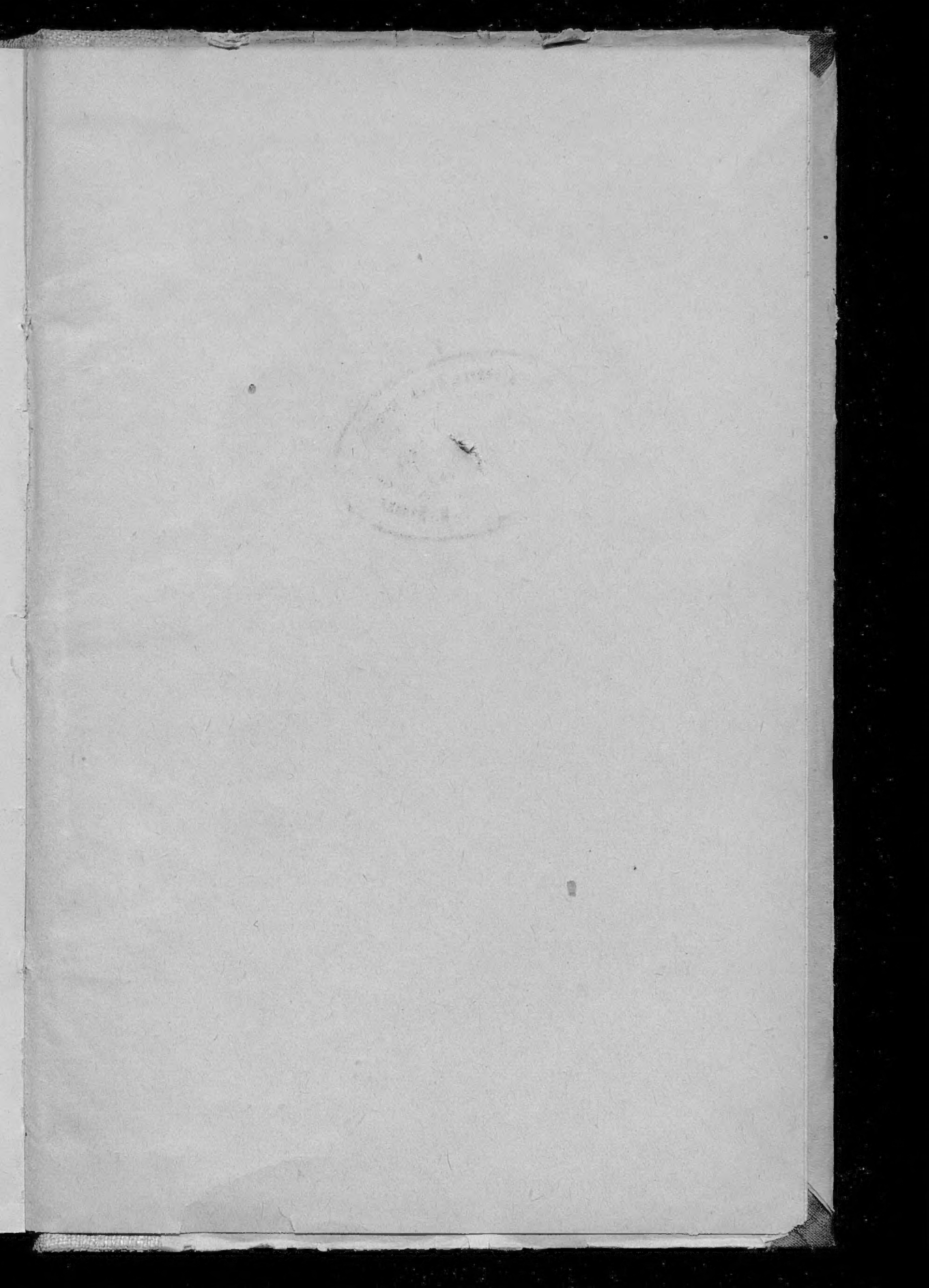
Леонардо. Но ведь те же звезды встречают солнце и провожают. И каждое утро продолжает работу, которую мир тихонько отложил, когда настал вечер. А теперь закроем ставни и зажжем фонарь. Мы опять будем изучать свет и тени. Они так восхитительно сложны... Может-быть, я—вечерняя душа, вы правы: я так люблю тени и борьбу с ними света... Я—вечерний Леонардо. Но я вижу ясно там, там... *(указывает вперед)* Леонардо утреннего... Как в зеркале вижу!.. Оге, Нарди, оге! *(Посылает воздушный поцелуй.)*

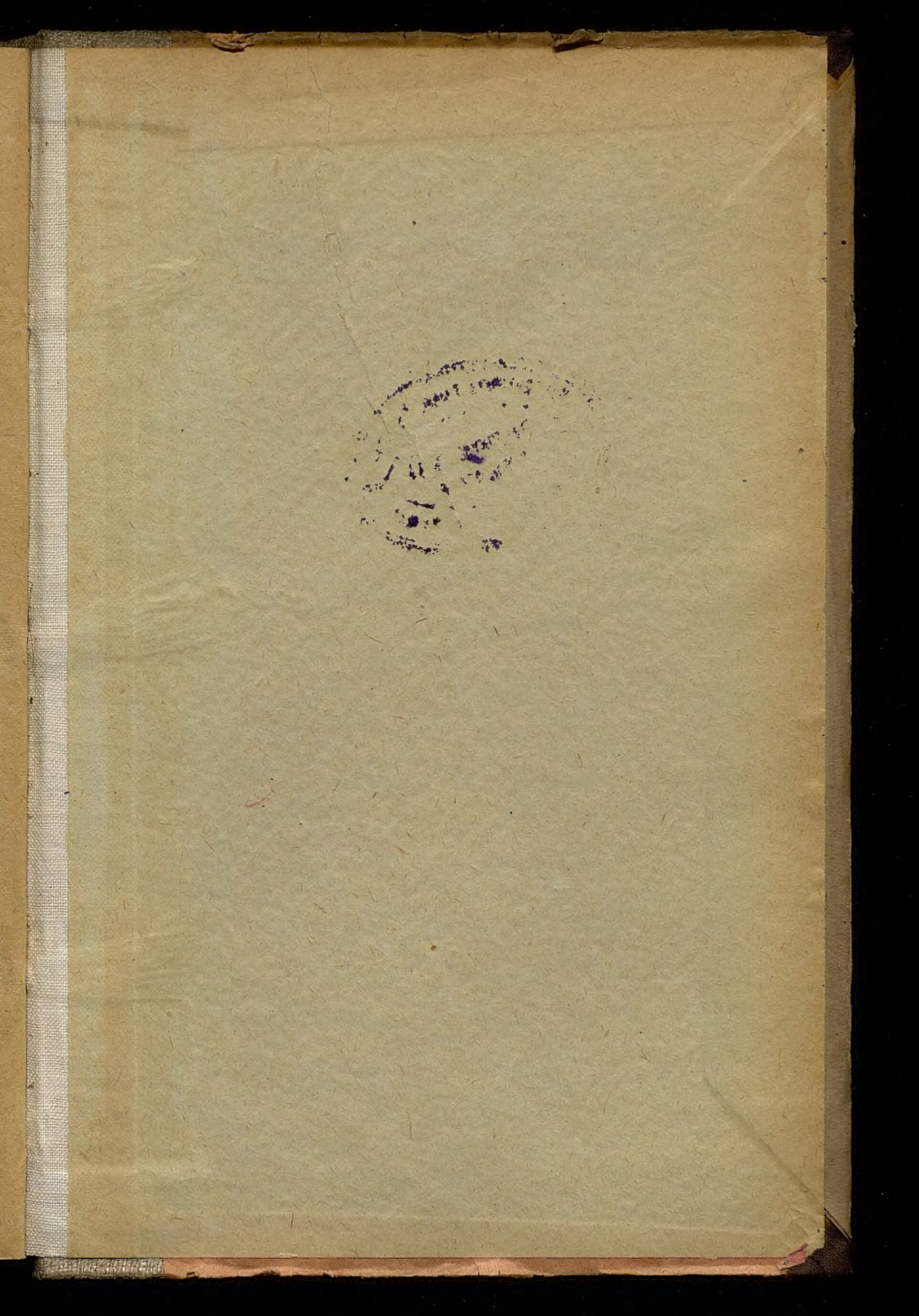
Занавес.

СОДЕРЖАНИЕ

Драматические произведения.

Комедии.





1-70 к.